

**ОПЕРАЦИЯ
«АДЛЕР»**

THE
HISTORY
OF
THE
NATION

Джек
Хиггинс
ОРЕЛ
ПРИЗЕМЛИЛСЯ

Ивен
Монтегю
ЧЕЛОВЕК,
КОТОРОГО
НЕ БЫЛО

ОПЕРАЦИЯ «АДЛЕР»

Перевод
с английского

Москва
Издательство
политической
литературы
1991

ПРОЛОГ

Точно в час ночи на субботу, 6 ноября 1943 г., рейхсфюрер СС и глава государственной тайной полиции Генрих Гиммлер получил простое на первый взгляд сообщение: "Орел приземлился". Но означало это, что маленький отряд немецких парашютистов благополучно приземлился в Англии с заданием выкрасть премьер-министра Уинстона Черчилля из поместья в Норфолке, где тот проводил спокойный уик-энд у моря.

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой попытку воссоздать события вокруг этой акции. По крайней мере половина рассказанного является документированным историческим фактом. Читатель сам должен решить, что из второй половины вымысел, а что — плод размышлений...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда я пришел на кладбище, кто-то копал в его углу могилу. Я помню это совершенно отчетливо, потому что этот факт как бы очертил место действия почти всего, что затем произошло.

С берез на запад от церкви поднялось пять или шесть грачей, которые сердито перекликались, пока я пробирался между могильными плитами к разрытой могиле. Воротник моего плаща был поднят — дождь лил всюду.

Тот, кто находился в яме, тихо разговаривал сам с собой. Слов его расслышать было невозможно. Я подошел к куче свежей земли, увернувшись от вылетевших комьев, и заглянул вниз. "Мерзкое утро для такой работы", — сказал я.

Он поднял голову и оперся на лопату — глубокий старик в матерчатой кепке, в ветхом, покрытом грязью костюме и накинута на плечи мешком. Щеки у него запали и были покрыты седой щетиной, глаза слезились и ничего не выражали.

Я начал снова. "Дождь", — произнес я.

В глазах у него отразилась какая-то мысль. Он посмотрел на хмурое небо и почесал подбородок: "Ухудшится, прежде чем улучшится, скажу я вам".

"Вам, должно быть, трудно в такую погоду", – продолжал я. На дне ямы плескалось по меньшей мере на шесть дюймов воды.

Он ткнул лопатой в дальний угол могилы, и тот обвалился, как будто лопнуло что-то прогнившее, и земля покатила вниз. "Могло бы быть и хуже. Они все время пихают столько народу в эту свалку костей, что люди не превращаются больше в землю. Новых кладут в месиво из старых".

Он рассмеялся, обнажив беззубые десны, затем нагнулся, покопался в земле под ногами и вытащил косточку пальца. "Понятно?"

Даже для профессионала-писателя, которому в жизни приходится сталкиваться с разными вещами, есть предел того, что можно вынести, и я решил, что мне пора идти дальше. "Я правильно понял? Это католическая церковь?"

– Здесь все римские католики, – сказал он. – Всегда были.

– Тогда вы, может, поможете мне? Я ищу могилу или, возможно, памятник в самой церкви. Гаскону, Чарлзу Гаскону. Морскому капитану.

– В жизни о таком не слышал, – сказал он. – А я здесь могильщиком сорок один год. Когда его похоронили?

– Примерно в 1685 году.

Выражение лица его не изменилось. Он спокойно сказал: "А, значит, это еще до меня. Отец Верекер – вот кто может что-то знать".

– Он в церкви?

– Там или дома. По ту сторону деревьев позади забора.

В этот момент по какой-то причине колония грачей на березах над нашими головами пришла в движение, десятки птиц закружились под дождем, наполняя воздух шумом. Старик посмотрел на них и швырнул косточку вверх. Затем он сказал очень странную вещь.

– Шумные дьяволы! – крикнул он. – Возвращайтесь в Ленинград.

Я было уже повернулся уйти, но, заинтересованный этими словами, остановился. "Ленинград? – спросил я. – Почему вы так сказали?"

– А они оттуда. И скворцы тоже. Их окольцевали в Ленинграде, а в октябре они появляются здесь. Им там слишком холодно зимой.

– Правда? – спросил я.

Могильщик очень оживился, вытащил из-за уха полсигареты и сунул в рот. "Там зимой так холодно, что у медной обезьяны может все отмерзнуть. Во время войны под Ленинградом умерло много немцев. Их не убили или там еще что-нибудь. Они просто замерзли насмерть".

К этому моменту я был уже сильно заинтригован и спросил: "А кто вам все это рассказал?"

– О птицах? – На его лице появилось хитрое выражение. – Как же, Вернер рассказывал. Он все знал о птицах.

– А кто был этот Вернер?

– Вернер? – Могильщик несколько раз моргнул, на лице снова появилось тупое выражение, но истинное или нарочитое – сказать было невозможно. – Он был хороший парень, этот Вернер. Хороший парень. Им бы не следовало с ним этого делать.

Он нагнулся над лопатой и снова начал копать, полностью меня игнорируя. Я постоял немного, но было ясно, что больше он ничего не скажет, и поэтому с явной неохотой, ибо то, что я услышал, безусловно, обещало интересную историю, повернулся и стал пробираться среди могильных плит к главному входу в церковь.

На паперти я остановился. На стене церкви висела доска для объявлений из темного дерева,верху которой потускневшими золотыми буквами было написано: "Церковь Святой Марии и Всех Святых, Стадл Констабл", а ниже указано время богослужения и исповеди. Внизу стояло: "Отец Филипп Верекер, иезуит".

Дверь была дубовая, очень старая, обшита полосками железа, усеянными гвоздями. Бронзовая ручка – в виде головы льва с большим кольцом в пасти. Чтобы открыть дверь, кольцо надо было повернуть. Открывалась она со слабым, но зловещим скрипом.

Я ожидал, что внутри будет темно и мрачно, но вместо этого увидел средневековый собор в миниатюре, залитый светом и удивительно просторный. Аркада нефи была великолепной, огромные нормандские колонны устремлялись к дивному деревянному потолку, богато украшенные барельефами фигурок людей и животных. И все это находилось в отличном состоянии. Ряд круглых окон, освещавших хоры, располагался высоко с двух сторон и давал много света, так удивившего меня. Возле прекрасной каменной купели на стене висела крашеная доска, на которой были написаны имена всех священников, служивших в этой церкви, начиная с Рафа де Курси в 1132 г. и кончая Верекером, который пришел сюда в 1943 г.

В глубине находилась маленькая темная часовня, в которой перед изображением Девы Марии мерпали свечи, и казалось, что она плывет по воздуху. Я прошел мимо нее по центральному проходу между скамьями. Было очень тихо, от лампы в ризнице падал рубиновый свет, у алтаря – крест XV столетия с распятым Христом, дождь барабанил по окнам.

Позади меня раздался скрип, и сухой, твердый голос спросил: "Могу я вам помочь?"

Я обернулся и увидел священника, стоящего в проеме часовни Девы Марии, — высокого, сухопарого мужчину в поношенной рясе. Его седые волосы с металлическим отливом были очень коротко пострижены, глаза глубоко запали, как будто он недавно болел, и впечатление это усиливала туго натянутая на скулах кожа. Лицо было странное. Человек этот мог быть солдатом или ученым, но это меня не удивило, когда я вспомнил, что на доске объявлений значилось, что он иезуит. Заметно было также, что боль — его постоянный спутник, и когда священник подошел, я увидел, как он тяжело опирается на палку из терновника и тянет левую ногу.

— Отец Верекер?

— Точно.

— Я разговаривал со стариком на кладбище, могильщиком.

— А, да, Лейкер Армсби.

— Если это его имя. Он сказал, что вы, возможно, сможете мне помочь. — Я протянул руку: — Кстати, меня зовут Хиггинс. Джек Хиггинс. Я писатель.

После недолгого колебания он пожал мне руку, но задержка произошла просто потому, что ему пришлось переложить палку из правой руки в левую. И все же в нем чувствовалась сдержанность, а может, это мне показалось.

— Чем же могу вам служить, мистер Хиггинс?

— Я пишу серию статей для американского журнала, — сказал я. — Исторических. Вчера был в церкви Святой Маргариты в Клейе.

— Прекрасная церковь. — Он сел на ближайшую скамейку. — Простите, я теперь довольно быстро устаю.

— Там на кладбище есть могильная плита, — продолжал я. — Возможно, вы ее помните? "Джеймсу Гриву..."

Он тут же перебил меня: "...который помогал сэру Клуудсли Шовелу сжечь корабли в порту Триполи четырнадцатого января 1676 г.". — Он показал, что умеет улыбаться. — Но эта эпитафия широко известна в этих местах.

— По моим данным, когда Грив был капитаном "Орандж три", у него был помощник по имени Чарлз Гаскон, который впоследствии стал капитаном военного корабля. Он умер от старой раны в 1683 г., и вроде Грив привез его хоронить в Клейе.

— Понятно, — сказал он вежливо, но без особого интереса, и в голосе его послышалось некоторое нетерпение.

— На кладбище в Клейе нет никаких его следов, — сказал я. — Нет их и в церковных книгах. Я побывал в церквях в Уивтоне, Глэндфорде и Блэки с тем же результатом.

— И вы думаете, что он может быть здесь?

— Я снова просмотрел свои записи и вспомнил, что мальчиком он был католиком, и я подумал, что он, возможно, похоронен на католическом кладбище. Я остановился в отеле в Блэки и разговорился там с одним из барменов, который сказал, что в Стадли Констабл есть католическая церковь. Это действительно забытое богом место. Я искал его целый час.

— Боюсь, что зря. — Он встал, опираясь на палку. — Я в этой церкви двадцать восемь лет и могу уверить вас, что никогда не встречал какого бы то ни было упоминания о Чарлзе Гасконе.

Это был мой последний шанс, и конечно же разочарование мое вырвалось наружу, потому что я упорствовал: "Вы абсолютно уверены? Как насчет церковных книг того времени? Возможно, есть запись о захоронении".

— Так получилось, что история этих мест — предмет моего личного интереса, — сказал он с некоторым ехидством. — Нет ни одного документа, связанного с этой церковью, с которым я не был бы по-настоящему знаком, и могу вас уверить, что ни о каком Чарлзе Гасконе нигде нет упоминания. А теперь извините меня, пожалуйста. Мой ланч ждет меня.

Священник сделал шаг, но тут палка его скользнула, и он чуть не упал. Я схватил его за плечо и нечаянно наступил ему на левую ногу. Он даже не повел глазом.

Я сказал: "Простите, чертовски неловко с моей стороны".

Он улыбнулся во второй раз. "Вы мне не сделали больно. — Он постучал по ноге палкой: — Проклятая неприятность, но, как говорят, я научился с ней жить".

Эти слова не требовали ответа, да священник и не ожидал его. Мы медленно пошли по проходу, и я сказал: "Необыкновенно красивая церковь".

— Да, мы гордимся ею. — Он открыл передо мной дверь. — Мне очень жаль, что не смог вам помочь.

— Ничего не поделаешь, — ответил я. — Вы не возражаете, если я похожу по кладбищу, раз уж я здесь?

— Вижу, вас трудно убедить. — Но в голосе его не было досады. — Почему бы нет? У нас есть несколько очень интересных плит. Особенно рекомендую вам западную часть кладбища. Ранний восемнадцатый век и, по-видимому, работа того же местного мастера, что и в Клейе.

На этот раз он тотчас же подал руку. Когда я пожимал ее, он сказал: "Знаете, мне ваше имя показалось знакомым. Не вы ли написали книгу о событиях в Ольстере в прошлом году?"

— Я. Мерзкое дело.

— Война всегда мерзкая, мистер Хиггинс. — Лицо его стало мрачным. — Человек предстает со своей самой жестокой стороны. До свидания.

Он закрыл дверь, а я вышел на паперть. Странная встреча. Я закурил сигарету и пошел под дождем. Могильщик ушел, и на некоторое время я оказался на кладбище один, конечно если не считать грачей. *Грачей из Ленинграда.* Я снова подумал о них, но потом решительно выбросил эту мысль из головы. Надо было делать свое дело. Правда, после разговора с отцом Верекером особой надежды найти могилу Чарлза Гаскона у меня не было, да и, сказать по правде, мне казалось, смотреть-то там было не на что.

Я медленно шел от могилы к могиле, начав с западного края, обращая внимание на плиты, о которых он говорил. Они действительно были любопытными. С барельефами и гравировкой, выразительно, хотя и грубо изображающими орнамент из костей, черепов, крылатых песочных часов и архангелов. Интересно, но к Гаскону никакого отношения они не имели.

Осмотр всего кладбища занял час двадцать минут. В отличие от большинства нынешних сельских кладбищ, оно содержалось в очень приличном состоянии. Трава выкошена, кусты пострижены, встречалось очень мало заросших мест. Но в конце концов я понял, что ничего не найду.

Итак, Чарлза Гаскона нет. Стоя у только что вырытой могилы, я признал себя побежденным. Старый могильщик укрыв могилу брезентом, чтобы не дать дождю залить ее, и один его конец свесился в яму. Я нагнулся, чтобы поправить его, и, когда начал выпрямляться, заметил странную вещь.

В нескольких ярдах от меня, у стены под колокольней, лежала плоская могильная плита на холмике, покрытом зеленой травой. Плита эта относилась к раннему XVIII веку и была типичным примером работы местного каменотеса, о котором я уже говорил. Вверху был мастерски изображен череп со скрещенными костями, а принадлежала плита торговцу лесом по имени Джеремиа Фуллер, его жене и двоим детям. И тут я заметил, что из-под этой плиты как будто виднеется другая плита.

Моя кельтская кровь легко загорается, и меня охватило необъяснимое волнение, будто я почувствовал, что стою на пороге чего-то интересного. Я встал на колени и попытался взяться за плиту, что оказалось довольно трудно. Но вдруг, совершенно неожиданно, она поддалась.

– Вылезай, Гаскон, – тихо сказал я. – Пусть это будешь ты.

Плита сдвинулась вбок, один ее угол приподнялся, и мне открылось... Думаю, это был один из самых удивительных моментов в моей жизни. Под верхней плитой я действительно увидел еще одну, но с немецким крестом вверху – таким, который можно было бы назвать "Железным крестом". Надпись, сделанная по-немецки, гласила: "Здесь покоятся подполковник

Курт Штайнер и 13 немецких парашютистов – свободных охотников, павших в бою 6 ноября 1943 г."

Я не очень хорошо владею немецким, в основном из-за отсутствия практики, но для этой надписи его было вполне достаточно.

Лил дождь. Я присел на корточки, тщательно проверяя свой перевод, и хотя он был правильным, надпись казалась мне бессмысленной. Во-первых, я знал, поскольку когда-то написал на эту тему статью, что, когда в Кэннок Чейсе, графство Стаффордшир, в 1967 г. открыли немецкое военное кладбище, туда перевезли останки 4925 немецких военнослужащих, умерших в Великобритании во время первой и второй мировых войн.

"Павших в бою" – написано на камне. Нет, это какая-то чушь. Чей-то хитрый розыгрыш. Не иначе.

Все дальнейшие размышления по этому поводу были прерваны внезапным яростным криком: "Что, черт побери, вы тут делаете?"

Отец Верекер ковылял ко мне между могил, держа над головой большой черный зонт.

Я весело воскликнул: "Думаю, вам это покажется интересным, отец! Я сделал поразительное открытие".

Когда он приблизился, я увидел, что сделал что-то не так. Даже очень не так, потому что лицо священника побелело, и он затрясся от ярости. "Как вы посмели двигать эту плиту? Кошунство – вот единственное слово, которым можно назвать ваши действия".

– Ладно, – сказал я. – Простите меня за это, но посмотрите, что я обнаружил под ней.

– Плевал я на то, что вы обнаружили под ней. Немедленно положите ее на место.

Теперь я начал раздражаться.

– Не глупите. Разве вы не понимаете, что здесь написано? Если вы не читаете по-немецки, позвольте, я вам скажу. "Здесь покоятся подполковник Курт Штайнер и 13 немецких парашютистов – свободных охотников, павших в бою 6 ноября 1943 г.". Неужели вы не находите это дьявольски интересным?"

– Не особенно.

– Вы хотите сказать, что уже видели его раньше?

– Конечно нет. – Теперь в нем появилось что-то загнанное, в голосе прозвучало отчаяние, когда он добавил: "Будьте так любезны, положите плиту на место".

Я ни на мгновение не поверил ему и спросил: "Кто был этот Штайнер? Что это было за дело?"

– Я уже сказал вам, что не имею ни малейшего представления, – произнес он с еще более загнанным видом.

И тут я кое-что вспомнил. "Вы ведь были здесь в 1943 году, правда? Вы же тогда получили этот приход. Так написано на доске в церкви".

Он взорвался: "Говорю вам в последний раз, положите плиту на место!"

— Нет, — возразил я, — боюсь, что сделать этого не смогу.

Странно, но, казалось, он взял себя в руки.

— Очень хорошо, — спокойно сказал священник. — Тогда вы очень меня обяжете, если немедленно удалитесь.

Похоже было, что спорить не о чем, учитывая его настроение, поэтому я подчинился. "Хорошо, отец, если вы этого желаете".

Я дошел до дорожки, когда он крикнул мне вслед: "И не возвращайтесь. Если вы вернетесь, я без малейшего колебания вызову местную полицию".

Я вышел через покойницкую, сел в "пежо" и уехал. Его угрозы не беспокоили меня. Я был слишком взволнован, слишком заинтригован. Все в Стадли Констабл казалось таинственным. Это было одно из мест, которое можно найти только в Норфолке, и больше нигде. Деревня, которую вы вдруг нечаянно находите, а потом так и не можете найти снова. И начинаете сомневаться, а существует ли она вообще.

Нельзя сказать, чтобы деревня была очень большой. Церковь, старый дом священника в саду за забором, пятнадцать или шестнадцать разного рода коттеджей, разбросанных вдоль реки, старая мельница с массивным колесом, деревенский паб "Стадли армс".

Я остановился на обочине дороги у реки, закурил и начал обдумывать все, что произошло. Отец Верекер лжет. Он видел этот камень прежде, знал его роль — в этом я был убежден. Если вдуматься, получается довольно забавная история. Я случайно приезжаю в Стадли Констабл в поисках Чарлза Гаскона. Но вместо его следов обнаруживаю куда более интригующее, настоящую тайну. Как же быть с ней? Вот в чем вопрос.

Решение явилось передо мной почти мгновенно в лице могильщика Лейкера Армсби, который вышел из узкого проулка между двумя коттеджами. Он был все еще залеплен грязью, на плечах все еще висел старый мешок. Армсби перешел дорогу и вошел в "Стадли армс". Я вышел из "пежо" и пошел за ним.

Судя по табличке над входом, паб держал некто Джордж Генри Уайльд. Я открыл дверь и оказался в коридоре с каменным полом и обшитыми панелями стенами. Дверь слева была открыта настежь, и оттуда доносился шум голосов и взрывы смеха.

В большой удобной комнате горел огонь в каминном очаге. Стойки не было, стояли несколько лавок с высокими спинками

и два деревянных стола. В комнате находились шестеро или семеро посетителей отнюдь не молодого возраста. Я бы сказал, что их средний возраст был лет шестьдесят — обстоятельство, угнетающе часто встречающееся в наши дни в сельской местности. На вид все они были настоящими крестьянами: обветренные от постоянного пребывания на открытом воздухе лица, твидовые кепки, резиновые сапоги. Трое играли в домино, двое следили за игрой, один старик сидел у огня и тихо, как бы для себя, играл на губной гармошке. При моем появлении они подняли головы и оглядели меня с тем серьезным интересом, который тесно связанные между собой люди всегда проявляют к незнакомцам.

— Добрый день, — сказал я.

Трое посетителей приветливо кивнули мне, хотя у одного из них — огромного типа с черной с проседью бородой — вид был далеко не дружелюбный. Лейкер Армсби сидел за столом отдельно перед кружкой эля, усердно скатывая пальцами самокрутку. Он взял ее в рот, я подошел к нему и предложил огня. "Привет".

Он безразлично посмотрел на меня, но когда узнал, лицо его прояснилось: "А, это снова вы. Нашли отца Верекера?"

Я кивнул. "Еще выпьете?"

— Не откажусь. — Он осушил свою кружку в два приема. — Пинта темного пойдет очень хорошо, Джорджи!

Я обернулся и увидел стоящего позади меня невысокого плотного мужчину в рубашке, без пиджака, по-видимому хозяина — Джорджа Уайльда. Он, похоже, был одного возраста с остальными и выглядел вполне обычно, если бы не одна особая примета. Когда-то ему выстрелили в лицо в упор. В своей жизни я видел достаточно огнестрельных ранений, чтобы быть в этом уверенным. Пуля сорвала у него кожу с левой щеки, зацепив, видимо, кость. Ему еще повезло.

Он любезно улыбнулся: "А вы, сэр?"

Я сказал, что выпью большую рюмку водки с тоником, на что все фермеры, или кем они там были, с довольным видом посмотрели на меня. Но меня это не особенно обеспокоило, потому что водка — единственное спиртное, которое я могу пить, получая хоть какое-то удовольствие. Самокрутка Лейкера Армсби довольно быстро выкурилась, и я дал ему сигарету, которую он с готовностью принял. Выпивку принесли, и я пододвинул к нему его эль.

— Как давно вы могильщиком при церкви?

— Сорок один год.

Он осушил свою пинту. Я сказал: "Выпейте еще одну и расскажите мне о Штайнере".

Губная гармошка резко замолкла, разговор замер. Старый Лейкер Армсби глядел на меня поверх кружки с тем же хитрым выражением лица, что и прежде. "Штайнер? — спросил он. — Ну, Штайнер был..."

Джордж Уайльд прервал его, собирая пустые кружки и вытирая стол тряпкой: "Все, сэр, время, пожалуйста".

Я посмотрел на часы. Было два тридцать. Я запротестовал: "У вас неверные часы. До закрытия еще полчаса".

Он взял мою рюмку водки и подал мне. "Это свободное заведение, сэр, и в маленькой спокойной деревушке, вроде нашей, мы обычно поступаем, как хотим, и никого это не касается. Если я говорю, что закрываюсь в два тридцать, значит, в два тридцать. — Он дружелюбно улыбнулся: — На вашем месте я бы выпил, сэр".

В воздухе повисло такое напряжение, что его, казалось, можно было потрогать рукой. Все смотрели на меня, и лица их были жесткими, без выражения, глаза, как камни, а чернородый великан придвинулся к концу стола и облокотился на него, грозно уставившись на меня.

— Вы слышали, — сказал он тихо, с угрозой в голосе. — А теперь выйдите, как пай-мальчик, и ступайте домой или где вы там живете.

Я не спорил, потому что атмосфера с каждой минутой накалялась. Не торопясь, я выпил водку с тоником, как будто этим что-то доказывая им или себе, и вышел.

Странно, но я не рассердился. Я был захвачен всем этим невероятным делом и конечно же слишком далеко зашел, чтобы отступить. Мне необходимо было получить ответы на ряд вопросов. И вдруг мне стало ясно, как их получить.

Я сел в машину, переехал через мост, выехал из деревни мимо церкви и дома священника в направлении Блэки. В нескольких сотнях ярдов от церкви я съехал на колею, оставил там машину и вернулся пешком, захватив с собой маленький фотоаппарат, лежавший в отделении для перчаток.

Я не боялся. В конце концов, со мной уже был случай, ставший потом известным, когда меня выдворила из отеля "Европа" в Белфасте и отвезла в аэропорт вооруженная группа, которая предложила ради моего же здоровья сесть в ближайший самолет и никогда не возвращаться. Но я возвращался, и не раз, и даже написал об этом книгу.

Когда я вернулся на кладбище, камень в честь Штайнера и его людей был точно в том же положении, в котором я его оставил. Я еще раз проверил надпись, чтобы убедиться, что не выставляю себя на посмешище, сделал несколько снимков в разных ракурсах, затем поспешил к церкви и вошел в нее.

В нижней своей части колокольня отделялась занавеской. Я зашел за нее. На перекладине аккуратно висели алые и белые стихари хора мальчиков, там же стоял старый, окованный железом сундук, сверху из темноты спускалось несколько веревок от колоколов, а на стене висела доска, которая сообщала всему миру, что 22 июля 1936 г. был великий колокольный перезвон. Я с интересом отметил, что Лейкер Армсби был отмечен как один из шести звонарей, осуществлявших этот перезвон.

Еще интереснее были отверстия в доске, которые в свое время заделали гипсом и покрасили. Отверстия шли дальше по стене и явно были образованы пулеметной очередью, что казалось уж совсем невероятным.

Искал я церковную книгу, где регистрировались похороны, но не нашел ни книг, ни документов. Выйдя из-за занавески, я заметил в стене за алтарем маленькую дверцу. Когда нажал на ручку, дверь легко открылась, и я вошел в помещение, явно ризницу, маленькую комнату, обшитую дубовыми панелями. Там стояла вешалка, на которой висели две рясы, несколько стихарей и риз, большой дубовый старомодный шкаф и письменный стол.

Прежде всего я открыл шкаф и сразу же нашел то, что мне нужно. На одной из полок были аккуратно сложены всевозможные церковные книги. Книг, регистрирующих похороны, было три, и 1943 год был во второй. Я быстро перелистал страницы, чувствуя, что меня ожидает огромное разочарование.

В ноябре 1943 г. зарегистрировано было две смерти, обе отнеслись к женщинам. Я лихорадочно начал листать назад, к началу года, что заняло немного времени, затем закрыл книгу и положил ее на место. Значит, простой путь был для меня заказан. Если Штайнер, кем бы он ни был, был похоронен здесь, он должен быть записан в книгу. Это незыблемая статья закона Англии. Так что же это все означает, черт побери?

Я открыл дверь ризницы и вышел, прикрыв ее за собой. В церкви я увидел двоих из паба: Джорджа Уайльда и чернородого, в руках которого я с тревогой заметил двустволку.

Уайльд мягко сказал: "Я же советовал вам уехать, сэр, вы должны это признать. Почему же вы ведете себя неразумно?"

Чернородый сказал: "Какого черта мы ждем? Давай закончим с ним".

Он двинулся с удивительной быстротой для человека его роста и схватил меня за отвороты плаща. В этот момент дверь в ризницу отворилась, и к нам вышел Верекер. Один бог знает, откуда он появился, но я, безусловно, был рад его видеть.

— Что, скажите на милость, здесь происходит? — требовательно спросил он.

Чернобородый ответил: "Предоставь это нам, отец, мы справимся".

— Не надо, Артур Сеймур, — сказал Верекер. — Отойди.

Сеймур туго уставился на него, не отпуская меня. Я мог бы окоротить его несколькими способами, но похоже было, что не стоит.

Верекер повторил: "Сеймур", — и на этот раз в голосе его послышались металлические нотки.

Сеймур медленно отпустил меня, а Верекер посоветовал: "Не возвращайтесь сюда больше, мистер Хиггинс. Теперь вы можете понять, что это не в ваших интересах".

— Хорошо сказано.

Я, конечно, не ожидал криков "держи", "лови", особенно после вмешательства Верекера, но оставаться было неразумно, поэтому я трусцой побежал к машине. Подумать об этом таинственном деле можно было и позже.

Я свернул на колею и увидел Лейкера Армсби, который сидел на капоте моей машины и свертывал самокрутку. Когда я подошел, он встал. "А, вот и вы, — сказал он. — Значит, удалось удрать?"

На лице его опять было то же самое хитрое выражение. Я вытащил сигареты и предложил ему. "Знаете что? — сказал я. — По-моему, вы не так просты, как кажется".

Он хитро ухмыльнулся и выпустил клуб дыма в дождь. "Сколько?"

Я сразу понял, что он имеет в виду, но в тот момент решил поиграть с ним. "То есть как — сколько?"

— Сколько дадите, чтобы узнать о Штайнере?

Он облокотился на машину, глядя на меня в ожидании, поэтому я достал бумажник, вытащил из него пятифунтовую бумажку и держал ее между пальцев. Глаза его загорелись, он протянул руку, я отстранил свою.

— Ну нет, сначала ответьте на вопросы.

— Ладно, мистер. Что вы хотите знать?

— Кто этот Курт Штайнер?

Он осклабился, глаза смотрели воровато, а на губах снова появилась лукавая, озорная улыбка: "Да просто он был тем немцем, который появился здесь со своими людьми, чтобы застрелить мистера Черчилля".

Я был так поражен, что стоял, уставившись на него. Он выхватил у меня из руки пятерку, повернулся и неуклюже побежал прочь.

Некоторые события в жизни производят такое впечатление, что их почти невозможно осознать, например случай, когда не-

знакомый голос на другом конце телефонного провода говорит вам, что кто-то, кого вы очень любите, только что умер. Слова теряют смысл, сознание на какое-то мгновение отключается от действительности, и это дает возможность прийти в себя и обрести способность общаться с людьми.

Примерно в таком состоянии я находился после поразительного заявления Лейкера Армсби. Дело даже не в том, что оно невероятно. Из своего жизненного опыта я усвоил: если считать что-то невозможным, оно, по всей видимости, скоро произойдет. Дело в том, что если Армсби сказал правду, то последствия этого так значительны, что в данный момент мой ум не способен был справиться с этой мыслью.

Я чувствовал это, но не мог сознательно все обдумать. Я вернулся в отель "Блэки", сложил вещи, заплатил по счету и отправился домой, где должна была произойти первая остановка в том путешествии, которое, хотя я этого тогда и не понимал, должно было поглотить год моей жизни — изучения сотен архивов, десятков интервью, путешествий почти по всему миру. Сан-Франциско, Сингапур, Аргентина, Гамбург, Берлин, Варшава и даже — что самое смешное — Фоллз-Роуд в районе Белфаста. Всюду, где, казалось, есть ключ, хоть самый незаметный, который может привести меня к истине и особенно может пролить некоторый свет на понимание загадки, которой был Курт Штайнер, ибо он в какой-то мере был центром всей операции.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В некотором смысле начало всему положил человек по имени Отто Скорцени, который в воскресенье 12 сентября 1943 г. осуществил одну из самых блестящих захватнических операций второй мировой войны, доложив, к полному удовлетворению Адольфа Гитлера, что тот, как всегда, был прав, а верховное командование вооруженных сил ошибалось.

Гитлер вдруг захотел узнать, почему у немецкой армии нет диверсионно-десантных отрядов "командос", как у англичан, у которых они так успешно действовали с самого начала войны. Чтобы успокоить его, верховное командование решило сформировать такое подразделение. В это время в Берлине молодой лейтенант СС Скорцени бил баклуши после ранения на фронте. Ему дали чин капитана и назначили командиром немецких специальных сил, что, в общем, ничего особенного не означало и точно отвечало намерениям верховного командования.

К несчастью для командования, Скорцени оказался блестящим солдатом, с поразительными способностями для выполне-

ния именно таких операций. И события вскоре дали ему шанс доказать это.

3 сентября 1943 г. Италия сдалась, а еще раньше, в конце июля, маршал Бадольо арестовал Муссолини и тайно увез его. Гитлер потребовал найти и освободить своего бывшего союзника. Задание это казалось невыполнимым, и даже Эрвин Роммель сказал, что идея эта неосуществима и он надеется, что ему не поручат ее выполнение.

Ему и не поручили, потому что Гитлер дал это задание лично Скорцени, который решительно и энергично взялся за него. Вскоре он выяснил, что Муссолини держат в отеле "Спорт" на вершине Гран Сассо в Аbruции на высоте десяти тысяч футов под охраной двухсот пятидесяти человек.

Скорцени в сопровождении пятидесяти парашютистов перелетел туда на планере, штурмовал отель и освободил Муссолини. Его переправили на маленьком самолете в Рим, а затем на "дорнье" – в "Волчье логово", штаб-квартиру Гитлера на Восточном фронте, расположенную в Растенбурге, в мрачной, сырой и лесистой части Восточной Пруссии.

Этот подвиг Скорцени был отмечен кучей орденов и медалей, в том числе "Рыцарским крестом", открыл перед ним карьеру, включавшую бесчисленное множество подобных рискованных подвигов, и превратил его в легенду при жизни. На верховное командование, с подозрением относившееся к таким партизанским действиям, как и все высшие офицеры во всем мире, все это особого впечатления не произвело.

Но фюрер был в восторге. Он чувствовал себя на седьмом небе и танцевал от восторга так, как не танцевал со дня падения Парижа. В среду после приезда Муссолини в Растенбург он все еще пребывал в этом настроении, когда они встретились, чтобы обсудить события в Италии и последующую роль дуче.

Дом деревенского типа с сосновыми стенами и потолком был удивительно приятным. Внутри стоял круглый стол, на нем ваза с цветами, а вокруг – одиннадцать плетеных кресел. У стены – стол с картами. Рядом с ним, оживленно переговариваясь, стояли Муссолини, рейхсминистр пропаганды и министр тотальной войны Йозеф Геббельс, рейхсфюрер СС и, помимо прочего, глава государственной тайной полиции Гиммлер и руководитель военной разведки – абвера – адмирал Вильгельм Канарис.

Когда Гитлер вошел, все замерли по стойке "смирно". Фюрер был в веселом расположении духа и полон очарования, каким он мог быть только в исключительных случаях: глаза сияли, на губах застыла легкая улыбка. Он бросился к Муссолини, обеими руками тепло пожал ему руку. "Вы сегодня выглядите лучше, дуче, решительно лучше".

Всем остальным присутствующим вид итальянского диктатора казался ужасным. "Ну, джентльмены, – обратился к собравшимся фюрер, – какой следующий ход мы предпримем в Италии? Что несет нам будущее? Как вы полагаете, господин рейхсфюрер?"

Гиммлер снял свое пенсне и, размеренными движениями протирая стекла, ответил: "Полную победу, мой фюрер. Что же еще? Присутствие среди нас дуче – достаточное доказательство того, с каким блеском вы спасли положение, после того как этот предатель Бадольо подписал перемирие".

Гитлер с серьезным видом кивнул и обернулся к Геббельсу: "А вы, Йозеф?"

Темные, безумные глаза Геббельса горели энтузиазмом. "Согласен, мой фюрер. Освобождение дуче явилось большой сенсацией в стране и за границей. Как друзья, так и враги полны восхищения. Мы можем праздновать первоклассную моральную победу благодаря вашему вдохновенному руководству".

– И уж совсем не благодаря моим генералам. – Гитлер обернулся к Канарису, который с легкой иронической улыбкой разглядывал карту. – А вы, господин адмирал? Вы также считаете это первоклассной моральной победой?

Есть случаи, когда стоит говорить правду, а есть, когда не стоит. С Гитлером всегда было трудно решить, что это за случай.

– Мой фюрер, итальянский боевой флот весь на якоре под пушками крепости Мальта. Нам пришлось оставить Корсику и Сардинию, и поступают сведения, что наши старые союзники готовы выступить на другой стороне.

Гитлер смертельно побледнел, глаза зажглись огнем, на лбу выступил пот, но Канарис продолжал: "Что касается новой Итальянской социалистической республики, объявленной дуче, – он пожал плечами, – пока что ни одна нейтральная страна, даже Испания, не согласилась установить с ней дипломатические отношения. К сожалению, мой фюрер, по моему мнению, они и не установят".

– По вашему мнению? – с яростью взорвался Гитлер. – По вашему мнению? Вы так же плохи, как и мои генералы. И когда я слушаю их, – что происходит? Неудачи повсюду. – Он придвинулся к Муссолини, у которого был весьма испуганный вид, и обнял его за плечи. – Разве дуче здесь благодаря верховному командованию? Нет, он здесь, потому что я настоял, чтобы создали подразделение "командос", потому что моя интуиция подсказала мне, что именно так надо сделать.

У Геббельса был обеспокоенный вид, Гиммлер, как всегда, спокоен и загадочен. Но Канарис стоял на своем: "Я лично вас и не критиковал, мой фюрер".

Гитлер подошел к окну и смотрел на улицу, сцепив руки за спиной. "У меня на эти вещи нюх, и я знал, насколько успешно пройдет такого рода операция. Горстка смельчаков, бросившая вызов всем. — Он резко обернулся и посмотрел на них. — Без меня не было бы "Гран Сассо", потому что без меня не было бы Скорцени. — Он сказал это, будто провозгласил библейскую истину. — Не хочу к вам слишком придирааться, господин адмирал, но в общем-то чего вы и ваши люди в абвере достигли за последнее время? Мне кажется, что самое большее, что вы можете сделать, это найти предателей, вроде Донаньи".

Ганс фон Донаньи, работавший на абвер, в апреле был арестован по обвинению в государственной измене.

Теперь Канарис был бледнее обычного и, безусловно, стоял на опасной черте. Он сказал: "Мой фюрер, я не собирался..."

Гитлер игнорировал его и повернулся к Гиммлеру: "А вы, господин рейхсфюрер, что вы думаете?"

— Я полностью принимаю вашу концепцию, мой фюрер, — ответил Гиммлер. — Полностью, но при этом я слегка пристрастен. Ведь Скорцени — офицер СС. Но мне кажется, что операция "Гран Сассо" как раз такая, которой должны были бы заниматься бранденбуржцы.

Он говорил о Бранденбургской дивизии, уникальном соединении, образованном в начале войны для выполнения специальных заданий. Предполагалось, что ее действиями будет руководить второй отдел абвера, специализировавшийся на саботаже. Несмотря на усилия Канариса, это элитарное подразделение большей частью посылалось для нанесения быстрых ударов в тылу у русских с последующим отходом, что давало незначительный эффект.

— Точно, — сказал Гитлер. — Что сделали ваши драгоценные бранденбуржцы? Ничего, о чем бы стоило говорить хоть минуту. — Он снова доводил себя до ярости, как всегда в таких случаях, пустив в ход свою поразительную память. — Когда создавали Бранденбургское подразделение, его называли ротой для выполнения спецзаданий, и я помню, как его первый командир, фон Хиппель, говорил своим людям, что к тому времени, когда он закончит их подготовку, они смогут украсть дьявола из ада. Я нахожу это иронией, господин адмирал, потому что, насколько помню, не они привезли мне дуче. Я должен был организовать это сам.

Голос Гитлера достиг крещендо, глаза излучали огонь, лицо было мокрым от пота. "Ничего! — взвизгнул он. — Вы мне ничего не дали, но ведь с такими людьми, с таким снаряжением вы должны были бы уже давно доставить мне Черчилля из Англии".

На минуту, пока Гитлер переводил глаза с одного на другого, установилась полная тишина. "Что, разве не так?"

У Муссолини был загнанный вид, Геббельс с энтузиазмом кивал. Масла в огонь подлил Гиммлер, спокойно сказав: "А почему бы нет, мой фюрер? В конце концов, все возможно, каким бы чудом это ни было, что вы и доказали, доставив сюда дуче из Гран Сассо".

— Совершенно верно. — Гитлер снова успокоился. — Великолепная возможность показать нам, на что способен абвер, господин адмирал.

Канарис был ошеломлен: "Мой фюрер, я правильно понял, что вы?..."

— Но ведь подразделение английских "командос" атаковало штаб Роммеля в Африке, — сказал Гитлер, — и подобные группы множество раз совершали налеты на французский берег. Неужели я должен поверить, что немецкие ребята способны на меньшее? — Он погладил Канариса по плечу и любезно сказал: — Позаботьтесь об этом, господин адмирал. Организуйте. Я уверен, вы что-нибудь придумаете. — Он обернулся к Гиммлеру: — Вы согласны, господин рейхсфюрер?

— Конечно, — без колебаний ответил Гиммлер. — По крайней мере, анализ осуществимости абвер ведь может провести?

Он слабо улыбнулся Канарису, который стоял, как громом пораженный. Облизав сухие губы, Канарис хрипло сказал:

— Как прикажете, мой фюрер.

Гитлер обнял его за плечи:

— Хорошо. Я знал, что, как всегда, могу на вас положиться. — Он вытянул руку, как будто направляя всех вперед, и склонился над картой: — А теперь, джентльмены, о ситуации в Италии.

Канарис и Гиммлер возвращались в Берлин на самолете "дорнье" той же ночью. Они выехали из Растенбурга одновременно и проехали девять миль до аэродрома в разных машинах. Канарис опоздал на пятнадцать минут. И когда он наконец поднялся по трапу в "дорнье", настроение у него было не из лучших. Гиммлер уже пристегнул ремни, и Канарис, немного помедлив, подсел к нему.

— Неприятность? — спросил Гиммлер, когда самолет побежал по взлетной полосе и развернулся по ветру.

— Шина лопнула, — Канарис откинулся в кресле. — Кстати, большое спасибо. Вы мне очень помогли.

— Всегда рад услужить, — сказал Гиммлер.

Самолет взлетел, и по мере подъема звук мотора становился

все глубже. "Боже мой, но он вчера действительно был в форме, — сказал Канарис. — Захватить Черчилля. Сумасшествие. Вы слышали что-нибудь подобное?"

— После того как Скорцени выкрал Муссолини из Гран Сассо, мир не останется прежним. Фюрер верит теперь, что чудеса могут свершаться, и это здорово усложнит вашу и мою жизнь, господин адмирал.

— Муссолини — это одно, — ответил Канарис. — Ничуть не умаляя великолепную операцию Скорцени, можно только сказать, что Уинстон Черчилль будет совсем другое.

— Ну, не знаю, — сказал Гиммлер. — Я видел вражеские киножурналы, как и вы. Сегодня он в Лондоне, завтра в Манчестере или Лидсе. Он ходит по улицам с этой идиотской сигарой во рту и разговаривает с людьми. Я бы сказал, что из всех руководителей мирового масштаба он, пожалуй, охраняется меньше всего.

— Если вы этому верите, то вы поверите чему угодно, — сухо сказал Канарис. — Кем бы они ни были, эти англичане, но они не дураки. В МИ-5 и МИ-6 служит много блестящих молодых людей, окончивших Оксфорд или Кембридж, которые всадят вам пулю в живот с первого взгляда. Да и сам старик... По видимому, носит в кармане пальто пистолет, и бьюсь об заклад, все еще снайпер.

Ординарец принес им кофе. Гиммлер спросил: "Значит, вы не собираетесь заниматься этим делом?"

— Мы оба прекрасно знаем, что будет, — ответил Канарис. — Сегодня среда. К пятнице он всю эту безумную идею забудет.

Гиммлер медленно кивнул, потягивая кофе: "Да, думаю, вы правы".

Канарис встал. "Простите, надеюсь, мне удастся немного поспать".

Он перешел на другое кресло, укрылся пледом и постарался устроиться поудобнее. Предстоял трехчасовой полет.

Гиммлер наблюдал за Канарисом холодным, неподвижным взглядом. Лицо его абсолютно ничего не выражало. Это мог быть труп, если бы не непрерывно подергивающийся мускул на правой щеке.

Когда Канарис приехал в здание абвера на Тирпиц-Уфер 74-76 в Берлине, приближался рассвет. Водитель, который встречал его в Темпельгофе, захватил с собой двух любимых такс адмирала, и они резво помчались за ним по пятам мимо часовых.

Канарис прошел к себе в кабинет. Расстегнув на ходу морскую шинель, он сбросил ее на руки отворившего дверь ординарца.

— Кофе, — сказал ему адмирал, — побольше. — Ординарец начал было прикрывать дверь, но Канарис позвал его:

— Не знаете, полковник Радл у себя?

— Мне кажется, он вчера лег спать у себя в кабинете, господин адмирал.

— Хорошо. Скажите ему, что мне хотелось бы его видеть.

Дверь закрылась. Канарис остался один и устало опустился в кресло за письменным столом. Привычки у Канариса были скромные, кабинет старомодный и сравнительно пустой, с потертым ковром. На стене висел портрет Франко с дарственной надписью. На столе лежало мраморное пресс-папье с тремя бронзовыми обезьянками — "не слышу, не вижу, не говорю" злонамеренных вещей.

— Это я, — тихо сказал он, постукивая по их головам.

Чтобы прийти в себя, он глубоко вздохнул. В этом ненормальном мире он ходил словно по острию ножа. Он подозревал, что были вещи, которые даже ему не следовало знать. Например, попытка двух старших офицеров взорвать самолет Гитлера во время полета из Смоленска в Растенбург и угроза того, что фон Донаньи и его друзья могут расколоться и заговорить.

Появился ординарец с подносом, на котором стояли кофейник, две чашки и маленький молочник с настоящими сливками — большая редкость в те дни в Берлине. "Оставьте, — сказал Канарис. — Я сам налью".

Ординарец вышел, и, когда Канарис начал наливать кофе, раздался стук в дверь. Вошел человек, который казался одетым как для парада, так безукоризненна была его форма. Подполковник горных стрелков, на мундире которого были ленточка за Зимнюю кампанию и серебряная нашивка за ранение, а на шее — "Рыцарский крест". Даже повязка на правом глазу точно соответствовала уставу, так же как и черная кожаная перчатка на левой руке.

— А, вот и вы, Макс, — сказал Канарис. — Выпейте со мной кофе и верните мне рассудок. Каждый раз, когда я возвращаюсь из Растенбурга, я все сильнее чувствую, что мне или по крайней мере кому-то другому нужен санитар.

Максу Радлу было тридцать лет, но выглядел он в зависимости от дня и погоды лет на десять — пятнадцать старше. Он потерял правый глаз и левую руку в Зимнюю кампанию в 1941 г. и с тех пор, признанный негодным для фронтовой службы, работал у Канариса. Был начальником третьего отдела, который входил в управление Z, центральное управление абвера, непосредственно подчинявшееся адмиралу лично. Третий отдел занимался особо трудными заданиями, и поэтому Радл имел право вмешиваться в интересующие его дела других от-

делов абвера, что не способствовало его популярности среди коллег.

— Настолько плохо?

— Хуже некуда, — сказал Канарис. — Муссолини был как шагающий автомат, Геббельс скакал с ножки на ножку, как десятилетний школьник, которому очень хочется писать.

Радл поморщился, потому что чувствовал себя очень неловко, когда адмирал так отзывался о весьма могущественных людях. Хотя кабинет ежедневно проверяли на предмет подслушивающих устройств, настоящей уверенности, что их нет, не было.

Канарис продолжал: "Гиммлер был в своей обычной роли приятного трупа, ну а уж фюрер..."

Радл поспешно прервал: "Еще кофе, господин адмирал?"

— Говорить он мог только о Гран Сассо и о том, какое это дело дьявольское чудо и почему абвер не может сделать что-нибудь столь же блистательное.

Он вскочил, подошел к окну и в щелку между шторами взглянул на серое утро. "Знаете, что он предлагает сделать, Макс? Выкрасть ему Черчилля".

Радл резко вздрогнул: "Мой бог, не может быть, чтобы он говорил это серьезно". — "Кто знает? День на день не приходится. Он, правда, не уточнил, доставить ему Черчилля живым или мертвым. Дело с Муссолини ударило ему в голову. Теперь он думает, что возможно все. Если нужно, доставьте дьявола из ада — вот фраза, которую он с чувством процитировал".

— А другие? Как они это восприняли? — спросил Радл.

— Геббельс был, как всегда, любезен, у дуче — вид загнанный. Гиммлер играл плохую роль: во всем поддерживал фюрера, сказал, что мы можем хотя бы проанализировать это дело. "Анализ осуществимости" — вот как он это сформулировал.

— Понятно, сэр. — Радл колебался. — Как вы думаете, фюрер это серьезно говорил?

— Конечно нет. — Канарис подошел к походной койке, откинул одеяло и начал расшнуровывать ботинки. — Он уже об этом забыл. Я знаю, какой он, когда в таком настроении. Несет всякую чушь. — Адмирал лег на койку и накрылся одеялом. — Нет, я бы сказал, что бояться надо только Гиммлера. Жаждет моей крови. Он напуган Гитлеру об этом несчастном деле как-нибудь в будущем, когда ему будет выгодно, может просто для того, чтобы показать, что я не выполняю приказов.

— Что же вы хотите, чтобы я сделал?

— Точно то, что предложил Гиммлер. Анализ осуществимости. Хороший, обстоятельный доклад, который бы создал впечатление, что мы старались изо всех сил. Например, сейчас

Черчилль в Канаде, не так ли? Возможно, возвратится на корабле. Вы всегда можете создать впечатление, что серьезно рассматриваете возможность послать подводную лодку в нужный момент в нужное место. В конце концов, как наш фюрер заверил меня лично меньше чем шесть часов назад, чудеса происходят, но только при соответствующем божественном вдохновении. Прикажите Кругелю разбудить меня через полтора часа.

Канарис натянул одеяло на голову. Радл погасил свет и вышел. Настроение у него было очень неважное, когда он шел к себе в кабинет, и даже не из-за нелепого задания, которое он получил. Такие вещи случались довольно часто. Сказать по правде, он сам называл третий отдел отделом абсурда.

Нет, беспокоила его манера, в которой говорил Канарис, а так как Радл был человеком, любившим быть с собой честным, то он признался себе, что волновался не только за адмирала. Он очень даже думал о себе и своей семье.

Официально юрисдикция гестапо не распространялась на людей в форме. Но в то же время Радл слишком часто видел, как многие его знакомые просто исчезали с лица земли, чтобы верить этому. Позорный декрет "Ночь и туман", по которому многие несчастные исчезли в тумане ночи в самом прямом смысле, предназначался лишь для жителей завоеванных территорий, но, как хорошо знал Радл, в концентрационных лагерях в данный момент было больше пятидесяти тысяч немецких граждан нееврейской национальности. С 1933 г. умерло почти двести тысяч.

Когда Радл вошел в свой кабинет, его помощник унтер-офицер Хофер просматривал только что поступившую ночную почту. Это был спокойный темноволосый человек сорока восьми лет, трактирщик из Гарца, великолепный лыжник, который, чтобы попасть в армию, уменьшил себе возраст. Он служил с Радлом в России.

Радл сел за стол и угрюмо уставился на фотографию жены и трех дочерей, находившихся в безопасности в горах Баварии. Хофер, знавший эти признаки, подал ему сигарету и налил немного французского коньяка из бутылки, которую держал в нижнем ящике стола.

— Так плохо, господин полковник?

— Так плохо, Карл, — подтвердил Радл, выпил коньяка и рассказал Хоферу все.

На этом дело могло бы и прекратиться, если бы не удивительное совпадение. Утром 22-го, точно через неделю после

беседы с Канарисом, Радл сидел у себя за столом, пробираясь сквозь массу бумаг, накопившихся в течение его трехдневной поездки в Париж.

Настроение было плохое, и когда дверь отворилась и вошел Хофер, Радл хмуро посмотрел на него и нетерпеливо сказал:

— Ради бога, Карл, я же просил оставить меня в покое. Ну что теперь?

— Простите, господин полковник. Дело в том, что мне на глаза попало донесение, которое, по-моему, может быть вам интересно.

— Откуда?

— Из абвера I.

Этот отдел занимался шпионажем за границей, и Радл с неохотой отметил появление слабого интереса. Хофер стоял в ожидании, прижав к груди папку. Радл со вздохом положил перо: "Ладно, рассказывайте".

Хофер положил папку перед ним и открыл ее: "Это последнее донесение от агента в Англии. Кодовое имя Звездочка".

Радл посмотрел на первую страницу и потянулся за сигаретой из коробки на столе. "Миссис Джоанна Грей", — прочитал он.

— Она живет в северной части Норфолка, у самого моря, господин полковник. В деревне под названием Стадли Констабл.

— Ну конечно, — сказал Радл, вдруг ощутив прилив энтузиазма. — Не та ли это женщина, которая сообщила подробности установки Обоу? — Он быстро перелистал несколько страниц и нахмурился: — Здесь чертовски много написано. Как она ухитряется столько передавать?

— У нее отличный связной в испанском посольстве, который провозит ее донесения в дипломатическом портфеле. Не хуже почты. Мы обычно получаем корреспонденцию в течение трех дней.

— Поразительно, — сказал Радл. — Как часто она шлет сообщения?

— Раз в месяц. У нее есть также радио, но пользуется им редко, хотя следует обычной процедуре и держит свой канал открытым по часу три раза в неделю на случай, если экстренно понадобится. На связи с ней с нашей стороны капитан Мейер.

— Ладно, Карл, — сказал Радл. — Принесите мне кофе, и я прочту это.

— Интересный абзац я отметил красным, господин полковник. На третьей странице. — И, выходя из кабинета, добавил: — Я также вложил английскую крупномасштабную военно-топографическую карту района.

Донесение было составлено очень хорошо, ясно и полно ценной информации. Общее описание состояния дел в районе, местоположение двух новых эскадрилий американских самолетов В-17 к югу от Уоша, эскадрильи В-24 у Шерингема. Хороший, добросовестный материал, но отнюдь не волнующий. Когда же Радл приступил на третьей странице к короткому абзацу, отчеркнутому красным, он от волнения ощутил спазм в животе.

Информация была простой. Британский премьер-министр Уинстон Черчилль должен был в субботу, 6 ноября, утром инспектировать подразделение бомбардировочной авиации Королевских военно-воздушных сил близ Уоша. Позже в тот же день он намеревался посетить фабрику недалеко от Кингс-Линна и выступить перед рабочими с краткой речью.

А дальше шло интересное сообщение. Вместо того чтобы возвратиться в Лондон, Черчилль решил провести уик-энд в поместье сэра Генри Уиллафби Стадли Грэндж, которое расположено в пяти милях от деревни Стадли Констабл. Это был чисто личный визит, который предполагалось держать в секрете. Естественно, никто в деревне об этом плане не знал, но сэр Генри, отставной морской капитан третьего ранга, по всей видимости, не мог удержаться, чтобы не поделиться новостью с Джоанной Грей, которая, как вытекало из сообщения, была его близким другом.

Радл несколько минут сидел, уставившись на документ и размышляя о нем, затем взял топографическую карту, приложенную Хофером, и раскрыл ее. В этот момент Хофер внес кофе. Он поставил поднос на стол, наполнил чашку и стоял с невозмутимым видом.

Радл поднял голову:

— Ладно, черт вас побери. Покажите мне, где это. Думаю, вы знаете.

— Конечно, господин полковник. — Хофер ткнул пальцем в Уош и провел им на юг вдоль берега. — Стадли Констабл, а вот Блэки и Клей на побережье, вместе они образуют треугольник. Я посмотрел донесения миссис Грей об этом районе с довоенных времен. Изолированное сельское место. Глухой берег с необъятной приливной полосой и солеными болотами.

Радл еще раз посмотрел на карту и принял решение:

— Позовите ко мне Ханса Мейера. Мне бы хотелось с ним побеседовать, но даже не намекайте о чем.

— Конечно, господин полковник.

Хофер пошел к двери.

— Да, Карл, — добавил Радл, — все донесения, которые она присылала, принесите. Все, что у нас есть об этом районе.

Дверь закрылась. И Радлу вдруг показалось, что в комнате стало очень тихо. Ему захотелось курить, и, как обычно, он взял русскую папиросу. Многие, кто воевал на Востоке, пристрастились к ним. И Радлу они нравились. Папиросы были слишком крепкими и вызывали кашель, но ему это было неважно: доктора предупредили его, что из-за серьезных ранений жить ему осталось недолго.

Радл подошел к окну, чувствуя себя странно опустошенным. Какой фарс! В самом деле, какой фарс! Фюрер, Гиммлер, Канарис — как тени на белом экране в китайском театре. Ничего осязаемого. Ничего реального в этом глупом деле — охоте за Черчиллем. В то время как хорошие ребята тысячами гибнут на Восточном фронте, он играет в проклятые дурацкие игры, вроде этой, которые, по всей вероятности, ни к чему не приведут.

Радл был полон отвращения к самому себе, зол на себя по непонятной причине. Стук в дверь привел его в чувство. Вошел мужчина среднего роста в твидовом костюме. Его седые волосы были в беспорядке, а роговые очки придавали рассеянный вид.

— А, это вы, Мейер. Спасибо, что пришли.

Мейеру было пятьдесят лет. Во время первой мировой войны — капитан подводной лодки, один из самых молодых в германском военно-морском флоте. Начиная с 1922 г. полностью занимался разведывательной работой и обладал большей проницательностью, чем казалось на первый взгляд.

— Господин полковник... — официально начал он.

— Садитесь, друг, садитесь. — Радл указал на стул. — Я читал донесение от одного из ваших агентов — Звездочки. Просто захватывающе.

— А, да. — Мейер снял очки и протер их грязным платком. — Джоанна Грей. Выдающаяся женщина.

— Расскажите мне о ней.

Мейер медлил, нахмурившись.

— Что бы вы хотели знать, господин полковник?

— Все! — сказал Радл.

Мейер немного поколебался, видимо собираясь спросить зачем. Решив не делать этого, он надел очки и начал рассказывать.

Девичье имя Джоанны Грей — Иоанна ван Оостен. Она родилась в марте 1875 г. в маленьком городке Вирскоп в Оранжевой Республике. Отец был фермером и пастором голландской реформатской церкви. В возрасте десяти лет он участвовал в Великом переселении — миграции в 1836–1838 гг. десяти тысяч бурских фермеров, не желавших оказаться под властью анг-

личан, из Капской колонии на новые земли к северу от Оранжевой реки.

В двадцать лет Джоанна вышла замуж за фермера Дирка Янсена. У нее родилась дочь в 1898 г. — за год до начала войны с англичанами, Бурской войны.

Ее отец сформировал конный отряд и был убит под Блемфонтейном в мае 1900 г. В тот месяц война фактически закончилась, но последующие два года оказались наиболее трагичными из всех, потому что Дирк Янсен, как и все его соотечественники продолжал борьбу, ожесточенную партизанскую войну мелкими группами, опирающимися на разбросанные далеко друг от друга фермы.

Английский кавалерийский патруль, заехавший на ферму Янсенов 11 июня 1901 г., искал Дирка, который по иронии судьбы за два месяца до этого умер от ран в горном лагере, о чем жена его не знала. В доме были только Джоанна, ее мать и дочь. Джоанна отказалась отвечать на вопросы капрала, ее затащили для допроса в сарай, где дважды изнасиловали.

Жалобу Джоанны местному военному коменданту отклонили, и вообще, англичане в это время решили бороться с партизанами, сжигая фермы, расчищая целые районы и сгоняя население в лагеря, получившие позже название концентрационных.

Условия в лагерях были плохими, не столько по причине преднамеренной злой воли, сколько из-за плохого управления. Начались эпидемии, и за четырнадцать месяцев умерло более двадцати тысяч человек, среди них мать и дочь Джоанны. Она и сама бы умерла, если бы не внимательный уход за ней английского врача Чарлза Грея, которого направили в лагерь, чтобы хоть как-то улучшить условия пребывания людей, после того как в Англии стало о них известно и вызвало взрыв общественного негодования.

Ненависть ее к англичанам приняла патологическую форму и въелась в Джоанну на всю жизнь. Тем не менее, когда Грей сделал ей предложение, она вышла за него замуж. Ей ведь было уже двадцать восемь лет, жизнь ее крепко поломала: она потеряла мужа и ребенка, всех своих близких и не имела за душой ни пенни.

В том, что Грей любил ее, сомнений не было. Он был на пятнадцать лет старше, мало что требовал, был обходителен и добр. С годами у нее появилась к нему привязанность, смешанная с каким-то постоянным раздражением, которое чувствуешь по отношению к непослушному ребенку.

Грей согласился работать в Лондонском библейском обществе как врач-миссионер и на протяжении нескольких лет работал

в Родезии, Кении и, наконец, среди зулу. Джоанна никогда не могла понять, зачем он водится с этими кафрами, как она их называла, но принимала это как должное, так же как и нудную работу учительницей, которую ей пришлось выполнять в помощь мужу.

В марте 1925 г. он умер от удара, и когда дела его были завершены, она осталась в возрасте пятидесяти лет со ста пятьюдесятью фунтами в кармане. Судьба нанесла ей еще один жестокий удар, но Джоанна продолжала бороться, согласившись работать гувернанткой в семье английского чиновника в Кейптауне.

В это время Джоанна заинтересовалась бургским национализмом, посещала собрания, которые регулярно устраивала одна из самых экстремистских организаций, ведущих кампанию за выход Южной Африки из Британской империи. На одном из этих собраний она встретила немецкого инженера Ханса Мейера. Он был на десять лет моложе ее, но очень скоро вспыхнул роман, единственное настоящее физическое влечение, которое она испытала после смерти первого мужа. В действительности Мейер был агентом германской военно-морской разведки в Кейптауне и собирал всю возможную информацию о военно-морских сооружениях в Южной Африке. Так получилось, что хозяин Джоанны Грей работал от адмиралтейства, и она могла без особого риска брать из сейфа у него дома интересные документы, с которых Мейер снимал копии.

Джоанна Грей была счастлива, что делает это, потому что страстно любила Мейера. Но было здесь еще одно обстоятельство: впервые в жизни она наносила удар Англии. Это был своего рода реванш за все то, что ей пришлось перенести.

Мейер вернулся в Германию, но продолжал с ней переписываться.

В 1929 г., когда для большинства людей на земле мир разлетелся на тысячи осколков, поскольку Европа окунулась с головой в кризис, Джоанне Грей вдруг впервые в жизни улыбнулась большая удача.

Она получила письмо от адвокатской конторы в Норвиче, которая сообщала ей, что умерла тетка ее покойного мужа и оставила ей коттедж на краю деревни Стадли Констабл в Северном Норфолке и ежегодный доход немного больше четырех тысяч фунтов. Было строго оговорено одно условие. Старая дама питала к дому сентиментальную слабость и желала, чтобы завещание вступило в силу лишь в том случае, если Джоанна Грей поселится в доме.

Жить в Англии. От одной мысли об этом по телу поползли мурашки, но выбора не было. Продолжать нынешнюю жизнь в

светском рабстве, имея в перспективе лишь нищенскую старость? Она взяла в библиотеке книгу о Норфолке и внимательно прочитала ее, особенно ту часть, где рассказывалось о северном прибрежном районе.

Названия привели ее в замешательство. Стифки, Морстон, Блэкли, Клей-у-моря, соленые болота, галечные пляжи. Все это казалось бессмысленным, и она написала Мейеру о своей проблеме. Мейер сразу же ответил, убеждая ее поехать и обещая навестить, как только предоставится возможность.

И вот она в Англии – самое лучшее, что она сделала в жизни. Коттедж оказался очаровательным домом георгианского стиля с пятью спальнями, окруженным полуакровым садом, обнесенным каменным забором. В то время Норфолк был самым сельским графством в Англии, почти не изменившимся с XIX века, так что в такой маленькой деревушке, как Стадли Констабл, она считалась богатой женщиной, важным человеком. Кроме того, произошла странная вещь: соленые болота и галечные пляжи очаровали ее, она полюбила эти места и была счастливее, чем когда-либо в жизни.

Мейер приехал в Англию той же осенью и навещал Джоанну несколько раз. Вдвоем они отправлялись на дальние прогулки. Она показала ему все. Бесконечные пляжи, тянущиеся вдаль, соленые болота, дюны Блэкли Поинт. Он ни разу не напомнил о том периоде в Кейптауне, когда она помогала ему получать необходимую информацию, она ни разу не спросила его о нынешней работе.

Они продолжали переписываться, а в 1935 г. Джоанна приезжала к Мейеру в Берлин. Он показал ей, что делает для Германии национал-социализм. Все, что она видела, опьяняло ее: колоссальные митинги, форма на каждом шагу, красивые молодые люди, смеющиеся, счастливые женщины и дети. Она целиком и полностью согласилась, что это новый порядок. Так и должно быть.

И затем, как-то вечером, когда они медленно шли по Унтерден-Линден после вечера в опере, где она видела в ложе самого фюрера, Мейер спокойно сказал ей, что теперь он работает в абвере, и спросил, не согласится ли она быть агентом абвера в Англии.

Она согласилась, не раздумывая, все тело ее при этом трепетало от волнения, какого она еще никогда не испытывала. И так, в шестьдесят лет она стала шпионкой, эта английская леди высшего класса, какой она считалась у себя в деревне, разгуливая там в свитере и твидовой юбке в сопровождении черной охотничьей собаки. Приятная седоволосая дама, у которой в маленьком уютном гнездышке за панелью в кабинете

находились передатчик и приемник, а в испанском посольстве в Лондоне – связной, который присылал большой материал в дипломатическом портфеле в Мадрид, откуда его передавали германской разведке.

Сообщения ее всегда были интересными. Как член Женской добровольной службы, она ездила по делам на многие военные объекты и могла сообщать подробно о большинстве баз тяжелых бомбардировщиков Королевских военно-воздушных сил в Норфолке и массу нужной дополнительной информации. Самым большим ее достижением было сообщение в начале 1943 г. о том, что на английских военных самолетах установлены два новых прибора для слепых ночных полетов, которые, как надеялись, должны были значительно повысить эффективность ночных бомбежек Германии.

Самый важный из них, прибор Обоу, работал, соединяясь с двумя наземными станциями в Англии. Одна, известная под названием "Мышь", находилась в Дувре, вторая – "Кошка" – располагалась в Кромере, на побережье Северного Норфолка.

Удивительно было, что персонал ВВС охотно делился многочисленной информацией с милой леди из ЖДС, которая выдавала в библиотеке книги и разливала чай. Джоанна побывала в Кромере раз двенадцать и однажды смогла с успехом воспользоваться одним из своих миниатюрных фотоаппаратов. Телефонный звонок синьору Лорка, служащему испанского посольства, который был ее связным, поездка на поезде на денек в Лондон, встреча в Грин-парке – вот и вся процедура.

В те же сутки информация об Обоу в испанском дипломатическом портфеле отправилась из Англии. Через тридцать шесть часов довольный Ханс Мейер положил ее на стол самого Канариса.

Когда Мейер закончил рассказ, Радл отложил листок, на котором делал краткие заметки. "Очаровательная леди, – сказал он. – Совершенно удивительная. Скажите мне, какую подготовку она получила?"

– Вполне достаточную, господин полковник, – ответил Мейер. – Она отдыхала в рейхе в 1936 и 1937 гг. Каждый раз ее обучали обычным делам: кодам, пользованию радио, фотографированию, основным методам саботажа. Никаких особых успехов она не делала, кроме одного: азбукой Морзе владеет великолепно. Но ее ведь не собирались использовать на практической работе.

– Понятно. А как насчет оружия?

– Тут подготовки не требовалось. Она выросла в вельде. Попадала оленю в глаз с расстояния сто ярдов, когда ей было десять лет.

Радл кивнул, хмуро глядя в пространство, и Мейер осторожно спросил: "Что-нибудь особенное подвертывается, господин полковник? Может, я могу помочь?"

– Не сейчас, – ответил Радл, – но в ближайшем будущем вы можете мне понадобиться. Я дам вам знать. Пока достаточно передать все бумаги, касающиеся Джоанны Грей, сюда и до дальнейших распоряжений не устанавливая с нею радиосвязи.

Мейер был ошеломлен и не мог совладать с собой. "Пожалуйста, господин полковник, если Джоанна в опасности..."

– Ни в малейшей, – спокойно сказал Радл. – Поверьте, я понимаю ваше беспокойство, но в данный момент не могу вам больше ничего сказать. Дело величайшей секретности, Мейер.

Но Мейер уже достаточно пришел в себя, чтобы извиниться:

– Господин полковник, простите меня, но я старый друг леди...

Он ушел. Спустя несколько минут из прихожей появился Хофер, неся в руках несколько папок и две свернутые карты под мышкой. "Информация, которая вам была нужна, господин полковник. Я прихватил также две лоции британского адмиралтейства, на которых обозначена прибрежная зона, номера сто восемь и сто шесть".

– Я приказал Мейеру дать вам все, что у него есть о Джоанне Грей, и приказал не возобновлять радиосвязь, – сказал Радл. – Теперь этим будете заниматься вы.

Он взял одну из своих неизменных русских папирос, Хофер поднес зажигалку, сделанную из русской гильзы калибра 7,62 мм. – Значит, займемся этим делом, господин полковник?

Радл выпустил клуб дыма и посмотрел на потолок. "Вы знакомы с произведениями Юнга, Карл?"

– Господин полковник знает, что до войны я торговал хорошим пивом и вином.

– Юнг говорит о том, что он называет синхронностью. Иногда события совпадают во времени, и из-за этого кажется, что имеется гораздо более глубокая мотивация.

– Господин полковник? – вежливо сказал Хофер.

– Возьмем наше дело. У фюрера, которого, естественно, бережет небо, вдруг возникает блестящий план, и он выдвигает смешное и абсурдное предположение, чтобы мы вступили в соревнование со Скорцени и превзошли его подвиг в Гран Сассо, выкрад Черчилля, не указав, правда, живым или мертвым. И тут в рутинное донесение абвера сует свою уродливую голову синхронность: краткое упоминание о том, что Черчилль проведет уик-энд милях в семи-восьми от побережья в отдаленном поместье, в такой забытой богом части страны, о которой только можно мечтать. Понимаете, о чем я говорю? В любое другое время сообщение миссис Грей прошло бы незамеченным.

– Значит, мы все-таки займемся этим делом, господин полковник?

– Похоже, что вмешалась судьба, Карл, – сказал Радл. – Сколько времени, вы говорили, идут сообщения миссис Грей по испанским дипломатическим каналам?

– Три дня, господин полковник, если в Мадриде ждут. И не больше недели, если обстоятельства препятствуют.

– Когда время следующего сеанса радиосвязи?

– Сегодня вечером, господин полковник.

– Хорошо. Пошлите ей сообщение. – Радл снова посмотрел на потолок, обдумывая и пытаясь кратко сформулировать свои мысли: – Очень интересуемся вашим гостем шестого ноября. Хотим сбросить несколько друзей для встречи с ним в надежде, что они убедят его вернуться с ними. Ждем ваших соображений обычным путем со всей относящейся к ним информацией.

– Все, господин полковник?

– Думаю, все.

Это происходило в среду, в Берлине шел дождь, но на следующее утро, когда отец Филипп Верекер прохромал через калитку кладбища при церкви Святой Марии и Всех Святых и пошел по деревне, солнце сияло. Наступил великолепный настоящий осенний день.

В те годы отец Верекер был высоким сухопарым молодым человеком тридцати лет, чья худоба еще больше подчеркивалась черной рясой. Лицо у него было напряженное, перекошенное от боли при ходьбе, и он тяжело опирался на палку. Лишь четыре месяца назад его отпустили из военного госпиталя.

Младший сын хирурга с Харли-стрит, он был блестящим ученым, который еще в Кембридже подавал надежды на выдающееся будущее. Затем, к ужасу всей семьи, он решил учиться на священника, поехал в Английский колледж в Рим и вступил в общество иезуитов.

В 1940 г. он поступил в армию в качестве капеллана и в конце концов был прикомандирован к парашютному полку, но принял участие только в одном бою в ноябре 1942 г. в Тунисе, где прыгал с подразделениями Первой парашютной бригады с приказом захватить аэродром в Удне, в десяти милях от Туниса. В конце операции они вынуждены были отступить с боями на более чем пятьдесят миль по открытой местности. Всю дорогу их обстреливали самолеты с бреющего полета и атаковали наземные войска.

До своих добрались сто восемьдесят человек. Двести шестьдесят не добрались. Верекер был одним из счастливых,

несмотря на пулю, прострелившую насквозь левую голень и задевшую кость. К тому моменту, когда он дошел до полевого госпиталя, у него начался сепсис. Левую ногу ампутировали, а его списали по инвалидности.

Из-за боли, которая терзала Верекера постоянно, ему трудно было быть любезным, но, увидев Джоанну Грей, которая вела велосипед, а по пятам за ней бежала ее собака, он улыбнулся.

– Как вы, Филипп? – спросила Джоанна. – Я не видела вас несколько дней.

На ней была твидовая юбка и свитер под желтым клеенчатым плащом, седые волосы были повязаны шелковым шарфом. Вид у нее действительно был очаровательный. Южноафриканский загар, который так и не сошел, этому способствовал.

– Хорошо, – ответил Верекер. – Потихоньку умираю от скуки больше, чем от чего-нибудь другого. Есть новость с тех пор, как мы виделись. Моя сестра Памела. Помните, я рассказывал о ней? Она на десять лет младше меня. Капрал в женской вспомогательной службе ВВС.

– Конечно, помню, – сказала миссис Грей. – Что случилось?

– Ее перевели на базу бомбардировщиков всего лишь в пятнадцать миль отсюда, в Пэнгбурн, так что я иногда смогу с ней видаться. Она приедет на уик-энд. Я вас познакомлю.

– С нетерпением буду ждать этого. – Джоанна Грей села на велосипед.

– Поиграем в шахматы сегодня вечером? – с надеждой спросил он.

– Почему бы нет? Приходите около восьми и заодно поужинаем. А сейчас я должна ехать.

Она покатила вдоль реки, Пэч побежала вслед. Лицо Джоанны стало серьезным. Радиограмма прошлым вечером явилась для нее сильнейшим потрясением. Сказать по правде, она расшифровывала ее три раза, чтобы убедиться, что поняла правильно.

Джоанна почти не спала, особенно перед пятью часами, когда лежала и слушала, как гудят "ланкастеры", которым предстояло лететь через море в Европу и через некоторое время возвратиться. Странная вещь, но в конце концов, задремав, она проснулась в семь тридцать, полная жизни и энергии.

Похоже было, что ей впервые поручали важное задание. Это... это было так невероятно! Похитить Черчилля – утащить его из-под самого носа тех, кому было поручено его охранять.

Она громко рассмеялась. О, этим проклятым англичанам такая штука не понравится. Совсем не понравится, а мир будет поражен.

Когда она съезжала с холма на основную дорогу, позади нее

раздался гудок автомобиля. Мимо проехала маленькая закрытая машина и остановилась у обочины. У человека за рулем были большие седые усы и яркий цвет лица, присущий людям, потребляющим ежедневно много виски. На нем была форма подполковника войск местной обороны.

— Доброе утро, Джоанна, — весело воскликнул он.

Встреча была как нельзя более удачной. Теперь ей не придется позже днем ехать в Стадли Грэндж. "Доброе утро, Генри", — сказала она и сошла с велосипеда.

Он вышел из машины. "В субботу вечером у нас кое-кто соберется. Бридж и всякое такое. Потом ужин. Ничего особенного. Джин подумала, может, вы захотите присоединиться к нам".

— Очень мило с ее стороны. С удовольствием, — сказала Джоанна. — Ей, должно быть, основательно придется покрутиться, чтобы подготовиться к такому большому событию в наше время.

У сэра Генри был несколько смущенный вид, и он немного понизил голос:

— Послушайте, вы ведь о том деле никому не говорили, а?

Джоанне Грей удалось изобразить неподдельное изумление:

— Конечно нет. Вы же сами сказали мне, что это секрет, помните?

— Не стоило вообще говорить об этом, но я ведь знаю, что вам, Джоанна, я довериться могу. — Он обнял ее за талию. — В субботу вечером молчок, милая, ради меня, кх-х-х. Если кто-нибудь из гостей услышит хоть намек о том, что предполагается, это сразу же разнесется по всему графству.

— Я для вас готова на все, и вы это знаете, — спокойно сказала она.

— Ну, мне надо уезжать. В Холте у нас совещание командиров округа.

— Вы, должно быть, очень волнуетесь, — сказала она, — при мысли, что будете принимать премьер-министра.

— Конечно. Очень большая честь. — Сэр Генри просиял. — Он надеется немного порисовать, а вы знаете, какие прекрасные виды открываются из поместья. — Сэр Генри открыл дверцу и сел в машину. — Кстати, а вы куда?

Она ожидала именно этого вопроса.

— О, как обычно, понаблюдать за птицами. Может, доеду до Клея или болот. Еще не решила. В это время есть интересные перелетные птицы.

— Будьте осторожны! — Лицо его было серьезно. — И помните, что я вам говорил.

Как командир местной обороны, он разрабатывал планы,

охватывающие все аспекты обороны побережья в его районе, в том числе все минированные приливные полосы и, что более важно, полосы, которые только значились заминированными. Однажды, полный беспокойства о ее безопасности, он потратил целых два часа, тщательно разобрав с ней карты и показав, куда нельзя ходить во время ее наблюдений за птицами.

— Я знаю, что ситуация непрерывно меняется, — сказала она. — Может, вы могли бы зайти ко мне снова с картами и дать мне еще один урок?

Глаза его слегка остекленели.

— Вам бы этого хотелось?

— Конечно. Я сегодня во второй половине дня дома.

— После ланча, — сказал он. — Я приеду около двух. — Он отпустил ручной тормоз и поспешно уехал.

Джоанна Грей села на велосипед и поехала вниз по склону к основной дороге, Пэч побежала за ней. Бедный Генри. Она на самом деле очень к нему хорошо относилась. Совсем как ребенок, и так легко с ним справляться.

Полчаса спустя она съехала с прибрежной стороны и поехала по дамбе через пустынные болота, известные под названием Хобс Энд. Это был странный чуждый мир морских заливов, грязевых луж и простирающихся далеко барьеров из бледного тростника выше роста человека, населенный лишь птицами: кроншнепами, травниками и черными казарками, прилетевшими из Сибири зимовать на болотах.

На полпути по дамбе за покрытым лишаем каменным забором под сенью нескольких далеко отстоящих друг от друга сосен стоял вросший в землю коттедж. На вид еще достаточно крепкий, с хозяйственными пристройками и большим сараем, но окна выбиты, и от него веяло запустением. Дом смотрителя болот, которого с 1940 г. в нем не было.

Джоанна въехала на высокий гребень холма, покрытый соснами, слезла с велосипеда и прислонила его к дереву. За гребнем шли песчаные дюны. Широкая плоская отмель уходила при отливе в море на четверть мили. Вдалеке, по другую сторону эстуария, виднелся мыс Поинт, изгибающийся, как длинный согнутый указательный палец, в изгибе которого были канальчики, песчаные банки и мели, во время прилива более опасные, даже смертельно, чем любое другое место у побережья Норфолка.

Она вытащила фотоаппарат и сделала снимки в разных ракурсах. Собака принесла ей палку и осторожно положила у ног. Джоанна нагнулась и ласково потрепала ей уши. "Да, Пэч, — тихо сказала она. — Я думаю, что это место действительно очень хорошо подойдет."

Она швырнула палку за колючую проволоку, которая перекрывала выход на приливную полосу, и Пэч бросилась мимо столбика с объявлением: "Осторожно, мины". Благодаря Генри Уиллафби Джоанна твердо знала, что здесь нет ни одной мины.

Слева от нее был бетонный блокгауз с пулеметным гнездом, оба в полуразрушенном состоянии, а в промежутке между соснами находилась ловушка для танков, занесенная песком. Три года назад, после разгрома у Дюнкерка, здесь стояли солдаты, а год назад — бойцы местной обороны. Но сейчас никого не было.

В июне 1940 г. район на двадцать миль в глубину от Уоша до Райя был объявлен зоной обороны. На людей, постоянно живших здесь, никакие ограничения не распространялись, но у приезжих должна была быть веская причина для посещения этих мест. С тех пор все основательно изменилось, и теперь, три года спустя, практически никто не заботился о выполнении этих правил по той простой причине, что необходимости в этом больше не было.

Джоанна Грей снова наклонилась, чтобы потрепать уши собаке: "Понимаешь, что это значит, Пэч? Англичане больше не ожидают вторжения".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Донесение Джоанны Грей попало на Тирпиц-Уфер в следующий вторник. Хофер обеспечил ему "зеленую улицу". Он отнес его Радлу, который сразу же начал изучать донесение.

В нем были фотографии болота у Хобс Энд и подходов к приливной полосе, и положение их было закодировано на карте. Радл отдал донесение Хоферу.

— Сверхсрочно. Отдайте на расшифровку и подождите, пока ее сделают.

Абвер только что начал пользоваться новым кодирующим устройством, которое позволяло сделать за минуты работу, прежде требовавшую несколько часов. У устройства была обычная каретка пишущей машинки. Оператор впечатывал зашифрованное сообщение, оно автоматически расшифровывалось и поступало в виде запечатанного свитка. Даже оператор не видел расшифрованного сообщения.

Хофер вернулся в кабинет через двадцать минут и молча ждал, пока полковник прочтет сообщение. Радл с улыбкой поднял голову и подвинул его Хоферу: "Прочтите, Карл, только прочтите его. Отлично, право, отлично. Какая женщина!"

Он закурил папиросу и с нетерпением ждал, пока Хофер кончит читать. Наконец сержант оторвал взгляд от документа: "Выглядит вполне обещающе".

— Обещающе? Это все, что вы можете сказать? Господи, это же твердая возможность. Совершенно реальная возможность.

Теперь он был взволнован так, как не волновался уже много месяцев. Это было для него плохо из-за сердца, которое находилось в чудовищном состоянии после тяжелейших ранений. Пустая глазница под черной повязкой начала пульсировать, казалось, что алюминиевая рука в перчатке ожила, все жилы натянулись, как тетива. Он задышался и тяжело опустился в кресло.

Хофер достал из нижнего ящика бутылку коньяка, быстро налил полстакана и поднес к губам полковника. Радл проглотил почти все, тяжело закашлялся и снова обрел над собой контроль.

Он сухо улыбнулся:

— Не могу позволить слишком часто делать это, а, Карл? Осталось только две бутылки. Это теперь как жидкое золото.

— Господину полковнику нельзя так волноваться, — сказал Хофер и грубовато добавил: — Вы не можете себе этого позволить.

Радл выпил еще немного коньяку. "Знаю, Карл, знаю, но неужели вы не понимаете? Сначала была просто шутка — замечание, брошенное фюрером в плохом настроении в среду, которое в пятницу он бы забыл. Сделать анализ осуществимости предложил Гиммлер, да и то только потому, что хотел поставить адмирала в неловкое положение. Адмирал велел мне набросать что-нибудь на бумаге. Что попало, просто, чтобы показать, что мы трудимся".

Он встал и подошел к окну. "Но теперь, Карл, дело приняло другой оборот. Это больше не шутка. Это можно было бы сделать".

Хофер неподвижно стоял по другую сторону стола, не проявляя эмоций. "Да, господин полковник, думаю, можно было бы".

— И неужели эта перспектива вас совсем не трогает? — Радл вздрогнул. — Господи, меня это пугает. Принесите мне лоции адмиралтейства и военно-топографическую карту.

Хофер развернул их на столе. Радл нашел Хобс Энд и стал рассматривать его вместе с фотографиями. "О чем еще можно мечтать? Великолепная площадка для приземления парашютистов, а в этот уик-энд прилив начинается на рассвете и смыкает все следы". — Но даже маленькой группе потребуется транспортный самолет или бомбардировщик, — уточнил Хофер. — Можете себе представить, чтобы "дорнье" или "юнкерс" долго продержался над побережьем Норфолка в эти дни, когда там столько баз бомбардировщиков, которые охраняются регулярными патрульными полетами ночных истребителей?

— Да, это проблема, — сказал Радл. — Но едва ли непреодолимая. Согласно карте люфтваффе, на которой помечены цели, в данном районе нет радара для самолетов, летящих на низком уровне, что означает, что подход на высоте ниже шестисот футов не был бы замечен. Но сейчас эти детали несущественны. Ими можно заняться позже. Анализ осуществимости, Карл, — вот что нам на этой стадии надо. Вы согласны, что теоретически было бы возможно сбросить на этот берег боевой десант?

Хофер сказал: "Я принимаю это как предположение. Но как мы их вывезем оттуда? Подводной лодкой?"

Радл на мгновение взглянул на лоцию и покачал головой:

— Нет, это практически неосуществимо. Отряд будет слишком большим. Я знаю, что как-нибудь людей можно было бы запихнуть на борт, но тогда надо как-то добираться до берега, и проблемой будет вывоз такого числа людей. Требуется что-то проще. Возможно, торпедный катер. В этом районе задействовано множество торпедных катеров в прибрежных судходных коридорах. Не вижу причины, почему бы одному из них не проскользнуть между приливной полосой и мысом Поинт. Это будет во время прилива, а, согласно донесению, в этом коридоре нет мин, так что вся операция значительно упрощается.

— На это нужен совет ВМФ, — осторожно заметил Хофер. — Миссис Грей говорит ведь в своем донесении, что воды здесь опасные.

— Поэтому и нужны хорошие моряки. Еще что вам не нравится?

— Простите, господин полковник, но мне кажется, что в высшей степени критичным для успеха всей операции является временной фактор, а откровенно говоря, я не вижу, как его можно согласовать. — Хофер указал на Стадли на топографической карте: — Эта цель примерно в восьми милях от зоны приземления. Принимая во внимание незнакомую территорию и темноту, мне кажется, что отряду потребуется два часа, чтобы добраться до цели, и, каким бы кратким визит ни был, столько же потребуется на обратный путь. По моим расчетам, операция займет шесть часов. Если принять, что в целях безопасности прыгать придется около полуночи, то встреча с торпедным катером произойдет на рассвете, если не позже, что совершенно неприемлемо. Торпедному катеру нужно по меньшей мере два часа темноты, чтобы уйти.

Радл полулежал в кресле, глядя в потолок прикрытыми глазами. "Очень ясно изложено, Карл. Вы совершенствуетесь. — Он сел. — Вы абсолютно правы, поэтому приземляться придется накануне ночью".

— Господин полковник? — сказал Хофер с удивлением на лице. — Не понимаю.

— Все очень просто. Черчилль прибудет в Стадли Грэндж днем или вечером шестого и проведет там ночь. Наш отряд приземлится накануне ночью, пятого ноября.

Хофер, нахмурясь, обдумывал услышанное:

— Мне, конечно, понятно преимущество этого, господин полковник. Дополнительное время даст возможность маневрировать в случае непредвиденных обстоятельств.

— Оно также означает, что не было бы проблемы с торпедным катером, — сказал Радл. — Отряд можно было бы захватить еще в десять — одиннадцать часов в субботу. — Он улыбнулся и взял из коробки еще одну папиросу. — Итак, вы согласны, что это также осуществимо?

— Возникнут серьезные проблемы, как скрываться в течение субботы, — сказал Хофер. — Особенно если группа будет большой.

— Вы совершенно правы. — Радл встал и начал ходить взад-вперед по комнате. — Но мне кажется, что напрашивается вполне очевидный ответ. Можно, я задам вопрос вам, Карл, как старому леснику? Если бы вы хотели спрятать сосну, какое место на земле было бы самым безопасным?

— Полагаю, что в сосновом лесу.

— Точно. В отдаленном и изолированном районе, вроде этого, незнакомый человек, любой незнакомец выпирает, как нарыв на пальце, особенно в военное время. Не забудьте, в тех местах нет отдыхающих. Англичане, так же как и добрые немцы, проводят отпуск дома, чтобы помогать своей стране. И тем не менее, Карл, судя по донесению миссис Грей, там постоянно бывают незнакомые люди, которых принимают без вопросов. — У Хофера был заинтригованный вид, и Радл продолжал: — Солдаты, Карл, на маневрах, военных играх, охотящиеся друг за другом среди живых изгородей. Он взял донесение Джоанны Грей со стола и полистал его. — Вот, на третьей странице она говорит о поместье Мелтам Хауз в восьми милях от Стадли Констабл. За последний год четыре раза оно использовалось для учений подразделений типа "командос". Два раза — британскими "командос", один раз — подобным подразделением, состоявшим из поляков и чехов под руководством английских офицеров, а один раз — американскими рейнджерами.

Он передал донесение Хоферу, и тот посмотрел его.

— Нужна только английская форма, чтобы без затруднений пройти по сельской местности. Великолепно сойдет польский отряд командос.

— Это, безусловно, решит проблему языка, — согласился Хофер. — Но в польском подразделении, о котором пишет миссис

Грей, были английские офицеры, а не просто говорящие по-английски. Пусть господин полковник простит меня, но между тем и другим есть разница.

— Да, вы правы, — сказал ему Радл. — Огромная разница. Если командир англичанин или сходит за англичанина, все дело становится гораздо проще.

Хофер посмотрел на часы:

— Позвольте вам напомнить, господин полковник, что ровно через десять минут должно начаться совещание начальников отделов в кабинете адмирала.

— Благодарю вас, Карл. — Радл подтянул ремень и встал. — Итак, похоже, что наш анализ осуществимости практически завершен. Мы, кажется, охватили все.

— Кроме того, что, по-видимому, является самым важным вопросом из всех, господин полковник.

Радл был уже на полпути к двери, но остановился:

— Ладно, Карл, удивите меня.

— Руководитель этого предприятия, господин полковник. Он должен быть человеком выдающихся способностей.

— Второй Отто Скорцени, — вставил Радл.

— Точно, — сказал Хофер. — Но в этом случае у него должна быть еще одна способность, а именно способность сойти за англичанина.

Лицо Радла озарилось улыбкой:

— Найдите мне его, Карл. Даю вам сорок восемь часов. — Он быстро открыл дверь и вышел.

Случилось так, что Радлу пришлось на следующий день неожиданно уехать в Мюнхен, и он появился у себя в кабинете на Тирпиц-Уфер только во второй половине дня в четверг. Он невероятно устал, так как в Мюнхене очень мало спал в предыдущую ночь. Бомбардировщики "ланкастер" английских ВВС проявили к этому городу более суровое, чем обычно, внимание.

Хофер принес кофе и налил коньяка. "Хорошо съездили, господин полковник?"

— Средне, — сказал Радл. — Самое интересное случилось, когда мы сядились вчера. Над нашим "юнкерсом" на бреющем полете пролетел американский истребитель "мустанг". Паника была довольно серьезная, могу вас уверить. И вдруг мы увидели, что у него на хвосте свастика. По-видимому, это был самолет, потерпевший аварию над нашей территорией, и люфтваффе привела его в порядок, а это был испытательный полет.

— Поразительно, господин полковник.

Радл кивнул. "У меня возникла идея, Карл. Относительно

маленькой проблемы, которая была у вас по поводу выживания "дорнье" или "юнкерса" над побережьем Норфолка. — Тут он заметил зеленую папку на столе. — Это что?"

— Поручение, которое вы мне дали, господин полковник. Офицер, который мог бы сойти за англичанина. Скажу вам, пришлось покопаться, а вот рапорт о заседании военного трибунала, отчет о котором я запросил. Его должны доставить сегодня после полудня.

— Военный трибунал? — спросил Радл. — Мне это не нравится. — Он открыл папку. — Кто этот человек, скажите на милость?

— Его фамилия Штайнер. Подполковник Курт Штайнер, — ответил Хофер. — Я вас оставляю, чтобы вы могли о нем почитать. Интересная история.

История не просто интересная. Захватывающая. Штайнер был единственным сыном генерал-майора Карла Штайнера, командующего округом в Бретани. Он родился в 1916 г., когда отец был майором артиллерии. Мать была американкой, дочерью богатого торговца шерстью из Бостона, который переехал в Лондон из деловых соображений. В тот месяц, когда родился ее сын, ее единственный брат погиб на Сомме в чине капитана Йоркширского пехотного полка.

Мальчик получил образование в Лондоне, бегло говорил по-английски. Он провел пять лет в школе Святого Павла, пока его отец служил военным атташе при германском посольстве. После трагической смерти матери в автомобильной катастрофе в 1931 г. юный Штайнер возвратился в Германию с отцом, но продолжал регулярно посещать родственников в Йоркшире до 1938 г.

Какое-то время он занимался искусством в Париже, находясь на содержании у отца и договорившись с ним, что, если от его занятий толку не будет, он вступит в армию. Именно так и случилось. Недолго он прослужил младшим лейтенантом в артиллерии, а в 1936 г. в ответ на призыв поступил добровольцем в парашютную школу в Штендхале больше для того, чтобы избавиться от скуки военной жизни.

С первого же дня стало ясно, что у него талант к такого рода флибустьерской солдатской службе. Он участвовал в наземных боях в Польше, прыгал над Нарвиком во время норвежской кампании. В чине лейтенанта на планере потерпел аварию с группой, которая в 1940 г. захватила канал Альберта во время наступления на Бельгию, и был ранен в руку.

Следующей была Греция — Коринфский канал, а затем новый ад. В мае 1941 г., уже капитаном, он принял участие в крупном

парашютном десанте на Крите, был тяжело ранен в жестоких боях за аэродром Малем.

Затем Зимняя кампания. Радл почувствовал холод до костей от одного только названия. *Господи, неужели мы никогда не забудем Россию*, – спросил он себя, – *те из нас, кто был тогда там?*

Исполняя обязанности майора, Штайнер руководил особой диверсионной группой из трехсот добровольцев, сброшенной ночью, чтобы найти две дивизии, отрезанные во время битвы под Ленинградом, и вывести их. Он вышел из этой операции с пулей в правой ноге, которая оставила его на всю жизнь прихрамывающим, с "Рыцарским крестом" и репутацией человека, который может выводить из окружения.

Он руководил еще двумя операциями подобного характера и ко времени Сталинграда получил звание подполковника. В Сталинграде он потерял половину своего десанта, но за несколько недель до конца операции, когда еще летали самолеты, получил приказ вылететь из Сталинграда. В январе он и сто шестьдесят семь человек, оставшихся в живых из его диверсионной группы, были сброшены в районе Киева, для того чтобы снова найти и вывести две отрезанные пехотные дивизии. Это кончилось отступлением с боями на триста залитых кровью миль, и когда в последнюю неделю апреля Курт Штайнер вышел к своим, с ним было только тридцать человек из его диверсионного десанта.

Он был немедленно награжден "Дубовыми листьями" к "Рыцарскому кресту" и вместе со своей группой срочно отправлен в Германию поездом. Варшаву он проезжал утром 1 мая. А покидал ее вместе со своими людьми в тот же вечер под усиленным конвоем по приказанию бригадефюрера СС и генерал-майора полиции Юргена Штроопа.

На следующей неделе состоялось заседание военного трибунала. Штайнера и его людей приговорили к службе в качестве штрафного подразделения в операции "Рыба-меч" на острове Олдерни, одном из оккупированных немцами Нормандских островов.

Некоторое время Радл сидел, глядя на папку, затем закрыл ее и нажал кнопку звонка, вызывая Хофера.

– Господин полковник?

– Что произошло в Варшаве?

– Точно не знаю, господин полковник. Надеюсь получить протокол заседания суда военного трибунала несколько позже.

– Ладно, – сказал Радл. – А что они делают на Нормандских островах?

– Насколько я смог узнать, операция "Рыба-меч" – это само-

убийственная операция, господин полковник. Ее цель – уничтожение кораблей союзников в Ла-Манше.

– А как это делается?

– Видимо, оператор сидит на торпеде с вынутым зарядом и под стеклянным куполом, который его немного защищает. Боевая торпеда крепится под первой, и во время атаки предполагается, что оператор выпускает ее, а сам в последний момент поворачивает от нее прочь.

– Господи боже мой, – в ужасе сказал Радл. – Неудивительно, что на это ставится штрафное подразделение.

Некоторое время он сидел молча, глядя на папку. Хофер кашлянул и осторожно спросил:

– Думаете, его можно было бы использовать?

– Почему бы и нет, – сказал Радл. – Представляю, что любое предложение покажется ему благом по сравнению с тем, что он сейчас делает. Вы не знаете, адмирал у себя?

– Сейчас узнаю, господин полковник.

– Если он у себя, постарайтесь записать меня на прием к нему на сегодня. Пора сказать ему, как далеко мы зашли. Подготовьте мне план – хороший и краткий, одну страницу, отпечатайте сами. Я не хочу, чтобы кто-нибудь прослышал об этом деле, даже в отделе.

В этот момент полковник Курт Штайнер пребывал по пояс в ледяной воде Ла-Манша; в такой ледяной воде ему не приходилось быть никогда в жизни, она была холоднее даже, чем в России, холод въедался в мозг, когда Штайнер сидел, сжавшись в комок под стеклянным куполом на своей торпеде.

Он находился почти в двух милях от северо-восточного края острова Олдерни и к северу от еще меньшего прибрежного острова. Вокруг стоял такой плотный туман, что порой Штайнеру казалось, он на краю света. Но он был не один. По обе стороны от него в воду уходили пеньковые канаты, соединяющие его, подобно пуповине, с унтер-офицером Отто Лемке слева и лейтенантом Риттером Нойманном справа.

Штайнер был поражен, когда его в этот день вызвали к начальству. Еще более удивительными были показания радара, указывающие, что вблизи берега находится судно, – ведь основной путь по каналу лежал гораздо севернее. Как оказалось позже, судно это, "Джозеф Джонсон", типа "Либерти", водоизмещением в восемь тысяч тонн, шедшее из Бостона в Плимут с грузом взрывчатых веществ, во время сильного шторма три дня назад получило повреждение руля. Трудности, связанные с этим происшествием, и сильный туман сбили его с курса.

Штайнер замедлил ход и подергал за канаты, чтобы предупредить своих товарищей. Через некоторое время они выплыли из тумана и присоединились к нему. Лицо Риттера Нойманна в черном капюшоне резинового костюма посинело от холода.

— Мы близко, господин полковник, — сказал он. — Уверен, что слышу их.

Унтер-офицер Лемке подплыл к ним. Курчавую черную бороду, которой он очень гордился, он отрастил по особому разрешению Штайнера в связи с тем, что подбородок Лемке был сильно изуродован русской пулей. Лемке был очень возбужден, глаза сверкали, и, по всей видимости, он считал все это большим приключением.

— И я слышу, господин полковник.

Штайнер поднял руку, призывая его помолчать, и прислушался. Приглушенная пульсация слышалась совсем близко, потому что "Джозеф Джонсон" шел ровно.

— С ним легко справиться, господин полковник, — Лемке улыбнулся, несмотря на то что зубы у него стучали от холода. — Самая легкая цель из всех, что у нас были. На судне даже не догадываются, что с ними произошло.

— Говори за себя, Лемке, — сказал Риттер Нойманн. — Единственное, что я усвоил за свою короткую и несчастную жизнь, это не ожидать чего-то эдакого и относиться с большим подозрением к тому, что вроде бы подается на тарелочке.

Как бы в доказательство его слов неожиданный порыв ветра разорвал завесу тумана. Взору открылся серо-зеленый Олдерни. Как гранитный палец выступал на тысячу ярдов старый волнорез адмиралтейства, и ясно были видны военно-морские фортификации форта Альберта времен королевы Виктории.

Не более чем в ста пятидесяти ярдах от Штайнера и его людей с постоянной скоростью в восемь-десять узлов в северо-западном направлении двигался к выходу в открытый Ла-Манш "Джозеф Джонсон". Их могли заметить в любую секунду. Штайнер действовал мгновенно. "Прямо вперед, выпустите торпеды на расстоянии пятидесяти ярдов и уходите, и без глупого лихачества, Лемке. Помни, что штрафной части медалей не дают. Только гробы".

Он увеличил скорость и ринулся вперед, сжавшись под куполом, так как волны начали перекатываться через голову. Он чувствовал, что Риттер Нойманн справа идет с ним рядом, но Лемке вырвался вперед и ушел ярдов на пятнадцать — двадцать.

— Глупый молодой говнюк, — ругнул его про себя Штайнер. — Он что думает, это атака легкой кавалерии?

У двух человек, стоявших у поручней "Джозефа Джонсона", в руках были винтовки. Из рубки вышел офицер и начал стре-

лять из пулемета Томсона. Судно прибавило ходу и вошло в полосу легкого тумана, который начал опять сгущаться. Через несколько мгновений оно должно было исчезнуть. Стрелкам у поручней трудно было прицеливаться на качающейся палубе в цель, находящуюся очень низко у воды, и поэтому пули их разлетались далеко. Пулемет, и в хорошие времена не очень точный, сейчас стрелял не лучше и производил массу шума.

Лемке достиг пятидесятиярдной отметки значительно раньше других и продолжал двигаться. Штайнер не мог ему помешать. Стрелки на судне нащупали цель, пули отскакивали от тел торпед перед стеклянным куполом.

Штайнер обернулся и махнул Нойманну. "Пошел!" — крикнул он и выпустил торпеду.

Торпеда, на которой сидел Штайнер, освободившись от тяжести, прыгнула вперед с новой энергией, и он быстро положил правое руля, следуя за Нойманном по широкой дуге, стараясь как можно быстрее оторваться от судна.

Лемке теперь тоже сворачивал, но не более чем в двадцати пяти ярдах от "Джозефа Джонсона", и стрелки на борту ожесточенно стреляли по нему. По-видимому, один из них попал в Лемке, хотя Штайнер и не был в этом уверен. Еще секунду назад Лемке сидел скрючившись верхом на торпедо, уходя от опасности, а в следующее мгновение его не было видно.

Секунду спустя одна из трех торпед взорвалась под кормой и трюмом, набитым сотнями тонн легко взрывающихся бомб, предназначенных для "летающих крепостей" Первой авиадивизии американского 8-го соединения ВВС в Англии. Поглощенный туманом, "Джозеф Джонсон" взорвался, и звук взрыва снова и снова повторяло эхо. Штайнер низко пригнулся, когда над ним прошла взрывная волна, и быстро свернул, чтобы увернуться от плюхнувшегося перед ним в море огромного куска металла.

Сыпались обломки. Воздух был полон ими, и что-то нанесло Нойманну скользящий удар по голове. Он с криком взмахнул руками и свалился на спину в море, а торпеда, ринувшись в волну, исчезла.

Хотя Нойманн был без сознания и из жуткой глубокой раны на лбу текла кровь, он благодаря надувному жилету остался на поверхности моря. Штайнер притормозил около него, пропустил под жилет лейтенанта петлю из каната и двинулся дальше к волнорезу, торопясь из-за тумана, который снова окутывал остров.

Отлив становился все сильнее. Штайнер знал, что у него не было шансов добраться до гавани, но он продолжал бороться с

отливом, который должен был в конце концов унести его в Ла-Манш безо всякой надежды на возвращение.

Вдруг он заметил, что Риттер Нойманн пришел в себя и смотрит на него.

— Отпустите меня! — еле слышно сказал Нойманн. — Отрежьте канат. Один вы дойдете.

Штайнер не ответил, сосредоточившись на повороте торпеды вправо. Он вспомнил, что где-то там, в непроницаемой подушке тумана, находился меньший остров. Появился шанс, что отлив может вынести на него. Слабый шанс, но все же лучше, чем ничего.

Штайнер спокойно спросил:

— Сколько мы пробыли вместе, Риттер?

— Вы сами прекрасно знаете, черт возьми, — ответил Риттер. — Впервые я увидел вас над Нарвиком, когда боялся прыгнуть с самолета.

— Теперь вспомнил, — сказал Штайнер. — Я как-то сумел убедить вас.

— Можно и так сказать, — согласился Риттер. — Вы вышвырнули меня.

Зубы у него стучали, он очень сильно замерз. Штайнер наклонился проверить конец. "Да, сопливый восемнадцатилетний берлинец, только что из университета. Всегда с томиком стихов в кармане. Профессорский сынок, который прополз под огнем пятьдесят ярдов, чтобы принести мне индивидуальный пакет, когда меня ранило у канала Альберта".

— Мне надо было дать вам умереть, — мрачно сказал Риттер. — Посмотрите, во что вы меня втянули. Крит, присвоение офицерского звания, которое мне было ни к чему. Россия и теперь это. Выгодное дельце! — Он закрыл глаза и тихо сказал: "Очень жаль, Курт, но все ни к чему".

Неожиданно их подхватил поток воды и понес к рифам у острова. Там застряло судно, вернее, его половина — все что осталось от французского каботажного судна, налетевшего на рифы. Остатки кормовой палубы отлого спускались в воду. Подхваченный волной, Штайнер скатился с торпеды и ухватился одной рукой за поручни судна. Другой рукой он сжимал конец каната, привязанный к Нойманну.

Волна откатилась, потянув за собой торпеду. Штайнер встал. Он поднялся по наклонной палубе к остаткам рубки, уперся ногами в проем сломанной двери и потянул за собой своего товарища. Рубка была без крыши. Начался мелкий дождик.

— Теперь что? — спросил Нойманн слабым голосом.

— Сидим крепко, — ответил Штайнер. — Как только туман рассеется, Брандт выйдет на поиски на спасательном судне.

— Сигаретка бы не помешала, — сказал Нойманн, но осекся и, оцепенев, указал на сломанную дверь. — Посмотрите!

Штайнер подошел к поручням. Вода, завихряясь и крутясь среди рифов и скал, несла с собой отбросы войны — плывущий ковер — все, что осталось от "Джозефа Джонсона".

— Значит, мы попали, — сказал Нойманн. Он попытался встать. — Курт, там внизу человек в желтом спасательном жилете. Поглядите, под кормой.

Штайнер скользнул в воду под корму, проталкиваясь среди обломков к человеку, который лежал на воде с откинутой назад головой и закрытыми глазами. Он был очень молод, светлые волосы прилипли к голове. Штайнер ухватил его за спасательный жилет и потащил к безопасному месту на разбитой корме. Открыв глаза, человек смотрел на него и, покачивая головой, пытался что-то сказать.

— Что такое? — спросил Штайнер по-английски.

— Пожалуйста, — прошептал юноша, — отпустите меня.

Глаза его закрылись снова, и Штайнер подплыл с ним к корме. Нойманн, наблюдавший из рубки, увидел, что Штайнер потащил юношу по наклонной палубе, остановился, а затем мягко опустил в воду. Поток понес тело за риф. Штайнер тяжело поднялся на палубу.

— Что там было? — слабым голосом требовательно спросил Нойманн.

— Обе ноги оторваны до колен. — Штайнер осторожно сел и обхватил ногами поручни. — Какое стихотворение Элиота ты всегда повторял в Сталинграде? То, которое я не любил.

— Думаю, что мы в царстве крыс, — ответил Нойманн. — Там, где мертвые потеряли свои кости.

— Теперь я его понял, — сказал ему Штайнер. — Теперь я точно понял, что он хотел сказать.

Они сидели молча. Стало холоднее, дождь усилился, быстро рассеивая туман. Минут через двадцать они услышали невдалеке звук мотора. Штайнер вытащил из мешка на правой ноге маленький сигнальный пистолетик, зарядил его непромокаемым патроном и выстрелил красную ракету.

Некоторое время спустя из тумана выплыло спасательное судно, замедлило ход и подошло к ним. Обер-фельдфебель Брандт стоял на носу, держа наготове спасательный конец. Огромный, ростом намного больше шести футов, и очень широкий, Брандт несколько нелепо выглядел в желтом клеенчатом плаще с надписью на спине: "Королевское национальное управление спасательных лодок". Вся остальная команда состояла из людей Штайнера. На руле — унтер-офицер Штурм, палубными матросами — унтер-офицер Бригель и рядовой Берг.

Брандт спрыгнул на наклонную палубу и зацепил конец за поручни. Штайнер и Нойманн соскользнули к нему.

— Вы взорвали судно, господин полковник. Что с Лемке?

— Как всегда, изображал героя, — ответил Штайнер. — На этот раз он зашел слишком далеко. Осторожно с лейтенантом Нойманном. У него большая рана на голове.

— Унтер-офицер Альтманн вышел на другом судне с Риделем и Мейером. Может, они найдут его следы. У него ведь дьявольское везенье, у этого парня. — Брандт с удивительной легкостью поднял Нойманна над поручнями. — Положите его в каюте.

Но Нойманн сел на палубе, прислонившись к поручням на корме. Штайнер присел рядом. Брандт дал им по сигарете. Судно двинулось. Штайнер чувствовал себя очень усталым, больше, чем когда-либо за долгие годы. Пять лет войны. Иногда казалось, что это не только все, что есть, но и что всегда было.

Спасатель обогнул адмиралтейский волнорез и прошел вдоль него около тысячи ярдов. В гавани было удивительно много судов, большей частью французских каботажных, доставивших с континента строительные материалы для новых укреплений, которые возводились по всему острову.

Маленький пирс был удлинен. Когда спасатель подошел, моряки на палубе прокричали "ура", а молодой бородатый лейтенант в теплом свитере и просоленном капюшоне торжественно встал по стойке "смирно" и отдал честь.

— Отличная работа, господин полковник.

Штайнер отдал честь в ответ и перескочил через поручни. "Огромное спасибо, Кениг".

Он пошел по лестнице на верхнюю площадку, за ним Брандт, сильной рукой поддерживая Нойманна. В это время на берегу большой черный лимузин старой модели свернул к пирсу и остановился. Из него выскочил шофер и открыл заднюю дверцу.

Первым из машины вышел человек, который в этот момент исполнял обязанности коменданта острова, Ганс Нойхофф, полковник артиллерии. Как и Штайнер, он был ветераном Зимней кампании, ранен под Ленинградом в грудь. Он так и не выздоровел — легкие его были сильно повреждены, и вылечить их было невозможно. Он смотрел отсутствующим взглядом человека, медленно умирающего и знающего это. За ним из машины вышла его жена.

Ильзе Нойхофф в то время было двадцать семь лет. Блондинка аристократического вида с широким, благородным ртом и красивыми скулами. Большинство людей поворачивались ей вслед не только потому, что она красива, но и потому, что лицо ее всем казалось знакомым. У нее была счастливая карьера киноактрисы не на первых ролях в ЮФА в Берлине. Она при-

надлежала к тем странным людям, которых все любят, и была очень популярна в берлинском обществе.

Ильзе вышла замуж за Ганса Нойхоффа по истинной привязанности, простиравшейся дальше сексуальной любви, к которой он был, кстати, больше не способен. Она выходила его и поставила на ноги после России, поддерживала его на каждом шагу и пустила в ход все свое влияние, чтобы добыть ему его нынешнюю должность, даже получила по протекции самого Геббельса пропуск, чтобы навещать его. Между ними существовало взаимопонимание — теплое и двустороннее, и именно благодаря этому она могла идти встречать Штайнера и поцеловать его открыто в щеку.

— Вы заставили нас поволноваться, Курт.

Нойхофф обменялся с ним рукопожатием, по-настоящему радуясь:

— Чудесная работа, Курт. Я сразу же сообщу в Берлин.

— Ради бога, не делайте этого, — сказал Штайнер с шутливой тревогой. — Они могут решить отправить меня обратно в Россию.

Ильзе взяла его под руку:

— Этого не было на картах, когда я в последний раз гадала вам, но если хотите, я сегодня снова посмотрю.

С нижнего пирса раздались крики приветствий. Все поспешили к краю и увидели, что подошло второе спасательное судно. На носовой палубе лежало тело, укрытое одеялом. Альтманн вышел из рубки.

— Господин подполковник? — воскликнул он, ожидая приказаний.

Штайнер кивнул, и Альтманн на мгновение приподнял одеяло. Нойманн подошел к Штайнеру и горько сказал:

— Лемке. Крит, Ленинград, Сталинград — все эти годы вместе, и вот как все кончается.

— Когда имя твое написано на пуле, ты ее и получаешь, — сказал Брандт.

Штайнер обернулся и взглянул на обеспокоенное лицо Ильзе Нойхофф:

— Бедная моя Ильзе, оставьте лучше ваши карты в коробке. Еще несколько дней, подобных этому, и дело будет не столько в том, что "будет", сколько в том "когда".

Он взял ее под руку, весело улыбаясь, и повел к машине.

В этот день у Канариса была встреча с Риббентропом и Геббельсом, и Радла он смог принять только в шесть часов. Отчет о суде над Штайнером так и не появился.

Без пяти шесть Хофер постучал и вошел в кабинет Радла.

— Пришли? — нетерпеливо спросил Радл.

— Боюсь, что нет, господин полковник.

– Ради бога, почему? – сердито спросил Радл.
– Похоже, что, поскольку случай касался жалобы со стороны СС, протоколы находятся на Принц-Альбрехтштрассе.
– Вы подготовили план, о котором я вас просил?
– Господин полковник. – Хофер передал ему аккуратно отпечатанный листок.
Радл быстро просмотрел его.
– Отлично, Карл. Действительно отлично. – Он улыбнулся и обтянул свою и так безукоризненно сидящую форму. – Ваше дежурство кончилось, верно?
– Я бы предпочел подождать, пока господин полковник вернется, – сказал Хофер.
Радл улыбнулся и похлопал его по плечу:
– Ладно, покончим с этим делом.

Ординарец подавал адмиралу кофе, когда вошел Радл.
– А, вот и вы, Макс, – весело сказал Канарис. – Присоединитесь?

– Благодарю вас, господин адмирал.
Ординарец налил еще одну чашку, поправил маскировочные шторы и вышел. Канарис вздохнул, поудобнее уселся в кресле и наклонился, чтобы потрепать уши одной из своих такс. Вид у него был усталый, в глазах и вокруг рта – следы перенапряжения.

– У вас утомленный вид, – сказал ему Радл.
– У вас тоже был бы, если бы вы совещались с Риббентропом и Геббельсом весь день. Эти двое становятся все невыносимее с каждой нашей встречей. По словам Геббельса, мы все еще побеждаем в войне, Макс. Было ли когда-нибудь что-либо более абсурдное?

Радл просто не знал, что сказать, но его спас адмирал, который продолжал:

– Да, о чем вы хотели со мной поговорить?
Радл положил отпечатанный план Хофера на стол, и Канарис начал читать. Через некоторое время он поднял голову в явном замешательстве:

– Ради бога, что это?
– Анализ осуществимости, который вы просили, господин адмирал. Дело Черчилля. Вы просили меня что-нибудь изложить на бумаге.

– А, да. – Теперь на лице адмирала было понимание, и он снова взглянул на листок. Минуту спустя он улыбнулся: – Да, очень хорошо, Макс. Совершеннейшая чушь, конечно, но на бумаге в ней своего рода сумасшедшая логика. Держите его под

рукой на случай, если Гиммлер напомнит фюреру спросить меня, сделали ли мы что-нибудь по этому вопросу.

– Вы хотите сказать, что это все, господин адмирал? – спросил Радл. – Вы не хотите, чтобы я дальше занимался им?

Канарис открыл папку и теперь поднял голову с явным удивлением:

– Дорогой мой Макс, по-моему, вы не совсем поняли задание. Чем абсурднее идея, высказанная в этой игре вашим начальством, тем восторженнее вы должны принимать ее, какой бы ненормальной она ни была. Вложите весь свой энтузиазм – наигранный, конечно, – в проект. Через какое-то время позвольте себе высказаться о трудностях, так что постепенно ваши хозяева сами обнаружат, что дело не идет. Поскольку никто не любит связываться с заведомым провалом, то, если его можно избежать, весь проект будет тихо похоронен. – Он засмеялся и постучал пальцем по листку с планом. – Имейте в виду, что даже фюреру понадобится очень большое воображение, чтобы увидеть какие-то возможности в такой сумасшедшей эскападе, как эта.

Радл неожиданно для себя сказал:

– Это осуществимо, господин адмирал. У меня даже есть хорошая кандидатура на главную роль.

– Я уверен, что у вас есть, Макс, даже если вы работали над заданием с половинной тщательностью, чем обычно. – Он улыбнулся и отодвинул от себя листок. – Я вижу, что вы приняли все дело слишком серьезно. Возможно, мои замечания о Гиммлере обеспокоили вас. Не стоит беспокоиться, поверьте мне. Я умею с ним справляться. У вас достаточно написано, чтобы удовлетворить его, если возникнет необходимость. Есть масса других вещей, которыми вы можете сейчас заняться, – действительно важных.

Он кивнул на прощание и взял ручку. Радл упрямо сказал:

– Но, господин адмирал, если фюрер желает...

Канарис сердито взорвался, бросив на стол ручку:

– Господи, боже мой, парень, убивать Черчилля, когда мы уже проиграли войну? Чем это может помочь?

Он вскочил и оперся обеими руками на стол. Радл стоял неподвижно по стойке "смирно", тупо глядя в пространство над головой адмирала. Канарис, вспыхив, понял, что зашел слишком далеко, что его сердитые слова можно было считать государственной изменой и что было слишком поздно брать их обратно.

– Вольно, – скомандовал он.

Радл выполнил приказ.

– Господин адмирал.

— Мы давно знаем друг друга, Макс.

— Да, сэр.

— Поэтому доверьтесь мне. Я знаю, что делаю.

— Очень хорошо, господин адмирал, — твердо сказал Радл.

Он отступил, щелкнул каблуками, повернулся и вышел. Канарис оперся руками на стол. Вид у него вдруг стал измученный и старый. "Господи, — прошептал адмирал, — когда уж конец?"

Канарис взял кофе, и при этом рука его так дрожала, что чашка застучала по блюдцу.

Когда Радл вошел в кабинет, Хофер приводил в порядок бумаги на столе. Сержант нетерпеливо обернулся и увидел выражение лица Радла.

— Адмиралу не понравилось, господин полковник?

— Он сказал, что в этом есть какая-то сумасшедшая логика, Карл. Но он нашел этот план весьма забавным.

— Дальше что, господин полковник?

— А ничего, Карл, — устало сказал Радл и сел за стол. — Он на бумаге, этот анализ осуществимости, который им был нужен и который они, возможно, и не затребуют. Это все, что от нас требовалось. Мы займемся чем-нибудь другим.

Радл взял одну из русских папирос, Хофер поднес ему зажигалку.

— Принести вам что-нибудь, господин полковник? — спросил он, и в голосе его было сочувствие, но осторожно выраженное.

— Нет, благодарю, Карл. Ступайте домой. Увидимся утром.

— Господин полковник, — Хофер щелкнул каблуками, но замешкался.

Радл сказал:

— Ступайте, Карл, вы молодец, благодарю вас.

Хофер вышел. Радл провел рукой по лицу. Пустая глазница горела, отрезанная рука болела. Иногда он чувствовал, что, когда его собирали врачи, они неправильно завели его. Поражительно, до чего он был разочарован. Просто испытывал чувство настоящей личной потери.

— Может, это и к лучшему, — тихо сказал он. — Я начал относиться к этому проклятому делу слишком серьезно.

Он сел, открыл папку с донесениями Джоанны Грей и принялся читать. Затем начал разворачивать военно-топографическую карту, но остановился. Хватит с него на сегодня этого малюсенького кабинета, хватит с него абвера. Из-под стола он вытащил портфель, сунул туда папки и карту, снял с вешалки за дверью свое кожаное пальто.

Для налета англичан было еще слишком рано, и когда он

вышел из главного подъезда, город казался неестественно тихим. Радл решил воспользоваться кратковременной тишиной и пройти пешком домой в свою маленькую квартирку, вместо того чтобы вызывать служебную машину. Голова у него раскалывалась, и моросивший легкий дождик был по-настоящему освежающим. Он сошел с крыльца, ответил на приветствие часового и прошел под затемненным фонарем у входа. Где-то недалеке на улице тронулась машина и остановилась возле него.

Это был черный закрытый "мерседес", такой же черный, как форма двух гестаповцев, которые вышли из машины и ждали. Когда Радл увидел род войск того из них, кто стоял ближе к нему, сердце его замерло: сотрудник личного штата рейхсфюрера СС Гиммлера.

На молодом человеке была шляпа с опущенными полями и черное кожаное пальто. В улыбке — какое-то беспощадное очарование, свойственное лишь абсолютно неискренним людям.

— Полковник Радл? Так рад, что мы застали вас. Рейхсфюрер свидетельствует свое почтение. Если бы вы нашли удобным для себя уделить ему немного времени, он был бы вам благодарен. — Молодой человек ловко взял портфель из руки Радла. — Разрешите мне его нести.

Радл облизал сухие губы и с трудом улыбнулся:

— Конечно же, — сказал он и сел на заднее сиденье "мерседеса".

Молодой человек сел рядом, второй — впереди, и они поехали. Радл заметил, что тот, который не вел машину, держал на коленях пулемет Эрма. Он глубоко вздохнул, чтобы справиться со страхом, поднимавшимся внутри.

— Сигарету, господин полковник?

— Благодарю, — сказал Радл. — Кстати, куда мы едем?

— На Принц-Альбрехтштрассе. — Молодой человек поднес ему огонь и улыбнулся: — В штаб гестапо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда Радла ввели в кабинет на втором этаже, он увидел Гиммлера, сидевшего за большим письменным столом, на котором лежала стопка папок. На нем была полная форма рейхсфюрера СС — настоящий дьявол в черном при приглушенном свете, а когда он поднял голову, его взгляд за серебряным пенсне был холодным и бесстрастным.

Молодой человек в черном кожаном пальто отдал нацистское приветствие и поставил портфель на стол.

— По вашему приказанию, господин рейхсфюрер.

— Благодарю, Россман, — ответил Гиммлер. — Подождите в приемной. Вы мне можете понадобиться.

Россман вышел. Радл ждал, пока Гиммлер очень аккуратно складывал папки на одной стороне стола, как бы расчищая место для боя. Гиммлер подвинул к себе портфель и задумчиво посмотрел на него. Как ни странно, но к Радлу вернулось присутствие духа и черный юмор, который спасал его во многих случаях.

— Даже приговоренный к смерти имеет право на последнюю сигарету, господин рейхсфюрер.

Гиммлер широко улыбнулся, что было для него необычно, учитывая, как часто он высказывал отвращение к табаку.

— Почему бы нет? — Он махнул рукой. — Мне говорили, что вы храбрец, господин полковник. Вы заслужили свой "Рыцарский крест" во время Зимней кампании?

— Точно, господин рейхсфюрер. — Радл вытащил одной рукой свой портсигар и ловко открыл его.

— И с тех пор работаете у адмирала Канариса?

Радл ждал, куря папиросу и пытаясь растянуть ее. Гиммлер снова уставился на его портфель. В полутьме комната выглядела очень приятно. В камине ярко горел огонь, над ним в золотой раме был портрет фюрера с дарственной надписью.

Гиммлер сказал:

— Не многое происходит на Тирпиц-Уфер в эти дни, о чем бы я не знал. Это вас удивляет? Например, я знаю, что двадцать второго числа сего месяца вам показали очередное донесение агента абвера в Англии, некоей миссис Джоанны Грей, в котором фигурировало магическое имя Уинстона Черчилля.

— Господин рейхсфюрер, не знаю, что и сказать, — проговорил Радл.

— И что еще более интересно, вы приказали перевести весь ее архив из первого отдела к вам и освободили капитана Мейера, который на протяжении многих лет держал связь с этой леди, от его обязанностей. — Гиммлер положил руку на портфель. — Послушайте, господин полковник, мы вышли из того возраста, когда играют в игры. Вы знаете, о чем я говорю. Итак, что вы можете рассказать мне?

Макс Радл был реалистом и понимал, что выбора у него не было. Он сказал:

— В портфеле рейхсфюрер найдет все, что можно узнать, кроме одной вещи.

— Протокола суда военного трибунала над подполковником Куртом Штайнером из парашютного полка? — Гиммлер взял верхнюю папку из стопки на столе и передал ее Радлу. — Справедливый обмен. Предлагаю вам прочесть это в другой комнате. — Он открыл портфель и начал вынимать содержимое. — Я пришла за вами, когда вы понадобитесь.

Радл поднял было руку, но последние остатки собственного достоинства превратили это движение в четкое, хотя и обычное приветствие. Он повернулся кругом, открыл дверь и вышел в приемную.

Россман, развалившись в кресле, читал журнал вермахта "Сигнал". Он удивленно посмотрел на Радла:

— Уже уходите?

— Настолько не повезло. — Радл бросил папку на низкий журнальный столик и начал расстегивать ремень. — Похоже, мне придется кое-что почитать.

Россман дружески улыбнулся:

— Посмотрю, может, раздобуду нам кофе. Мне кажется, что вы у нас пробудете довольно долго.

Он вышел. Радл закурил папиросу, сел и начал читать.

Окончательное уничтожение варшавского гетто и сравнение его с землей было назначено на 19 апреля. День рождения Гитлера был 20-го, и Гиммлер надеялся, что эта добрая весть будет хорошим подарком. К сожалению, когда командующий операцией оберфюрер СС фон Заммерн-Франкенегг и его люди вошли в гетто, их выгнала оттуда еврейская боевая дружина под командованием Мордуха Аниелевича.

Гиммлер немедленно сместил командующего и назначил бригадефюрера СС, генерал-майора полиции Юргена Штропа, который, объединив усилия СС и предателей польской и украинской национальностей, серьезно взялся за дело, поставив целью не оставить камня на камне и ни одного живого еврея. И все для того лишь, чтобы лично отпартовать Гиммлеру, что *варшавского гетто больше не существует*. На выполнение этой задачи ему потребовалось двадцать восемь дней.

Штайнер со своими людьми прибыл в Варшаву утром тринадцатого дня на санитарном поезде, направлявшемся в Берлин с ранеными на Восточном фронте. В Варшаве пришлось задержаться на час-два, в зависимости от того, сколько времени потребуется для ремонта вышедшей из строя системы охлаждения паровоза, и по всему составу объявили в мегафон приказ, что выходить за пределы станции запрещается. Чтобы обеспечить выполнение приказа, у выходов поставили военных полицейских.

Большинство людей Штайнера оставались в вагонах, но сам он вышел размяться. Риттер Нойманн присоединился к нему. Сапоги Штайнера прохудились до дыр, его кожаная куртка решительно видела лучшие дни. На нем было грязное белое кашне

и пилотка такого образца, который можно было встретить среди унтер-офицеров, но отнюдь не офицеров.

Военный полицейский, охранявший главный вход, преградил им винтовкой путь и грубо сказал: "Приказ слышали? Назад!"

— Похоже, они держат нас под присмотром по какой-то причине, господин полковник, — сказал Нойманн.

У военного полицейского отвалилась челюсть, и он быстро встал по стойке "смирно".

— Прошу прощения у господина полковника. Я не разобрался.

Сразу раздались быстрые шаги, и грубый голос потребовал:

— Шульц, что тут происходит?

Штайнер и Нойманн не обратили на него внимания и пошли дальше. Над городом висел черный дым, вдалеке гремела артиллерия и раздавались звуки стрельбы. Рука на плече Штайнера крутанула его, и он оказался лицом к лицу с майором в безукоризненно сидящей форме. На шее у него висела на цепи медная табличка военной полиции. Штайнер вздохнул и сдвинул белый шарф, выставив не только петлицы, по которым был виден его чин, но и "Рыцарский крест" с "Дубовыми листьями".

— Штайнер, — представился он. — Парашютный полк.

Майор вежливо взял под козырек, но только потому, что пришлось это сделать.

— Прошу прощения, господин полковник, но приказ есть приказ.

— Ваша фамилия? — потребовал Штайнер.

Несмотря на ленивую улыбку, в его голосе зазвучал металл, который намекал на возможность неприятностей.

— Отто Франк, господин полковник.

— Хорошо, теперь, когда мы познакомились, не будете ли вы так добры точно объяснить, что здесь происходит? Я-то думал, что польская армия сдалась в тридцать девятом году.

— Сметают с лица земли варшавское гетто, — сказал Франк.

— Кто?

— Войска специального назначения, СС и различные другие группы под командованием бригадефюрера Юргена Штроопа. Еврейские бандиты, господин полковник, дерутся за каждый дом, в подвалах, в канализационных трубах вот уже тринадцать дней. Пришлось выкуривать их огнем. Лучший способ уничтожения вшей.

Получив отпуск после ранения под Ленинградом, Штайнер навестил своего отца во Франции и нашел его сильно изменившимся. У генерала давно возникли сомнения в отношении нового порядка. Шесть месяцев назад он посетил концентрационный лагерь Освенцим в Польше.

— Командовал лагерем боров по имени Рудольф Гесс, Курт. Не поверишь, убийца, отбывавший пожизненное заключение и выпущенный с каторги по амнистии в 1928 г. Он тысячами убивал евреев в специально построенных газовых камерах, уничтожал тела в огромных печах. Но после того, как из тела выдернут такие мелочи, как золотые зубы и тому подобное.

Рассказывая, старый генерал напился и все же не был пьян.

— Неужели мы за это боремся, Курт? Чтобы защитить свиней вроде Гесса? А что скажет весь мир, когда наступит время расплаты? Что мы все виноваты? Что Германия виновата, потому что мы при этом присутствовали? Порядочные и благородные люди присутствовали и ничего не делали? Но не я, клянусь богом. Я не мог бы жить с собой в мире.

Воспоминания отразились на лице Курта Штайнера, и, видя выражение его лица, майор отошел в сторону.

— Так-то лучше, — сказал Штайнер, — и если бы вы могли при этом улетучиться, я был бы премного обязан.

Удивление в глазах майора Франка быстро сменилось гневом, когда Штайнер в сопровождении Нойманна прошел мимо него.

— Полегче, господин полковник, полегче, — сказал Нойманн.

На платформе по другую сторону линии эсэсовцы ставили к стене группу оборванных и грязных людей. Невозможно было разобрать, мужчины это или женщины. По приказу они начали раздеваться.

На краю платформы за ними наблюдал военный полицейский. Штайнер спросил: "Что там происходит?"

— Евреи, господин полковник, — ответил тот. — Урожай сегодняшнего утра из гетто. Их отправят в Треблинку, чтобы прикончить сегодня же, попозже. Их заставляют раздеваться перед обыском главным образом из-за женщин. У некоторых в трусах заряженные пистолеты.

Раздался грубый смех эсэсовцев, и кто-то закричал от боли. Штайнер с отвращением повернулся к Нойманну и увидел, что лейтенант смотрит в конец воинского эшелона. Молоденькая девушка лет четырнадцати или пятнадцати с растрепанными волосами и черным от сажи лицом, в подрезанном мужском пальто, подпоясанном веревкой, скрючилась под вагоном. Она, по-видимому, выскользнула из группы задержанных и намеревалась вырваться на свободу, пристроившись под вагоном санитарного поезда.

Военный полицейский тоже заметил ее. Он поднял тревогу, прыгнул на рельсы и схватил девушку. Она завизжала, вырвалась из его рук, взобралась на платформу и побежала к выходу, прямо в руки майора полиции Франка.

Он схватил ее за волосы и встряхнул, как крысу: "Грязная еврейская сучка. Я научу тебя, как себя вести".

Штайнер бросился вперед.

— Не надо, господин полковник! — воскликнул Нойманн, но было уже поздно.

Штайнер крепко ухватил Франка за воротник, дернув так, что майор едва не упал, схватил девушку за руку и спрятал за спиной.

Майор Франк встал, лицо его дергалось от ярости. Рука потянулась к "вальтеру" в кобуре на поясе, но Штайнер выхватил из кармана своего кожаного пальто автоматический пистолет и ткнул им в переносицу майора. "Одно движение, и я разможу вам голову, — сказал он. — Если вдуматься, так я облагодетельствую человечество".

Подбежало не меньше дюжины полицейских — у одних в руках автоматические пистолеты, у других — винтовки. Встали полукругом в трех-четыре ярдах. Высокий унтер-офицер направил на Штайнера автомат, но Штайнер крепко держал Франка за шиворот, вдавив в него дуло пистолета.

— Я бы не советовал.

В это время через станцию проходил со скоростью пять-шесть миль в час паровоз с открытыми платформами, груженными углем. Штайнер спросил у девушки, не оборачиваясь: "Как тебя зовут, детка?"

— Брана, — ответила она. — Брана Леземникова.

— Ну, Брана, — сказал он, — если ты хоть наполовину такая девчонка, как я о тебе думаю, ты ухватишься за одну из этих угольных платформ и не отпустишь, пока не выберешься отсюда. Вот все, что я могу для тебя сделать. — Бранка мгновенно вскочила, а Штайнер повысил голос: — Тот, кто выстрелит в девчонку, выстрелит и в майора.

Девушка подскочила к платформе, уцепилась и подтянулась. Поезд все дальше уходил от станции. Стало тихо.

Франк процедил: "Ее снимут на первой же станции. Я об этом лично позабочусь".

Штайнер оттолкнул его и спрятал в карман пистолет. Сразу же военные полицейские придвинулись к ним, но Риттер Нойманн воскликнул: "Не сегодня, джентльмены!"

Штайнер обернулся. В руках лейтенанта он увидел пулемет-пистолет МР-40. За Нойманном стояли их люди, вооруженные до зубов.

В этот момент могло произойти все, что угодно, если бы не неожиданная суматоха у главного входа. Ворвалась группа эсэсовцев, держа ружья наизготове. Они построились буквой V, минуту спустя появился бригадефюрер СС и генерал-майор по-

лиции Юрген Штрооп, а с ним три или четыре офицера СС разных чинов — все вооруженные. На Штроопе, удивительно непривлекательном с виду, была полевая фуражка и боевая форма.

— Что происходит, Франк?

— Спросите его, господин бригадефюрер, — сказал Франк с перекошенным от ярости лицом. — Этот человек, офицер германской армии, только что дал возможность сбежать еврейской террористке.

Штрооп оглядел Штайнера, обратив внимание на знаки различия и "Рыцарский крест" с "Дубовыми листьями". "Вы кто такой?" — потребовал он.

— Курт Штайнер, парашютный полк, — ответил Штайнер. — А кем бы вы могли быть?

Не было случая, чтобы Юрген Штрооп вышел из себя. Он спокойно ответил:

— Со мной так разговаривать нельзя, господин полковник. Я генерал-майор, как вы прекрасно знаете.

— И мой отец тоже, — сказал ему Штайнер, — поэтому на меня ваш чин не производит особого впечатления. Тем не менее — раз вы подняли этот вопрос — вы бригадефюрер Штрооп, человек, руководящий вон тем побоищем?

— Да, я здесь командующий.

Штайнер сморщил нос:

— Я так и думал. Знаете, кого вы мне напоминаете?

— Нет, господин полковник, — сказал Штрооп. — Скажите, прошу вас.

— То, что иногда прилипает к сапогу в канаве, — отрезал Штайнер. — Очень неприятно в жаркий день.

Юрген Штрооп, сохраняя ледяное спокойствие, протянул руку. Штайнер вздохнул, вытащил из кармана пистолет и отдал его. Через плечо он посмотрел на своих людей: "Вот так, ребята, опустите оружие. — И снова обернулся к Штроопу: — По какой-то непонятной причине они мне преданы. Есть ли какой-либо шанс удовлетвориться мною и не придавать значения их роли в этом деле?"

— Ни малейшего, — резко ответил бригадефюрер Юрген Штрооп.

— Я так и думал, — сказал Штайнер. — Горжусь тем, что сразу же различаю законченного негодяя, когда он мне попадается.

Радл долго сидел с папкой на коленях после того, как кончил читать протокол суда военного трибунала. Штайнеру повезло, его не расстреляли, возможно ему помогло влияние отца, — ведь

все-таки и он, и его люди были героями войны. Расстрел кавалера ордена "Рыцарский крест" с "Дубовыми листьями" мог плохо сказаться на моральном духе армии. А операция "Рыба-меч" на Нормандских островах, в конце концов, была верным способом от всех них отделаться. Гениальная мысль, пришедшая кому-то в голову.

Россман развалился в кресле напротив. Он, видимо, спал, и черная шляпа с опущенными полями съехала ему на глаза, но когда над дверью мелькнул свет, он вскочил на ноги. Вошел без стука и через мгновение вернулся.

— Вас зовет.

Рейхсфюрер все еще сидел за столом. Теперь перед ним была разложена военно-топографическая карта. Он поднял голову: "Как вам понравилась веселая проделка Штайнера в Варшаве?"

— Поразительная история, — осторожно заметил Радл. — Не... неординарный человек.

— Я бы сказал, один из храбрейших, кого когда-либо встретишь, — спокойно сказал Гиммлер. — Одаренный высоким интеллектом, отважный, безжалостный, блестящий солдат — и романтичный дурак. Я думаю, что в нем говорит его американская половина. — Рейхсфюрер покачал головой. — "Рыцарский крест" с "Дубовыми листьями". После Русской кампании фюрер захотел лично с ним встретиться. А он что делает? Отбрасывает все: карьеру, будущее, все ради какой-то еврейской сучки, которую он в жизни до этого в глаза не видел.

Он посмотрел на Радла, как будто ждал ответа, и Радл неуверенно сказал: "Поразительно, господин рейхсфюрер".

Гиммлер кивнул, а затем, как будто полностью отбросив эту тему, потер руки и наклонился над картой. "Донесения Грей действительно великолепны. Выдающийся агент. Получится?"

— Думаю, что да, — без колебания ответил Радл.

— А адмирал? Что думает адмирал?

Мысли в голове у Радла завертелись, пока он пытался сформулировать подходящий ответ: "На этот вопрос ответить трудно".

Гиммлер откинулся в кресле, скрестив руки. На мгновение Радлу показалось, что он стоит в коротких штанишках перед своим старым сельским учителем. Дикость какая-то.

— Можете не говорить, я догадываюсь. Ценю преданность, но в данном случае вы бы лучше помнили, что на первом плане — преданность Германии, фюреру.

— Естественно, господин рейхсфюрер, — поспешно сказал Радл.

— К сожалению, есть такие, кто с этим не согласен, — продолжал Гиммлер. — Подрывные элементы на всех уровнях в

обществе. Даже среди генералов верховного командования. Это вас удивляет?

Радл, пораженный до глубины души, сказал:

— Господин рейхсфюрер, не могу поверить...

— Что люди, присягнувшие на личную преданность фюреру, могут вести себя так подло? — Он с легкой грустью покачал головой. — У меня есть все основания считать, что в марте этого года офицеры вермахта в высоких чинах подложили в самолет фюрера бомбу, которая должна была взорваться в полете из Смоленска в Растенбург.

— Господи боже мой, — пробормотал Радл.

— Бомба не взорвалась, ее убрали люди, которые были связаны с этим покушением. Конечно, начинаешь острее, чем когда-либо, понимать, что мы не можем проиграть, что окончательная победа должна быть за нами. Совершенно очевидно, что фюрера спасло вмешательство божественных сил. И это меня ничуть не удивляет. Я всегда верил, что за кулисами природы есть какое-то высшее существо. Вы согласны?

— Конечно, господин рейхсфюрер, — ответил Радл.

— Да, если бы мы отказались признать это, то были бы не лучше марксистов. Я утверждаю, что все эсэсовцы верят в бога. — Он на минутку снял пенсне и нежно погладил пальцем переносицу. — Итак, повсюду предатели. И в армии, и на флоте, на самом высоком уровне. — Надев пенсне, он посмотрел на Радла.

— Так что, вы видите, Радл, у меня самые убедительные основания для уверенности в том, что адмирал Канарис должен был наложить вето на ваш проект.

Радл тупо уставился на него. Кровь у него похолодела. Гиммлер мягко продолжал: "Это бы не совпадало с его главной задачей, и задача эта вовсе не победа германского рейха в войне, уверяю вас".

Чтобы глава абвера действовал против государства? Чудовищная мысль. Но тут Радл вспомнил колкие слова адмирала. Его уничижительные замечания о высокопоставленных государственных деятелях, а по временам — и о самом фюрере. Его сегодняшняя реакция. Мы проиграли войну. И это — от главы абвера!

Гиммлер нажал кнопку звонка. Вошел Россман. "У меня будет важный телефонный разговор. Проведите господина полковника по нашим владениям, минут десять, и приведите обратно. — Он обернулся к Радлу. — Вы ведь не видели наших подвалов?"

— Нет, господин рейхсфюрер.

Радл мог бы добавить, что гестаповские подвалы на Принц-Альбрехтштрассе были последним местом на земле, ко-

торое бы ему хотелось посмотреть. Но он знал, что посмотреть их придется, хочет он этого или нет, знал по легкой улыбке, игравшей на губах Россмана, что все было заранее подстроено.

На первом этаже они прошли по коридору, который вел в глубину здания. В его конце находилась железная дверь, охраняемая двумя гестаповцами в стальных шлемах и с пистолетами-пулеметами. — Вы что, ждете войны или чего-нибудь в этом роде? — спросил Радл.

Россман ухмыльнулся:

— Скажем, чтобы произвести впечатление на клиентов.

Дверь отперли, и первым спустился Радл. Коридор внизу был ярко освещен, кирпичные стены окрашены в белый цвет, двери открывались направо и налево. Было поразительно тихо.

— Можно начать и отсюда, — сказал Россман, открыл ближайшую дверь и зажег свет.

Это был достаточно тривиальный подвал, окрашенный в белый цвет, за исключением одной стены, производившей удивительно грубое впечатление, так как поверхность была неровной и покрытой множеством пятен. Около стены по потолку проходила балка, с которой свешивались цепи с пружинными стременами на конце.

— Вещь, которая применяется в последнее время очень успешно. — Россман вытащил из кармана пачку сигарет и предложил одну Радлу. — Лично я считаю это сооружение никчемным. Ну зачем доводить человека до сумасшествия, если вы хотите, чтобы он заговорил?

— А что происходит?

— Подозреваемого подвешивают на стременах и включают ток. Чтобы ток проходил сильнее, на стену льют ведрами воду. Поразительно, что это делает с людьми. Если вы ближе присмотритесь, то поймете, что я имею в виду.

Радл подошел к стене и увидел: то, что он принимал за грубую поверхность, на самом деле было слоями засохшей человеческой кожи, оставшейся на бетоне в тех местах, где жертвы пытались ползти по нему, терзаемые мучительной болью.

— Инквизиция гордилась бы вами.

— Не будьте саркастичным, господин полковник, здесь это опасно. Я видел здесь генералов на коленях, умолявших о пощаде. — Россман весело улыбнулся. — Но ее нет ни здесь, ни там. — Он пошел к двери. — Что теперь вам показать?

— Ничего, благодарю вас, — ответил Радл. — Вы мне все разъяснили, разве не это было целью мероприятия? Можете вести меня обратно.

— Как скажете, господин полковник. — Россман пожал плечами и погасил свет.

Когда Радл вернулся в кабинет, Гиммлер что-то энергично писал. Он поднял голову и спокойно сказал: "Страшные вещи приходится делать. Лично мне просто делается дурно, не выношу никакого насилия. Проклятие величия в том, господин полковник, что оно должно перешагивать через трупы, чтобы создать новую жизнь".

— Господин рейхсфюрер, — сказал Радл, — что вам нужно от меня?

Гиммлер слегка улыбнулся, умудряясь при этом выглядеть еще более зловеще. "Все очень просто. То самое дело Черчилля. Я хочу, чтобы его довели до конца".

— Но адмирал не хочет.

— У вас большая автономия, верно? Сами ведете свои дела? Много ездите? За последние две недели Мюнхен, Париж, Антверпен? — Гиммлер пожал плечами. — Не вижу причины, почему бы вам не заняться этим без ведома адмирала. Большую часть того, что надо сделать, можно сочетать с другой работой.

— Но почему, господин рейхсфюрер, почему так важно делать это таким путем?

— Потому, во-первых, что я считаю адмирала в этом деле абсолютно неправым. Ваш план можно было бы осуществить, если все пойдет гладко — так, как у Скорцени в Гран Сассо. Если все удастся, если Черчилль будет убит или похищен — а лично я предпочел бы видеть его мертвым, — это будет сенсация на весь мир. Невероятный подвиг оружия.

— То есть если бы все шло, как того хочет адмирал, то не произошло бы сенсации, — сказал Радл. — Теперь я понял. Еще один гвоздь в его гроб?

— Согласитесь, что при данных обстоятельствах он его заслужил.

— Что можно сказать?

— Можно ли таким людям спускать? Именно этого вы хотите, Радл, как преданный германский офицер?

— Но господин рейхсфюрер должен понять, в какое невозможное положение он ставит меня, — сказал Радл. — Мои отношения с адмиралом всегда были отличными. — Слишком поздно Радлу пришло в голову, что едва ли при сложившихся обстоятельствах стоит напирать на это, и он торопливо добавил: — Естественно, моя личная преданность не вызывает сомнений, но на какой авторитет мне придется опираться, чтобы осуществить этот проект?

Из ящика стола Гиммлер достал тяжелый конверт из манильской бумаги. Он открыл его и вынул письмо, которое передал Радлу, не говоря ни слова. Письмо было напечатано на гербовой бумаге с германским орлом и золотым "Железным крестом".

"От руководителя и канцлера государства

Совершенно секретно

Полковник Радл действует по моему прямому личному приказу в деле чрезвычайной важности для рейха. Он подотчетен только мне. Весь персонал, военный и гражданский, без различия ранга должен помогать ему так, как он найдет нужным.

Адольф Гитлер".

Радл был потрясен. Это был самый невероятный документ, какой он когда-либо держал в руках. Таким ключом человек мог открыть любую дверь в стране, не получив ни в чем отказа. По телу его побежали мурашки и прошла странная дрожь.

— Как видите, всякий, кто пожелает подвергнуть этот документ сомнению, должен быть готов вступить в контакт с самим фюрером. — Гиммлер быстро потер руки. — Итак, все решено. Вы готовы взять на себя обязанность, которую фюрер на вас налагает?

И впрямь ничего не оставалось, кроме как сказать очевидное:

— Конечно, господин рейхсфюрер.

— Хорошо, — Гиммлер явно был доволен. — Тогда к делу. Вы правы, когда думаете о Штайнере. Самый подходящий человек для этого дела. Предлагаю вам без промедления поехать и познакомиться с ним.

— Мне кажется, — осторожно сказал Радл, — что в свете недавней истории он может не заинтересоваться таким назначением.

— Выбора у него не будет, — сказал Гиммлер. — Четыре дня назад арестован его отец по подозрению в государственной измене.

— Генерал Штайнер? — удивленно спросил Радл.

— Да, старый дурак, похоже, связался с совершенно неподходящими людьми. В данный момент его везут в Берлин.

— На... на Принц-Альбрехтштрассе?

— Ну конечно. Можете сказать Штайнеру, что послужить рейху любым способом в данный момент будет не только в его интересах. Такое проявление преданности может оказать благоприятное воздействие на решение дела его отца. — Радл искренне был в ужасе. Гиммлер продолжал: — Теперь несколько фактов. Мне хотелось бы, чтобы вы поподробнее остановились на вопросе о переодевании, который вы упоминаете в своем плане. Это меня интересует.

У Радла зародилось чувство полной нереальности. Никто не был в безопасности — никто. Он знал людей, целые семьи, исчезнувшие после визита гестапо. Он подумал о жене Труди, о трех любимых дочерях, и та же неистовая отвага, которая провела его сквозь Зимнюю кампанию, пронизала его снова. "Ради них, — подумал он, — я должен выжить, ради них. Что бы для этого ни потребовалось, все".

Он начал говорить, поражаясь спокойствию своего голоса:

— Как известно рейхсфюреру, у англичан много десантно-диверсионных полков, так называемых "командос", но, возможно, одной из самых успешных была часть, созданная английским офицером Стирлингом, которая действовала в тылу нашего фронта в Африке. Специальная воздушная служба.

— А, да, этого человека они называли призрачным майором. Тот самый, которого так высоко ценил Роммель.

— Его захватили в плен в январе этого года, господин рейхсфюрер. По-моему, он сейчас в Колдиче, но дело, которое он начал, не только продолжается, но и расширяется. Судя по нашей последней информации, в Англию вскоре должны возвратиться Первый и Второй полки Специальных военно-воздушных сил, а также Третий и Четвертый французские парашютные батальоны. У них даже есть польская Независимая парашютная эскадрилья.

— К чему вы все это ведете?

— Армия мало знает об этих частях. Считается, что их задачи секретные, поэтому мало вероятности, что кто-либо будет к ним придирааться.

— Вы хотите выдать наших людей за поляков из этой части?

— Так точно, господин рейхсфюрер.

— А форма?

— Большинство из них в боевых условиях носят маскировочные халаты и брюки, похожие на эсэсовские, и красный берет английских парашютистов с особым значком — кинжал с крыльями и надписью: "Кто дерзает — побеждает".

— Ах, как драматично, — сухо заметил Гиммлер.

— У абвера большой запас обмундирования, принадлежавшего пленным, захваченным во время операций СВС на греческих островах, в Югославии и Албании.

— А снаряжение?

— Без проблем. Английский штаб Специальных операций до сих пор не осознал, до какой степени мы просочились в голландское движение Сопротивления.

— Террористическое движение, — поправил его Гиммлер. — Но продолжайте.

— Почти каждую ночь сбрасываются новые партии оружия,

снаряжения для саботажа, радио для использования в полевых условиях, даже деньги. Но в штабе до сих пор не поняли, что все радиogramмы, которые они получают, идут от абвера.

— Господи, — сказал Гиммлер. — И мы все еще продолжаем проигрывать войну. — Он встал, подошел к камину и погрел руки. — Переодевание в форму врага — вопрос весьма деликатный, оно запрещено Женевской конвенцией. Расплата одна — расстрел.

— Точно, господин рейхсфюрер.

— Тут, мне кажется, надо идти на компромисс. На десанниках под английской маскировочной формой будет обычная форма немецких солдат. Таким образом, сражаться они будут как немецкие солдаты, а не как гангстеры. Перед самым боем они могли бы сбросить свой маскарад. Согласны?

Лично Радлу идея эта показалась самой худшей из всего, что он когда-либо слышал, но он понимал, что спорить бесполезно.

— Как прикажете, господин рейхсфюрер.

— Хорошо. Все остальное мне представляется делом организации. Люфтваффе и военные корабли для перевозки. Здесь все просто. Директива фюрера откроет вам все двери. Есть еще что-нибудь, о чем бы вы хотели со мной поговорить?

— В отношении самого Черчилля, — сказал Радл. — Его брать живым?

— Если удастся, — сказал Гиммлер. — Мертвым, если по-другому не получится.

— Понятно.

— Хорошо, значит, я могу спокойно оставить дело в ваших руках. Россман даст вам особый номер телефона. Я хочу ежедневно знать о ходе дела. — Он положил донесения и карту в портфель и придвинул его Радлу.

— Как прикажете, господин рейхсфюрер.

Радл сложил бесценное письмо, положил его обратно в конверт и сунул в карман мундира. Взял портфель, свое кожаное пальто и пошел к двери.

Гиммлер, который было снова стал писать, позвал:

— Полковник Радл.

Радл повернулся.

— Господин рейхсфюрер?

— Ваша присяга германского солдата фюреру и государству. Вы помните ее?

— Конечно, господин рейхсфюрер.

Гиммлер поднял голову. Лицо его было холодным и бесстрастным.

— Повторите ее сейчас.

— "Клянусь богом исполнять эту святую клятву. Я буду бес-

прекословно повиноваться фюреру германского рейха и народа Адольфу Гитлеру, Верховному главнокомандующему вооруженных сил, и готов как храбрый солдат в любой момент отдать свою жизнь за присягу".

Глазница его снова горела, отрезанная рука болела.

— Отлично, полковник Радл. И помните одно: неудача — это признак слабости.

Гиммлер наклонил голову и продолжал писать. Радл поскорее открыл дверь и нетвердым шагом вышел.

Он решил домой в квартиру не идти. Вместо этого попросил Россмана высадить его на Тирпиц-Уфер, пошел к себе в кабинет и лег на маленькую походную койку, которая имела на случай таких непредвиденных обстоятельств. Спал он мало. Как только закрывал глаза, всплывало серебряное пенсне, холодные глаза, спокойный сухой голос, высказывающий чудовищные мысли.

В пять часов, когда в конце концов он сдался и потянулся за бутылкой коньяка, ему стало ясно, что он должен провести это дело, но не для себя, а для Труды и детей. Надзор гестапо — это для большинства людей очень плохо. "Но не для меня, — сказал он, снова гася свет. — Мне надо, чтобы сам Гиммлер шел по моему следу".

Все-таки он уснул. Его разбудил в восемь часов Хофер, принеся кофе и горячие рогалики. Радл поднялся, подошел к окну, жуя на ходу рогалик. Утро было серое, шел сильный дождь.

— Бомбежка была сильная, Карл?

— Не слишком. Я слышал, что восемь "ланкастеров" сбито.

— Если вы заглянете во внутренний карман моего мундира, то увидите конверт, — сказал Радл. — Я хочу, чтобы вы прочли лежащее в нем письмо.

Он ждал, глядя на дождь. Хофер смотрел на письмо, и вид у него был потрясенный: "Что это означает, господин полковник?"

— Дело Черчилля, Карл. Оно продолжается. Так хочет фюрер. Мне этой ночью сказал сам Гиммлер.

— А адмирал, господин полковник?

— Не должен ничего знать.

Хофер уставился на него в искреннем замешательстве, держа в руке письмо. Радл взял его у него и поднял вверх: "Мы маленькие люди — вы и я, — попавшие в очень большую паутину, и должны ступать осторожно. Эта директива — все, что нам надо. Приказ самого фюрера. Вы понимаете?"

— Думаю, что да.

— Мне вы доверяете?

Хофер встал по стойке "смирно". "Я никогда в вас не сомневался, господин полковник. Никогда".

Радл почувствовал, как в нем подымается волна признательности. "Хорошо, тогда мы продолжим то, о чем я говорил, в строжайшей тайне".

— Как прикажете, господин полковник.

— Хорошо, Карл, принесите мне все, что у нас есть, и мы еще раз все рассмотрим.

Он подошел к окну, открыл его и глубоко вздохнул. От ночных пожаров в воздухе стоял едкий запах дыма. Часть города, видимая ему из окна, лежала в руинах. Странно, почему он так взволнован?

— Ей нужен мужчина, Карл.

— Господин полковник? — удивленно вымолвил Хофер.

Они склонились над столом, на котором были разложены донесения и карты. "Миссис Грей, — объяснил Радл. — Ей нужен мужчина".

— А, теперь я понял, господин полковник, — сказал Хофер. — Человек с крепкими плечами. Тупой инструмент?

— Нет. — Радл нахмурился и взял из коробки на столе русскую папиросу. — И ум тоже, это важно.

Хофер поднес ему огонь: "Трудное сочетание".

— Как всегда. Кто из тех, кто работает сейчас в Англии на первый отдел, мог бы помочь? Он должен быть абсолютно надежным.

— Есть семь-восемь агентов, которых можно было бы считать такими. Например, Белоснежка. Он два года работает в Военно-морском управлении в Портсмуте. От него мы получаем ценную регулярную информацию о североатлантических конвоях.

Радл нетерпеливо покачал головой:

— Нет, не такой нужен. Эта работа слишком важна, чтобы ее подставлять под удар. Господи, неужели нет других?

— Не меньше пятидесяти, — Хофер пожал плечами. — К сожалению, английская контрразведка удивительно хорошо поработала за последние восемнадцать месяцев.

Радл встал, подошел к окну и стоял там, нетерпеливо постукивая ногой. Он не сердился, скорее всего, он был обеспокоен. Джоанне Грей было шестьдесят восемь лет, и как бы преданна, как бы надежна она ни была, ей нужен был мужчина. Как сказал Хофер, тупой инструмент. Без него все предприятие могло потерпеть крах.

Левая рука болела — рука, которой не было, и это был явный признак стресса, голова раскалывалась. "Неудача — признак

слабости, полковник". Гиммлер сказал это, глядя темными, холодными глазами. Радл задрожал, а когда вспомнил подвалы на Принц-Альбрехтштрассе, то от страха почувствовал позывы желудка.

Хофер неуверенно промолвил:

— Конечно, всегда остается Ирландский отдел, сэр, Ирландская республиканская армия.

— Абсолютно бесполезно, — сказал Радл, — связь с ИРА была прекращена давным-давно, и вы это знаете, после фиаско с Герцем и другими агентами. Полный провал всего этого предприятия.

— Не совсем, господин полковник.

Хофер открыл один из шкафов, быстро перебрал содержимое и вытащил папку из манильской бумаги, которую положил на стол. Радл сел и, нахмурился, открыл ее.

— Ну конечно, и он еще здесь? В университете?

— Кажется. Когда нужно, он еще делает переводы.

— А как его теперь зовут?

— Девлин. Лаям Девлин.

— Вызовите его!

— Сейчас, господин полковник?

— Вы слышали, что я сказал? Я хочу, чтобы он был здесь не позже чем через час. Даже если для этого вам придется перевернуть Берлин вверх тормашками. Даже если вам придется привлечь гестапо.

Хофер щелкнул каблуками и поспешно вышел. Радл трясущимися пальцами зажег еще одну папиросу и начал читать досье.

Он не namного ошибся в том, что сказал насчет ИРА: действительно, все попытки немцев договориться с этой организацией с самого начала войны ни к чему не привели. Это была, пожалуй, самая скорбная повесть в анналах абвера.

Ни один из немецких агентов, засланных в Ирландию, не достиг ничего существенного.

На свободе некоторое время оставался только один, капитан Герц, которого сбросили с парашютом с "хейнкеля" над Митом в 1940 г. и который ухитрился пробыть на свободе девятнадцать бесполезных месяцев.

Герц обнаружил, что ИРА раздражающе дилетантская организация, не желающая слушать никаких советов. Как он говорил много лет спустя, члены ИРА знали, как умирать за Ирландию, но не как бороться за нее, и надежды немцев на регулярные нападения на английские военные объекты в Ольстере постепенно растаяли.

Радл все это знал. Интересовал его по-настоящему только

один человек, который называл себя Лаямом Девлином. Девлина по поручению абвера сбрасывали с парашютом в Ирландию, и он не только остался жив, но и пробился в конце концов в Германию, что было редчайшим достижением.

Лаям Девлин родился в Лисморе, графстве Даун, на севере Ирландии в июле 1908 г. и был сыном мелкого арендатора, которого расстреляли в 1921 г. во время англо-ирландской войны за участие в летучем отряде ИРА. Мать мальчика пошла в экономки к брату, католическому священнику в районе Белфаста Фоллз Роуд, и дядя устроил его в иезуитский пансион на юге. Оттуда Девлин перешел в колледж Троицы в Дублине, который блестяще окончил по специальности "английская литература".

Он опубликовал несколько стихов, интересовался карьерой журналиста, возможно, стал бы процветающим писателем, если бы не случай, который полностью перевернул его жизнь. В 1931 г., находясь в гостях дома в Белфасте в период серьезных религиозных бунтов, он оказался свидетелем того, как толпа оранжистов разграбила церковь его дяди. Старого священника так сильно избили, что он потерял глаз. С этого момента Девлин полностью посвятил себя делу республики.

Во время нападения на банк в Дерри в 1932 г., предпринятого для пополнения казны движения, он был ранен в перестрелке с полицией и приговорен к десяти годам тюрьмы. В 1934 г. сбежал из тюрьмы и, находясь в бегах, в 1935 г. руководил обороной католических районов в Белфасте во время беспорядков.

Летом того же года его послали в Нью-Йорк убить доносчика, которого полиция ради его же блага посадила на пароход, идущий в Америку, после того как он продал информацию, приведшую к аресту и казни через повешение молодого добровольца ИРА по имени Майкл Рейлли. Девлин исполнил поручение с таким умением, которое еще выше подняло его репутацию, становившуюся легендарной. Позже, в том же году, он выполнил еще два подобных поручения — одно в Лондоне, другое в Америке, в Бостоне.

В 1936 г. Девлин уехал в Испанию, где служил в бригаде имени Линкольна. Был ранен и схвачен итальянскими войсками, которые, вместо того чтобы расстрелять, сохранили ему жизнь, надеясь обменять на одного из своих офицеров. Хотя это и не удалось, Девлин остался жив, и правительство Франко в конце концов приговорило его к пожизненному заключению.

По настоянию абвера он был освобожден осенью 1940 г. и привезен в Берлин, где, надеялись, он сможет оказаться полезным германской разведке. Именно на этой стадии дела пошли,

к сожалению, плохо, потому что, как было видно из досье, Девлин, не питая особой симпатии к коммунизму, оказался убежденным антифашистом — факт, который отчетливо выявился во время допроса. Засылать Девлина было очень рискованно, и его считали годным только для небольшой переводческой работы и преподавания английского языка в Берлинском университете.

Но затем положение коренным образом изменилось. Абвер сделал несколько попыток выволочь Герца из Ирландии. Все они потерпели фиаско. В отчаянии Ирландский отдел вызвал Девлина и попросил его прыгнуть с парашютом над Ирландией с фальшивыми документами путешественника, войти в контакт с Герцем и вывезти его на португальском или другом нейтральном судне. Девлина сбросили над графством Мит 18 октября 1941 г., но до того, как он смог войти в контакт с Герцем, немца арестовал Специальный ирландский отдел.

Девлин провел несколько мучительных месяцев в бегах, предаваемый на каждом шагу: ирландское правительство интернировало так много сторонников ИРА, что почти не осталось надежных явок. Окруженный полицией на ферме в Керри в июне 1942 г., он ранил двух полицейских, а сам потерял сознание, когда пуля на излете попала ему в лоб. Он сбежал из госпиталя, пробрался в порт и ухитрился получить билет на бразильское судно, направляющееся в Лиссабон. Оттуда он проехал через Испанию, пользуясь обычными каналами, и снова оказался в кабинете на Тирпиц-Уфер.

Ирландия для абвера продолжала оставаться тупиком, а Лаяма Девлина отправили опять вести полуголодное существование переводчика и иногда (вот ирония судьбы!) преподавать английскую литературу в Берлинском университете.

Незадолго до полудня Хофер вошел в кабинет. "Привел его, господин полковник".

Радл поднял голову и положил перо.

— Девлина? — Он встал и подошел к окну, обтянув мундир и стараясь обдумать, что сказать. Все должно быть сделано правильно, должно сработать. Тем не менее, общаться с Девлином надо осторожно. Он ведь, в конце концов, нейтральный. Дверь стукнула, Радл обернулся.

Лаям Девлин был меньшего роста, чем думал Радл. Не более пяти футов и пяти-шести дюймов. У него были темные вьющиеся волосы, бледное лицо, глаза такого голубого цвета, каких Радлу не приходилось видеть, и легкая ироническая улыбка, которая, казалось, непрерывно поднимает уголок рта. Выглядел

он как человек, который считает жизнь плохой шуткой и решил, что остается только одно – смеяться. На нем был черный плащ с поясом. Уродливый сморщенный рубец от пулевого ранения, которое он заработал во время последней поездки в Ирландию, ясно проступал с левой стороны лба.

– Мистер Девлин. – Радл обошел стол и протянул руку. – Меня зовут Радл, Макс Радл. Как хорошо, что вы пришли.

– Очень мило, – сказал Девлин на отличном немецком языке. – У меня сложилось впечатление, что выбора у меня практически нет. – Он прошел вперед, расстегивая плащ. – Так, значит, это и есть Третий отдел, где все происходит?

– Пожалуйста, мистер Девлин. – Радл пододвинул стул и предложил ему папиросу.

Девлин наклонился, чтобы прикурить. Закашлялся, задыхнувшись, когда грубый папиросный дым попал ему в горло. "Святая Мария, полковник, я знал, что дела плохи, но не настолько же. Что в них, или не стоит спрашивать?"

– Русские, – сказал Радл. – Я привык к ним во время Зимней кампании.

– Не говорите, – сказал Девлин. – Только они помогли вам не заснуть в снегах.

Радл улыбнулся, почувствовав симпатию к этому человеку. "Весьма вероятно. – Он вытащил бутылку французского коньяка и два стакана. – Коньяк?"

– Ну, это уж сверх всякого ожидания. – Девлин взял стакан, глотнул, закрыв на мгновение глаза. – Это не ирландское виски, но вполне сойдет, чтобы прожить. Когда мы дойдем до неприятного разговора? В прошлый раз, когда я был на Тирпиц-Уфер, меня попросили выпрыгнуть из "дорнье" с высоты пять тысяч футов над Митом в темноте, а я жутко боюсь высоты.

– Если коротко, мистер Девлин, – сказал Радл, – у нас действительно есть для вас работа.

– Работа у меня есть.

– В университете? Ну-ну, для человека вашего калибра это, должно быть, то же самое, что породистому скакуну тащить тележку с молоком.

Девлин откинул голову и громко засмеялся: "А, полковник, вы с ходу нацупали мое больное место. Тщеславие, тщеславие. Погладьте меня еще, и я замурлычу, как старый кот моего дяди Шина. Уже не пытаетесь ли вы самым милым способом подвести меня к тому, что хотите, чтобы я поехал в Ирландию? Если вы действительно хотите, забудьте об этом. Судя по тому, что там сейчас творится, мне не продержаться и дня, и я не собираюсь пять лет протирать штаны в тюрьме. Я столько пробыл в тюрьмах, что пока с меня хватит".

– Ирландия ведь нейтральная страна, мистер Де Валера¹ ясно сказал, что не встанет ни на чью сторону.

– Знаю я, – сказал Девлин, – поэтому-то сто тысяч ирландцев служат в английских вооруженных силах. И еще – каждый раз, когда английский самолет терпит аварию в Ирландии, экипаж буквально в считанные дни передается через границу. А сколько немецких пилотов вам вернули в последнее время? – Девлин усмехнулся. Поверьте мне, со своим прекрасным маслом и сливками и прелестными девушками ирландцы, видимо, считают, что лучше им не будет.

– Нет, мистер Девлин, мы не хотим, чтобы вы возвращались в Ирландию, – сказал Радл. – И не в том качестве, о котором вы говорите.

– Тогда что же вы хотите, черт побери?

– Сначала позвольте задать вам вопрос. Вы все еще поддерживаете ИРА?

– Солдат ИРА, – поправил его Девлин. – У нас дома есть поговорка, полковник: "Если попал, то не выйдешь".

– Значит, ваша конечная цель – победа над Англией?

– Если вы говорите об объединенной Ирландии, свободной и стоящей на собственных ногах, то я приветствую ее, но имейте в виду: поверю не раньше, чем это произойдет.

Радл был заинтересован: "Тогда зачем бороться?"

– Спаси нас боже, но вы задали вопрос вопросов. – Девлин пожал плечами. – Это лучше, чем кулачный бой перед пивной Мерфи в субботние вечера. А может, просто потому, что мне нравится играть в эту игру.

– А что за игра?

– Вы хотите сказать, что, занимаясь этим, все еще не знаете?

Неизвестно почему, Радл почувствовал себя неудобно, это было странно, и он поспешно сказал: "В таком случае действия ваших сограждан в Лондоне, например, не привлекают вас?"

– Болтаться вокруг Бейзуотер и кидать "Паксо" в кастрюльки своих хозяек? – спросил Девлин. – Такое развлечение меня не привлекает?

– "Паксо?" – растерянно спросил Радл.

– Это шутка. "Паксо" – известное фирменное название расфасованного соуса, и ребята называли так взрывчатку, которую они делают. Хлорат натрия, серная кислота и еще несколько высокосортных вкусных вещей.

– Летучее месиво.

– Особенно когда бросают в лицо.

– Эта кампания взрывов, которую ваши люди начали после

¹ Валера И. Де – глава правительства Ирландии с февраля 1932 по февраль 1948 г. – Прим. ред.

ультиматума, отправленного британскому премьер-министру в январе 1939 г...

Девлин засмеялся: "Они считали, что Гитлер, Муссолини и все прочие, включая Дядю Тома Кобли, могли бы заинтересоваться".

– Дядя Том Кобли?

– Еще одна шутка, – сказал Девлин. – Моя слабость, никогда не мог принимать что-либо серьезно.

– Почему, мистер Девлин? Это мне интересно.

– Послушайте, полковник, – сказал Девлин. – Мир – дурная шутка, которую всевышний придумал в день отдыха. Лично мне всегда казалось, что он, возможно, страдал в это утро от перепоя. Но что вы хотели сказать насчет кампании взрывов?

– Вы ее одобряете?

– Нет. Я не люблю попадать в мягкое: женщин, ребятишек, прохожих. Если хочешь бороться, если веришь в свое дело, если оно справедливое, тогда встань на обе ноги и борись как мужчина.

Лицо его побледнело и сильно напряглось, а шрам от пули горел, как факел. Так же неожиданно он расслабился и засмеялся: "Ну вот, вы извлекли из меня все лучшее. Слишком раннее утро, чтобы быть серьезным".

– Значит, вы – моралист, – сказал Радл. – Англичане бы с вами не согласились. Каждую ночь они своими бомбежками рвут сердце рейха.

– Сейчас заплачу, если вы будете так говорить. Не забудьте, что я воевал в Испании на стороне республиканцев. Что, дьявол поberi, вы думаете, делали немецкие пилоты, воевавшие на стороне Франко? Слышали когда-нибудь о Барселоне и Гернике?

– Странно, мистер Девлин, ясно видно, что вы возмущаетесь нами, а я-то думал, что ненавидите вы англичан.

– Англичан? – рассмеялся Девлин. – Конечно, они ведь – как теща. Что-то, с чем мириться. Нет, не англичан я ненавижу, а проклятую Британскую империю.

– Значит, вы хотели бы видеть Ирландию свободной?

– Да. – Девлин взял еще одну русскую папиросу.

– Тогда, согласитесь, с вашей точки зрения, лучше всего можно достигнуть этой цели, если Германия победит в войне?

– Свины, может, и начнут скоро летать, – сказал ему Девлин, – но я в этом сомневаюсь.

– Тогда зачем же вы в Берлине?

– Мне не приходило в голову, что у меня есть выбор.

– Есть, мистер Девлин, – тихо сказал полковник Радл. – Вы можете поехать в Англию по моему поручению.

Девлин удивленно уставился на него, онемев, наверное, впервые в жизни. "Господи спаси, но этот человек сошел с ума".

– Нет, мистер Девлин, я в здравом уме, уверяю вас. – Радл придвинул к Девлину бутылку коньяка и рядом положил папку из манильской бумаги. – Выпейте еще и прочтите содержимое этой папки, а потом мы поговорим.

Он встал и вышел.

Когда через добрых полчаса Девлин так и не появился, Радл открыл дверь и вошел в кабинет. Девлин сидел, положив на стол ноги и держа в одной руке донесение Джоанны Грей, а в другой – стакан коньяку. Уровень в бутылке значительно понизился.

Он поднял голову: "Пришли наконец? Я уже начал думать, что с вами что-то случилось?"

– Ну, что вы об этом думаете? – потребовал Радл.

– Напоминает мне одну историю, которую я слышал мальчиком, – сказал Девлин. – Произошла она во время войны с англичанами в двадцать первом году. По-моему, в мае. История касается человека по имени Эммет Долтон. Того самого, который позже стал генералом армии свободного государства. Вы когда-нибудь о нем слышали?

– Боюсь, что нет, – сказал Радл с плохо скрытым нетерпением.

– Мы, ирландцы, называли бы его славным парнем. Служил в британской армии всю войну, получил за храбрость "Военный крест", а затем вступил в ИРА.

– Простите, мистер Девлин, но это имеет какое-нибудь отношение к делу?

Казалось, Девлин не слышал. "В тюрьме Маунтджой в Дублине находился человек по имени Макеойн, тоже славный парень, но, несмотря на все, ему светила только виселица. – Девлин выпил еще коньяка. – У Эммера Долтона на этот счет были другие соображения. Он украл английский броневомобиль, надел свою старую майорскую форму, одел несколько своих ребят в английскую форму, обманом проник в тюрьму и направился прямо в кабинет директора. Представляет?"

Теперь Радл слушал с интересом.

– И они спасли Макеойна?

– К несчастью, это было то единственное утро, когда на заявление встретиться с директором он получил отказ.

– А эти люди... с ними что произошло?

– Ну, была небольшая перестрелка, но они ушли. Однако какое нахальство. – Он усмехнулся и поднял донесение Джоанны Грей: – Совсем как это.

– Как вы думаете, получится? – нетерпеливо и требовательно спросил Радл. – Думаете, возможно?

– Достаточно дерзко, – Девлин бросил донесение на стол. – А я-то считал, что ирландцы ненормальные. Выцарапать великого Уинстона Черчилля посреди ночи из постели и увезти. – Он громко засмеялся. – Это было бы зрелище. Вещь, которая бы поставила весь мир на уши от удивления.

– Вам нравится?

– Грандиозный замысел, это уж точно. – Девлин широко улыбнулся и добавил: – Конечно, на ход войны он ни в малейшей степени не повлиял бы. Англичане назначат Эттли на образовавшееся пустое место, "ланкастеры" по-прежнему будут прилетать ночью, а "летающие крепости" – днем.

– Другими словами, вы твердо убеждены, что войну мы все равно проиграем?

– Ставлю пятьдесят марок в любой момент. – Девлин усмехнулся. – Но с другой стороны, я бы очень не хотел пропустить эту увеселительную прогулочку, если вы, конечно, говорите серьезно.

– Вы хотите сказать, что согласны поехать? – Радл был совершенно сбит с толку. – Но я не понимаю. Почему?

– Знаю, что я дурак, – сказал Девлин. – Смотрите, что я теряю. Приятную, спокойную работу в Берлинском университете, ночные бомбежки англичан и дневные – янки, исчезающие с прилавков продукты и разваливающийся Восточный фронт.

Радл, смеясь, поднял обе руки: "Ладно, вопросов больше нет. Ирландцы действительно сумасшедшие, мне говорили, теперь я с этим согласен".

– Тем лучше для вас, и конечно же мы не должны забывать те двадцать тысяч фунтов, которые вы собираетесь положить на номерной счет в женевском банке по моему выбору.

Радл почувствовал острое разочарование: "Значит, мистер Девлин, у вас тоже есть своя цена, как и у всех нас?"

– Движение, которому я служу, всегда печально отличалось нехваткой денег. – Девлин ухмыльнулся. – Я видел революции, которые начинались с меньшего, чем двадцать тысяч фунтов, полковник.

– Очень хорошо, – сказал Радл. – Я организую это. Вы получите подтверждение о вкладе до отъезда.

– Прекрасно, – сказал Девлин. – Какие планы?

– Сегодня первое октября. Нам остается ровно пять недель.

– А какова моя роль?

– Миссис Грей – первоклассный агент, но ей шестьдесят восемь лет. Ей нужен мужчина.

– Кто бегал бы по поручениям? Занимался грубой работой?

– Точно.

– А как вы меня туда доставите, и, пожалуйста, не говорите, что об этом еще не думали.

Радл улыбнулся: "Должен признаться, я долго думал. Посмотрим, как вам моя идея понравится. Вы ирландский гражданин, который служил в английской армии. Серьезно раненный и демобилизованный по ранению. Здесь поможет шрам у вас на лбу.

– А как это согласуется с миссис Грей?

– Старый друг семьи находит вам работу в Норфолке. Мы передадим ей это предложение и посмотрим, что предложит она. Тогда составим легенду и снабдим вас всеми нужными документами, начиная с ирландского паспорта и кончая демобилизационными бумагами. Как вам это нравится?

– Звучит достаточно сносно, – сказал Девлин. – Но как я доберусь туда?

– Мы сбросим вас с парашютом над Южной Ирландией. Как я понимаю, перейти границу, минуя таможенный пост, чрезвычайно просто.

– Без проблем, – подтвердил Девлин. – Дальше?

– Ночной паром из Белфаста в Хейшам, поезд в Норфолк, все честно и открыто.

Девлин подвинул к себе топографическую карту и стал ее разглядывать. "Ладно, покупаю. Когда я еду?"

– Через неделю, максимум десять дней. В настоящее время вы должны соблюдать полнейшую секретность. Увольтесь сейчас же из университета и освободите занимаемую квартиру. Полностью пропадите. Хофер организует вам другое жилье.

– Затем?

– Я поеду познакомиться с человеком, который, по-видимому, будет командовать боевой группой. Завтра или послезавтра, в зависимости от того, насколько быстро смогу организовать рейс на Нормандские острова. Можете поехать со мной. У вас будет очень много точек соприкосновения. Согласны?

– А почему бы и нет, полковник? Разве не все дороги ведут в конце концов в ад? – И Девлин вылил остатки коньяка в стакан.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Олдерни – самый северный из Нормандских островов, ближе всех расположенный к Франции. Когда немецкая армия неудержимо текла на запад летом 1940 г., жители острова решили эвакуироваться, и когда первый немецкий самолет сел на крохотный аэродром на вершине утесов 2 июля 1940 г., остров был безлюден, узкие мощенные булыжником улочки Сент-Энна – до жути тихими.

К осени 1942 г. там разместился гарнизон численностью около трех тысяч армейцев, моряков и летчиков, а также несколько "лагерей смерти", где содержались рабы с континента, занятые на сооружении массивных бетонных орудийных окопов в системе новых фортификаций. Был там также концентрационный лагерь, который обслуживали эсэсовцы и гестаповцы, — единственное учреждение подобного рода, существовавшее на английской земле.

Сразу после полудня в воскресенье Радл и Девлин прилетели с острова Джерси на самолете-корректировщике "аист". Полет занял всего полчаса, самолет был безоружным, пилот вел его на бреющем полете, поднявшись на семьсот футов только в последний момент.

Пока машина летела над огромным волнорезом, весь остров развернулся перед ними, как карта. Залив, гавань, Сент-Энн, сам остров длиной около трех миль и шириной в полторы мили, ярко зеленый, с утесами с одной стороны, спуском и рядом песчаных заливчиков и небольших бухт — с другой.

Самолет развернулся и опустился на одну из посадочных площадок, покрытых травой, на вершине утесов. Аэродром был одним из самых маленьких, какие Радлу приходилось видеть, его и аэродромом-то называть было странно. Малюсенькая диспетчерская-башенка, несколько разбросанных сборных домиков и ни одного ангара.

У башни стоял черный "вулзли", и когда Радл и Девлин подошли к машине, шофер, артиллерийский унтер-офицер, вышел из нее и открыл заднюю дверцу. Он отдал честь: "Полковник Радл? Комендант свидетельствует вам свое почтение. Мне приказано возить вас прямо в полевую комендатуру".

— Очень хорошо, — сказал Радл.

Они поехали и вскоре свернули на сельскую дорогу. День был прекрасный, теплый и солнечный, более похожий на весну, чем на начало осени.

— Приятное место, — заметил Радл.

— Для некоторых, — Девлин кивнул налево, где сотни рабов из "лагерей смерти" что-то строили — с виду колоссальные бетонные укрепления.

Дома в Сент-Энне представляли собой смесь французского провинциального и английского георгианского стилей, улицы вымощены булыжником, сады окружены высокими заборами из-за постоянных ветров. Следов войны было множество: бетонные стоячие почтовые ящики на углах, колючая проволока, пулеметные гнезда, разрушения от бомбежек вдалеке в гавани, но Радла очаровало то, что все было пропитано английским духом. И как-то неуместно выглядели здесь два эсэсовца в по-

левой машине, стоящей на площади, и рядовой немецких ВВС, подносящий товарищу огонь, под вывеской "Королевская почта".

Местный штаб полевой комендатуры 515 немецкой гражданской администрации Нормандских островов помещался в старом здании банка Ллойда на Виктория-стрит. Когда машина подъехала к нему, в дверях появился сам Нойхофф.

Он подошел, протягивая руку: "Полковник Радл? Ганс Нойхофф, временный комендант. Рад вас видеть".

Радл сказал: "Этот джентльмен — мой коллега".

Он не представил Девлина, и в глазах Нойхоффа сразу же отразилась тревога, потому что Девлин в гражданском платье и черном кожаном военном пальто, которое ему достал Радл, являл собой любопытное зрелище. Логично было предположить, что он гестаовец. На всем протяжении пути из Берлина в Бретань, а затем на остров Гернси ирландец видел на лицах одинаковое настороженное выражение, и это доставляло ему определенное злобное удовольствие.

— Господин полковник, — сказал Девлин, не делая попытки пожать ему руку.

Нойхофф, еще больше растерявшись, поспешно сказал: "Сюда, пожалуйста, джентльмены".

Внутри здания за прилавком красного дерева работали три клерка. Позади них на стене висел новый плакат министерства пропаганды, на котором был изображен орел, держащий в когтях свастику и гордо возвышающийся над словами: "Победа грядет!"

— Господи, — тихо сказал Девлин, — некоторые верят чему попало.

На страже у дверей помещения, которое прежде, должно быть, было кабинетом управляющего, стоял военный полицейский. Нойхофф вошел первым. В комнате было мало мебели, настоящая рабочая комната. Нойхофф принес два стула. Радл сел, Девлин закурил и отошел к окну.

Нойхофф неуверенно посмотрел на него и попытался улыбнуться.

— Можно предложить вам выпить, джентльмены? Шнапс или коньяк?

— Откровенно говоря, мне бы хотелось скорее приступить к делу, — сказал ему Радл.

— Конечно, господин полковник.

Радл расстегнул мундир, вытащил из внутреннего кармана конверт из манильской бумаги и достал письмо: "Прочтите это, пожалуйста".

Нойхофф, слегка нахмурившись, пробежал письмо глазами.

— Сам фюрер приказывает. — Он с удивлением посмотрел на Радла. — Но я не понимаю. Что вы хотите от меня?"

— Ваше полное сотрудничество, полковник Нойхофф, — сказал Радл. — И никаких вопросов. У вас здесь штрафная часть, по моему? Операция "Рыба-меч".

В глазах Нойхоффа тревога усилилась, Девлин сразу заметил это, казалось, что полковник оцепенел. "Да, господин полковник, есть такая часть. Под командованием полковника Штайнера из парашютного полка".

— Знаю, — сказал Радл. — Полковник Штайнер, Риттер Нойманн и двадцать девять парашютистов.

Нойхофф поправил его: "Полковник Штайнер, Риттер Нойманн и четырнадцать парашютистов".

Радл с удивлением посмотрел на него: "Что вы говорите? А где другие?"

— Погибли, господин полковник, — просто ответил Нойхофф. — Вы знаете, что такое операция "Рыба-меч"? Вы знаете, как ее выполняют люди? Они сидят верхом на торпедах и...

— Это я знаю. — Радл встал, взял директиву фюрера и вложил ее в конверт. — На сегодня запланированы операции?

— Это зависит от того, покажет ли радар цель.

— Все, — сказал Радл. — Все прекращается с этого момента. — Он поднял конверт. — Мой первый приказ в рамках этой директивы.

Нойхофф улыбнулся: "С удовольствием подчиняюсь такому приказу".

— Понятно, — сказал Радл. — Полковник Штайнер — ваш друг?

— Большая честь, — просто сказал Нойхофф. — Если бы вы знали этого человека, вы бы поняли, что я имею в виду. Есть мнение, что человек таких необыкновенных способностей более полезен рейху живой, чем мертвый.

— Именно поэтому я здесь, — сказал Радл. — Где я могу его найти?

— Возле гавани есть трактир. Штайнер и его люди приспособили его под свой штаб. Я вас туда отвезу.

— Не надо, — сказал Радл. — Мне хотелось бы встретиться с ним наедине. Это далеко?

— Четверть мили.

— Хорошо, мы пройдемся.

Нойхофф встал: "Сколько вы здесь пробудете?"

— Я договорился, что "аист" заберет нас рано утром, — сказал Радл. — Очень важно, чтобы мы были на аэродроме на Джерси не позднее одиннадцати. В одиннадцать отлетает наш самолет в Бретань.

— Я организую ночлег для вас и вашего... вашего друга. —

Нойхофф посмотрел на Девлина. — И еще, не отобедаете ли вы со мной сегодня? Моя жена будет в восторге, и, возможно, полковник Штайнер сможет составить нам компанию.

— Отличная идея, — сказал Радл. — С удовольствием предвкушаю это событие.

Когда Радл и Девлин шли по Виктория-стрит мимо закрытых ставен магазинов и пустых домов, Девлин спросил: "Что в вас вселилось? Очень уж строго вели разговор. Мы что, сегодня чувствуем действие присяги?"

Радл рассмеялся, вид у него был несколько пристыженный.

— Как только я вынимаю это проклятое письмо, во мне поднимается какое-то странное чувство. Чувство... власти, что ли, охватывает. Как стражник в Библии, который говорит: "Делайте это", и люди делают, "Идите туда" — и они идут.

Радл с Девлином повернули на Брей Роуд. Здесь их обогнала полевая машина с тем же артиллерийским унтер-офицером, который привез их с аэродрома.

— Полковник Нойхофф послал предупреждение о нашем приходе, — прокомментировал Радл. — Мне было интересно, сделает ли он это.

— По-моему, он считает меня гестаповцем, — сказал Девлин. — Он испугался.

— Возможно, — сказал Радл. — А вы, господин Девлин? Вы когда-нибудь боитесь?

— Что-то не припомню такого случая. — Девлин нерадостно засмеялся. — Скажу вам одну вещь, которую никогда ни одной живой душе не говорил. Даже в момент максимальной опасности, и видит бог, у меня их было достаточно в жизни, даже когда я смотрю смерти в глаза, у меня возникает странное ощущение. Как будто мне хочется взять смерть за руку. Вам приходилось слышать что-нибудь более смешное?

Риттер Нойманн в мокром черном резиновом костюме сидел верхом на торпеде, привязанной к первой спасательной лодке, и что-то наспех чинил в моторе. К берегу подъехала полевая машина. Когда Нойманн поднял голову и посмотрел, кто это, прикрыв рукой глаза от солнца, появился обер-фельдфебель Брандт.

— Что за спешка? — крикнул Нойманн. — Война окончилась, что ли?

— Беда, господин лейтенант, — сказал Брандт. — С Джерси прилетел какой-то штабной офицер. Некий полковник Радл. Он приехал за полковником. Нам только что прислали предупреждение с Виктория-стрит.

– Штабной офицер? – спросил Нойманн. Он перелез через поручни спасательного судна и взял полотенце, поданное рядовым Риделем. – Откуда он?

– Берлин! – мрачно сказал Брандт. – И с ним кто-то в гражданском, но не гражданское лицо.

– Гестапо?

– Похоже. Они идут сюда.

Нойманн натянул сапоги и полез по лесенке на пирс. "Ребята знают?"

Брандт кивнул, лицо его было свирепым: "Им это не нравится. Если узнают, что он приехал, чтобы нажать на полковника, очень может случиться, что столкнут его вместе с приятелем с пирса, привязав к ногам по шестьдесят фунтов цепей".

– Правильно, – сказал Нойманн. – Мигом обратно в трактир и задержи их. Я возьму машину и привезу полковника. Он пошел погулять по волнорезу с фрау Нойхофф.

Штайнер и Ильзе Нойхофф находились на самом конце волнореза. Она сидела на обломках укреплений, болтая в воздухе своими длинными ногами, ветер с моря перебирал ее светлые волосы и вздымал юбку. Она смеялась, глядя сверху на Штайнера. Он обернулся, услышав, как остановилась полевая машина.

Нойманн выскочил из машины. Штайнеру достаточно было одного взгляда на его лицо, чтобы саркастически улыбнуться: "Дурные вести, Риттер, и в такой прелестный день".

– Из Берлина приехал какой-то штабной офицер, некий полковник Радл. Он ищет вас, – мрачно сказал Нойманн. – Говорят, с ним гестаповец.

Выражение лица Штайнера ничуть не изменилось. "Это, несомненно, делает день немного интереснее".

Он поднял руки, чтобы поймать Ильзе, которая прыгнула вниз, и на мгновение прижал ее к себе. Лицо ее было очень тревожным: "Ради бога. Курт, неужели вы ничего не принимаете всерьез?"

– Он, возможно, приехал, чтобы посчитать головы. Ведь мы должны были уже все погибнуть. На Принц-Альбрехтштрассе, должно быть, сильно расстроены.

Старый трактир находился на обочине дороги у подхода к гавани. Когда Радл и ирландец приблизились к нему, стояла странная тишина.

– Самая милая пивная, какую мне приходилось видеть, – сказал Девлин. – Как вы думаете, у них найдется, что выпить?

Радл толкнул входную дверь. Она открылась, и оба оказались

в темном коридоре. Позади щелкнула дверь. "Сюда, господин полковник", – сказал тихий интеллигентный голос.

Унтер-офицер Ханс Альтманн прислонился к входной двери, как будто преграждая им проход. Радл увидел нашивку за Зимнюю кампанию, "Железный крест" первого и второго класса, серебряную нашивку, означавшую не менее трех ранений, значок авиадесантных войск и самую желанную награду для парашютиста – надпись на обшлаге: "Kreta", гордый знак для тех, кто был в авангарде нашествия на Крит в мае 1941 г.

– Ваша фамилия? – резко спросил Радл.

Альтманн не ответил. Он толкнул ногой дверь с табличкой "Бар", и Радл, чувствуя что-то неладное, но не понимая, что именно, вздернул подбородок и вошел внутрь.

Комната была средней величины. Слева стойка бара, за ней пустые полки, на стенах несколько фотографий разбившихся кораблей, в углу пианино. В комнате находились до дюжины парашютистов, настроенных очень неприветливо. На Радла, холодно оглядевшего их, они произвели большое впечатление. Никогда раньше ему не приходилось видеть такую большую группу людей со множеством знаков отличия на мундирах. Не было ни одного человека без "Железного креста" первого класса, а таких мелочей, как нашивка по ранению, нашивка за уничтожение танков, было полно.

Радл стоял в центре комнаты, держа под мышкой портфель, руки в карманах, воротник поднят. "Хотел бы напомнить, – мягко сказал он, – что за такое поведение, бывало, и расстреливали".

Раздался взрыв хохота. Унтер-офицер Штурм, стоявший за стойкой и чистивший пистолет, сказал: "Очень хорошо сказано, господин полковник. Хотите услышать забавную вещь? Когда мы сюда ехали десять недель назад, нас было тридцать один человек, включая полковника. Сейчас пятнадцать, несмотря на массу удачных выходов. Что можете вы и это гестаповское говно предложить нам хуже этого?"

– Меня не впутывайте, – сказал Девлин. – Я нейтральный.

Штурм, который работал на баржах в Гамбурге с двенадцати лет и имел обыкновение называть вещи своими именами, продолжал: "Послушайте, что я вам скажу, повторять не буду. Полковник никуда не поедет. Ни с вами, ни с кем другим. – Он покачал головой. – Господин полковник, вы уже столько времени протираете штаны в Берлине, что забыли настоящие солдатские чувства. Если вы надеетесь услышать хор из "Хорста Весселя", то не по адресу приехали".

– Отлично, – сказал Радл. – Тем не менее ваше полное непонимание данной ситуации указывает на отсутствие ума, что

лично мне весьма печально видеть в человеке вашего звания.

Он поставил портфель на стойку, здоровой рукой расстегнул пальто и движением плеч сбросил его. У Штурма отпала челюсть, когда он увидел "Рыцарский крест", нашивку за Зимнюю кампанию. Радл ринулся в атаку.

– Внимание! – рявкнул он. – Встать! – Присутствующие задвигались, и в этот момент дверь распахнулась – и ворвался Брандт. "И вы тоже, обер-фельдфебелы!" – рыкнул Радл.

Наступила такая тишина, что слышно было бы, как упадет булавка. Все стояли неподвижно по стойке "смирно". Девлин, наслаждаясь новым поворотом событий, подошел к бару и закурил.

Радл сказал: "Вы считаете себя немецкими солдатами, и ваша ошибка вполне естественная, учитывая форму, которую выносите. – Он обошел всех, как будто стараясь запомнить лица. – Сказать вам, кто вы такие?"

И он выразился такими простыми и ясными словами, что Штурм почувствовал себя пригостишкой. Когда через две-три минуты Радл остановился, чтобы перевести дух, из открытой двери раздалось вежливое покашливание. Он обернулся и увидел Штайнера и Ильзе Нойхофф.

– Я бы сам лучше не сказал, полковник Радл. Надеюсь, вы согласитесь отнести все то, что здесь произошло, на счет введенного в заблуждение энтузиазма и не дадите делу дальнейшего хода. Обещаю вам, что, после того как я с ними побеседую, они будут тише воды, ниже травы. – Он протянул руку и покоряюще улыбнулся: – Курт Штайнер.

Радл до конца жизни помнил эту первую встречу. Штайнер обладал странным качеством, которое можно найти у парашютистов всех стран. Своего рода заносчивая самонадеянность, порождаемая опасностями профессии. На Штайнере была серо-голубая легкая блуза с желтыми петлицами, на которых был венчик с двумя стилизованными крыльями, соответствующими его чину, форменные брюки и пилотка – привязанность старых вояк. Для человека, обладавшего всеми возможными наградами, он был одет очень просто. "Kreta" на обшлагах, нашивка за Зимнюю кампанию и серебряный с золотом орел – отличительный значок парашютистов. "Рыцарский крест" с "Дубовыми листьями" был скрыт под шелковым кашне, небрежно повязанным на шее.

– Честно говоря, полковник Штайнер, я получил большое удовольствие, ставя на место ваших бродяг.

Ильзе Нойхофф фыркнула: "Позвольте мне сказать, полковник, – представление было отличное".

Штайнер представил их друг другу, и Радл поцеловал ей

руку. "Очень приятно, фрау Нойхофф. – Он нахмурился. – Простите, но, по-моему, мы встречались".

– Несомненно, – сказал Штайнер и выставил вперед Риттера Нойманна в мокром резиновом костюме, спрятавшегося за спинами товарищей. А это, господин полковник, не то, что вы предполагаете, не пойманный атлантический котик, это старший лейтенант Риттер Нойманн.

– Лейтенант. – Радл мельком посмотрел на Риттера Нойманна и вспомнил представление к награждению "Рыцарским крестом", которому не был дан ход из-за суда, и подумал: "Знает ли он об этом?"

– А этот джентльмен? – Штайнер обернулся к Девлину, который соскочил со стойки и подошел к ним.

– Все здесь считают, что я гестаповец, ваш дружественный сосед, – сказал Девлин. – Не уверен, что мне это очень льстит. – Он протянул руку. – Девлин, полковник, Лаям Девлин.

– Господин Девлин – мой коллега, – быстро пояснил Радл.

– А вы? – вежливо спросил Штайнер.

– Из штаба абвера. А теперь, если это удобно, я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз по делу чрезвычайной срочности.

Штайнер нахмурился снова, в комнате установилась мертвая тишина. Он обернулся к Ильзе: "Риттер проводит вас домой".

– Нет, я бы предпочла подождать, пока вы закончите свои дела с полковником Радлом.

Она отчаянно беспокоилась, это было видно по глазам. Штайнер нежно сказал: "Не думаю, что дела займут много времени. Присмотри за ней, Риттер. – Штайнер повернулся к Радлу: – Сюда, господин полковник".

Радл кивнул Девлину, и они пошли за Штайнером.

– Ладно, вольно, – сказал Риттер Нойманн. – Проклятые идиоты.

Напряжение ослабло. Альтманн сел за пианино и заиграл популярную песенку, в которой уверялось, что понемногу все наладится. "Фрау Нойхофф, – воскликнул он. – Не споете?"

Ильзе села на табурет у стойки.

– Настроения нет, – сказала она. – Хотите, я что-то скажу, мальчики? Мне осточертела эта проклятая война. Мне бы сейчас приличную сигарету и рюмку вина, но, наверное, это все равно что просить чуда.

– Не знаю, фрау Нойхофф, – Брандт перегнулся через стойку бара и обернулся к ней: – Для вас все возможно. Например, сигареты, лондонский джин.

Он запустил руки под стойку и вытащил пачку "Голд флейк" и бутылку "Бифитер".

– Теперь вы нам споете, фрау Нойхофф! – воскликнул Ханс Альтманн.

Девлин и Радл облокотились о парапет и глядели на воду, ясную и глубокую в бледном солнечном свете. Штайнер сидел на кнехте в конце пирса, читая бумаги из портфеля Радла. По ту сторону залива возвышался форт Альберта, снизу утесы были заляпаны птичьим пометом, морские птицы кружились большими стаями: чайки, бакланы и кулики-сороки.

Штайнер позвал: "Полковник Радл!"

Радл пошел к нему, Девлин вслед за ним, но в двух-трех ярдах остановился. Радл спросил: "Вы закончили?"

– О да. – Штайнер сложил бумаги в портфель. – Вы это серьезно?

– Конечно.

Штайнер протянул руку и постучал пальцем по нашивке Радла за Зимнюю кампанию: "Тогда мне остается сказать, что этот русский мороз, должно быть, затронул ваш мозг, друг мой".

Радл вытащил конверт из манильской бумаги из внутреннего кармана и вынул директиву фюрера: "Думаю, вам лучше взглянуть на это".

Штайнер прочел директиву, не проявляя никаких эмоций, и пожал плечами, отдавая ее обратно: "Ну и что?"

– Но, полковник Штайнер, – сказал Радл. – Вы немецкий солдат. Мы принимали одинаковую присягу. Это приказ самого фюрера.

– По-моему, вы забыли в высшей степени важную вещь, – возразил Штайнер. – Я в штрафной части с отсрочкой смертной казни, официально разжалован. Мой чин сохранен мне только из-за особых обстоятельств нынешней работы. – Он вытащил из кармана мятую пачку французских сигарет и закурил. – Да притом я не люблю Адольфа. У него громкий голос и пахнет изо рта.

Радл пропустил его замечание мимо ушей. "Мы должны воевать. Выбора у нас нет".

– До последнего солдата?

– А что еще можно сделать?

– Нам не победить.

Пальцы здоровой руки Радла сжались в кулак, им овладело нервное возбуждение: "Но мы можем заставить врагов изменить свое мнение. Ведь какая-либо договоренность лучше, чем эта бесконечная бойня".

– И убийство Черчилля поможет? – спросил Штайнер явно скептически.

– Это покажет им, что зубы у нас еще есть. Вспомните, какой фурор произвел Скорцени, похитив Муссолини из Гран Сассо. Сенсация всемирного масштаба.

Штайнер сказал: "Как я слышал, руку к этому приложили также генерал Штудент и несколько парашютистов".

– Ради бога, – нетерпеливо продолжал Радл, – представьте себе, как бы это выглядело. Немецкий парашютный десант в Англии, да еще с такой целью! Конечно, вы, возможно, сомневаетесь, можно ли это сделать.

– Не вижу, почему бы и нет, – спокойно сказал Штайнер. – Если документы, которые я только что видел, точные и если вы сделали свое домашнее задание правильно, дело могло бы пойти, как швейцарские часы. Мы действительно могли бы захватить томми¹ врасплох. Туда и обратно, и они даже не поймут, что произошло, но дело не в этом.

– А в чем? – воскликнул Радл, доведенный до отчаяния. – Неужели для вас показать фигу фюреру более важно? Из-за суда? Потому что вы здесь? Штайнер, вы и ваши люди – мертвецы, если вы здесь останетесь. Восемь недель назад – тридцать один человек. А сколько осталось – пятнадцать? Ради своих людей, ради себя вы должны воспользоваться последним шансом остаться в живых.

– Или же умереть в Англии.

Радл пожал плечами: "Это вполне может оказаться поездкой туда и обратно. Вы же сами сказали, что дело может пойти, как швейцарские часы".

– А в этих часах самое ужасное, что достаточно мельчайшей детали выйти из строя, как вся проклятая штука прекращает работать, – вставил Девлин.

Штайнер сказал: "Хорошо сказано, мистер Девлин. Скажите мне одну вещь. Почему вы едете?"

– Очень просто, – сказал Девлин. – Потому что это *там*. Я последний великий авантюрист.

– Отлично, – весело рассмеялся Штайнер. – Конечно, я могу принять ваше предложение. Сыграть в эту игру. Самую большую игру. Но, знаете, не поможет, – продолжал он. – Полковник Радл говорит, что это мой моральный долг по отношению к моим людям, потому что предотвратит безусловную гибель здесь. Так вот, буду с вами предельно откровенен. Не думаю, чтобы у меня был по отношению к кому-нибудь моральный долг.

– И даже к отцу? – спросил Радл.

Наступила тишина, слышно было только, как волны плещутся внизу, перекачиваясь через камни. Штайнер побледнел, глаза его потемнели. "Ну, рассказывайте".

¹ Англичан. – Прим. перев.

– Гестапо держит его на Принц-Альбрехтштрассе. Подозрение в государственной измене.

Штайнер, вспомнив дни, которые он провел в штабе отца во Франции в сорок втором году, и что говорил старик, сразу же понял, что это правда.

– А, понятно, – тихо сказал он. – Если я буду паинькой и буду делать, что мне говорят, это ему поможет. – Вдруг выражение лица его изменилось и стало страшным. Повернувшись к Радлу, он задвигался, как в замедленном кино. – Негодяй вы. Все вы негодяи, – и схватил Радла за горло. Девлин мгновенно вмешался. Он почувствовал, что потребовалась вся его недюжинная сила, чтобы оттащить Штайнера. "Не он, дурак вы этаким. Он под тем же сапогом, что и вы. Хотите застрелить кого-нибудь, застрелите Гиммлера. Ведь это он вам нужен".

Радл с трудом отдышался и облокотился на парапет. Вид у него был совсем больной. "Простите, – Штайнер положил руку ему на плечо с искренним сочувствием. – Мне бы следовало знать".

Радл поднял протез: "Это видите, Штайнер, а глаз? А прочие повреждения вам не видны. Проживу два года, если повезет, вот что говорят мне доктора. Не мне это нужно. Это для моей жены и дочерей, потому что при мысли, что с ними будет, я просыпаюсь по ночам весь в поту. Вот почему я здесь".

Штайнер медленно кивнул: "Да, конечно, я понимаю. Мы все в тупике и ищем выход. – Он глубоко вздохнул. – Ладно, пошли обратно. Я расскажу ребятам".

– Только не о цели, – предупредил Радл. – Пока рано.

– Тогда о месте назначения. Они имеют право знать. Что касается остального... я обсужу пока только с Нойманном.

Он уже уходил, когда Радл сказал: "Штайнер, я должен быть с вами честным. – Штайнер обернулся и посмотрел на него. – Несмотря на все, что я тут говорил, все же считаю, попробовать стоит. Конечно, как говорит Девлин, похищение Черчилля, живого или мертвого, победы нам не принесет, но, возможно, их встряхнет. Заставит их снова подумать о мирных переговорах".

Штайнер сказал: "Дорогой мой Радл, если вы верите этому, вы поверите чему угодно. Могу вам сказать, что это дело принесет нам, если оно удастся. Англичане нас всех проклянут!"

Он повернулся и пошел по пирсу.

Пивная была полна дыма. Ханс Альтманн играл на пианино, остальные сгрудились вокруг Ильзе, которая сидела у стойки бара, держа в руке стакан джина, и во всех подробностях рас-

сказывала слегка неприличную историю, относящуюся к любовной связи рейхсмаршала Германа Геринга – предмету последних сплетен в высшем обществе. Когда Штайнер, а за ним Радл и Девлин вошли в комнату, раздался взрыв хохота. Штайнер с удивлением оглядел сцену, и особенно батарею бутылок на стойке бара.

– Что здесь происходит, черт побери?

Мужчины отошли от стойки, а Риттер Нойманн, который стоял с Брандтом, сказал: "Сегодня утром Альтманн обнаружил дверцу под старым тростниковым матом позади стойки, сэр, и подвал, о котором мы ничего не знали. Два даже не вскрытых ящика сигарет. В каждом по пять тысяч. – Он махнул рукой вдоль стойки: – Джин Гордона, "Бифитер", шотландское виски "Белая лошадь", фирма "Хей и Хейг". – Он поднял бутылку и с трудом прочитал по-английски: "Ирландское виски "Бушмилла".

Лаям Девлин издал вопль восторга и выхватил бутылку у Нойманна. "Застрелю первого же, кто выпьет хоть каплю, – объявил он. – Клянусь. Это все мне".

Все рассмеялись. Штайнер поднял руку: "Тихо, надо кое-что обсудить. Дело. – Он обернулся к Ильзе Нойхофф: – Простите, любовь моя, но это совершенно секретно".

Она была женой солдата. "Я подожду снаружи. Но выпустить джиг из поля зрения отказываюсь". – Ильзе вышла, держа бутылку "Бифитера" в одной руке и стакан – в другой.

Теперь в баре стояла тишина, все неожиданно отрезвели и ждали, что скажет Штайнер. "Дело простое, – сказал он. – Есть шанс выбраться отсюда. Специальное задание".

– А что делать, господин полковник? – спросил сержант Альтманн.

– Профессиональное дело. То, чему вас учили.

Реакция была мгновенной, поднялся взволнованный гул. Кто-то прошептал: "Значит, снова будем прыгать?"

– Именно об этом я и говорю, – сказал Штайнер. – Но дело сугубо добровольное. Личное решение каждого присутствующего.

– Россия, господин полковник? – спросил Брандт.

Штайнер покачал головой: "Место, где не воевал ни один немецкий солдат. – На лицах было написано сильное любопытство, напряжение, ожидание. Он по очереди оглядел всех. – Кто из вас говорит по-английски?" – тихо спросил он.

Все были поражены, наступила полная тишина. Риттер Нойманн настолько забылся, что спросил хриплым голосом: "Ради бога, Курт, ты что, шутишь?"

Штайнер покачал головой: "В жизни не был более серьез-

ным. То, что я вам сейчас говорю, естественно, совершенно секретно. Короче говоря, примерно через пять недель предполагается, что нас сбросят ночью над сильно изолированной частью английского побережья Северного моря. Вылетать будем из Голландии. Если все пойдет, как намечено, то нас заберут на следующую ночь".

— А если нет? — спросил Нойманн.

— Погибнешь, конечно, и тебе будет все равно. — Он огляделся. — Вопросы есть?

— Можно узнать цель задания, господин полковник? — спросил Альтманн.

— Та же, что у Скорцени и у его парней-парашютистов. Вот все, что я могу сказать.

— Ну, для меня этого вполне достаточно, — Брандт огляделся. — Если мы поедем, то можем умереть, но если останемся, то умрем обязательно. Если вы едете — мы едем.

— Согласен, — сказал Риттер Нойманн и встал по стойке "смирно".

Все, кто был в комнате, последовали его примеру. Штайнер стоял, как бы погрузившись в себя, а затем кивнул: "Быть по сему. Я правильно расслышал, что кто-то говорил о виски "Белая лошадь"?"

Все бросились к бару, а Альтманн заиграл песенку "Мы идем на Англию". Кто-то бросил в него пилотку, а Штайнер сказал: "Брось играть эту старую ерунду. Давай послушаем то, что стоит слушать".

Дверь отворилась, и вошла Ильзе Нойхофф: "Можно мне теперь войти?"

Вся группа взревела. В мгновение Ильзе подняли и посадили на стойку. "Песню!" — потребовали все хором.

— Ладно, — смеясь, сказала она. — Что вам спеть?

Штайнер успел сказать раньше всех резким, твердым голосом: "Все пошло вверх тормашками".

Наступила внезапная тишина. Ильзе посмотрела на Штайнера, и лицо ее побледнело. "Вы уверены?"

— Очень подходяще, — сказал он. — Поверьте мне.

Ханс Альтманн заиграл, вложив в первые аккорды всю душу, а Ильзе медленно прошла взад и вперед по стойке, уперев руки в боки. Она пела странную меланхоличную песню, известную всем, кто участвовал в Зимней кампании, — "Что мы здесь делаем? Для чего это все? Все пошло вверх тормашками".

На глазах у нее были слезы. Она широко развела руки, как будто хотела всех обнять. И вдруг все запели, медленно, низкими голосами, глядя на нее. Штайнер, Риттер, все, даже Радл.

Девлин растерянно переводил взгляд с одного лица на другое, затем повернулся, открыл дверь и выбежал из бара.

— Я сошел с ума или они? — прошептал он.

Терраса была затемнена. Радл и Штайнер вышли выкурить сигару после обеда, а больше для того, чтобы оказаться наедине. Сквозь толстые шторы на стеклянных дверях они слышали голос Девлина и веселый смех Ильзе Нойхофф и ее мужа.

— Человек с большим шармом, — сказал Штайнер.

Радл кивнул: "У него есть и другие качества. Очень многие, подобные ему, много лет назад с благодарностью покинули бы Ирландию. После того как я вас оставил сегодня днем, у вас была взаимообогащающая беседа, как я понимаю.

— Думаю, было бы правильнее сказать, что мы понимаем друг друга, — сказал Штайнер. — Вместе мы очень внимательно посмотрели карту. Огромной помощью будет посылка вперед Девлина, поверьте мне.

— Что еще мне следует знать?

— Да, молодой Вернер Бригель бывал в тех местах.

— Бригель? — спросил Радл. — Кто это?

— Унтер-офицер. Двадцать один год. Три года службы. Родом из местечка на Балтийском море, которое называется Барт. Говорит, что береговая полоса там сильно похожа на Норфолк. Огромные безлюдные песчаные пляжи и масса птиц.

— Птиц? — переспросил Радл.

Штайнер улыбнулся в темноте: "Я не сказал вам, что птицы — это страсть в жизни молодого Вернера. Однажды под Ленинградом нас от нападения партизан спасла огромная стая скворцов, которую они испугнули. Мы с Вернером оказались в простреливаемом месте и лежали, уткнувшись лицом в грязь. Полчаса он рассказывал мне во всех подробностях, как скворцы перелетают на зиму в Англию".

— Захватывающе, — с иронией заметил Радл.

— Можете смеяться, но для нас мерзкие тридцать минут прошли довольно быстро. Кстати, именно эта страсть заставила его поехать с отцом в Северный Норфолк в 1937 г. Там, по видимому, все побережье славится птицами.

— Ну, ладно, — сказал Радл. — Каждый сходит с ума по-своему. А как насчет вопроса, кто говорит по-английски? Вы с этим разобрались?

— Лейтенант Нойманн, унтер-офицер Альтманн и юный Бригель говорят по-английски хорошо, но, конечно, с акцентом. Брандт и Клугл на ломаном языке. Достаточно, чтобы столковаться. Между прочим, подростком Брандт работал матросом на грузовых судах на линии Гамбург — Гуль.

Радл кивнул: "Могло быть и хуже. Скажите, а Нойхофф вообще не расспрашивал вас?"

— Нет, но ясно, что ему очень любопытно. А бедная Ильзе просто вне себя от беспокойства. Мне придется убедить ее не поднимать разговора обо всем этом с Риббентропом в непродуманной попытке спасти меня, сама не зная от чего.

— Хорошо, — сказал Радл. — Вы сидите тихо и ждите. Через неделю — дней десять вы получите приказ о передислокации. Все будет зависеть от того, как скоро я найду подходящую базу в Голландии. Как вы знаете, Девлин, по всей вероятности, отправится примерно через неделю. А теперь, думаю, нам надо вернуться в дом.

Штайнер дотронулся до его руки: "А мой отец?"

Радл сказал: "Было бы нечестно с моей стороны заставить вас верить, что у меня в этом вопросе есть хоть какое-нибудь влияние. Дело ведет лично Гиммлер. Все, что я могу сделать — а сделаю я это обязательно, — это рассказать ему, как охотно вы идете на эту операцию".

— И вы честно думаете, что этого будет достаточно?

— А вы?

Смех Штайнера был совсем невеселым.

— У него нет такого понятия, как честь.

Замечание это звучало на удивление старомодно, и Радл был заинтригован. "А у вас? — спросил он. — У вас есть?"

— Возможно, и нет. Возможно, это слишком громкое слово, чтобы выразить то, что я имею в виду. Просто — держать данное слово, не бросать друзей в беде. Все это вместе и составляет честь?

— Не знаю, друг мой, — ответил Радл. — Могу с уверенностью сказать только одно — вы слишком хороши для мира рейхсфюрера, поверьте. — Он обнял Штайнера за плечи. — А теперь нам действительно лучше вернуться.

Ильзе, полковник Нойхофф и Девлин сидели за круглым столиком у камина, и она раскладывала пасьянс.

— Ну-ну, удивите меня, — сказал Девлин.

— Вы хотите сказать, что не верите в бога, мистер Девлин? — спросила Ильзе.

— Такой приличный католик, как я? Гордый продукт всего самого лучшего, что могли вложить иезуиты, фрау Нойхофф? — Он усмехнулся. — Что вы теперь скажете?

— Что вы в высшей степени суеверный человек, мистер Девлин. — Улыбка сползла с ее лица. — Видите ли, — продолжала Ильзе, — у меня очень высокая чувствительность. Карты не важны. Они просто орудие.

— Тогда продолжайте.

— Очень хорошо, ваше будущее на одной карте. Седьмой по счету.

Она быстро отсчитала карты и перевернула седьмую. Это был скелет с косой, и карта лежала вверх ногами.

— Веселенькая карта, верно? — Девлин старался, чтобы его голос звучал беспечно, но это ему явно не удавалось.

— Да, смерть, — сказала она, — но вверх ногами она значит совсем не то, что вы воображаете. — Она полминуты глядела на карту, затем быстро сказала: — Вы проживете долго, мистер Девлин. Вскоре у вас будет длительный период бездействия, даже застоя, а в последние годы жизни — революция, возможно, убийство, — Ильзе спокойно посмотрела на него. — Это вас удовлетворяет?

— Долгая жизнь — да, — весело ответил Девлин. — А насчет остального — рискну.

— Можно и мне принять участие, фрау Нойхофф? — спросил Радл.

— Если хотите.

Она сосчитала карты. На этот раз седьмой была перевернутая звезда. Ильзе долго смотрела на нее: "У вас плохо со здоровьем, господин полковник".

— Правда, — согласился Радл.

Она подняла голову и просто сказала: "Думаю, вы знаете, что здесь?"

— Спасибо, думаю, знаю. — Радл спокойно улыбнулся.

Возникло небольшое замешательство, как будто внезапно пробежал холодок, и Штайнер сказал: "Ладно, Ильзе, а мне?"

Она было потянулась к картам, чтобы их собрать. "Нет, не сейчас, Курт, думаю, на один вечер достаточно".

— Чепуха, — сказал он. — Я настаиваю. — Он собрал карты. — Вот, передаю вам колоду левой рукой, правильно?

С явным нежеланием она взяла колоду, посмотрела на Штайнера с немой просьбой, затем начала отсчет. Быстро перевернула седьмую карту, взглянула на нее и положила обратно в колоду. "Вам и в картах везет, похоже, Курт. Вам выпала сила. Значительное состояние, триумф в жизненных передрягах, неожиданный успех. — Ильзе широко улыбнулась: — А теперь, извините, джентльмены, я пойду займусь кофе" — и вышла из комнаты.

Штайнер перевернул карту. Это был повешенный. Он тяжело вздохнул. "Женщины, — сказал он, — иногда бывают очень глупы. Не правда ли, джентльмены?"

Утром стоял туман. Нойхофф приказал разбудить Радла на рассвете и за кофе сообщил ему эту неприятную новость.

– Боюсь, вечная проблема здесь, – сказал он. – Но никуда не денешься, и прогноз мерзкий. Никакой надежды, что погода изменится до вечера. Вы можете столько ждать?

Радл покачал головой: "К вечеру я должен быть в Париже, и чтобы успеть, необходимо сесть на транспорт на Джерси в одиннадцать. Что еще вы можете предложить?"

– Если вы настаиваете, я мог бы организовать переброску на торпедном катере, – сказал ему Нойхофф. – Предупреждаю вас, что это очень неприятно, даже, скорее, опасно. У нас здесь больше неприятностей от английского флота, чем от ВВС. Но отправляться надо без промедления, если хотите попасть на Сент-Хельер вовремя.

– Отлично, – сказал Радл. – Пожалуйста, распорядитесь сейчас же, а я пойду разбужу Девлина.

Нойхофф сам подвез их к гавани на своей машине вскоре после семи. Девлин свернулся на заднем сиденье, проявляя все симптомы сильного перепоя. Торпедный катер ждал у пирса. Когда они сошли по ступенькам, то увидели Штайнера в морских сапогах и бушлате. Облокотясь на поручни, он разговаривал с молодым бородатым морским лейтенантом в толстом свитере и просоленном плаще.

Штайнер обернулся и приветствовал их: "Приятное утро для прогулки. Я как раз проверял, понимает ли Кениг, какой драгоценный груз везет".

Лейтенант отдал честь: "Господин полковник".

Девлин, являя собой картину мученика, стоял, глубоко засунув руки в карманы.

– Не очень хорошо себя чувствуете этим утром, мистер Девлин? – спросил Штайнер.

Девлин застонал: "Вино насмехается, а крепкий напиток бушует".

– Значит, вы не хотите, – сказал Штайнер и вытащил бутылку. – Брандт нашел еще одну бутылку "Бушмилла".

Девлин мгновенно завладел бутылкой. "Никогда не позволил бы этому виски сделать с кем-нибудь то, что оно сделало со мной. – Он пожал Штайнеру руку: – Будем надеяться, что, когда вы будете спускаться, я буду смотреть вверх". – С этими словами он перелез через поручни и сел на корме.

Радл пожал руку Нойхоффу, затем повернулся к Штайнеру: "Вы вскоре получите от меня весть. Что касается другого дела, я сделаю все, что смогу".

Штайнер не ответил. Даже не сделал попытки пожать руку, и Радл, помедлив, перелез через поручни. Кениг четко коман-

довал, высунувшись из открытого окна рубки. Концы были отданы, и торпедный катер скользнул в туман.

Катер обогнул волнорез и стал набирать скорость. Радл с интересом огляделся. У экипажа вид был грубый, половина носила бороды, и на всех были либо синие матросские шерстяные фуфайки с острова Гернси, либо толстые рыбацкие свитера, парусиновые брюки и морские сапоги. Сказать по правде, они вообще мало чем напоминали матросов ВМФ, а теперь, когда Радл разглядел хорошенько судно, увешанное странными антеннами, он увидел, что оно не походило ни на один из торпедных катеров, которые ему доводилось видеть.

Когда он взошел на мостик, Кениг склонился над столиком, где лежали лощи, а за штурвалом стоял высокий моряк с черной бородой в полинявшем бушлате со знаками отличия старшего унтер-офицера. В зубах у него была зажата сигара, еще одна деталь, которая, по взглядам Радла, не очень-то вязалась с военно-морской службой.

Кениг вполне прилично отдал честь: "А, вот и вы, господин полковник. Все в порядке?"

– Надеюсь. – Радл склонился над лощей: – Нам далеко идти?

– Миль пятьдесят.

– Вы нас вовремя доставите?

Кениг посмотрел на свои часы: "По моим расчетам, мы прибудем в Сент-Хельер незадолго до десяти, господин полковник, если, конечно, Королевский флот не помещает".

Радл выглянул в окно: "Ваш экипаж, лейтенант, всегда одет, как рыбаки. Мне казалось, что торпедные катера – гордость ВМФ".

Кениг улыбнулся: "Но это же не торпедный катер, господин полковник. Это судно приписано к классу торпедных катеров".

– Так что же это, черт возьми? – растерянно спросил Радл.

– Сказать по правде, мы и сами не очень-то знаем, а, Мюллер?

– Унтер-офицер усмехнулся, и Кениг сказал: – Это канонерская лодка, как видите, господин полковник, построенная в Англии для турок и реквизированная английским ВМФ.

– Расскажите ее историю.

– Наскочила на песчаную банку во время отлива около Морле в Бретани. Капитан не смог ее снять, поэтому взорвал заряд, предназначенный для разрушения судна в случае необходимости, и экипаж покинул его.

– Ну?

– Заряд не взорвался, но прежде чем капитан смог вернуться

на борт, чтобы выправить ошибку, подошел торпедный катер и захватил судно.

— Бедняга, — сказал Радл о капитане. — Мне его почти жаль.

— Но самое интересное впереди, господин полковник, — продолжал Кениг. — Поскольку последнее сообщение капитана было о том, что он покидает судно, взорвав его, английское адмиралтейство предположило, что все удалось.

— И это дает вам свободу передвижения между островами как настоящему судну английского ВМФ? Понятно.

— Точно. Вы, несомненно, удивились, увидев у нас белый вымпел английского ВМФ, который мы держим наготове.

— И были случаи, когда он вас спасал?

— Много раз. Мы поднимаем белый вымпел, сигнал приветствия, и идем дальше. Без неприятностей.

Радл почувствовал, что внутри его прошел холодок волнения. "Расскажите мне о судне, — попросил он. — Какова его скорость?"

— Максимальная скорость была первоначально двадцать пять узлов, но на верфи в Бресте техники хорошо поработали и довели ее до тридцати. Это, конечно, еще не торпедный катер, но ничего. Длина сто семьдесят футов, а вооружение — шестифунтовое и двухфунтовое орудия, два сдвоенных пулемета, сдвоенная двадцатимиллиметровая зенитная пушка.

— Прекрасно, — прервал его Радл. — Настоящая канонерская лодка. А каков радиус действия?

— При скорости двадцать один узел — тысяча миль. Разумеется, с глушителями судно сжигает гораздо больше топлива.

— А это что такое? — Радл указал на антенны, висевшие фестонами.

— Часть антенн — навигационные. Остальные — антенны радиотелефона. Это микроволновый приемник-передатчик для двухсторонних переговоров между движущимся судном и агентом на суше. Гораздо лучше, чем все остальное, что у нас было. По-видимому, им пользовались агенты для переговоров перед высадкой. Мне уже надоело петь ему дифирамбы в штабе ВМС на Джерси. Никто ничем ничуть не интересуется. Неудивительно, что мы...

Он вовремя замолчал. Радл посмотрел на него и спокойно спросил: "На каком расстоянии функционирует это выдающееся устройство?"

— В хороший день до пятнадцати миль, для надежности я бы говорил о половине этого расстояния, но слышимость на таком расстоянии такая же, как по телефону.

Радл довольно долго обдумывал сказанное, а затем резко кивнул: "Благодарю, Кениг", — и вышел.

Он обнаружил Девлина в кабине Кенига, лежащего на спине с закрытыми глазами, без подушки, обняв обеими руками бутылку ирландского виски. Радл нахмурился, в нем поднялось раздражение и даже тревога, однако он увидел, что печать на бутылке не сломана.

— Не беспокойтесь, дорогой полковник, — сказал Девлин, не открывая глаз. — Дьявол меня еще за ногу не ухватил.

— Вы взяли с собой мой портфель?

Девлин изогнулся и вытащил его из-под себя: "Охраняю его своей жизнью".

— Хорошо. — Радл направился к двери. — Получена радиogramма, на которую хотелось бы, чтобы вы посмотрели.

— Радиogramма? — проворчал Девлин.

— Неважно, — сказал Радл. — Объясню позже.

Когда он вернулся на мостик, Кениг сидел на вращающемся стуле за штурманским столиком и пил из оловянной кружки кофе. Мюллер все еще стоял за штурвалом.

Кениг встал, явно удивленный, и Радл спросил: "Как фамилия командующего военно-морскими силами в Джерси?"

— Капитан первого ранга Ганс Ольбрихт.

— Понятно. Можете вы доставить нас на Сент-Хельер на полчаса раньше, чем вы рассчитывали?

Кениг с сомнением посмотрел на Мюллера: "Не уверен, господин полковник. Можем попытаться. Это так важно?"

— Очень. Я должен иметь время повидаться с Ольбрихтом по вопросу о вашем переводе.

Кениг удивленно посмотрел на него.

— Перевод, господин полковник? Под чье командование?

— Мое. — Радл вытащил из кармана конверт из манильской бумаги и извлек из него директиву фюрера. — Прочтите это.

Он нетерпеливо отвернулся и закурил. Когда он обернулся, глаза у Кенига были широко открыты. "О господи!" — прошептал он.

— Не думаю, чтобы он вникал в это дело. — Радл забрал у него письмо и положил в конверт. — Этому большому быку доверять можно? — спросил он, кивнув на Мюллера.

— До смерти, господин полковник.

— Хорошо, — сказал Радл. — День или два вы пробудете в Джерси, пока будет подготовлен приказ, затем я хочу, чтобы вы проехали вдоль берега в Булонь, где будете ждать моих инструкций. Есть какие-нибудь трудности?

Кениг покачал головой: "По-моему, никаких. Достаточно легкий поход для такого судна, если держаться берега. — Он колебался. — А затем, господин полковник?"

— О, куда-нибудь по побережью Северной Голландии около

Ден-Хельдер. Я еще не нашел подходящего места. А вы не знаете?

На этот раз Мюллер прочистил горло и сказал: "Прошу прощения у господина полковника, но я знаю этот берег как свои пять пальцев. Я когда-то был первым помощником на голландском спасательном буксире у Роттердама".

— Отлично. Отлично.

Радл прошел на нос судна и остановился около шестифунтового орудия, куря папиросу. "Идет дело, — тихо сказал он. — Идет дело". — И от волнения у него подвело живот.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Незадолго до полудня в среду, 6 октября, Джоанна Грей взяла большой конверт, вложенный в "Таймс" и оставленный ее постоянным связным из испанского посольства на условленной скамейке в Грин Парке.

С пакетом она направилась на станцию Кинг-Кроса, села в первый же северный экспресс, в Питерборо пересела на местный поезд, идущий в Кингз-Линн, где она оставила свою машину, чтобы сэкономить бензин, который отпускался ей дополнительно для выполнения обязанностей члена женской добровольной службы.

Когда Джоанна свернула во двор за Парк-Коттеджем, было уже почти шесть часов, и она почувствовала, что устала как собака. Она вошла через кухню, где ее восторженно встретила Пэч, увязавшаяся следом за ней в гостиную, и налила себе большой бокал виски, которого благодаря сэру Генри Уиллафби в доме всегда было в избытке. Затем поднялась в маленький кабинет рядом со спальней.

Панельная обшивка стен была старинной. Невидимую дверь в углу, казавшуюся одной из панелей, встроила не Джоанна — это было обычным делом для тех времен. Висевшим на шейной цепочке ключом Джоанна отперла дверь. Небольшая деревянная лестница вела в уютное гнездышко под крышей. Здесь стояли приемник и передатчик. Джоанна села за старый сосновый стол, открыла ящик, сдвинула в сторону заряженный пистолет, нащупала карандаш, достала блокнот с кодом и приступила к работе.

Когда час спустя она откинулась на стуле, лицо ее от волнения пошло пятнами. "Господи! — прошептала она по-бурски. — Они решились, они действительно решились".

Джоанна глубоко вздохнула, постаралась совладать с собой и спустилась вниз. Пэч терпеливо ждала ее у двери. Она пошла следом в гостиную, где Джоанна сняла трубку и набрала номер Стадли Грэнджа. Ответил сэр Генри Уиллафби.

Джоанна назвалась: "Генри; это Джоанна Грей".

Голос его сразу потеплел: "Привет, дорогая. Надеюсь, вы звоните не для того, чтобы сказать, что не придете играть в бридж или что-нибудь в этом роде. Вы не забыли? В восемь тридцать".

Она, конечно, забыла, но это было не важно. Она сказала: "Конечно же нет, Генри. Просто дело в том, что я хочу попросить вас об одной услуге и хотела поговорить с вами наедине".

Голос его стал глубже: "Говорите, милая. Все, что могу".

— Я получила письмо от друзей своего покойного мужа, ирландцев. Они просят меня сделать что-нибудь для их племянника и посылают его сюда. Он придет через два дня.

— А что именно надо для него сделать?

— Его фамилия Девлин, Лаям Девлин, и дело в том, Генри, что бедняга был серьезно ранен на службе в английской армии во Франции. Он демобилизован по ранению и почти год лечился. Сейчас пришел в форму, окреп и готов работать, но работа ему нужна на воздухе.

— И вы считаете, что я могу его устроить, — весело сказал сэр Генри. — Без затруднений, милая. Вы же знаете, как трудно сейчас найти работников для поместья.

— На первых порах он будет не очень-то хорошим работником, — сказала она. — Я, по правде говоря, подумала о месте смотрителя на болоте в Хобс Энде. Оно ведь свободно, с тех пор как молодой Том Кинг два года назад ушел в армию? И дом стоит пустой. Хорошо бы, чтобы там кто-то жил. А то он разрушается.

— Я вам вот что скажу, Джоанна. По-моему, вы дело говорите. Мы все как следует обсудим. Нет смысла говорить об этом во время бриджа при всех. Вы завтра днем свободны?

— Конечно, — ответила она. — Вы так добры и так мне помогаете, Генри. Я в последнее время без конца беспокою вас своими делами.

— Чепуха, — твердо сказал он. — А для чего же я здесь? Женщине нужен мужчина, чтобы помочь ей преодолевать трудности. — Голос его слегка задрожал.

— Я, пожалуй, пойду. Скоро увидимся.

— До свидания, дорогая.

Джоанна положила трубку и погладила Пэч, которая пошла за ней по пятам наверх. Джоанна села за передатчик и подала самый короткий ответ на частоте голландского маяка для последующей передачи в Берлин — подтверждение, что благополучно получены инструкции и условленное кодовое слово и что о работе для Девлина она договорилась.

В Берлине шел дождь, мрачный, холодный. Его подгонял такой пронизывающий ветер, будто дул он с самого Урала. В приемной кабинета Гиммлера на Принц-Альбрехтштрассе вот уже больше часа сидели, глядя друг на друга, Макс Радл и Девлин.

— Что это, черт побери? — сказал Девлин. — Хочет он нас видеть или нет?

— А почему бы не постучать и не спросить? — предложил Радл.

В этот момент дверь в приемную открылась, и вошел Россман, стряхивая воду с опущенных полей своей шляпы. С пальто его текла вода. Он широко улыбнулся: "Вы все еще здесь?"

Девлин обратился к Радлу: "Этот тип очень умен, правда?"

Россман постучал в кабинет и вошел, не закрыв за собой дверь. "Я прихватил его, господин рейхсфюрер", — раздался его голос.

— Хорошо, — ответил голос Гиммлера. — Теперь я приму Радла и этого ирландца.

— Что за дьявольщина, — пробормотал Девлин, — спектакль что ли?

— Держите язык за зубами, — сказал Радл, — говорить буду я.

Он вошел первым, следом Девлин, и Россман закрыл за ними дверь. Все было в точности так же, как и в первый вечер. Комната в полутьме, в камине потрескивал огонь. Гиммлер за столом.

Рейхсфюрер сказал: "Вы поработали хорошо, Радл. Я более чем доволен тем, как идут дела. А это господин Девлин?"

— Он самый, — весело сказал Девлин. — Бедный старый ирландский крестьянин, прямо из болота, это я и есть, ваша честь.

Гиммлер удивленно нахмурился. "Что он несет, этот парень?" — требовательно спросил он Радла.

— Ирландцы, господин рейхсфюрер, на других людей не похожи, — тихо ответил Радл.

— Это из-за дождя, — сказал ему Девлин.

Гиммлер в изумлении уставился на него, затем повернулся к Радлу: "Вы уверены, что он подходящий человек для нашего дела?"

— Абсолютно.

— Когда он едет?

— В воскресенье.

— А остальные ваши планы? Все идет удовлетворительно?

— Пока — да. Свою поездку в Олдерни я сочетал с заданием абвера в Париже, и у меня вполне законные основания поехать на следующей неделе в Амстердам. Адмирал ничего не знает. Он занят другими делами.

— Хорошо. — Гиммлер сидел, уставившись в пространство, видимо о чем-то думая.

— Еще что-нибудь, господин рейхсфюрер? — спросил Радл, видя, как Девлин нетерпеливо заерзал.

— Да. Я вызвал вас сюда сегодня по двум причинам. Во-первых, я хотел увидеть господина Девлина. А во-вторых, вопрос идет о составе боевой группы Штайнера.

— Может, мне выйти? — предложил Девлин.

— Чепуха, — бесцеремонно сказал Гиммлер. — Вы очень меня обяжете, если будете просто сидеть в углу и слушать. Или ирландцы на такой подвиг не способны?

— Почему же, бывает, — ответил Девлин, — но не часто.

Он пересел к камину, достал сигарету и закурил. Гиммлер метнул на него взгляд, хотел что-то сказать, но решил, что не стоит. Он повернулся к Радлу.

— Вы говорили, господин рейхсфюрер?.. — начал Радл.

— Да, мне кажется, что в составе группы Штайнера есть слабое звено. Четверо или пятеро немного говорят по-английски, и только один Штайнер может сойти за англичанина. Это нехорошо. По-моему, ему для поддержки нужен еще кто-нибудь с таким же знанием языка.

— Но людей с таким знанием на земле довольно мало.

— Думаю, я нашел выход, — сказал Гиммлер. — Есть человек по имени Эмери, Джон Эмери. Сын знаменитого английского политического деятеля. Он снабжал Франко оружием. Ненавидит большевиков. Он уже некоторое время работает на нас.

— Его можно использовать?

— Сомневаюсь, но он высказал мысль создать Британский легион Святого Георга. Набрать англичан из лагерей военнопленных в основном для боев на Восточном фронте.

— И нашел охотников?

— Несколько, не много, и большей частью уголовников. Теперь Эмери не имеет к этому делу никакого отношения. Некоторое время эта часть входила в вермахт, теперь же ею занимается СС.

— Сколько добровольцев?

— Я слышал, человек пятьдесят-шестьдесят. Их называют Британским свободным корпусом. — Гиммлер открыл лежащую перед ним папку и вынул карточку. — Такие люди иногда пригождаются. Вот, например, Гарви Престон. Когда его захватили в Бельгии, на нем была форма гвардейца Колдстрим гардс, и поскольку голос и манеры у него английского аристократа, как мне сообщают, никто в этом некоторое время не сомневался.

— А он оказался не тем, за кого себя выдавал?

— Сами посудите.

Радл посмотрел на карточку. Гарви Престон родился в Харрогите, графство Йоркшир, в 1916 г., сын носильщика на вокзале. Ушел из дома четырнадцати лет и работал в бродячей труппе эстрадных актеров. В восемнадцать играл в театре в Саутпорте. В 1937 г. был приговорен к двум годам тюремного заключения по четырем обвинениям в мошенничестве.

Через месяц после освобождения, в январе 1939 г., снова был арестован и приговорен еще к девяти месяцам тюрьмы по обвинению в том, что под видом офицера ВВС получал деньги обманным путем. Приговор заменили условным, если Престон уйдет в армию. Его отправили во Францию дежурным писарем при транспортной роте. В плен он был захвачен в чине исполняющего обязанности капрала.

Его поведение в лагере военнопленных было плохим или хорошим в зависимости от того, с какой стороны смотреть: он донес не менее пяти раз на пленных за попытки к побегу. Последний донос стал известен его товарищам, и, не уйдя он добровольцем в Свободный корпус, пришлось бы, чтобы сохранить ему жизнь, перевести его в другой лагерь.

Радл подошел к Девлину, дал ему карточку и повернулся к Гиммлеру: "И вы хотите, чтобы Штайнер взял этого... этого..."

— Уголовника, — подтвердил Гиммлер, — которого совершенно не жалко потерять, но который хорошо изображает английского аристократа. В нем, правда, что-то есть, Радл. Такому человеку полицейские сразу же отдают честь, как только он открывает рот. Я всегда считал, что английские рабочие с первого взгляда узнают офицера и джентльмена. Престон подойдет прекрасно.

— Но Штайнер и его люди, господин рейхсфюрер, — солдаты, настоящие солдаты. Вы же знаете их послужной список. Как такой человек подойдет им? Будет он слушаться приказов?

— Он будет делать все, что ему велят, — сказал Гиммлер. — Это само собой разумеется. Позовем его?

Он нажал кнопку, и через мгновение в дверях появился Россман.

— Приведите Престона. — Россман вышел, не закрывая двери, и в ту же минуту в комнату вошел Престон, закрыл за собой дверь и отдал нацистский салют.

Ему было двадцать семь лет. Высокий, красивый мужчина в великолепно сшитой серой полевой форме. Форма эта особенно привела в восхищение Радла. На фуражке кокарда СС "мертвая голова", на воротнике — три леопарда. На левом рукаве под орлом — щит с британским флагом, на черных с серебром обшлагах готическим шрифтом было написано: "Britisches Freikorps"¹.

¹ Британский свободный корпус. — Прим. перев.

— Очень мило, — сказал Девлин, но так тихо, что услышал только Радл.

Гиммлер представил их: "Унтерштурмфюрер Престон — полковник Радл из абвера и господин Девлин. Вы познакомьтесь с той ролью, которую каждый из этих джентльменов играет в нашем деле, по документам, данным вам несколько раньше".

Престон в пол-оборота к Радлу наклонил голову и щелкнул каблуками. Очень официально, очень по-военному, как актер, играющий в пьесе прусского офицера.

— Так, — сказал Гиммлер. — У вас была полная возможность обдумать предстоящее дело. Вы понимаете, что от вас требуется?

Престон осторожно спросил: "Я правильно понял, что полковник Радл ищет добровольцев?" Немецкий его был хороший, хотя и слышался небольшой акцент.

Гиммлер снял пенсне, слегка потер указательным пальцем переносицу и снова тщательно надел его. Это был невероятно злобный жест. Голос Гиммлера, когда он заговорил, напоминал шуршание сухих листьев на ветру: "Что именно хотите вы сказать, унтерштурмфюрер?"

— Просто я в затруднении. Как известно рейхсфюреру, членам Британского свободного корпуса было гарантировано, что они никогда не будут использованы в военных действиях против Англии и короны и не будут поддерживать какие-либо действия, причиняющие ущерб интересам английского народа.

Радл сказал: "Господин рейхсфюрер, может, этот джентльмен с большим удовольствием послужит на Восточном фронте? В южной группе под командованием фельдмаршала фон Манштейна. Масса возможностей отличиться для тех, кто жаждет настоящих боев".

Престон понял, что совершил грубейшую ошибку, и попытался объясниться: "Уверяю вас, господин рейхсфюрер, что..."

Гиммлер перебил его: "Вы говорите о добровольности там, где я вижу только акт священного долга. Возможность послужить фюреру и рейху".

Престон щелкнул каблуками и вытянулся по стойке "смирно". Это было отличное представление, и Девлину оно доставило большое удовольствие.

— Конечно, господин рейхсфюрер. Это моя единственная цель.

— Я ведь прав, *вы принесли соответствующую присягу? Священную присягу?

— Да, господин рейхсфюрер.

— Тогда говорить больше не о чем. С этого момента считайте себя под командованием полковника Радла.

– Как прикажете, господин рейхсфюрер.

– Полковник Радл, мне хотелось бы поговорить с вами наедине. – Гиммлер посмотрел на Девлина: – Господин Девлин, не будете ли вы так добры подождать в приемной с унтерштурмфюрером Престоном?

Престон четко салютовал: "Хайль Гитлер!" – повернулся на каблучках с таким искусством, что не посрамил бы и гренадера, и вышел. За ним вышел Девлин, закрыв за собой дверь.

Россмана нигде не было видно. Престон яростно пнул кресло и бросил фуражку на стол. Он побледнел от гнева, и когда доставал серебряный портсигар и сигарету, руки его слегка дрожали.

Девлин подошел, взял сигарету, прежде чем Престон хлопнул портсигар, и ухмыльнулся: "Ей-богу, старый педераст взял тебя за яйца".

Он говорил по-английски, и Престон, свирепо уставившись на него, ответил на том же языке: "Что вы хотите сказать, черт побери?"

– Послушай, сынок, – сказал Девлин. – Я слышал о таких, как ты, – легион Святого Георга, Британский свободный корпус. Как они тебя купили? Неограниченная выпивка и столько женщин, на сколько тебя хватит, если, конечно, будешь не слишком разборчив? Теперь за все надо платить.

Со своих шести футов одного дюйма роста Престон с некоторым презрением смотрел на ирландца. Левая ноздря его раздулась: "О боже, с какими людьми приходится иметь дело, да еще, судя по запаху, прямо с болота. А теперь, будь умником, уходи и постарайся где-нибудь в другом месте разыгрывать противного ирландишку, а то мне придется тебя выпороть".

Девлин, не прекращая курить, поддал ему точно под коленную чашечку.

В кабинете Радл только что кончил докладывать о ходе дела. "Отлично, – сказал Гиммлер, – ирландец едет в воскресенье?"

– Самолетом "дорнье" с базы люфтваффе Лавилл около Бреста. Курс на северо-запад приведет его в Ирландию, минуя Англию. На высоте в основном двадцати пяти тысяч футов, я думаю, неприятностей не будет.

– А ирландские ВВС?

– Какие ВВС?

– Ясно, – Гиммлер закрыл папку. – Кажется, дело наконец сдвинулось. Я вами очень доволен, Радл. Держите меня в курсе.

Он взял ручку, дав понять, что разговор закончен, но Радл сказал: "Есть еще одно дело".

Гиммлер поднял голову: "Что?"

– Генерал-майор Штайнер.

Гиммлер положил перо: "А что с ним?"

Радл не знал, как сказать, но ему необходимо было упомянуть об этом деле, выполнить свой долг перед Штайнером. На самом деле, если вдуматься, его самого удивляло, насколько сильно он хотел выполнить свое обещание. "Рейхсфюрер сам предложил мне объяснить полковнику Штайнеру, что его поведение во время этого задания может сильно повлиять на дело его отца".

– Так, – сказал Гиммлер спокойно. – В чем же проблема?

– Я обещал полковнику Штайнеру, господин рейхсфюрер, – запинаясь, сказал Радл. – Уверил его, что... что...

– Никто вам этого не поручал, – сказал Гиммлер. – Тем не менее при нынешних обстоятельствах вы можете уверить Штайнера от моего имени. – Он снова взялся за перо. – Можете идти и велите Престону остаться. Я хочу с ним поговорить. Он явится к вам завтра.

Когда Радл вышел в приемную, Девлин стоял у окна, вглядываясь в щелочку между шторами. Престон сидел в кресле.

– Льет как из ведра, – весело сказал Девлин. – Может, это помешает английским самолетам для разнообразия. Идем?

Радл кивнул и сказал Престону: "Вы останьтесь, вы ему нужны. И не приходите завтра в штаб абвера. Я с вами свяжусь".

Престон вскочил на ноги, весь – выправка, рука вскинута: "Очень хорошо, господин полковник. Хайль Гитлер!"

Радл и Девлин направились к двери, и когда они выходили, ирландец, подняв большой палец, приветливо улыбнулся: "За республику, сынок!" Престон опустил руку и грязно выругался.

Девлин прикрыл дверь и пошел за Радлом вниз по лестнице. "У какого дьявола они его откопали? Гиммлер, должно быть, совсем спятил".

– Бог их знает, – сказал Радл, когда они остановились около эсэсовца в дверях, чтобы поднять воротники: дождь лил вовсю. – Что-то есть в том, чтобы был еще один офицер-англичанин, но этот Престон... – Он покачал головой. – Такой испорченный... Второсортный актер, мелкий жулик. Человек, большую часть жизни проживший в мире фантазии.

– И нам его навязали, – сказал Девлин. – Интересно, как поступит Штайнер?

Они пробежали под дождем к подъехавшей штабной машине Радла и уселись на заднем сиденье.

– Штайнер справится, – сказал Радл. – Такие люди, как Штайнер, всегда справляются. Теперь к делу. Завтра днем летим в Париж.

– Зачем?

– У меня важное дело в Голландии. Как я уже говорил вам,

вся операция будет базироваться в Ландсвоорте, самом настоящем краю света. Во время операции я буду там, поэтому, мой друг, передавая сообщение, вы будете знать, кто на другом конце. Как я говорил, вас я оставлю в Париже, когда полечу в Амстердам. Вас, в свою очередь, переправят на аэродром Лавилл около Бреста. Вы снимаетесь в десять вечера в воскресенье.

— Вы будете там? — спросил Девлин.

— Постараюсь, но, может, и не смогу.

Через минуту они прибыли на Тирпиц-Уфер и бросились под дождем ко входу, как раз в тот момент, когда Хофер, в кепи и теплом пальто, выходил из здания. Он отдал честь, и Радл спросил: "Сменяетесь, Карл? Мне что-нибудь есть?"

— Да, господин полковник. Сообщение миссис Грей.

Радл почувствовал волнение: "Что? Что она сообщает?"

— Ваше сообщение принято и понято, господин полковник, место работы для господина Девлина обеспечено.

Радл радостно повернулся к Девлину: "Ну, что скажете на это, мой друг?"

— Да здравствует республика, — утрюмо ответил Девлин. — Виват! Это для вас достаточно патриотично? Если да, можно мне войти и выпить?

Когда раздался стук открываемой двери кабинета, Престон сидел в углу и читал "Сигнал" на английском языке. Он поднял голову и, увидев наблюдавшего за ним Гиммлера, вскочил: "Прошу прощения, господин рейхсфюрер".

— За что? — спросил Гиммлер. — Идемте со мной. Я хочу вам кое-что показать.

Удивленный и слегка встревоженный, Престон пошел за ним вниз, затем по коридору первого этажа до железной двери, охраняемой двумя гестаповцами. Один из них отрыл дверь, оба вытянулись по стойке "смирно". Гиммлер кивнул и начал спускаться по лестнице.

В окрашенном белой краской коридоре было тихо, но вскоре Престон услышал глухие ритмичные удары, странно приглушенные, как будто шли они откуда-то издалека. Гиммлер остановился перед дверью камеры и открыл металлический щиток. За ним было небольшое окошко из пуленепробиваемого стекла.

Седой человек лет шестидесяти в разорванной рубаше и форменных брюках лежал на скамье. Двое мускулистых эсэсовцев методично били его резиновыми дубинками по спине и ягодицам. Рядом стоял Россман с засученными рукавами рубашки и сигаретой во рту.

— Ненавижу такое бессмысленное насилие, — сказал Гиммлер. — А вы, господин унтерштурмфюрер?

Во рту у Престона пересохло, он еле сдержал рвоту: "Да, господин рейхсфюрер. Ужасно".

— Если бы только эти дураки слушались. Мерзость, но как иначе можно действовать в случае государственной измены? Рейх и фюрер требуют абсолютной и безусловной преданности, а те, кто этого не понимает, должны принять на себя последствия. Вы меня поняли?

Престон понял очень хорошо. И когда рейхсфюрер повернулся и пошел назад вверх по лестнице, он заковылял за ним, держа у рта платок, чтобы сдержать рвоту.

В темной камере генерал-майор артиллерии Карл Штайнер отполз в угол и сжался там, охватив себя руками, будто боялся развалиться на части. "Ни слова, — тихо шептал он распухшими губами, — ни слова, кланусь".

Точно в два двадцать ночи в субботу, 9 октября, капитан Петер Герике, летчик 7-й группы ночных истребителей, базирующейся на голландском побережье в Гранейме, сбил свой 38-й самолет. Он летел на "Юнкерсе-88" в сплошных облаках. Его двухмоторный самолет был черного цвета, с виду громоздкий, увешанный странными радарными антеннами, которые оказались весьма действенными при атаках на английские бомбардировщики, совершавшие ночные рейды на Европу.

В эту ночь ему не везло. Забившаяся трубка питания в левом моторе тридцать минут держала его на земле, в то время как остальные самолеты напали на большое соединение английских бомбардировщиков, возвращавшихся над голландским побережьем после рейса на Ганновер.

К тому времени, когда Герике подлетел к району боев, большинство его товарищей уже вернулись на аэродром. Но ведь всегда были отставшие, поэтому он остался на некоторое время патрулировать участок. Герике тихо насвистывал первую часть Пасторальной симфонии.

Ему было 23 года. Красивый, довольно замкнутый молодой человек, с темными глазами, взгляд которых казался нетерпеливым, как будто жизнь текла для Герике слишком медленно.

Позади Герике оператор радара Гаупт взволнованно воскликнул: "Поймал!"

В этот же момент заговорила база, и знакомый голос майора Ганса Бергера, наземного контролера группировки, затрещал у него в шлемофоне: "Странник-4", это "Черный рыцарь". У меня для вас курьер. Слышите?"

— Хорошо и отчетливо, — ответил Герике.

– Направление 087 градусов. Расстояние до цели 10 километров.

Через несколько секунд "юнкерс" вывалился из-под прикрытия облаков. Наблюдатель Бомлер тронул Герике за руку. Герике тут же увидел свою добычу – бомбардировщик "ланкастер", неуклюже летящий в ярком лунном свете с развевающимся за левым крайним мотором широким шлейфом дыма.

– "Черный рыцарь", это "Странник-4", – сказал Герике, – вижу цель, помощь больше не требуется.

Он нырнул в облака, спустился на пятьсот футов, затем резко лег на левое крыло, появившись милях в двух позади и ниже подбитого самолета. Это была цель, плывущая над ними подобно серому привидению.

Во второй половине 1943 г. многие немецкие ночные истребители начали применять секретное оружие, известное под названием "Наклонная музыка" и представлявшее собой спаренную 20-мм пушку, установленную в фюзеляже и нацеленную вверх под углом 10–20 градусов. Это оружие позволяло ночным истребителям нападать на бомбардировщики снизу и быть вне их поля зрения. Так как трассирующие пули не применялись, удавалось сбивать десятки бомбардировщиков, причем экипажи так и не знали, что их поразило.

Так было и теперь. В одно мгновение Герике выстрелил по цели, затем свернул влево. "Ланкастер" крутануло, и он стал падать в море, находившееся под ним на расстоянии трех тысяч футов. Появился один парашют, потом второй. Спустя мгновение сам самолет взорвался, превратившись в яркий шар оранжевого огня. Фюзеляж упал в море, один из парашютистов загорелся и быстро сгорел.

– Господи боже мой! – в ужасе прошептал Бомлер.

– Какой еще господи? – яростно спросил Герике. – Пошли базе сообщение об этом ублюдке, чтобы его кто-нибудь подобрал, и полетели домой.

Когда Герике и два члена его экипажа вошли в комнату разведки в здании штаба, там никого не было, кроме старшего офицера разведки майора Адлера, жизнерадостного пятидесятилетнего мужчины с несколько неподвижным лицом, какие бывают у сильно обгоревших людей. В первую мировую войну он был летчиком в отряде фон Рихтхофена. На шее у него висел орден.

– А, вот и вы, Петер, – сказал Адлер, – лучше поздно, чем никогда. То, что вы сбили самолет, подтверждено по радио с торпедного катера, действующего в этом районе.

– А человек, который прыгнул? – требовательно спросил Герике. – Нашли его?

– Еще нет, но ищут. Там как раз находится спасательный катер.

Он придвинул Петеру сапаловую коробку с длинными тонкими голландскими сигарами. Герике взял одну.

Адлер сказал: "Вы озабочены, Петер. Никогда не думал, что вы гуманист". – "Никакой я не гуманист, – грубо возразил Герике, раскуривая сигару, – но завтра ночью на его месте могу оказаться я. Мне хочется думать, что эти ублюдки-спасатели шуруют всю".

Он собрался уходить, когда Адлер сказал: "Прагер хочет вас видеть".

Подполковник Отто Прагер командовал всей группировкой в Грандейме, куда входили три отряда, в том числе и отряд Герике. Он строго требовал дисциплины, был ярым национал-социалистом, что не делало его особо привлекательным в глазах Герике. Но эти мелочи искупались тем, что сам он был первоклассным пилотом, всецело заботившимся о благополучии вверенных ему экипажей.

– Что ему надо?

Адлер пожал плечами: "Не знаю, но когда он звонил, то ясно дал понять, что прийти надо как можно быстрее".

– Я знаю, – сказал Бомлер, – Геринг звонил. Пригласил тебя в Каринхалле на конец недели, да и пора уже.

Все знали, что, когда пилот люфтваффе награждается "Рыцарским крестом", рейхсмаршал, как старый летчик, любит делать это сам.

– Так уж, – неохотно отозвался Герике. Дело в том, что летчики с меньшим числом сбитых самолетов, чем у него, получили желанную награду. Это было его больное место.

– Не расстраивайся, Петер, – сказал Адлер, когда они вышли. – Твой день придет.

– Если доживу, – сказал Герике Бомлеру. Они остановились на ступеньках главного входа в штаб.

– Выпьем?

– Нет, спасибо, – сказал Бомлер. – Горячая ванна и восьмичасовой сон – вот все, что мне нужно. Не люблю я пить в такую рань, и ты знаешь это. Живешь шиворот-навыворот.

Гаупт уже зевал. Герике угрюмо произнес: "Проклятый лютеранин. Ладно, идите вы все подальше".

Когда он отошел, Бомлер крикнул: "Не забудь, тебя Прагер вызывал".

– Позже, – ответил Герике. – Увижусь с ним попозже.

– Он действительно хочет выпить, – заметил Гаупт, наблюдая за Герике. – Что это в него вселилось в последнее время?

– То же, что и в нас. Он приземляется и взлетает слишком часто, – сказал Бомлер.

Герике устало шел к офицерской столовой, топая летными сапогами по бетонированной площадке. Он чувствовал непонятную депрессию, переутомление, как будто дошел до какого-то предела. Странно, почему он не мог выбросить из головы единственного спасшегося из "ланкастера" томми. Ему надо выпить. Чашку очень горячего кофе и большую рюмку шнапса или, может, "Штайнхагера"?

Он вошел в столовую, и первый, кого он увидел, был Прагер, сидевший в кресле в дальнем углу с каким-то офицером. Они тихо о чем-то говорили, наклонившись друг к другу. Герике остановился, размышляя, не повернуть ли назад, потому что группенкомандер был особенно строг в вопросе о появлении в столовой в летном комбинезоне. Но Прагер поднял голову и увидел его:

— А, вот и вы, Петер. Идите к нам.

Он щелкнул пальцами и заказал официанту кофе, когда подошел Герике. Прагер не одобрял, когда пилоты пили спиртное. "Доброе утро, господин полковник", — весело сказал Герике, заинтересовавшись вторым офицером, подполковником горных стрелков с черной повязкой на одном глазу и с "Рыцарским крестом".

— Поздравляю, — сказал Прагер, — я слышал, что вы сбили еще один самолет.

— Да, "ланкастер". Один человек спасся, я видел, как раскрылся его парашют. Его сейчас ищут.

— Полковник Радл, — представил Прагер.

Радл протянул руку, Герике быстро пожал ее: "Господин полковник".

Прагер был молчаливее обычного. Казалось, что-то на него давит, он ерзал в кресле, стараясь сесть поудобнее. Официант принес поднос с кофейником и тремя чашками.

— Оставьте, оставьте, — отрывисто приказал Прагер.

Официант ушел. Присутствующие молчали. Затем группенкомандер резко сказал: "Господин полковник — из абвера. Он привез вам новый приказ".

— Новый приказ, господин полковник?

Прагер встал: "Полковник Радл расскажет все лучше, чем я, но, похоже, вам предоставляется необыкновенная возможность послужить рейху. — Герике встал. Прагер, поколебавшись, протянул ему руку: — Вы хорошо служили здесь, Петер. Я вами горжусь. А что касается другого дела — я рекомендовал вас уже три раза, теперь оно не в моих руках".

— Я знаю, господин полковник, — горячо сказал Герике, — и благодарен вам.

Прагер ушел. Радл обратился к Герике: "С этим "ланкасте-

ром" у вас тридцать восемь подтвержденных сбитых самолетов, верно?"

— Вы удивительно хорошо информированы, господин полковник, — сказал Герике. — Выпьете со мной?

— Пожалуй, коньяк.

Герике позвонил официанта и дал заказ.

— Тридцать восемь подтвержденных сбитых самолетов и ни одного "Рыцарского креста", — заметил Радл. — Странно..."

Герике тревожно заерзал: "Бывает иногда".

— Я знаю, — продолжал Радл. — Видимо, надо принять во внимание и то, что летом сорокового года, когда вы летали на ME-109 с базы около Кале, вы сказали рейхсмаршалу Герингу, инспектировавшему ваш отряд, что, по-вашему, "спитфайер" лучше. — Он слегка улыбнулся: — Люди его ранга не забывают младших офицеров, которые делают подобные заявления.

Герике сказал: "Со всем уважением можно мне напомнить господину полковнику, что при моей работе я могу полагаться только на сегодняшний день, потому что завтра могу оказаться мертвым, поэтому я был бы очень благодарен, если бы вы просветили меня насчет предстоящего дела".

— Дело очень простое, — сказал Радл. — Мне нужен пилот для весьма необычной операции.

— Вам нужен?

— Ну ладно, рейху, — сказал ему Радл. — Вам так больше нравится?

— Совсем нет, — Герике протянул свою пустую рюмку из-под шнапса официанту и дал знак, чтобы тот принес ему еще одну.

— Сказать по правде, мне достаточно хорошо здесь.

— Человеку, пьющему шнапс в таких количествах в четыре утра? Сомневаюсь. Так или иначе, выбора у вас нет.

— Да? — сердито спросил Герике.

— Можете поговорить об этом с полковником, — сказал Радл.

Официант принес вторую рюмку шнапса, Герике одним глотком выпил ее и сделал гримасу: "Господи, до чего я ненавижу эту гадость".

— Зачем же тогда пить? — спросил Радл.

— Не знаю. Возможно, я слишком долго нахожусь в темноте или слишком давно летаю. — Он сардонически улыбнулся: — Или же мне нужна перемена, господин полковник.

— Скажу без преувеличения, что это я вам, безусловно, предложить смогу.

— Прекрасно. — Герике допил кофе. — Какой следующий шаг?

— В девять часов у меня свидание в Амстердаме. Затем нам надо попасть миль на двадцать севернее города по пути к Ден Хельдеру. — Он посмотрел на часы: — Необходимо выехать отсюда не позже чем в семь тридцать.

– Значит, у меня есть время позавтракать и принять ванну, – сказал Герике. – Я могу поспать немного в машине, если вы не возражаете.

Когда он поднялся, дверь открылась, и вошел вестовой. Он отдал честь и неуклюже передал юному капитану радиogramму. Герике прочел ее и улыбнулся. "Что-то важное?" – спросил Радл.

– О Томми, который выбросился с парашютом из подбитого мною "ланкастера". Его подобрали. Штурман.

– Ему повезло, – заметил Радл.

– Хороший знак, – сказал Герике. – Будем надеяться, что и мне повезет.

Ландсвоорт представлял собой заброшенное местечко милях в двадцати к северу от Амстердама, между Шагеном и морем. Герике проспал всю дорогу и проснулся оттого, что Радл тряс его.

В Ландсвоорте находился старый фермерский дом, сарай, два ангара, крытые ржавым гофрированным железом. Была там взлетная полоса, бетонное покрытие которой растрескалось и поросло травой. Все это окружал хилый забор с колючей проволокой, стальные ворота которого, тоже с колючей проволокой, были на вид довольно новыми и охранялись унтер-офицером со значком военной полиции, висящим на шее. Унтер-офицер был вооружен автоматическим пистолетом "шмайссер" и держал на цепи довольно свирепую на вид восточноевропейскую овчарку.

Пока он равнодушно проверял документы, собака тихо угрожающе рычала. Радл проехал через ворота и остановил машину перед ангарами: "Вот мы и на месте".

Местность была удивительно ровная. Она простиралась до песчаных дюн вдалеке и Северного моря. Когда Герике открыл дверцу и вышел из машины, с моря надвигался мелкий дождь. Герике подошел к краю разбитой взлетной полосы и ковырял ее сапогом до тех пор, пока не отскочил кусок бетона.

– Полоса построена каким-то роттердамским судовладельцем-магнатом для собственных нужд лет десять-двенадцать назад, – сказал Радл, выйдя из машины и подойдя к нему. – Ну, как вам?

– Нам бы сюда братьев Райт¹. – Герике посмотрел на море, пожегил и засунул руки глубоко в карманы кожаной куртки. – Ну и дыра, самое забытое богом место, по-моему.

– Поэтому оно и подходит для наших целей, – уточнил Радл. – Теперь займемся делом.

Он направился к первому ангару, который тоже охранялся

¹ Райт, братья: Уилбер (1871 – 1912) и Орвилл (1871 – 1948) – американские авиаконструкторы и летчики, пионеры авиации. – Прим. ред.

военным полицейским с овчаркой. Радл кивнул, и полицейский откатил одну из скользящих дверей.

Внутри ангара было холодно и довольно сыро, видно, через дырявую крышу проникал дождь. У стоящего там двухмоторного самолета был заброшенный и жалкий вид, и создавалось впечатление, что его далеко занесло от дома. Герике гордился тем, что уже давно ничему не удивлялся, но в это утро он изменил себе.

Самолет ДС-3 фирмы "Дуглас" был знаменитой "дакотой", пожалуй, одним из лучших транспортных самолетов в мире, такой же ломовой лошастью союзников во время войны, как "Юнкерс-52" у немцев. Необычным было то, что на крыльях этого самолета были знаки люфтваффе, а на хвосте – свастика.

Петер Герике любил самолеты такой же любовью, как некоторые любят лошадей, – с глубокой и безответной страстью. Он поднял руку и нежно дотронулся до крыла, в голосе его звучала нежность: "Старая красотка".

– Вы знаете эту машину? – спросил Радл.

– Лучше, чем женщину.

– Шесть месяцев, с июня по ноябрь 1938 г., она служила грузовой авиакомпанией Ландроса в Бразилии. Налетала 930 часов. Вполне достаточно для девятнадцатилетней. Эксплуатация была, видимо, жесткая.

– Значит, меня для этого выбрали?

– Согласно вашему послужному списку.

– Где вы ее достали?

– Транспортная команда английских ВВС сбрасывала боеприпасы голландским отрядам Сопротивления четыре месяца назад. Один из ваших приятелей – ночных истребителей – подбил ее. Поверхностное повреждение мотора. Как я понял, что-то с бензиновым насосом. Наблюдатель был серьезно ранен и не мог выпрыгнуть, вот пилот и посадил самолет на вспаханное поле. Пилоту не повезло: оказался рядом с казармами эсэсовцев. К тому времени, когда он вытащил своего друга, было уже поздно взрывать машину.

Герике открыл дверь кабины и подтянулся внутрь. Он сел перед приборной панелью и на минутку вернулся в Бразилию с зелеными джунглями и с ползущей среди них от Манауса до моря подобно огромной серебряной змее Амазонкой.

Радл сел рядом. Он вынул серебряный портсигар и предложил Герике одну из своих русских папирос: "Значит, вы можете на ней летать?"

– Куда?

– Недалеко. Через Северное море к Норфолку. По прямой туда и обратно.

– Для чего?

— Сбросить шестнадцать парашютистов.

От удивления Герике слишком глубоко затянулся папиросой и чуть не задохнулся: крепкий русский табак сжал ему горло.

Он резко засмеялся: "Наконец-то операция "Морской лев". Не кажется ли вам, что немного поздно вато начинать вторжение в Англию?"

— Именно эта часть берега не имеет радарных установок на небольшой высоте, — спокойно продолжал Радл. — Никаких трудностей, если лететь ниже шестисот футов. Самолет, конечно, почистят и нанесут на крылья знаки британских ВВС. Если вас кто и заметит, то увидит английский самолет, выполняющий задание.

— Но зачем? — спросил Герике. — Что, дьявол побери, они будут делать там, когда доберутся?

— Это вас не касается, — твердо сказал Радл. — Вы только шофер автобуса, мой друг.

Он встал и вышел, и Герике последовал за ним: "Послушайте-ка, по-моему, вы могли бы придумать что-нибудь получше".

Радл, не отвечая, подошел к "мерседесу" и посмотрел в сторону моря. "Что, слишком трудно для вас?"

— Не мелите ерунды, — сердито ответил Герике. — Я просто люблю знать, во что я влезаю, вот и все.

Радл расстегнул пальто и мундир. Из внутреннего кармана он достал твердый конверт из манильской бумаги, в котором лежало бесценное письмо, и отдал его Герике. "Прочтите это", — решительно сказал он.

Когда Герике поднял глаза, лицо его было бледным. "Настолько важно? Неудивительно, что Прагер был так обеспокоен".

— Точно.

— Ладно. Сколько у меня времени?

— Недели четыре.

— Мне потребуется мой наблюдатель Бомлер. Он самый лучший штурман, с каким мне когда-либо приходилось летать.

— Все, что вам нужно, только скажите. Само собой, дело это совершенно секретное. Могу дать вам отпуск на неделю, если хотите. Потом, здесь на ферме, вы будете в условиях строгой секретности.

— Можно испытать самолет?

— Если необходимо, но только ночью и предпочтительно один раз. Я пришлю сюда бригаду лучших в ВВС авиамехаников. Все, что вам надо. Вы будете отвечать за эту часть операции. Я не хочу, чтобы из-за какой-то ерунды вышел из строя мотор, когда

вы будете на высоте четырехсот футов над болотами Норфолка. А сейчас — обратно в Амстердам.

Точно в два сорок пять на следующее утро Шумас О'Бройн, овцевод из Конроя, графство Монахан, старался добраться домой через обширное болото. Удавалось ему это плохо.

Что и понятно, потому что, когда человеку семьдесят шесть, его друзья умирают довольно часто, а Шумас О'Бройн как раз возвращался с поминок после похорон друга, поминал, продолжавшихся семнадцать часов.

Он не только, как мило говорят ирландцы, "принял". Он вышел такое количество, что не очень был уверен, на этом он свете или на том, и поэтому, когда то, что он принял за большую белую птицу, беззвучно выплыло из темноты у него над головой и плюхнулось на поле за забором, он совсем не почувствовал испуга, а только легкое любопытство.

Девлин удачно приземлился, вещевой мешок, прикрепленный фалом к его поясу и висевший на двадцать футов ниже его, ударился о землю, как бы предупредив, что надо подготовиться. Через мгновение Девлин был на земле, и парашют протаял его по пружинистому ирландскому дерну. Вскочив на ноги, Девлин отстегнул парашют.

В этот момент облака разошлись, открыв четвертушку луны, света которой ему было вполне достаточно. Девлин раскрыл вещевой мешок, вытащил маленькую саперную лопатку, темный плащ, твидовую кепку, пару ботинок и большой кожаный саквояж "гладстон".

Неподалеку находилась терновая изгородь и канава, на дне которой он быстро вырыл лопатой яму. Затем расстегнул молнию летного комбинезона. Под ним был твидовый костюм, в правый карман которого он переложил отстегнутый от пояса "вальтер". Девлин обул ботинки, засунул в вещмешок комбинезон, парашют и летные сапоги, бросил мешок в яму и быстро засыпал ее землей. Сверху он набросал кучу сухих листьев и сучьев и забросил лопату в заросли.

Он натянул плащ, подхватил саквояж и, обернувшись, увидел Шумаса О'Бройна, который наблюдал за ним, облокотившись на забор. Девлин быстро схватился за рукоятку "вальтера". Но аромат доброго ирландского виски и невнятная речь сказали ему все.

— Ты кто, человек или черт? — грозно спросил старый фермер, медленно и ясно произнося каждое слово. — С этого света или с того?

— Спаси нас господь, старина, но, судя по запаху, если один из нас зажжет спичку, то мы оба живо окажемся в аду. А что до

твоего вопроса, то я и то и другое. Простой ирландский парень, пытающийся новым способом вернуться домой после многих лет на чужбине.

— Это правда? — спросил О'Бройн.

— А что я тебе говорю?

Старик весело рассмеялся. "Сто тысяч раз добро пожаловать домой", — сказал он по-ирландски.

Девлин ухмыльнулся. "Благодарю", — по-ирландски ответил он, подхватил саквояж, перескочил через забор и быстро зашагал по лужайке, тихо насвистывая. Хорошо оказаться дома, даже ненадолго.

Граница Ольстера была тогда, как и сейчас, широко открыта для любого, кто знает местность. Два с половиной часа быстрой ходьбы по проселочным дорогам и лесным тропинкам — и Девлин оказался в графстве Армах, на английской земле. Грузовичок с молоком подкинул его в город Армах к шести часам. Полчаса спустя Девлин вошел в купе третьего класса утреннего поезда, направлявшегося в Белфаст.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Весь день в среду шел дождь, и после обеда болота в Клее, Хобс Энде и Блэки стало затягивать туманом с Северного моря.

Несмотря на погоду, Джоанна Грей после ланча вышла в сад. Она работала на грядках рядом с фруктовым садом, выкапывая картофель, когда заскрипела калитка. Пэч внезапно заскулила и бросилась со всех ног. Джоанна обернулась. Она увидела бледного невысокого широкоплечего человека в черном плаще с поясом и в твидовой кепке. В левой руке у него был саквояж. Ее поразили его ярко-голубые глаза.

— Миссис Грей? — спросил он тихим голосом с ирландским акцентом. — Миссис Джоанна Грей?

— Правильно. — От волнения у нее сжался желудок. На секунду дыхание перехватило.

Он улыбнулся: "Я зажгу в сердце свечу понимания, которая никогда не погаснет".

— "Велика истина, и она самая могучая на свете", — по-латыни ответила она.

Лаям Девлин улыбнулся: "Чашечка чая мне бы не помешала, миссис Грей. Путешествие было дьявольское".

Девлин не смог достать билета на ночной паром из Белфаста в Хейшам в понедельник и на рейс в Глазго — тоже. Но по совету дружелюбного кассира он поехал в Ларн, и там ему повезло

больше: удалось взять билет на пароход до Стрэнрера в Шотландии на утро во вторник.

Его бесконечное путешествие на поезде из Стрэнрера в Карлайл с пересадкой в Лидсе было вполне в духе железнодорожных поездок в военное время. И длительное ожидание в городе до рассвета в среду, когда удалось уехать в Питерборо, где он наконец сел в местный поезд до Кингс-Линна.

Все это вспомнилось ему, когда Джоанна Грей, готовя чай на плите, спросила:

— Ну, как ехалось?

— Не так уж плохо, — ответил он. — Часто удивительно.

— То есть как это?

— А, люди, общее положение вещей. Не совсем то, что я ожидал.

В частности, он подумал о вокзальном ресторане в Лидсе, переполненном ночью всякого рода пассажирами, с надеждой ожидающими свой поезд, и объявление на стене, которое звучало достаточно иронично: "Сейчас, более чем когда-нибудь, важно спросить себя, действительно ли мне необходимо ехать?" Он вспомнил добрый грубый юмор, общее хорошее настроение, которые очень отличались от впечатлений во время последнего посещения центрального вокзала в Берлине.

— Похоже, все твердо уверены, что войну выиграют, — заметил он, когда она подала поднос с чаем на стол.

— Рай дураков, — спокойно сказала она. — Они никогда ничему не научатся. Знаете, у них никогда не было ни организованности, ни дисциплины, которые Германия получила от фюрера.

Вспомнив поврежденную бомбами имперскую канцелярию, какой он ее в последний раз видел, важные районы Берлина, превратившиеся после бомбежек союзников в кучи мусора, Девлин с трудом сдержался, чтобы не сказать, насколько изменились обстоятельства с добрых старых времен. Но он ясно видел, что такое замечание было бы плохо воспринято.

Поэтому он пил чай и смотрел, как она подошла к угловому буфету, открыла его, вытащила бутылку шотландского виски, удивляясь, что эта привлекательная седая женщина в аккуратной твидовой юбке и в высоких кожаных сапогах может быть тем, чем она является. Джоанна щедро налила виски в два бокала и подняла свой, как своего рода салют. "За английское предприятие", — предложила она с сияющими глазами.

Девлин мог бы рассказать ей, что Испанскую армаду тоже так называли, но, вспомнив, что произошло с этим злополучным предприятием, снова решил промолчать.

— За английское предприятие, — торжественно поддержал он тост.

— Хорошо. — Она поставила бокал. — Теперь давайте я посмотрю ваши бумаги. Я должна убедиться, что у вас все в порядке.

Он вытащил паспорт, демобилизационные документы, характеристику от своего командира, рекомендательное письмо от приходского священника и различные документы, относящиеся к состоянию его здоровья.

— Отлично, — сказала она. — Все они действительно в порядке. Дальше поступим так. Я договорилась о работе для вас у местного сквайра сэра Генри Уиллафби. Он хочет видеть вас, как только вы приедете, так что сегодня с ним и встретимся. Завтра утром я отвезу вас в Факенхем — это базарный городок милях в десяти отсюда.

— А что мне там делать?

— Явиться в местный полицейский участок. Вам дадут регистрационную форму для иностранца, которую обязаны заполнить все ирландские граждане. К тому же придется сдать фотографию на паспорт, но это мы сделаем без хлопот. Вам выдадут страховые карточки, удостоверение личности, продовольственные карточки и купоны на одежду.

Она загибала пальцы, перечисляя все это, и Девлин ухмыльнулся:

— Эй, остановитесь. Это очень хлопотно. Через три недели в субботу я смотаюсь отсюда так быстро, что они подумают, будто меня и не было никогда.

— Все это необходимо, — сказала она. — У всех это есть, поэтому и вы должны взять. Заметь только какой-нибудь мелкий чиновник в Факенхеме или Кингс-Линне, что вы не подали заявление на получение чего-нибудь, как он тут же начнет запросы, и где вы тогда окажетесь?

Девлин весело согласился: "Ладно, вы хозяйка. Теперь — что за работа?"

— Смотритель болот в Хобс Энде. Не найдешь более уединенного места. Там есть коттедж. Не очень хороший, но сойдет.

— А чего от меня ждут?

— Главным образом выполнения обязанностей лесника да еще регулярной проверки шлюзов на дамбах. Там уже два года не было смотрителя, с тех пор как последний ушел на войну. В ваши обязанности входит еще не давать хищникам воли. Лисы уничтожают дичь.

— И что делать? Кидаться в них камнями?

— Нет, сэр Генри выдаст вам ружье.

— Это хорошо с его стороны. А как насчет транспорта?

— Я сделала все, что смогла. Мне удалось убедить сэра Генри предоставить вам один из мотоциклов. Для сельскохозяйствен-

ного рабочего это достаточно законно. Автобусы почти пропали, поэтому большинству жителей разрешен небольшой месячный рацион бензина, чтобы они время от времени могли съездить в город для важных дел.

Снаружи раздался гудок автомобиля. Джоанна стремительно вышла в гостиную и тут же вернулась: "Это сэр Генри. Предоставьте говорить мне. Проявите немного подобострастия и вступайте в разговор только тогда, когда к вам обращаются. Он такой. Я приведу его сюда".

Она вышла. Девлин слышал, как открылась входная дверь и как миссис Грей выразила притворное удивление. Сэр Генри сказал: "Еду еще на одно совещание командования в Холт, Джоанна. Подумал, что, может, могу быть вам чем-нибудь полезен".

Она ответила очень тихо, так, что Девлин не расслышал ее слов. Сэр Генри тоже заговорил тихо, они о чем-то приглушенно поговорили, затем вошли на кухню.

Сэр Генри был в форме подполковника войск местной обороны, над левым нагрудным карманом ярко выделялись ленточки медалей, полученных за первую мировую войну и Индию. Он пронзительно посмотрел на Девлина, держа одну руку за спиной, а второй поглаживая широкие усы.

— Так это ты — Девлин?

Девлин вскочил на ноги и стоял, теребя обеими руками свою твидовую кепочку. "Хотел бы поблагодарить вас, сэр, — сказал он, явно усиливая ирландский акцент. — Миссис Грей рассказала мне, сколько вы сделали для меня".

— Ерунда, парень, — резко сказал сэр Генри, хотя видно было, как он выпрямился во весь рост, чуть пошире расставив ноги. — Ты ведь хорошо послужил старушке-родине. Как я понял, схватил пулю во Франции?

Девлин энергично закивал головой. Сэр Генри наклонился и посмотрел на рубец с левой стороны лба, оставшийся от пули сыщика специального ирландского бюро. "О господи, — тихо сказал он, — тебе чертовски повезло, что ты здесь, если хочешь знать мое мнение".

— Я подумала, что устрою его сама, — сказала Джоанна Грей.

— Вы не против, Генри? Ведь вы так заняты, я же знаю.

— Верно, сделаете это, дорогая? — Он посмотрел на часы. — А то мне надо быть в Холте через полчаса.

— О чем вы говорите, я отвезу его в коттедж, покажу болота и все прочее.

— Сказать по правде, вы, пожалуй, больше знаете о том, что делается в Хобс Энде, чем я. — Сэр Генри на минуту забылся и обнял ее за талию, затем быстро отдернул руку и сказал Девли-

ну: — Не забудь явиться в полицию в Факенхеме без промедления. Ты об этом знаешь?

— Да, сэр.

— Хочешь что-нибудь попросить у меня?

— Ружье, сэр, — сказал Девлин. — Как я понял, вы хотите, чтобы я немного пострелял.

— А, да. Ну, это без хлопот. Заедем завтра днем в Грэндж, и я распоряжусь, чтобы тебе все выдали. И завтра же возьмешь мотоцикл. Миссис Грей говорила тебе об этом, да? Но помни, только три галлона бензина в месяц. Тебе придется самому все рассчитать. Всем нам приходится приносить жертвы. — Он снова провел по усам. — Одному "ланкастеру", Девлин, нужно две тысячи галлонов бензина, чтобы долететь до Рура. Ты знаешь это?

— Нет, сэр.

— Вот так-то. Мы все должны быть готовы отдать все.

Джоанна Грей взяла его за руку: "Генри, вы опаздываете".

— Да, конечно, дорогая. — Он кивнул ирландцу: — Ладно, Девлин. Увидимся завтра днем.

Девлин приложил пальцы ко лбу и, прежде чем перейти в гостиную, дождался, пока они выйдут из дома. Он посмотрел, как сэр Генри уехал, раскурил сигарету. Вернулась Джоанна.

— Скажите мне, — спросил Девлин, — они с Черчиллем друзья?

— Как я поняла, они никогда не встречались. Стадли Грэндж знаменит своими елизаветинскими садами. Премьер-министр захотел провести спокойный уик-энд и немного порисовать до возвращения в Лондон. "А сэр Генри из кожи вон лезет, чтобы услужить? Ну, это понятно".

Она покачала головой: "Я боялась, что вы вдруг воскликните "ей-богу" по-ирландски. Вы опасный человек, мистер Девлин".

— Лаям, — сказал он, — зовите меня Лаям. Это будет звучать лучше, особенно если я вас буду по-прежнему называть миссис Грей. Значит, он увлечен вами, в его-то возрасте?

— Осенние романы иногда бывают.

— Я сказал бы, больше похоже на зиму. С другой стороны, это должно быть чертовски полезно.

— Более того, необходимо, — сказала она. — Ладно, берите саквояж, а я выведу машину и отвезу вас в Хобс Энд.

Дождь с ветром со стороны моря был холодным, болото окутало туман. Когда Джоанна остановила машину во дворе старого коттеджа смотрителя болот, Девлин вышел и задумчиво огляделся. Это было странное, таинственное место, такое, где от страха шевелились волосы на голове. Небольшие заливчики, отмели, затянутые илом, высокий бледный тростник, то появ-

ляющийся, то исчезающий в тумане, редкие вскрики птиц и хлопанье невидимых крыльев.

— Теперь понятно, что вы имели в виду, когда говорили, что место уединенное.

Джоанна вытащила ключ из-под плоского камня у входа в дом, отперла дверь и вошла в мощный камнем коридор. В нем было сыро, и местами со стен сошла побелка. Слева дверь вела в кухню-столовую. И здесь пол был каменный, но на нем лежали тростниковые маты. В комнате был большой очаг, стояли железная плита и облупившаяся белая раковина для посуды с одним краном. По обе стороны большого соснового стола — скамейки, у камина — старое кресло с подголовником — вот и вся мебель.

— Могу сообщить вам новость, — сказал Девлин. — Я вырос точно в таком же доме в графстве Даун в Северной Ирландии. Все, что тут нужно, — это хороший огонь, чтобы просушить помещение.

— И у него есть большое преимущество — уединенность, — сказала она. — Вы, возможно, не увидите ни души, пока будете здесь.

Девлин открыл чемодан и вытащил личные вещи, одежду, три или четыре книги. Затем провел рукой по подкладке, чтобы найти тайную пружину, и вынул ложное дно. В открывшемся углублении лежал "Вальтер-Р38", пистолет-пулемет "стен" с глушителем и передатчик карманного формата. Там же была тысяча фунтов однофунтовыми купюрами и тысяча — пятифунтовыми. Было что-то еще, завернутое в белое, что он не стал трогать.

— Деньги для дела, — сказал он.

— На покупку машин?

— Точно. Мне дали адрес нужных людей.

— Кто?

— Это у них в картотеке абвера.

— А где эти люди?

— В Бирмингеме. Я подумал, что, пожалуй, подскочу туда в конце недели. Что мне надо знать?

Она села на край стола и смотрела, как он привинчивает дуло пистолета-пулемета к корпусу и ставит на место упор для плеча.

— Путь неблизкий, — сказала она, — миль триста туда и обратно.

— Видимо, мои три галлона бензина далеко меня не увезут. Что делать?

— На черном рынке много бензина по трехкратной цене, если знать нужные гаражи. Коммерческий бензин окрашен в красный цвет, чтобы полиции легко было найти нарушителей, но

от краски можно избавиться, если процедить бензин через фильтр обычного противогАЗа.

Девлин вставил магазин в "стен", проверил, затем снова все разобрал и положил на дно саквояжа. "Прекрасная вещь техника, — заметил он. — Из этой штуки можно стрелять в упор, и единственное, что при этом услышишь, — шелканье затвора. Кстати, штука английская. Еще одна игрушка, которую, как воображает штаб спецопераций, кидают голландским подпольщикам. — Он вытащил сигарету и взял ее в рот. — Что мне еще надо знать во время этой поездки? В чем риск?"

— Риска очень мало, — сказала она. — На фарах будут маскировочные щитки, так что здесь проблем нет. Дороги, особенно проселочные, практически пусты. Большинство размечены по центру белой полосой. Это помогает.

— А как насчет полиции и сил безопасности?

Она озадаченно посмотрела на него: "В этом отношении беспокоиться не о чем. Военные остановят вас лишь в том случае, если вы заедете в закрытую зону. Теоретически весь этот район все еще считается оборонной зоной, но сейчас никто правил не соблюдает. А что касается полиции, то она имеет право остановить вас и потребовать удостоверение личности или же остановить на шоссе в порядке проведения кампании по выявлению перерасхода бензина".

В голосе ее звучало негодование, и, помня, что он оставил, Девлин с трудом подавил желание немного открыть ей глаза. Но вместо этого он сказал: "И это все?"

— Думаю, да. На участках, где идет ремонт дорог, предельная скорость двадцать миль в час, и конечно же нигде нет указателей, но во многих местах еще в начале лета начали восстанавливать названия населенных пунктов.

— Значит, есть шанс, что неприятностей у меня не будет?

— Меня никто не останавливал. Сейчас всем все равно. — Она пожала плечами. — Никаких проблем. Как местный центр Женской вспомогательной службы, мы имеем много официальных форм от старых дней оборонной зоны. Одна из них позволяла навещать родственников в госпитале. Я на вас заполню ее и укажу, что у вас брат в госпитале в Бирмингеме. Этого и ваших демобилизационных документов будет достаточно, чтобы удовлетворить кого угодно. В наши дни у всех слабость к героям.

Девлин ухмыльнулся: "Знаете, миссис Грей, по-моему, мы прекрасно сработаемся. — Он подошел к шкафчику под раковиной, покопался в нем и вытащил ржавый молоток и гвоздь: — Как раз то, что нужно".

— Это зачем? — поинтересовалась она.

Он встал в очаг и вбил гвоздь с обратной стороны закоптелого

бревна, на которое опиралась труба, и повесил на него "вальтер".

— Это я называю тайным козырем. Люблю на всякий случай запастись козырем. Теперь покажите мне все остальное.

Рядом с коттеджем находилось несколько надворных построек, большей частью развалившихся, и сарай, но в довольно хорошем состоянии. На самом краю болота, позади сарая, стояло весьма старое ветхое строение, каменные стены которого позеленели от плесени. Девлин с трудом открыл большую дверь. Внутри было холодно и сыро, ясно, что здание уже много лет не использовалось.

— Вот это как раз прекрасно подойдет. Даже если сам старый сэр Уиллафби начнет совать свой нос, думаю, сюда он не дойдет.

— Он занятой человек, — сказала она. — Дела графства, магистрат, руководство местной обороной. Он ко всему этому все еще относится очень серьезно. Ни на что другое времени действительно не остается.

— Кроме как на вас, — сказал Девлин. — У старого грубияна на вас хватает времени.

Джоанна улыбнулась: "Да, боюсь, это действительно так. — Она тронула его за руку. — Теперь я покажу вам зону приземления".

Они пошли через болото вдоль дамбы. Дождь усилился, и ветер нес влажный запах гниющих растений. Из тумана вылетели несколько гусей таким же строем, как эскадрилья бомбардировщиков, отправляющаяся на бомбежку, и снова исчезло в серой мгле.

Они дошли до сосен, зарядных ящиков, противотанковых укреплений, наполненных песком, и предупреждения: "Опасно, мины", такого знакомого Девлину по фотографиям. Джоанна Грей швырнула камень на песок, и Пэч бросилась за ним мимо колючей проволоки.

— Вы уверены? — спросил Девлин.

— Абсолютно.

Он криво усмехнулся: "Я католик, вспомните об этом, если дело пойдет плохо".

— Здесь все католики. Я позабочусь, чтобы вас похоронили как следует.

Девлин перешагнул через мотки проволоки, остановился у края песка, затем пошел вперед. Снова остановился, потом побежал, оставляя на песке мокрые следы — отлив был совсем недавно.

Он очень развеселился и обнял Джоанну за плечи: "Вы были правы. Дело здесь пойдет, увидите. — Он смотрел сквозь туман на море за заливчиками и песчаными отмелями. — Какая кра-

сота! Мысль о том, что придется все это покинуть, должно быть, разрывает вам сердце”.

— Покинуть? — Она с недоумением посмотрела на него. — Вы о чем?

— Но вы же не сможете оставаться, — сказал он. — После всего. Неужели вы не понимаете?

Джоанна посмотрела на море так, как будто видела его в последний раз. Странно, но ей никогда не приходила в голову мысль, что придется уехать. Она вздрогнула, когда сильный порыв ветра швырнул шквал дождя с моря.

Без двадцати восемь в этот вечер Макс Радл решил, что поработал достаточно и пора уходить из кабинета на Тирпи-Уфер. После возвращения из Бретани он чувствовал себя плохо, и доктор, к которому он обратился, пришел в ужас от его состояния.

— Если вы будете продолжать так относиться к себе, господин полковник, вы себя убьете, — твердо заявил он. — Думаю, что могу вам это обещать.

Радл заплатил за визит и взял таблетки трех видов, которые, если ему повезет, смогут поддержать его на ходу. Пока он обходится без военных врачей, у него есть шанс, но как только ему придется пройти еще одну диспансеризацию, это будет конец. Не успеет он и глазом моргнуть, как его демобилизуют.

Он открыл ящик, вытащил пузырек с таблетками и сунул две в рот. Предполагалось, что они болеутоляющие, но чтобы они подействовали наверняка, он налил себе полстакана коньяку. В дверь постучали, и вошел Хофер. Его обычно бесстрастное лицо было взволнованно, глаза горели.

— Что случилось, Карл? — требовательно спросил Радл.

Хофер положил перед ним радиogramму, напечатанную на папиросной бумаге.

— Только что получена, господин полковник. От Звездочки, миссис Грей. Он прибыл благополучно. Теперь он с ней.

Радл смотрел на клочок папиросной бумаги с благоговением. “Господи, Девлин, — прошептал он. — Ты выполнил это. Сработало”.

На него нахлынуло чувство физического облегчения. Из нижнего ящика стола он вытащил еще один бокал: “Карл, за это надо обязательно выпить”.

Радл встал, полный неудержимой радости, такого он не испытывал уже много лет, со времен той невероятной эйфории, когда мчался к берегам Франции во главе своих солдат летом 1940 г.

Подняв бокал, он сказал Хоферу: “Мой тост, Карл. За Лаяма Девлина и за республику!”

Еще будучи штабным офицером бригады Линкольна в Испании, Девлин обнаружил, что мотоцикл — самое лучшее средство для поддержания контакта между подчиненными ему частями, разбросанными в трудной горной местности. Норфолк не походил на те места, но здесь было то же чувство свободы — чувство, что тебя спустили с поводка, — он ощутил его на спокойных проселках от Стадли Грэнджа до деревни.

Утром он получил в Холте без малейших трудностей права и другие документы. Где бы он ни появлялся, от полицейского участка до местной биржи труда, его легенда о службе в пехоте до демобилизации по ранению срабатывала как заклинание. Чиновники прямо-таки из кожи вон лезли, чтобы быстро продвинуть его дела. Правду говорили люди, что в войну все любят солдата, а уж раненого героя и того больше.

Мотоцикл оказался довоенным и видел лучшие дни, но когда Девлин решил прибавить газу на прямом отрезке дороги, спидометр легко показал шестьдесят миль в час. Девлин быстро убрал газ, убедившись, что машина достаточно мощная. Нет смысла лезть на рожон. В деревне полицейского не было, но Джоанна Грей предупреждала, что иногда полицейский на мотоцикле появлялся из Холта.

Девлин съехал по крутому холму к деревне мимо старой мельницы, колесо которой, видимо, уже давно не вращалось, и притормозил, чтобы пропустить молоденькую девушку, едущую на запряженной пони двуколке, на которой стояли три маслобойки. На девушке был синий берет, очень старая шинель образца первой мировой войны, явно большая ей, размера на два. Девлин отметил широкие скулы девушки, ее большие глаза, слишком широкий рот и рваные шерстяные перчатки, сквозь которые вылезали три пальца.

— Добрый тебе день, colleen¹, — весело сказал он, пропуская ее на мост. — Бог в помощь.

Она с изумлением широко раскрыла глаза и слегка открыла рот. Казалось, она онемела и только поцокала языком, погоняя пони на мосту, а затем пустив его рысью вверх по склону мимо церкви.

“Милая уродливая крестьяночка, — тихо процитировал Девлин, — которая вскружила мне голову не раз, а дважды. — Он ухмыльнулся. — Ну нет, Лаям, любовь моя. Не эта. Не сейчас”.

Он направил мотоцикл к трактиру “стадли армс” и увидел человека, который стоял у окна и глядел на него. Огромный

¹ — девушка (ирл.). — Прим. перев.

детина лет тридцати со всклокоченной черной бородой. На нем была твидовая кепка и старый бушлат.

— А что, черт побери, я тебе сделал, сынок? — подумал Девлин. Мужчина перевел взгляд на девушку, потом на двуколку, поднимающуюся на холм у церкви, и снова посмотрел на Девлина. Этого было достаточно. Девлин остановил машину, снял с шеи дустволку в парусиновом чехле, взял ее под мышку и вошел в трактир.

В большой просторной комнате с низкими балками потолка стояло несколько скамеек с высокими спинками и два деревянных стола. В открытом очаге пылал яркий огонь.

В комнате находились три человека. Один около очага играл на губной гармошке, человек с черной бородой стоял у окна, третий — толстый коротышка без пиджака, на вид лет под тридцать, вытирал бокал.

— Благослови всех бог, — произнес Девлин, разыгрывая до конца болотного ирландца.

Он положил дустволку в чехле на стол. Человек в рубашке улыбнулся и протянул руку: "Я трактирщик Джордж Уайльд, а ты новый смотритель болота сэра Генри. Мы о тебе все слышали".

— Уже? — спросил Девлин.

— Знаешь, как это бывает в деревне.

— Уж так и знает? — хрипло спросил высокий у окна.

— Да я сам с фермы из глубинки, — сказал Девлин.

У Уайльда стал озабоченный вид, но он попытался всех познакомить: "Артур Сеймур, а старый козел у огня — Лейкер Армсби".

Как позже узнал Девлин, Лейкеру было под пятьдесят, но выглядел он старше. Он был невероятно оборван: твидовая кепка порвана, пальто подвязано веревкой, а брюки и башмаки залеплены грязью.

— Не выпьете ли вы, джентльмены, со мной? — предложил Девлин.

— Не откажусь, — отозвался Лейкер Армсби, — пинта темного эля меня очень устроит.

Сеймур осушил свою кружку и со стуком поставил ее на стол: "Я пью на свои". — Он поднял дустволку и взвесил ее на руке: "Сквайр о тебе заботится, верно? У тебя и мотоцикл. Интересно, почему это ты, новичок здесь, получил все, когда некоторые из нас, проработавшие в поместье много лет, должны довольствоваться меньшим?"

— Верно, и я отношу это только за счет своей красоты, — сказал ему Девлин.

В глазах у Сеймура мелькнуло сумасшествие, как будто

выглянул дьявол, горячий и дикий: "Не смейся надо мной, коротышка. Никогда этого не делай, а то наступлю на тебя и раздавлю, как слизняка".

Уайльд схватил его за руку: "Ну, ну, Артур", — но Сеймур оттолкнул его.

— Ты тут води себя смирно, знай свое место, и, может, уживемся. Понял?

Девлин подобострастно улыбнулся: "Ясное дело, и если я обидел, прошу прощения".

— Так-то лучше. — Сеймур разжал руки и потер лицо. — Так-то гораздо лучше. Только на будущее запомни одну вещь: когда я вхожу, ты выходи.

Он вышел, хлопнув дверью. Лейкер Армсби ехидно захихикал:

"Ну и шельмец, этот Артур".

Джордж Уайльд вышел в заднюю комнату и вернулся с бутылкой шотландского виски и несколькими рюмками: "Сейчас это достать трудно, но я считаю, что вы заслужили рюмку за мой счет, мистер Девлин".

— Лаям, — сказал Девлин. — Зовите меня Лаям. — Он взял рюмку виски. — Он всегда такой?

— Всегда, сколько я его знаю.

— Когда я приехал, на улице была девушка на двуколке с пони. Он ею особенно интересуется?

— Считает, что у него есть шанс, — Лейкер Армсби снова захихикал. — Только она его не принимает.

— Это Молли Прайор, — сказал Уайльд. — У них с матерью ферма милях в двух по эту сторону Хобс Энда. Ведут на ней хозяйство с прошлого года, когда умер ее отец. Лейкер помогает им по несколько часов, когда не занят в церкви.

— Сеймур тоже у них что-то делает. Тяжелую работу.

— И наверно, считает, что уже владелец? А почему он не в армии?

— Это тоже больное место. Его не взяли из-за порванной барабанной перепонки.

— И он, надо думать, считает это оскорблением своему великому мужскому достоинству, — сказал Девлин.

Уайльду стало неловко, он счел необходимым объяснить: "Я сам схватил пулю в артиллерии у Нарвика в апреле 1940 года. Потерял коленную чашечку, так что война для меня была короткой. А ты свою получил во Франции, как я понял?"

— Точно, — спокойно сказал Девлин. — Около Арра. Отбыл на носилках через Дюнкерк и ничего другого и не помню.

— И провалялся больше года по госпиталиям, как мне сказала миссис Грей?

Девлин кивнул: "Великая женщина. Я ей очень благодарен. Ее муж знал моих дома еще много лет назад. Если б не она, не получить бы мне этого места".

— Леди, — сказал Уайльд. — Настоящая леди. Никого в округе так не любят, как ее.

Лейкер Армсби сказал:

— Теперь возьмем меня. Я схватил свою первую пулю на Сомме в 1916 году. Служил в шотландском гвардейском полку.

— Ну и ну! — Девлин вытащил из кармана шиллинг, шлепнул его на стол и подмигнул Уайльду: — Поднеси ему пинту, а я поехал. Работы много.

Добравшись до прибрежной дороги, Девлин поехал по тропинке вдоль дамбы на северной стороне болота Хобс Энда к опушке сосновой рощи. Был свежий осенний день, холодный, но бодрящий, по голубому небу мчались друг за другом белые облака. Он прибавил газ, и мотоцикл с треском помчался вперед. Риск дьявольский, потому что, сделай Девлин хоть одно неверное движение, свалился бы в болото. Глупый риск, но уж такое у него было настроение, уж больно бросилось в голову чувство свободы.

Девлин снизил скорость, притормозил, чтобы свернуть на другую тропинку, и стал пробираться по сети дамб к берегу, когда из зарослей тростника ярдах в тридцати — сорока справа от него неожиданно высочила всадница на лошади и вскарабкалась на дамбу. Это была та девушка, которую он видел в деревне на двуколке с пони, Молли Прайор. Когда он снизил скорость, она низко пригнулась к шее лошади и пустила ее галопом наперегонки параллельно с ним.

Девлин, мгновенно отреагировав, поддал газу и ринулся вперед на отчаянной скорости, разбрызгивая широким веером грязь. У девушки было преимущество в том, что дамба, по которой она мчалась, напрямую вела к соснам, а Девлину пришлось петлять с тропы на тропу, и он запутался.

Она уже приближалась к деревьям, и когда он нашел наконец открытое место, направила лошадь в болото и погнала ее через камыш кратчайшим путем. Лошадь хорошо ее слушалась и несколько мгновений спустя выскочила из болота и исчезла среди сосен. Девлин на большой скорости сошел с тропы, взметнулся на первую же песчаную дюну, пролетел немного по воздуху и опустился на белый мягкий песок.

Молли Прайор сидела у сосны, опустив подбородок на колени, и глядела на море. Одетая она была так же, как в их первую встречу, с той лишь разницей, что сняла берет, открыв коротко стриженные темно-рыжие волосы. Лошадь пощипывала траву, пробивавшуюся сквозь песок.

Девлин остановил мотоцикл и бросился на землю рядом с ней: "Прекрасный день, слава богу".

Она повернулась к нему и спокойно спросила: "Что тебя задержало?"

Девлин снял кепку, чтобы стереть пот со лба, и с удивлением взглянул на нее: "Значит, что меня задержало? Ах ты, маленькая..."

Молли улыбнулась. Более того, откинув голову, расхохоталась. Девлин тоже рассмеялся. "Ей-богу, я буду помнить тебя до колоколов страшного суда, это уж точно".

— А что это должно означать? — Она говорила с сильным норфолкским акцентом, который был ему еще внове.

— А, так говорят там, откуда я родом.

Он взял в рот сигарету: "Ты это употребляешь?"

— Нет.

— Молодец, сигареты не дадут тебе вырасти, а тебе еще расти и расти.

— Да будет тебе известно, мне семнадцать лет, — сказала она.

— В феврале будет восемнадцать.

Девлин закурил и лег, положив руки под голову, прикрыв глаза козырьком кепки.

— А какого числа?

— Двадцать второго.

— А, Рыбка, верно? Созвездие Рыбы. Нам должно быть вместе хорошо. Я Скорпион. Кстати, никогда не выходи замуж за Деву. Они с Рыбами не уживаются. Возьмем, например, Артура. У меня большое подозрение, что он Дева. Я бы на твоём месте был осторожен.

— Артур? — спросила она. — Ты говоришь об Артуре Сеймуре? Ты в своем уме?

— Я-то да, но вот он, думаю, не в своем, — ответил Девлин и продолжал: — Чистая, свежая, добродетельная и не очень страстная, что очень жаль, с моей точки зрения.

Она обернулась, чтобы посмотреть на него, и старая шинель раскрылась. Грудь ее, полные и твердые, прикрывала только ситцевая блузка.

— А, девочка, у тебя будут большие неприятности с весом года через два, если ты не ограничишь себя в еде.

Глаза ее вспыхнули, она опустила их и инстинктивно натянула отвороты шинели.

— Ты, недоносок! — сказала она, с трудом произнося это слово. Но, заметив, что губы его подергиваются, нагнулась, чтобы посмотреть под козырек его кепки:

— Ты смеешься надо мной! Она сдернула с него кепку и бросила ее.

— А что мне еще с тобой делать, Моли Прайор? — он поднял, как бы защищаясь, руку: — Не надо, не отвечай!

Она оперлась спиной о дерево, засунув руки в карманы. — "Откуда ты знаешь, как меня зовут?"

— Джордж Уайльд сказал мне в трактире.

— Понятно. А Артур был там?

— О да. У меня сложилось впечатление, что он смотрит на тебя как на собственность.

— Тогда пусть идет к черту! — воскликнула она, приходя вдруг в ярость. — Я не принадлежу никому.

Он посмотрел на нее и улыбнулся: "У тебя нос вздернутый, кто-нибудь говорил тебе об этом? И когда ты злишься, уголки губ опускаются".

Он зашел слишком далеко, дотронулся до тайного больного места. Она вспыхнула и горько сказала: "А, я уродина, мистер Девлин. Я слишком часто просиживала ночи напролет на танцах в Холте, когда никто меня не приглашал, чтобы не знать своего места. Я знаю, вы бы меня не выбросили в дождливую субботнюю ночь. Ведь лучше хоть что-нибудь, чем ничего".

Она хотела встать, но Девлин потянул ее за ногу, крепко удерживая рукой и не давая подняться: "Ты знаешь мое имя? Откуда?"

— Не воображайте. Все о вас знают. Все, что надо знать.

— Я тебе скажу что-то новое, — сказал он, опершись на локоть и наклонившись к ней. — Ты ничего обо мне не знаешь, потому что тебе неизвестно, что я предпочитаю прекрасные осенние дни под соснами дождливым субботним ночам. Но, однако, песок имеет отвратительное свойство набиваться туда, куда ему не следует. — Молли замерла. Девлин быстро поцеловал ее в губы и отодвинулся: — Теперь катись отсюда, прежде чем я дам волю своей дикой страсти.

Она схватила берет, вскочила на ноги и ухватилась за уздечку лошади. Когда обернулась и взглянула на него, лицо ее было серьезным, но только она взобралась на седло и повернула лошадь, чтобы еще раз взглянуть на него, как улыбнулась: "Мне говорили, что все ирландцы сумасшедшие. Теперь я верю. Я буду на мессе в воскресенье вечером. А ты?"

— Разве похоже, что я приду?

Лошадь переступала, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, но Молли держала ее крепко. "Да, — сказала она серьезно. — Думаю, что так", — и пустила лошадь вскачь.

"Ну и идиот ты, Лаям, — тихо ругнул себя Девлин, выводя мотоцикл вдоль дюны между деревьями на тропинку. — Неужели ты никогда не утомился?"

Он спокойно проехал по главной дамбе и, добравшись до

сарая, поставил в него мотоцикл. Ключ от дома он нашел под камнем у двери, где и оставлял его. Войдя, поставил двустволку в коридоре, прошел на кухню, расстегивая плащ, и застыл на месте. На столе он увидел кувшин молока и дюжину коричневых яиц в белой миске.

— Матушка богородица, — тихо произнес он. — Посмотри-ка на это.

Девлин нежно потрогал миску пальцем. Лицо его было бледным.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В Бирмингеме по городу носился холодный ветер, швыряя пригоршни дождя в окна квартиры Бена Гарвальда, расположенной над гаражом в Солтли. В шелковом халате, с шарфом на шее, с аккуратно расчесанными темными выющимися волосами, он являл собой представительную фигуру, а сломанный нос придавал ему какое-то грубое величие. При ближайшем рассмотрении наружность его оказывалась не столь приятной: на мясистом лице с заносчивым выражением ясно проступали следы разгульного образа жизни.

Но в это утро его лицо выражало еще и досаду на весь мир. Накануне, в одиннадцать тридцать вечера, одно из его коммерческих предприятий — маленький нелегальный игорный клуб — в доме на безусловно респектабельной улице в Астоне было захвачено бирмингемской полицией. Это не грозило арестом лично Гарвальду. Для чего же тогда платил он поставному лицу, которое знало, что о нем позаботятся. Гораздо более серьезной потерей были три с половиной тысячи фунтов на игральных столах, конфискованные полицией.

Кухонная дверь широко распахнулась, и вошла молоденькая девушка лет семнадцати-восемнадцати. На ней был розовый кружевной халатик, ее крашенные перекисью волосы всклокочены, лицо покрыто пятнами, а глаза распухли от слез. "Вам еще что-нибудь дать, мистер Гарвальд?" — тихо спросила она.

— Дать? — воскликнул он. — Это здорово. Это дьявольски здорово, если принять во внимание, что ты мне вообще ни черта не давала еще.

Он говорил с ней, не оборачиваясь, и с интересом следил за человеком на мотоцикле, который въехал во двор и поставил мотоцикл около одного из грузовиков.

Девушка, которая не смогла удовлетворить некоторые весьма эксцентричные требования Гарвальда накануне ночью, сказала плачущим голосом: "Простите, мистер Гарвальд".

Человек прошел через двор и исчез. Гарвальд повернулся к девушке: "Ладно, одевайся и сматывайся". Она испугалась,

затряслась от страха и, как загипнотизированная, смотрела на него. Сладкое чувство власти, почти сексуальное по силе, охватило его. Он схватил ее за волосы и жестоко дернул. "И научись делать, что тебе велят. Понятно?"

Девушка убежала, в открытую входную дверь вошел младший брат Бена Рубен Гарвальд. Он был низкого роста, болезненный на вид, но черные глаза на бледном лице непрерывно двигались, ничего не упуская. Сейчас глаза его с неодобрением смотрели вслед девушке.

— Зря ты это, Бен. Этакая грязная телка. Ты можешь схватить что-нибудь.

— Для этого изобрели пенициллин, — сказал Гарвальд. — Ладно, что тебе надо?

— Там к тебе тип какой-то. Только что приехал на мотоцикле.

— Я видел. Что ему нужно?

— Не говорит. Хитрый ирландишка, воображает уж очень. — Рубен вытащил половинку пятифунтового билета.

— Велел мне отдать это тебе. Сказал, что у тебя может оказаться вторая половинка, если с ним увидишься.

Гарвальд неожиданно рассмеялся и выхватил порванную пятерку из рук брата: "Это мне нравится. Да, я обязательно этим займусь. — Он подошел к окну и начал рассматривать половинку купюры. — Похоже, настоящая. — Потом обернулся, улыбаясь: — Интересно, у него еще есть, Рубен? Посмотрим".

Рубен вышел, а Гарвальд в хорошем настроении подошел к буфету и налил себе стакан виски. Возможно, это утро в конце концов принесет не только убыток. И вообще может оказаться очень интересным. Он уселся в кресло у окна.

Дверь открылась, и Рубен ввел в комнату Девлина. Тот промок насквозь, с плаща текло, а кепку он снял и отжал над китайской фарфоровой вазой, полной луковиц. "Посмотрели?"

— Ладно, — сказал Гарвальд. — Я знаю, что вы, чертовы мики¹, все психи. Не тяни. Как зовут?

— Мерфи, мистер Гарвальд, — сказал Девлин, — как на духу.

— Я верю этому тоже, — сказал Гарвальд. — Ради бога,ними ты свой плащ. Испортишь этот чертов ковер. Настоящий Аксминстер. В наши дни, чтобы его достать, отдают состояние.

Девлин снял плащ и отдал его Рубену. Тот вспыхнул от злости, но тем не менее взял плащ и сложил на стуле у окна.

— Ладно, миленок, — сказал Гарвальд. — Время у меня ограничено, так что к делу.

Девлин вытер руки о пиджак и вытащил пачку сигарет. "Мне сказали, что вы занимаетесь транспортом, — сказал он, — помимо прочего".

¹ — ирландцы. — Прим. перев.

— Кто сказал?

— Да ходят такие разговоры.

— И так?

— Мне нужен грузовик. Трехтонка армейского образца.

— И это все? — Гарвальд еще улыбался, но глаза насторожились.

— Нет, еще мне нужны "джип", компрессор, распылитель и два галлона краски цвета хаки.

Гарвальд громко рассмеялся: "Ты что собираешься делать? Открывать собственный второй фронт или еще что?"

Девлин вынул из нагрудного кармана большой конверт и протянул его: "Здесь пятьсот фунтов, чтобы вы были уверены, что я не трачу зря ваше время".

Гарвальд кивнул брату, который взял конверт, открыл его и пересчитал деньги: "Он говорит правду Бен. И притом новенькими пятерками".

Рубен отдал деньги Гарвальду. Тот взвесил конверт на руке, бросил его на кофейный столик перед собой и откинулся в кресле.

— Ладно, поговорим. На кого ты работаешь?

— На себя, — ответил Девлин.

Гарвальд, ни на мгновение ему не поверив и не скрывая этого, не стал спорить: "У тебя, должно быть, заваривается хорошее дельце. Может, нужна помощь?"

— Я сказал вам, что мне надо, мистер Гарвальд, — сказал Девлин, — одна трехтонка, "джип", компрессор и два галлона краски цвета хаки. Если вы считаете, что помочь не можете, я могу достать в другом месте.

Рубен сердито произнес: "Кем ты себя воображаешь, черт возьми? Войти сюда — это одно, а выйти бывает не так легко".

Лицо Девлина побледнело, и когда он обернулся к Рубену, голубые глаза, холодные и отрешенные, казалось, были устремлены далеко.

— Так?

Он протянул руку за стопкой пятерок, не отпуская левой рукой в кармане курок "вальтера". Гарвальд с силой хлопнул по деньгам. "Это тебе обойдется, — тихо сказал он, — в хорошую круглую сумму. Скажем, две тысячи фунтов".

Он посмотрел в глаза Девлину с вызовом. Настунило молчание. Девлин улыбнулся: "Бьюсь об заклад, у вас была крепкая левая рука в молодости".

— И до сих пор, парень, — Гарвальд сжал кулак. — Лучше, чем у кого бы то ни было.

— Хорошо, — сказал Девлин, — подкиньте пятьдесят галлонов бензина в армейских канистрах, и мы договорились.

Гарвальд протянул руку: "Идет. Вышьем за это. Ты что пьешь?"

- Ирландское виски, если у вас есть.

- У меня все есть, парень. Все, что угодно. - Он щелкнул пальцами. - Рубен, как насчет виски нашему другу? - Рубен стоял в нерешительности, лицо у него было напряженное и злое, и Гарвальд сказал тихим опасным голосом: - Виски, Рубен.

Брат подошел к буфету, открыл его, и стали видны десятки бутылок внизу. "Вы для себя ничего не жалеете", - заметил Девлин.

- А как же иначе? - Гарвальд взял сигару из ящика на кофейном столике. - Ты заберешь все в Бирмингеме или где-нибудь еще?

- Где-нибудь около Питерборо, на шоссе А будет как раз, - сказал Девлин.

Рубен подал ему бокал: "Ты чертовски привередлив, а?"

Гарвальд вмешался: "Нет, все правильно. Знаешь Норман-Кросс? Он на А, милях в пяти от Питерборо. Там в нескольких милях от дороги есть гараж, его называют гаражом Фогарти. Сейчас он закрыт".

- Найду, - сказал Девлин.

- Когда хочешь получить товар?

- В четверг, двадцать восьмого и в пятницу, двадцать девятого. В первую ночь я возьму грузовик, компрессор и канистры, а во вторую - "джип".

Гарвальд нахмурился: "Ты хочешь сказать, что сам все это получишь?"

- Точно.

- Ну что ж - в какое время?

- Когда стемнеет. Скажем, от девяти до девяти тридцати.

- А деньги?

- Вы оставьте эти пятьсот как задаток. Семьсот пятьдесят отдам, когда буду брать грузовик, ту же сумму - за "джип" и, конечно, за путевые листы на обе машины.

- Ладно, - сказал Гарвальд. - Но надо указать цель поездки и место назначения.

- Это я сам сделаю, когда все получу.

Гарвальд медленно кивнул, размышляя: "Я согласен. Ладно, заказ принят. Может, еще выпьем?"

- Нет, спасибо, - сказал Девлин, - мне еще надо кое-куда заехать.

Он надел мокрый плащ и быстро застегнул его. Гарвальд встал, подошел к буфету и взял открытую бутылку виски: "Выпей за мой счет, просто чтобы не осталось дурных чувств".

- Вот уж о чем не думал, - улыбнулся Девлин. - Но все равно,

благодарю. Кое-что в ответ. - Он вытащил из нагрудного кармана вторую половину пятерки: - По-моему, ваша.

Гарвальд взял ее и ухмыльнулся: "Знаешь, Мерфи, ты дьявольски нагл".

- Мне говорили.

- Ладно, увидимся в Норман-Кроссе двадцать восьмого. Проводи его, Рубен, и води себя как следует.

Рубен угрюмо двинулся к двери и вышел. Девлин пошел, было за ним, но обернулся к Гарвальду: "Еще одно дело, мистер Гарвальд".

- Ну что?

- Я слово держу.

- Приятно это слышать.

- Смотрите, вы тоже держите.

Теперь Девлин не улыбался, и, когда смотрел Гарвальду в глаза, лицо было непроницаемым. Он повернулся и вышел.

Гарвальд встал, подошел к буфету, налил себе еще виски. Подошел к окну и посмотрел во двор. Девлин развернул мотоцикл и завел мотор. В комнату вошел Рубен. Он был в ярости: "Что в тебя вселилось, Бен? Ты позволяешь коротышке мику, у которого еще болотная грязь на сапогах не обсохла, делать с тобой все, что ему угодно. Хотя с него ты взял больше, чем с кого-либо в жизни".

Гарвальд проследил, как Девлин выехал на дорогу и исчез под проливным дождем. "Он что-то затеял, Рубен, мой мальчик, - тихо сказал он, - что-то славное и жирненькое".

- Но зачем ему армейские машины?

- Масса возможностей. Может быть что угодно. Вспомни дело в Шропшире на той неделе. Какой-то тип в солдатской форме въезжает на армейском грузовике на большой армейский склад и выезжает оттуда с шотландским виски на тридцать тысяч. Представляешь, сколько это потянет на черном рынке?

- И ты думаешь, он затеял что-то в этом роде?

- Обязательно, - сказал Гарвальд, - и что бы это ни было, я вхожу в долю, хочет он или нет. - Он в изумлении покачал головой: - Знаешь, Рубен, он угрожал мне. Мне! Этого уж мы не потерпим, верно?

Был еще день, но начало темнеть от непогоды, когда Кениг повел торпедный катер к пологому берегу. Все небо покрывалось грозowymi тучами, черными раздувшимися, с розовыми краями.

Мюллер, склонившись над картой, сказал: "Скоро сильный шторм, господин лейтенант".

Кениг выглянул в окно: "Минут пятнадцать пройдет, пока он разыграется. Мы к тому времени уже подойдем".

Грозно загредел гром, небо совсем потемнело, и команда, сбившаяся на палубе в ожидании, когда покажется причал, странно примолкла.

Кениг сказал: "Я их не виню. Какое мерзкое место после Сен-Хельера!"

За песчаными дюнами простиралась плоская и голая местность, как бы выметенная постоянно дующим ветром. В отдалении виднелся фермерский дом и ангары около взлетной полосы, казавшиеся черными на фоне бледного горизонта. Ветер легко гнал воду. Кениг снизил скорость, когда катер подошел к входу в бухту. "Ты введи его, Эрих".

Мюллер стал за штурвал. Кениг натянул старую пилотскую куртку, вышел на палубу и стоял там, куря сигарету. Он пребывал в странном состоянии депрессии. Переход был трудным, но в каком-то смысле проблемы только начинались. Например, с людьми, с которыми ему предстояло работать. Это был жизненно важный вопрос. В прошлом у него был определенный отрицательный опыт в подобных ситуациях.

Казалось, что небо раскололось, и дождь полил потоком. Когда катер подошел к бетонному пирсу, на берегу между дюнами появился полевой автомобиль. Мюллер выключил мотор и, высунувшись из рубки, громко отдавал приказание. Команда суежилась, на берег бросили конец. В это время автомобиль подошел к пирсу и остановился. Из него вышли Штайнер и Риттер Нойманн.

— Привет, Кениг, добрался все-таки? — весело крикнул Штайнер. — Добро пожаловать в Ландсвоорт.

Кениг стоял на середине лестницы и, услышав голос Штайнера, так удивился, что оступился и чуть было не упал в воду: "Вы, господин полковник, но... — Он быстро все понял и захотел. — А я тут чертовски беспокоюсь, с кем мне придется работать".

Он взобрался по лестнице и схватил руку Штайнера.

Было полпятаго, когда Девлин проезжал по деревне мимо трактира. Еще на мосту он услышал, что играет орган, и различил неясный свет в окнах церкви. Джоанна Грей говорила ему, что вечернюю мессу служат днем, чтобы не заботиться о затемнении. Он помнил о замечании Молли Прайор. Улыбаясь, остановился у церкви. Он знал, что Молли там, вот и пони терпеливо стоял в оглоблях двуколки, уткнувшись в мешок с овсом. Тут же стояли две машины, грузовик и несколько велосипедов.

Когда Девлин открыл дверь в церковь, по проходу шел отец Верекер с тремя мальчиками в алых сутанах и белых стихарях. Один из них нес ведро святой воды, и отец Верекер на ходу окроплял головы прихожан, отмывая грехи. Он запел гимн. Девлин проскользнул направо и сел на скамейку.

В церкви было не более восемнадцати человек. Сэр Генри, рядом, по-видимому, его жена и молодая темноволосая девушка лет двадцати в форме Женских вспомогательных авиачастей — по всей вероятности, Памела Верекер. Джордж Уайльд с женой. С ними сидел Лейкер Армсби, чисто отмытый, в твердом белом воротничке и древнем черном костюме.

Молли Прайор сидела через проход с матерью, приятной женщиной средних лет с добрым лицом. На Молли была соломенная шляпа, украшенная искусственными цветами, с полями, опущенными на глаза, и цветастое ситцевое платье, застегнутое на пуговицы и плотно обтягивающее грудь, с довольно короткой юбкой. Пальто ее было аккуратно сложено и перекинута через скамейку.

"Бьюсь об заклад, она носит это платье уже года три", — подумал Девлин. Молли внезапно повернулась и увидела его. Она не улыбнулась, просто смотрела на него с секунду и отвернулась.

Верекер в выгоревшей розовой ризе поднялся в алтарь, сложил руки и начал мессу: "Признаюсь перед Всевышним Господом и перед вами, братья и сестры мои, что я грешил по собственной вине".

Он ударил себя в грудь и запел гимн, и Девлин, чувствуя, что Молли Прайор скосила глаза под полями шляпы, чтобы наблюдать за ним, просто из озорства тоже запел, прося Святую Марию, Вечную Девственницу, всех ангелов, святых и остальных прихожан молиться за него Господу Богу нашему.

Когда Молли опускалась на колени на подушечку, движения ее были медленными и юбку она подняла дюймов на шесть выше, чем следует. Ему пришлось подавить смех, видя эту притворную скромность. Но скоро он отрезвел, заметив сумасшедшие глаза Артура Сеймура, сверкающие в темноте с дальнего ряда.

Когда служба окончилась, Девлин вышел первым. Он сидел на мотоцикле и готов был ехать, когда услышал ее голос: "Мистер Девлин, минуточку". Он повернулся. Она спешила к нему, держа над головой зонтик, ее мать шла следом в нескольких ярдах от нее. "Не спешите уезжать, — попросила Молли. — Вы что, стесняетесь или как?"

— Чертовски рад, что пришел, — ответил Девлин.

Покраснела она или нет, понять было нельзя, потому что уже

темнело. "Это моя мама, — сказала Молли, — а это мистер Девлин". — "Я о вас все знаю, — сказала миссис Прайор. — Если что нужно, вы только скажите. Мужчине одному трудно".

— Мы подумали, что, может, вы захотите выпить с нами чаю, — сказала ему Молли.

В этот момент он увидел Артура Сеймура, стоящего около покойницкой и бросающего на них грозные взгляды. Девлин сказал: "Очень любезно с вашей стороны, но, по правде говоря, я немного не в форме".

Миссис Прайор дотронулась до него: "Господи спаси, да вы же промокли насквозь. Немедленно домой и в горячую ванну. Так и умереть недолго".

— Она права, — яростно произнесла Молли, — поезжайте немедленно и смотрите сделайте, как она велит.

Девлин нажал на стартер. "Спаси меня, боже, от этой чудовищной команды баб", — сказал он про себя, уезжая.

Принять ванну было невозможно. Слишком много времени надо было потратить, чтобы нагреть котел воды за кухней. Он разжег громадный костер в огромном каменном очаге, разделся, быстро растерся полотенцем и снова надел синюю фланелевую рубашу и темные шерстяные штаны.

Девлин проголодался, но чувствовал себя слишком усталым, чтобы готовить еду, поэтому взял стакан, бутылку виски, которую ему дал Гарвальд, и одну из своих книг. Он уселся в старое кресло, протянул ноги к очагу и стал читать. Прошел, возможно, час, когда холодный ветер легко коснулся его спины и шеи. Он не слышал, как скрипнула дверь, но знал, что Молли здесь.

— Ты что так долго? — спросил он, не поворачивая головы.

— Очень умно. А я-то думала, что вы поведете себя лучше, после того как я прошла мимо с четвертью по залитым водой полям, в темноте, чтобы принести вам ужин.

Молли подошла к огню. На ней был старый плащ, высокие кожаные сапоги, на голове шаль, в руке корзинка: "Картофельная запеканка с мясом, но, я думаю, вы уже поели?"

Он громко застонал: "Хватит болтать. Ставь ее на огонь побыстрее".

Молли поставила корзинку, стянула сапоги и расстегнула плащ. Под ним было цветастое платье. Она сняла шаль и встряхнула волосами:

"Так-то лучше. Ты что читаешь?"

Он протянул ей книгу: "Стихи слепого ирландца по имени Рафтери, который жил давным-давно".

Молли взглянула на текст при свете огня: "Но мне непонятно, это на иностранном языке".

— Ирландском, — сказал он. — Язык королей... — Он взял у нее

книгу и прочел несколько строк по-ирландски, затем перевел:

...Теперь, весной, день становится длиннее,
В праздник святой Бриджиты поднимется мой парус,
И поскольку путешествие мое — вещь решенная,
Шаг мой станет крепче,
Пока я снова не окажусь на равнинах Мейо...

— Прекрасно, правда, прекрасно. — Она опустилась на камышовый коврик рядом с ним и прислонилась к креслу. Ее левая рука коснулась его руки. — Ты оттуда родом, из этого Мейо?

— Нет, — сказал Девлин, с трудом сохраняя спокойствие. — Я родился гораздо севернее, но Рафтери все правильно сказал.

— Лаям — это тоже по-ирландски?

— Да, мэм.

— Что это значит?

— Уильям.

Она нахмурилась: "Нет, мне больше нравится Лаям. Знаешь, Уильям — это так обычно".

Девлин продолжал держать книгу в левой руке, а правой ухватил ее за волосы: "Иисус, Иосиф и Мария, помогите мне".

— А это что значит? — невинно спросила она.

— Это значит, дорогая моя девочка, что, если ты немедленно не снимешь запеканку с огня и не положишь ее на тарелку, я за себя не отвечаю.

Она вдруг рассмеялась глубоким грудным смехом и на мгновение положила голову ему на колени.

— О, ты мне так нравишься. Ты знаешь это? Вы мне понравились с первого момента, когда я увидела вас, мистер Девлин, сэр, верхом на мотоцикле у трактира.

Он застонал, закрыв глаза, а она вскочила, оправила юбку и вытащила запеканку из очага.

Он провожал ее домой через поле. Дождь прекратился, тучи рассеялись, оставив чистое небо с горящими звездами. Ветер был холодным и свистел между деревьями так, что сыпались ветки. На плече у Девлина была двустволка, левой рукой он поддерживал Молли.

После ужина они немного поговорили. Молли заставила Девлина читать стихи и сидела, прислонившись к нему, положив ногу на ногу. Все было куда хуже, чем он воображал, и совсем не укладывалось в его планы. В его распоряжении было три недели — и все, и за это время предстояло сделать много дел, так что отвлекаться было нельзя.

Они дошли до забора фермы и остановились у ворот.

— Я вот думала. Если у тебя нет других дел, не помог бы ты мне в сарае в среду днем? Некоторые машины надо укрыть на зиму. Это тяжеловато нам с мамой. Ты мог бы с нами пообедать.

Отказаться было бы неучтиво.

— Почему ж нет? — сказал он.

Она обняла его за шею, наклонила его лицо и поцеловала со страстной, неопытной настойчивостью, невероятно трогательной. Она была надушена цветочными духами, резкими и сладкими, единственными, возможно, которые она могла себе позволить. Ему суждено было помнить этот запах до конца своих дней.

Молли прижалась к Девлину, и он нежно сказал ей на ухо: "Тебе семнадцать, а мне уже все стариковские тридцать пять. Ты об этом подумала?"

Она подняла на него невидящие глаза: "О, ты чудесный, такой чудесный".

Глупые, банальные слова, над которыми при других обстоятельствах можно было бы и посмеяться, но не сейчас. И никогда. Он нежно поцеловал ее в губы.

— Иди!

Не пытаясь протестовать, Молли ушла. Где-то глухо залаяла собака, хлопнула дверь. Снова начался дождь. Опустив голову, Девлин устало потащился домой.

Вдруг в камышах зашуршало, и дорогу ему преградила фигура.

Несмотря на дождь, туч было немного, и в свете четверти луны Девлин увидел наклонившегося над ним Артура Сеймура. "Я говорил тебе, — сказал он, — я предупреждал тебя, но ты не послушал. Теперь придется тебя проучить".

В мгновение Девлин сбросил двустолку с плеча. Она была заряжена, но это не имело значения. Он взвел оба курка и ткнул конец ствола Сеймуру под подбородок.

— Тихо, — приказал он, — у меня разрешение сквайра отстреливать хищников, а ты на земле сквайра.

Сеймур отпрыгнул назад: "Я до тебя доберусь, смотри. И до этой грязной сучки. Я вам обоим отплачу". — И побежал в ночь.

Девлин закинул двустолку за плечо и под усилившимся дождем пошел домой. "Сеймур сумасшедший — нет, не так, просто безответственный". Угрозы Сеймура его ничуть не беспокоили, но когда он подумал о Молли, внутри у него все сжалось.

— Господи, — прошептал Девлин, — если он тронет ее, я убью ублюдка. Убью.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пистолет-пулемет "стен" считался, пожалуй, самым лучшим оружием массового производства второй мировой войны и находился на вооружении большинства английских пехотинцев.

С виду он был сделан грубо, но выдерживал небрежное обращение, был надежнее любого другого оружия этого типа. Его можно было разобрать в секунды, положить в сумочку или карман пальто — факт, который делал его бесценным для различных групп Сопротивления в Европе, которым англичане сбрасывали "стен" с парашютами. Брось его в грязь, наступи на него ногой — он будет стрелять не хуже, чем самое дорогое ружье.

Образец MKIIS, специально разработанный для "командос", имел глушитель, действие которого было поразительным: при выстреле раздавалось лишь шелканье затвора, да и то слышимое на расстоянии до двадцати ярдов.

Утром в среду, 20 октября, на импровизированном стрельбище среди песчаных дюн в Ландсвоорте унтер-офицер Вилли Шайд держал в руках новенький пулемет. Вдали стоял ряд целей — фигуры наступающих томми в натуральную величину. Шайд выпустил весь магазин слева направо в первые пять фигур. Жутко было видеть, как пули рвут цели, а слышно только шелканье затвора. На Штайнера и его немногочисленную команду, стоявшую позади него полукругом, это тоже произвело сильное впечатление.

— Отлично! — Штайнер протянул руку, и Шайд передал ему "стен".

— Право, отлично! — Штайнер осмотрел пистолет и передал Нойманну.

Нойманн внезапно ругнулся: "Черт побери, дуло раскалилось".

— Точно, господин старший лейтенант. Надо быть осторожным и держаться за парусину чехла. Глушитель раскаляется быстро, когда стреляешь, как из автомата.

Шайд, маленький, незаметный человечек в очках со стальной оправой и в невероятно потрепанной форме, прибыл с артиллерийского склада в Гамбурге. На стрельбище, пройдясь вдоль ряда образцов различного вида оружия, разложенного на куске парусины, он сказал, обращаясь к команде Штайнера: "Пистолет-пулемет "стен" с глушителем и без него будет вашим оружием. Что касается легкого пулемета "брен", то он хуже нашего M642, но это отличное оружие для небольших подразделений. Он делает отдельные выстрелы и очереди по четыре-пять патронов, так что очень экономичен и исключительно точен".

— А ружья? — спросил Штайнер.

В это время Нойманн тронул его за плечо, и, повернувшись, полковник увидел, что со стороны Йиссеммеер на бреющем полете появился самолет и начал заходить на посадку.

Штайнер сказал: "Несколько слов, унтер-офицер. — Он обернулся к своей команде: — С этого момента вы выполняете все,

что скажет унтер-офицер. Вам даются две недели, и я жду, что к концу срока вы сможете разбирать и собирать эти штуки с закрытыми глазами. — Он посмотрел на Брандта: — Если унтер-офицеру потребуется помощь, позаботьтесь, чтобы он ее получил. Ясно?"

Брандт вытянулся по стойке "смирно": "Слушаюсь, господин полковник".

— Хорошо, — взгляд Штайнера, казалось, проникал в душу каждого. — Большую часть времени мы со старшим лейтенантом Нойманном будем здесь с вами. Не беспокойтесь. Обещаю вам, что совсем скоро вы узнаете, в чем дело.

Брандт скомандовал: "Смирно!" Штайнер отдал честь, повернулся и поспешил к полковому автомобилю, стоявшему недалеко. Нойманн последовал за ним. Когда они подъехали к главным воротам взлетной полосы, дежурный военный полицейский, открывая их, неуклюже отдал честь. Другой рукой он держал ворчащую сторожевую собаку.

— В один прекрасный день этот зверь вырвется, — сказал Нойманн, — честно говоря, не думаю, что он знает, на чьей он стороне.

Самолет приземлился, и четыре или пять механиков помчались к нему на маленьком грузовичке. Нойманн поехал за ними и остановился в нескольких ярдах от самолета. Штайнер в ожидании Радла закурил сигарету. Нойманн сказал: "С ним кто-то прилетел".

Штайнер, нахмурясь, смотрел, как Макс Радл подходит к нему, весело улыбаясь. "Курт, как дела?" — крикнул он, протягивая руку.

Но Штайнера больше интересовал его спутник, высокий, элегантный молодой человек с эмблемой "мертвая голова" на эсэсовской фуражке. "Кто ваш приятель, Макс?" — тихо спросил он.

Натянуто улыбаясь, Радл познакомил их: "Полковник Курт Штайнер — унтерштурмфюрер Гарви Престон из Британского свободного корпуса".

Старую гостиную в фермерском доме Штайнер переоборудовал в мозговой центр операции. В комнате у стены стояли две походные койки для него и Нойманна, в центре — два больших стола с картами и фотографиями Хобс Энда и всего района Стадди. Здесь же стоял великолепно сделанный, но еще не законченный объемный макет.

Радл с интересом разглядывал его, держа в руке стакан бренди. Риттер Нойманн стоял по другую сторону стола, а Штайнер ходил взад-вперед у окна, яростно куря.

Радл сказал: "Отличный макет. Кто его делает?"

— Рядовой Клугл, — ответил Нойманн, — он был, по-моему, художником до войны.

Штайнер нетерпеливо обернулся: "Давайте о деле, Макс. Вы серьезно думаете, что я возьму этого... этого?"

— Это идея рейхсфюрера, а не моя, — мягко пояснил Радл. — В подобных делах я подчиняюсь приказам, мой дорогой Курт, а не отдаю их.

— Он, должно быть, спятил.

Радл кивнул головой и подошел к буфету, чтобы налить еще коньяка. "Мне думается, вы не первый это говорите".

— Ну хорошо, — сказал Штайнер, — посмотрим на это с чисто практической стороны. Для того чтобы дело удалось, потребуется высокодисциплинированная команда, которая будет действовать как один человек, думать как один. Именно такой отряд у нас есть. Мои парни были в аду и вышли из него. Крит, Ленинград, Сталинград и несколько других мест. Я с ними прошел каждый шаг. Макс, бывают случаи, когда мне не приходится даже отдавать команду.

— Я это прекрасно понимаю.

— Так как же, черт побери, будут они действовать, имея аутсайдера, да еще такого, как Престон? — Он взял карточку, которую ему передал Радл, и потряс ею: — Мелкий жулик, позер, играющий всю жизнь даже перед самим собой. — Он с отвращением отбросил карточку. — Он даже не знает, что такое настоящая солдатская служба.

— И что гораздо важнее, как мне кажется, — вставил Риттер Нойманн, — он никогда в жизни не прыгал с парашютом.

Радл вынул русскую папиросу, Нойманн поднес ему спичку. "Я думаю, Курт, что сейчас у вас эмоции берут верх над здравым смыслом".

— Ладно, — сказал Штайнер, — моя американская половина ненавидит это вшивое отродье, потому что он предатель и перебежчик, а моя немецкая половина тоже не очень-то к нему расположена, — он раздраженно покачал головой. — Послушайте, Макс, вы представляете себе, что такое тренировка прыжков с парашютом? — Он обернулся к Нойманну: — Расскажи ему, Риттер.

— Чтобы получить значок парашютиста, надо сделать шесть прыжков и еще не меньше шести в год, чтобы сохранить его, — сказал Нойманн. — Это требование одинаково для всех, от рядового до генерала. За прыжки платят от шестидесяти пяти до ста двадцати марок в месяц, в зависимости от чина.

— Значит? — спросил Радл.

— Чтобы заработать их, тренируешься два месяца на земле, первый прыжок делаешь один с высоты шестисот футов. После

этого пять групповых прыжков в разное время суток, в том числе и ночью, все время снижая высоту, и наконец грандиозный финал. Прыжок с девяти самолетов одновременно со сбрасыванием техники в боевых условиях с высоты менее четырехсот футов.

— Впечатляюще, — сказал Радл, — но Престону-то спрыгнуть надо только один раз, правда ночью. К тому же на протяженное и удлиненное побережье. Отличная зона приземления, как вы сами признали. Я бы считал, что нет необходимости хорошо тренировать его ради одного прыжка.

Нойманн в отчаянии обернулся к Штайнеру: "Что еще ему сказать?"

— Ничего, — ответил Радл, — потому что Престон полетит, так как рейхсфюрер считает это удачной идеей.

— Ради бога, — сказал Штайнер, — это же невозможно, Макс, неужели вы не понимаете?

— Я возвращаюсь утром в Берлин, — ответил Радл, — поедем со мной, и скажите ему сами, если вы так настаиваете. Может, лучше не ехать?

Штайнер побледнел: "Черт бы вас побрал, Макс, я не могу, и вы знаете почему. — Какое-то мгновение казалось, что он не может говорить. — Мой отец — как он? Вы его видели?"

— Нет, — сказал Радл, — но рейхсфюрер поручил мне сказать вам, что в этом деле вы имеете его личную гарантию.

— А что, дьявол побери, это должно означать? — Штайнер глубоко вздохнул и иронически улыбнулся: — Я знаю одно. Если нам удастся захватить Черчилля, которым — теперь я могу вам это сказать — я всегда восхищался, и совсем не потому, что у нас обоих матери американки, то мы в любой момент можем спрыгнуть на штаб гестапо на Принц-Альбрехтштрассе и захватить этот кусок дерьма. Если подумать, то — неплохая идея. — Он усмехнулся Нойманну: — Как ты думаешь, Риттер?

— Значит, вы берете его? — быстро спросил Радл. — Я говорю о Престоне.

— Да возьму я его, — сказал Штайнер, — только к тому моменту, когда я кончу его тренировать, он покажет, что родился на свет. — Он повернулся к Нойманну: — Ладно, Риттер. Приведи его, и я покажу ему, через какой ад предстоит пройти.

В прошлом, когда Гарви Престон был актером, ему как-то пришлось играть в знаменитой пьесе "Конец пути" доблестного юного британского офицера времен первой мировой войны. Храбрый, уставший от войны молодой ветеран, старый не по годам, способный встретить смерть с усмешкой на лице и со стаканом, поднятым, хотя бы символически, в правой руке. В конце пьесы накат землянки проваливался, занавес падал, и

Престону надо было просто подняться и идти в артистическую уборную смывать кровь.

Но теперь все происходило на самом деле. Ему стало жутко, и внезапно затошнило от страха. Дело было не в том, что он потерял веру в способность Германии победить. Он безоговорочно верил в это. Просто он хотел остаться в живых и самому увидеть этот славный день.

В саду было холодно. Гарви нервно ходил взад-вперед, куря сигарету и с нетерпением ожидая появления хотя бы какого-нибудь знака из фермерского дома. Нервы его были напряжены. На пороге кухни появился Штайнер. "Престон, — позвал он по-английски, — войдите".

В гостиной Штайнер, Радл и Нойманн стояли вокруг стола с картами.

— Господин полковник, — начал Престон.

— Заткнись, — холодно бросил ему Штайнер и кивнул Радлу: — Приказывайте.

Радл официально произнес: "Унтерштурмфюрер Британского свободного корпуса Гарви Престон, с этого момента вы считаетесь в полном и абсолютном подчинении подполковника парашютного полка Штайнера. Это непосредственный приказ самого рейхсфюрера Генриха Гиммлера. Понятно?"

В глазах Престона Радл мог быть одет в черный капюшон, потому что слова его прозвучали как смертный приговор. На лбу у него выступил пот, когда он повернулся к Штайнеру и заикаясь сказал: "Но господин полковник, я никогда не прыгал с парашютом".

— Это самый меньший из ваших недостатков, — угрюмо ответил Штайнер, — но уж поверьте мне, мы всеми займемся.

— Господин полковник, я должен протестовать, — начал Престон, но Штайнер обрушился на него, как меч.

— Заткнись и поставь ноги вместе. Учти на будущее: будешь говорить только тогда, когда к тебе обратятся. — Он обошел Престона, который встал по стойке "смирно". — Все, что ты сейчас представляешь собой, — это балласт. Ты даже не солдат, так, красивая форма. Но придется постараться измениться, верно? — В гостиной стояла тишина, и Штайнер совсем тихо повторил вопрос на ухо Престону: — Верно?

Своему голосу он придал такую угрозу, что Престон поспешно ответил: "Да, господин полковник".

— Хорошо. Теперь мы понимаем друг друга. — Штайнер опять встал лицом к нему: — Первое. Мы, четверо в этой комнате, единственные, кто знает цель, ради которой мы собрались в Ландсвоорте. Если по твоей вине еще кто-нибудь узнает, прежде чем я сам найду нужным рассказать, я расстреляю тебя. Понял?

– Да, господин полковник.

– Что касается чина, то с этого момента у тебя его нет. Лейтенант Нойманн позаботится, чтобы тебе выдали комбинезон парашютиста и маскхалат. И ты не будешь отличаться от тех, с кем будешь тренироваться. Конечно, тебе придется дополнительно потрудиться, но об этом мы поговорим позже. Вопросы есть?

Глаза Престона горели, его душила ярость. Радл мягко сказал: "Конечно, господин унтерштурмфюрер, можете вернуться со мной в Берлин, если вы не удовлетворены, и поговорить об этом деле лично с рейхсфюрером".

Сдавленным шепотом Престон проговорил: "Вопросов нет".

– Хорошо. – Штайнер повернулся к Нойманну: – Выдайте ему обмундирование и передайте Брандту. Я поговорю с вами о программе его тренировки попозже. – Он кивнул Престону: – Ты свободен.

Престон решил, что здесь неуместным будет национал-социалистическое приветствие, поэтому он отдал честь, повернулся и, спотыкаясь, вышел. Риттер Нойманн ухмыльнулся и пошел за ним.

Когда дверь затворилась, Штайнер сказал: "Теперь мне действительно надо выпить". – Он подошел к буфету и налил себе коньяку.

– Подействует, Курт? – спросил Радл.

– Кто знает? – Штайнер улыбнулся волчьей улыбкой. – Если повезет, может сломать ногу во время тренировок. – Он глотнул коньяку. – Ладно, поговорим о более важных вещах. Как там Девлин? Новости есть?

В своей маленькой спальне в старом доме над болотами Хобс Энда Молли Прайор старалась подготовиться к встрече с Девлином, который должен был вот-вот приехать обедать. Она быстро разделась и, оставшись в бюстгальтере и трусах, встала перед зеркалом старого гардероба красного дерева, критически оглядела себя. Белые были чистые и аккуратные, хотя и с многочисленными следами штопки. Ну, у всех так. Никогда не хватает на всех купонов на одежду. В конце концов, важно было то, что под белым, а оно было неплохим. Славные, твердые груди, круглые бедра, красивые ляжки.

Молли положила руку на живот и подумала, что Девлин может так же до нее дотронуться, и желудок у нее сжался. Она открыла верхний ящик комода, вытащила свою единственную пару довоенных шелковых чулок, штопанных-перештопанных, и

осторожно натянула их. Затем достала из гардероба ситцевое платье, которое было на ней в субботу.

Она натягивала его через голову, когда раздался гудок автомобиля. Выглянув в окно, Молли увидела, что во двор въезжает старый "моррис". Она тихо ругнулась, натянула платье, порвав по шву под мышкой, и надела выходные туфли на двухдюймовых каблуках.

Спускаясь по лестнице, Молли быстро провела гребнем по волосам. Верекер был на кухне с ее матерью. Он обернулся и приветствовал ее удивительно теплой для него улыбкой.

– Здравствуй, Молли, как ты поживаешь?

– Всегда в спешке и тяжелой работе, отец. – Она повязала фартук и спросила мать: "Картофельная запеканка с мясом готова? Он подъедет в любую минуту".

– А, вы ждете гостей? – Верекер встал и оперся на палку. – Не буду мешать, я не вовремя приехал.

– Совсем нет, отец, – сказала миссис Прайор. – Это только мистер Девлин, новый смотритель в Хобс Энде. Он пообещает с нами, а потом поможет нам. Вы о чем-то хотели поговорить?

Верекер задумчиво посмотрел на Молли, заметил платье, туфли и нахмурился, как будто не одобряя то, что увидел. Молли сердито вспыхнула, подбоченилась и воинственно посмотрела на него: "Я вам нужна, отец?" – Голос ее был опасно спокойным.

– Нет, я хотел поговорить с Артуром Сеймуром. Он помогает вам по вторникам и средам, не так ли?

Он хитрил, и она сразу это почувствовала. "Артур Сеймур здесь больше не работает, отец. Уж вы то должны были знать. Или он вам не говорил, что я выгнала его?"

Верекер сильно побледнел. Ему не хотелось говорить, что он знает, ибо не готов был лгать ей в лицо.

– Почему, Молли?

– Потому что я не хочу его здесь больше видеть.

Он вопросительно обернулся к миссис Прайор. Она чувствовала себя неловко и пожала плечами: "Его нельзя подпускать ни к людям, ни к зверям".

И тут Верекер сделал грубую ошибку. Он сказал Молли: "В деревне считают, что с ним поступили несправедливо. Что у тебя должна быть более серьезная причина, чем предпочтение, отданное чужому. Это тяжело человеку, который терпеливо ждал и помогал, как мог, Молли".

– Человеку? Он – человек, отец? Я и не знала. Можете им сказать, что он все время лез мне под юбку и пытался пощупать меня. – Лицо Верекера было мертвенно-бледным, но Молли безжалостно продолжала: – Конечно, жителям деревни может

показаться, будто так и надо, ведь он ведет себя так по отношению к женщинам с двенадцати лет, и никто ничего не предпринимает. И вы тоже не лучше других.

– Молли! – в ужасе воскликнула ее мать.

– Ладно, – сказала Молли, – нельзя обижать священника, говоря ему правду, ты это хочешь сказать? – Лицо ее выражало презрение, когда она посмотрела на Верекера. – Не вздумайте говорить мне, что не знаете, какой он, отец. Он же никогда не пропускает воскресную мессу, и вы, должно быть, часто выслушиваете его исповеди.

Она отвернулась, чтобы не видеть яростного гнева в глазах Верекера. Раздался стук в дверь. Молли оправила платье и поспешила к двери. Но когда она открыла ее, то увидела не Девлина, а Лейкера Армсби, который стоял с сигаретой во рту возле трактора с прицепом, полным турнепса. Армсби ухмыльнулся: "Куда это сгрузить, Молли?"

– Черт тебя побери, Лейкер, вечно ты не вовремя. В сарай. Эй, я лучше сама тебе покажу, а то ты все не так сделаешь.

Она пошла через двор, осторожно ступая по грязи в своих нарядных туфлях. Лейкер потянулся за ней.

– Нарядилась, как невеста. Интересно, к чему бы, Молли?

– Не лезь не в свои дела, Лейкер Армсби, – отрезала она. – Открой ворота.

Лейкер приподнял бревно, подпиравшее ворота, и стал открывать одну половину. В сарае стоял Артур Сеймур, низко надвинув шапку на свои сумасшедшие глаза, в старом бушлате, лопнувшем по швам на его плечах.

– Ну вот, и Артур, – устало произнес Лейкер.

Сеймур оттолкнул его и, схватив Молли за руку, притянул к себе: "Зайди сюда, сука. Я хочу с тобой поговорить".

Лейкер безуспешно пытался оттолкнуть его: "Послушай-ка, Артур. Так себя не ведут".

Сеймур стукнул его ладонью так, что у того из носа хлынула кровь. "Выйди отсюда!" – сказал он и толкнул Лейкера в грязь.

Молли яростно ляглась: "Пусти меня!"

– Э, нет, – сказал Сеймур. Он закрыл ворота и задвинул засов. – Теперь уж не выпущу, Молли. – Он схватил ее за волосы. – Будь хорошей девочкой, и я тебя не ударю. Пока ты будешь давать мне то, что даешь этому ирландскому ублюдку.

Пальцы его тянулись к ее подолу.

– Ты воняешь, – сказала она, – знаешь это? Как старая свинья, которая хорошо вывалялась в грязи.

Она нагнулась и с яростью укусила его за руку. Он вскрикнул от боли, отпустил ее, но тут же схватил снова. Молли вывернулась, порвав платье, и отбежала от него.

С высоты холма Девлин увидел, как на ферме Молли и Лейкер Армсби прошли через двор к сараю, а в следующее мгновение Лейкер пулей вылетел из него и упал навзничь в грязь. Ворота захлопнулись. Отшвырнув сигарету, Девлин бегом помчался с холма.

В тот момент, когда он перепрыгивал через забор, отец Верекер и миссис Прайор стояли уже у сарая. Священник колотил палкой по воротам. "Артур! – кричал он. – Открой, прекрати эти глупости!"

Единственным ответом был визг Молли.

– Что тут происходит? – резко спросил Девлин.

– Это Сеймур, – сказал Лейкер, держа у носа окровавленный платок, – захватил Молли и закрылся на засов.

Девлин попытался плечом высадить ворота, но понял, что зря теряет время. Он с отчаянием огляделся, и когда Молли опять закричала, глаза его загорелись. Он подбежал к трактору, который стоял с невыключенным мотором, вскочил на высокое сиденье за руль и с такой яростью нажал на газ, что трактор рванулся вперед, а из прицепа посыпались, как артиллерийские снаряды, турнепсы. Верекер, миссис Прайор и Лейкер еле успели отскочить в сторону, как трактор врезался в ворота, взломал их и ворвался в сарай.

Остановив трактор, Девлин увидел Молли на самом верху сеновала, а Сеймура пытающимся приладить лестницу, чтобы достать ее. Девлин выключил мотор. Сеймур обернулся и ошеломленно посмотрел на него.

– Ну, ты, ублюдок, – сказал Девлин.

Верекер, прихрамывая, вошел в сарай: "Нет, Девлин, предоставьте его мне! – воскликнул он и повернулся к Сеймуру: – Артур, так ведь нельзя!"

Сеймур, не обращая на них ни малейшего внимания, начал взбираться по лестнице. Девлин спрыгнул с трактора и вышиб из-под него лестницу. Сеймур тяжело упал на землю. Он лежал несколько минут, покачивая головой. Затем глаза его прояснились, и он поднялся на ноги. Отец Верекер поспешил к нему: "Артур, я же говорил тебе..."

Не успел он договорить, как Сеймур с такой силой оттолкнул его, что отец Верекер упал. "Я убью тебя, Девлин!" – яростно закричал Сеймур и бросился вперед, вытянув руки, чтобы уничтожить его. Девлин отпрянул в сторону, и Сеймур с размаху наскочил на трактор. Девлин, сильно ударив его по почкам, танцующей походкой отошел в сторону. Сеймур закричал от нестерпимой боли.

Он снова с ревом бросился на Девлина, но тот прикрылся правой рукой, а левым кулаком с силой ударил в уродливый рот

Сеймура, разбив до крови губы. Правой рукой он ударил под ребра. Звук был такой, будто всадили топор в дерево.

Увернувшись от следующей дикой атаки Сеймура, Девлин снова ударил его под ребра. "Работа ног, координация и удар — вот в чем секрет. Мы, бывало, называли это святая троица, отец. Научись этому, и ты в награду завоюешь мир. Всегда помогало, когда надо было сделать грязную работу, иногда, конечно".

Он ударил Сеймура в правую коленную чашечку, и когда великан скрючился от страшной боли, ткнул коленом его в лицо и вышвырнул в грязь во двор. Сеймур медленно поднялся и стоял, как оглушенный бык на арене. По лицу его текла кровь. Девлин подошел к нему вихляющей походкой: "Ты не знаешь, где прилечь, а, Артур? Ну это и неудивительно с твоими мозгами в горошину".

Он выставил правую ногу. На Сеймура обрушился оглушительный удар в лоб, который отшвырнул его навзничь. Молли завизжала и ринулась к Сеймуру, вцепившись в его лицо ногтями. Он отбросил ее и поднял ногу, чтобы раздавить Девлина. Но ирландец схватил ее и крутанул так, что Сеймур, спотыкаясь, полетел опять ко входу в сарай.

Когда он обернулся, Девлин вытянул вперед руки. Теперь он не улыбался, его побледневшее лицо выражало решимость убить. Но он сказал: "Ладно, Артур, давай кончать. Я проголодался".

Сеймур пытался бросаться на него снова, но Девлин уклонялся, заманивая его в глубину двора, не давая ни развернуться, ни передохнуть, с легкостью уходя от его огромных мельтешащих кулаков, снова и снова нанося ему удары в лицо, пока оно не превратилось в кровавую маску.

У черного хода стояло старое цинковое корыто, и Девлин безжалостно пихнул в него Сеймура. "А теперь ты выслушаешь меня, ублюдок! — сказал он. — Только дотронься до девушки снова, только обидь ее, и я сам приложу к тебе ножницы. Ты понял? — Он ткнул его кулаком под ребра, и Сеймур застонал, опуская руки. — И на будущее, если, когда я войду, ты будешь в комнате, ты встанешь и выйдешь. Понял?"

Его правая рука дважды ткнула в незащищенную челюсть Сеймура, тот упал и перекатился на спину.

Девлин опустил на колени и ткнулся лицом в корыто с дождевой водой. Когда он поднял голову, Молли стояла на коленях рядом с ним, а отец Верекер склонился над Сеймуром. "Господи, Девлин, ты мог его убить", — сказал священник.

— Не этого, — сказал Девлин, — к сожалению.

Как будто стремясь доказать, что Девлин прав, Сеймур застонал и попытался сесть. В этот момент миссис Прайор вышла

из дома, держа в руке двустволку. "Уберите его отсюда, — сказала она Верекеру, — и передайте ему, когда мозги его встанут на место, что, если он еще раз появится здесь и начнет приставать к моей дочке, я застрелю его, как собаку, и пусть ответу за это".

Лейкер Армсби зачерпнул из корыта воды старым эмалированным ведром и выплеснул ее на Сеймура. "Вот так-то, Артур, — весело сказал он, — думаю, это первая ванна, которую ты принимаешь с Михайлова дня".

Сеймур застонал и ухватился за края корыта, чтобы встать. Отец Верекер сказал: "Помоги мне, Лейкер", и они вдвоем оттащили его к "моррису".

Неожиданно земля закачалась под Девлином, словно море. Он закрыл глаза и услышал, как тревожно вскрикнула Молли. Почувствовал ее сильное молодое плечо и поддержку ее матери. Вдвоем они повели его в дом.

Очнулся Девлин в кресле у кухонного очага. Молли прикладывала к его лбу мокрую тряпку. "Можешь меня отпустить, я в порядке", — сказал он.

Молли посмотрела на него с тревогой: "Господи, я думала, он расколол тебе череп своим ударом".

— Слабость, — прошептал Девлин. — После долгого напряжения я иногда терю сознание, гасну, как свеча. Что-то психологическое.

— А что это такое? — удивленно спросила она.

— Неважно, — сказал он, — дай-ка я сяду так, чтобы видеть твой правый сосок.

Она приложила руку к разорванному платью и покраснела.

— Видишь, — сказал он. — Разница между Артуром и мной невелика, когда дело доходит до этого.

Она нежно постучала пальцем по его лбу: "В жизни не слышала такой ерунды от взрослого мужчины".

В кухню вошла мать Молли, завязывая на ходу чистый передник: "Ей-богу, парень, здорово же ты должен проголодаться после этой драки. Ты готов приступить к картофельной запеканке с мясом?"

Девлин посмотрел на Молли и улыбнулся: "Большое спасибо, мэм. По правде говоря, я не погрешу против истины, если скажу, что готов приступить к чему угодно".

Девушка подавила смех, поднесла к его носу кулак и пошла помогать матери.

Был поздний вечер, когда Девлин возвратился в Хобс Энд. Над болотом висела угрожающая тишина, небо было темное, где-то далеко у горизонта грохотал гром. Девлин отправился

проверить шлюзы дамб, контролирующие поток воды в каналах, и когда наконец он вернулся во двор, увидел у дверей машину Джоанны Грей. На Джоанне была форма Женской добровольной службы, у стены дома, выходящей к морю, терпеливо сидела Пэч. Девлин подошел к Джоанне, и она увидела у него на лбу большую ссадину от кулака Сеймура.

— Безобразник, — сказала она. — Вы часто пытаетесь совершить самоубийство?

Он ухмыльнулся: "Вы бы видели того парня".

— Видела. — Она покачала головой. — Надо прекратить, Лаям.

Он закурил сигарету и держал зажженную спичку в ладонях.

— Что?

— Молли Прайор. Вы здесь не для этого. Вам надо делать дело.

— Да бросьте вы, — сказал он. — Мне абсолютно нечего делать до встречи с Гарвальдом двадцать восьмого.

— Не говорите глупостей. Люди здесь в точности такие же, как и повсюду в мире, и вы знаете это. Не доверяй чужому и смотри за своим. Им не нравится то, что вы сделали с Артуром Сеймуром.

— А мне не понравилось то, что он пытался сделать с Молли.

— Девлин от удивления чуть не рассмеялся: — Спаси нас бог! Если только половина того, что Лейкер Армсби рассказал мне о Сеймуре сегодня, — правда, то его давно уже надо было запереть, а ключ выбросить. Сексуальных нападений разного рода он совершил слишком много, чтобы их можно было перечислить, и в свое время он изуродовал не меньше двух мужчин.

— В местах, вроде этого, к помощи полиции не прибегают. Сами справляются. — Джоанна нетерпеливо покачала головой: — Но этот разговор нас ни к чему не приведет. Мы не можем себе позволить изменить людей настолько, чтобы они поступали разумно. Оставьте Молли Прайор в покое.

— Это приказ, мэм?

— Не будьте идиотом. Я апеллирую к вашему разуму, и все.

Она подошла к машине, впустила собаку на заднее сиденье и села за руль. "Есть новости с фронта сэра Генри?" — спросил Девлин, когда она запустила мотор.

Она улынулась: "Я не даю ему остыть, не беспокойтесь. Вечером в пятницу снова буду на связи с Радлом. Дам вам знать, если что-нибудь появится новое".

Она уехала, а Девлин отпер дверь и вошел в дом. Он долго колебался, затем закрыл дверь на задвижку и прошел в гостиную. Задернул занавеску, разжег небольшой огонь и сел перед ним со стаканом гарвальдовского виски в руке.

Позор, дьявольский позор, но, возможно, Джоанна Грей права. Глупо было лезть на рожон. На мгновение он подумал о

Молли, но затем решительно взял книгу "Полночный двор" на ирландском языке и заставил себя сосредоточиться.

По окну застучал дождь. Примерно в полвосьмого задержалась ручка входной двери. Через некоторое время раздался легкий стук в занавешенное окно, и Молли тихо позвала его по имени. Девлин продолжал читать, напрягая внимание, чтобы понимать слова. Спустя некоторое время Молли ушла.

Он тихо выругался с черной яростью в душе и швырнул книгу в стену, сопротивляясь всем своим существом желанию побежать за Молли. Он налил себе еще большую порцию виски и стоял у окна, чувствуя себя внезапно более одиноким, чем когда-либо в жизни. Дождь вдруг яростно обрушился на болота.

А в Ландсвоорте со стороны моря разыгралась буря с таким пронизывающим дождем, что он проникал до костей, как нож хирурга. Гарви Престон в карауле у ворот старой фермы прижался к стене, проклиная Штайнера, Радла, Гиммлера и всех и вся, доведших его до самого униженного и самого несчастного состояния во всей его жизни.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Во время второй мировой войны характерное отличие снаряжения германского десантника от британского состояло в типе парашюта.

Германский десантный парашют не имел ремней, которыми стропы крепились к подвесной системе парашюта. Стropы крепились непосредственно к ранцу, что полностью изменяло процесс прыжка. Учитывая это, Штайнер в воскресенье утром назначил занятие, чтобы ознакомить свою команду с устройством стандартного британского парашюта.

Солдаты стояли перед ним полукругом, в центре — Гарви Престон, одетый, как и все, в десантный комбинезон, и в сапогах.

Штайнер сказал: "Важным обстоятельством этой операции, как я уже говорил, является то, что мы выдаем себя за польскую часть специальной авиаслужбы. Поэтому все наше снаряжение будет британским, прыгать вы будете со стандартными парашютами британских авиадесантных войск. — Он обернулся к Риттеру Нойманну: — А теперь вы".

Нойманн начал инструктаж: "Парашют типа X весит около двадцати восьми фунтов и, как уже говорил господин полковник, сильно отличается от нашего".

Брандт потянул за вытяжной трос, ранец открылся, выбро-

сив парашют цвета хаки. Ноймани продолжал: "Обратите внимание, как стропы крепятся к подвесной системе парашюта". — "Главное здесь в том, — вставил Штайнер, — что вы можете манипулировать куполом, менять направление и вообще распорядиться своей судьбой, чего с нашим парашютом не сделаешь".

— Еще одна вещь, — сказал Риттер. — У нашего парашюта центр тяжести высоко, что означает, как вы знаете, что вы можете запутаться в стропях, если не прыгните лицом вниз. А с парашютом типа Хвы можете прыгать в положении стоя. Сейчас мы это начнем отрабатывать.

Он кивнул Брандту, который сказал: "Ладно, давайте прыгать".

В дальнем углу сарая был сеновал высотой футов пятнадцать. Через балку над ним была перекинута веревка, и к одному ее концу привязана подвесная система парашюта. "Немного примитивно, — весело объявил Брандт, — но вполне подходит. Вы прыгаете с сеновала, а на другом конце веревки человек шесть не дадут вам приземлиться слишком жестко. Кто первый?"

Штайнер сказал: "Пожалуй, я попрошу этой чести, в основном потому, что мне надо заняться другими делами".

Риттер помог ему затянуть ремни, Брандт и четверо солдат взяли за конец веревки и подняли Штайнера на сеновал. Мгновение постояв на краю, он по сигналу Риттера ринулся вниз. Конец веревки взвился вверх, утаскивая с собой троих солдат, но Брандт и унтер-офицер Штурм повисли на нем, ругаясь на чем свет стоит. Штайнер упал на землю, перевернувшись по всем правилам и вскочил на ноги.

— Нормально, — сказал он Риттеру. — Теперь, как обычно, по очереди. У меня есть время посмотреть, как вы делаете это.

Он встал позади группы и закурил. Ноймани подгонял ремни по себе. Со стороны подъем старшего лейтенанта на сеновал выглядел довольно жутко, но когда Риттер плохо приземлился и остался лежать на спине, раздался взрыв хохота.

— Видишь, — сказал рядовой Клугл Вернеру Бригелю, — вот что делает с человеком езда на этих проклятых торпедах. Господин лейтенант забыл все, чему его учили.

Следующим прыгал Брандт, но Штайнер внимательно следил за Престоном. Англичанин был очень бледен, лицо покрылось потом — ясное дело, он испытывал ужас. Группа работала с переменным успехом: те, кто держал веревку, во время одного неудачного прыжка перепутали сигнал ипустили ее в самый неподходящий момент. Рядовой Хагл пролетел все пятнадцать футов под действием силы собственной тяжести и с изумлением мешка картошки. Однако поднялся, ничуть не обескураженный неудачей.

Наконец пришел черед Престона. Добродушное настроение сразу пропало.

Штайнер кивнул Брандту: "Поднять его".

Пятеро потянули конец веревки с такой охотой, что Престон взлетел, ударившись о сеновал и повиснув под потолком. Его чуть-чуть опустили, и, стоя на краю, он дико смотрел сверху на всех.

— Эй, англичанин, — крикнул Брандт, — помни, что я тебе говорил. Прыгай по моему сигналу.

Он повернулся, чтобы дать указания людям, держащим веревку. И вдруг Бригель закричал, потому что Престон стал падать. Ноймани, подскочив, поймал веревку, и Престон повис в трех футах от земли, качаясь, как маятник. Руки его болтались, голова свесилась.

Брандт взял его за подбородок и заглянул в лицо: "Он потерял сознание".

— Этого и следовало ожидать, — сказал Штайнер.

— Что с ним делать, господин полковник? — спросил Ноймани.

— Приведите его в чувство, — спокойно сказал Штайнер, — и снова поднимите. Столько раз, сколько нужно, пока не справится с этим удовлетворительно или не сломает ногу. — Он отдал честь: — Продолжайте, пожалуйста, — и вышел.

В трактире "Стадли армс" было не меньше дюжины человек, когда туда вошел Девлин. Лейкер Армсби сидел на своем обычном месте у очага с губной гармошкой, остальные вокруг двух больших столов играли в домино. Артур Сеймур глазел в окно с пинтой в руке.

— Спаси всех бог! — весело сказал Девлин. В ответ последовала полная тишина, и все, кроме Сеймура, повернулись к нему. — "Да спасет тебя бог" — был всегдашний ответ на это, — сказал Девлин. — Ну да ладно.

Позади раздался шаг, и, повернувшись, он увидел Джорджа Уайльда, выходящего из задней комнаты и вытирающего руки о передник. Лицо его было серьезным и замкнутым, без всяких эмоций.

— Успею выпить кружечку.

— Боюсь, что нет. Придется уйти, сэр.

В комнате стояла тишина. Девлин засунул руки в карманы, сгорбился и наклонил голову. И когда он поднял ее, Уайльд непроизвольно сделал шаг назад, потому что лицо ирландца сильно побледнело, кожа на скулах натянулась, голубые глаза сверкали.

— Уйду не я, а другой, — тихо сказал Девлин.

Сеймур обернулся. Один глаз у него затек, губы запеклись и распухли. Все лицо казалось перекошенным и было покрыто багровыми и зелеными кровоподтеками. Он тупо посмотрел на Девлина, потом поставил свою недопитую кружку эля и, шаркая ногами, вышел.

Девлин обернулся к Уайльду: "Теперь, мистер Уайльд, я выпью. Немного шотландского виски, потому что об ирландском вы здесь, на краю своего маленького света, и не слышали, и не вздумайте мне говорить, что у вас нет пары бутылок под прилавком для гостей, к которым вы особо благоволите".

Уайльд открыл было рот, чтобы что-то сказать, но решил, что не стоит. Он пошел в подсобку и вернулся с бутылкой "Белой лошади" и маленьким стаканчиком. Налил порцию и поставил возле Девлина.

Девлин вытащил горсть мелочи. "Шиллинг и шесть пенсов, — весело сказал он, отсчитывая деньги на ближайшем столе. — Твердая цена за порцию. Я считаю само собой разумеющимся, конечно, что такой превосходный, твердый оплот церкви, как вы, не будет продавать выпивку по ценам черного рынка".

Уайльд не ответил. Вся комната застыла в ожидании. Девлин взял стаканчик, посмотрел его на свет и выплеснул виски золотистым потоком на пол. Стаканчик он аккуратно поставил на стол. "Отлично, — сказал он, — я получил большое удовольствие".

Лейкер Армсби захихикал. Девлин ухмыльнулся: "Спасибо, Лейкер, старина. Я тебя тоже люблю", — сказал он и вышел.

В Ландсвоорте шел сильный дождь, когда Штайнер ехал через взлетную полосу на полевой машине. Он остановился у первого ангара и побежал в укрытие. Петер Герике в старом комбинезоне, вымазанный в смазке до локтей, осматривал мотор "дакоты" вместе с унтер-офицером люфтваффе и тремя механиками.

— Петер, — позвал Штайнер, — у вас найдется минутка? Мне хотелось бы знать, как идут дела.

— Дела идут вполне прилично.

— С моторами никаких проблем?

— Абсолютно. Их мощность девятьсот лошадиных сил. Действительно первоклассные и, насколько я могу судить, поработали мало. Мы проводим профилактику.

— Вы всегда возитесь со своими моторами?

— Когда разрешают. — Герике улыбнулся. — Когда я летал на этих штуках в Южной Америке, приходилось самому обслуживать свои моторы, потому что не было персонала.

— Проблем нет?

— По-моему, нет. Где-то на следующей неделе самолет перекрасят. Без спешки. Бомлер устанавливает радар Лихтенштейна, чтобы все видеть вокруг. Детский перелет. Час над Северным морем, час назад. Пустяки.

— Максимальная скорость этого самолета наполовину меньше скорости английских и наших истребителей.

Герике пожал плечами: "Все дело в том, как их ведешь, а не в их скорости".

— Вам нужен испытательный полет, верно?

— Точно.

— Я как раз подумал, — сказал Штайнер, — что хорошо бы объединить его с репетицией прыжка. Предпочтительно ночью, когда будет отлив. Мы могли бы использовать побережье с севера от песчаного пирса. Это даст возможность ребятам испытать английские парашюты.

— Какую высоту вы намечаете?

— Скажем, четыреста футов. Я хочу, чтобы они быстро приземлились, а с этой высоты весь прыжок займет пятнадцать секунд.

— Для них, а не для меня. За свою карьеру я прыгал с парашютом только три раза и с куда большей высоты.

Ветер так взвыл над взлетной полосой, гоня перед собой дождь, что Штайнер вздрогнул: "Ну и мерзкое, забытое богом место. Вполне отвечает цели".

— А что за цель?

Штайнер усмехнулся: "Вы спрашиваете меня об этом по меньшей мере по пять раз в день. Вам не надоело?"

— Я просто хочу знать, что это за затея.

— Может, и узнаете когда-нибудь, это от Радла зависит, но в настоящий момент мы здесь, потому что мы здесь.

— А Престон? — спросил Герике. — Какие у него причины? Просто интересно, что может заставить человека сделать то, что сделал он.

— Разные вещи, — сказал Штайнер. — Что касается его самого, то он получил красивую форму, офицерское звание. Впервые в жизни он что-то собой представляет, а это очень важно, если ты был никем. А что касается всего остального, ну, он здесь по прямому приказанию самого Гимmlера.

— А вы? — спросил Герике. — Ради славы третьего рейха? Жизнь за фюрера?

Штайнер улыбнулся: "Один бог знает. Война — вещь случайная. Ведь если бы американцем был мой отец, а немкой мать, то я был бы по ту сторону. А что касается парашютных войск... я вступил в них, потому что в тот момент это казалось хорошим делом. Конечно, через некоторое время все надоедает".

– А я занимаюсь этим, потому что лучше буду летать на чем угодно, чем не летать, – сказал Герике. – И думаю, так же считают большинство английских пилотов по ту сторону Северного моря. Но вы... – он покачал головой. – Я просто не понимаю. Это что, для вас игра и ничего другого?

Штайнер устало сказал: "Раньше я знал, а теперь не уверен. Мой отец был солдатом старой школы. Прусская косточка. Конечно, голубая кровь и железо, но еще и честь".

– А это задание, которое вам дали, – сказал Герике, – ну, это английское дело, каким бы оно ни было. У вас нет сомнений?

– Абсолютно. Совершенно нормальное военное предприятие, поверьте мне. Сам Черчилль не нашел бы в нем изъяна, по крайней мере принципиально. – Герике попытался улыбнуться, но это ему не удалось, и Штайнер положил руку ему на плечо: – Я знаю, бывают дни, когда сам бы плакал по всем нам. – Он повернулся и ушел в дождь.

В кабинете рейхсфюрера Радл стоял перед его столом и ждал, когда Гиммлер прочитает отчет. "Отлично, господин полковник, – сказал он наконец, – действительно, просто отлично. – Гиммлер положил отчет. – Похоже, что все идет более чем удовлетворительно. От ирландца вести есть?"

– Нет, только от миссис Грей, как договорились. У Девлина прекрасный радиотелефон. Мы его взяли из запасов, сброшенных английским штабом специальных операций, он позволит ему держать связь с торпедным катером, когда тот подойдет. В отношении связи он ответствен только за эту часть операции.

– Адмирал ничего не подозревает? До него не дошли намеки на то, что происходит? Вы уверены?

– Абсолютно, господин рейхсфюрер. Мои поездки во Францию и Голландию я совмещаю с заданиями абвера в Париже, Антверпене и Роттердаме. Как известно рейхсфюреру, адмирал всегда предоставляет мне широкую свободу действий в рамках моих обязанностей как начальника отдела.

– А когда вы едете в Ландсвоорт снова?

– В конце следующей недели. Так счастливо сложилось, что адмирал едет в Италию первого или второго ноября. Это значит, что я могу позволить себе находиться в Ландсвоорте в последние критические дни, и конечно же в период самой операции.

– Никакой случайности в том, что адмирал едет в Италию нет, уверяю вас, – Гиммлер слегка улыбнулся. – Я предложил это фюреру точно в подходящий момент. Через пять минут он решил, что это его собственная мысль. – Гиммлер взялся за перо.

– Итак, дело идет, Радл. Через две недели все будет кончено. Держите меня в курсе.

Он склонился над бумагами. Радл облизал сухие губы и не мог сказать: "Господин рейхсфюрер..."

Гиммлер тяжело вздохнул: "Я действительно очень занят, Радл. Что еще?"

– Генерал Штайнер, господин рейхсфюрер, он... здоров?

– Конечно, – спокойно ответил Гиммлер. – А почему вы спрашиваете?

– Полковник Штайнер, – начал объяснять Радл, и в животе у него все как бы перевернулось, – очень беспокоится...

– Нет нужды беспокоиться, – торжественно заверил Гиммлер, – я же дал вам свои личные гарантии, не так ли?

– Так точно, – сказал Радл, пятясь к двери. – Благодарю вас еще раз, – он повернулся и вышел как можно быстрее.

Гиммлер раздраженно покачал головой и занялся работой.

Когда Девлин вошел в церковь, месса уже почти кончилась. Он проскользнул направо от прохода и сел на скамейку. Молли стояла на коленях возле матери, одетая в точности так же, как и в предыдущее воскресенье. На платье не было заметно следов грубого обращения с ним Артура Сеймура. Артур тоже был в церкви, на своем обычном месте, и сразу увидел Девлина. Не выказывая никаких эмоций, встал и проскользнул в тени прохода на улицу.

Девлин ждал, наблюдая, как Молли молится: как будто сама невинность преклонила колени при свете свечей. Через некоторое время она открыла глаза и очень медленно повернулась, физически почувствовав его присутствие. Глаза ее расширились, она посмотрела на него долгим взглядом и отвернулась.

Незадолго до конца службы Девлин вышел из церкви. Он был уже у своего мотоцикла, когда в дверях появился первый прихожанин. Шел мелкий дождик. Девлин поднял воротник плаща, сел на мотоцикл и стал ждать. Мимо по дорожке прошли Молли с матерью, сделав вид, что не видят его. Они сели в двуколку, мать взяла вожжи, и они уехали.

– А, ладно, – сказал про себя Девлин, – кто ее осудит?

Он завел мотор и услышал свое имя. Джоанна Грей, подойдя к нему, тихо сказала: "Сегодня днем у меня два часа сидел Филипп Верекер. Он хотел жаловаться на вас сэру Генри".

– И я его не виню.

Она спросила: "Вы можете когда-нибудь сохранить серьезность больше двух минут подряд?"

– Слишком надо напрягаться, – ответил он. Приближение семейства Уиллаффи помешало им продолжить разговор.

Сэр Генри был в форме: "Ну, Девлин, как дела?"

— Прекрасно, сэр, — Девлин усилил ирландский акцент. — Не могу достаточно поблагодарить вас за эту прекрасную возможность творить добро.

Он увидел, как Джоанна Грей отпрянула назад, сжав губы, но сэр Генри его слова понравились: "Молодец, Девлин. Получаю отличные отзывы о твоей работе. Отличные. Продолжай так же хорошо работать".

Он повернулся к Джоанне Грей, чтобы поговорить. Воспользовавшись этим обстоятельством, Девлин уехал.

К тому времени, когда он доехал до дома, дождь лил вовсю. Девлин поставил мотоцикл в сарай, надел болотные сапоги и непромокаемый плащ, взял двустолку и отправился на болото. В такой сильный дождь необходимо было проверить шлюзы дамб, и вообще хождение в такую погоду отвлекало его от всяких мыслей. Но на сей раз не помогало. Девлин не мог выбросить из головы Молли Прайор. В уме его непрерывно вставала картина: Молли медленно опускается в молитве на колени, и платье скользит вверх по бедру.

— Святая Мария и все святые, — тихо сказал Девлин, — если это то, что называют любовью, то Лаям, мой мальчик, долгонько же ты шел к этому открытию.

Когда он шел обратно к дому по главной дамбе, то почувствовал сильный запах дыма в сыром воздухе. Окно светилось в вечерней темноте, свет проникал сквозь малюсенькую щелочку между шторами затемнения. Открыв дверь, Девлин уловил запах еды. Он поставил ружье в угол, повесил плащ сушиться и вошел в гостиную. Молли стояла на одном колене у очага, подкладывая полено. Она серьезно посмотрела на него через плечо: "Ты небось промок насквозь".

— Полчаса у этого огня и пара рюмок виски — и я буду в порядке.

Она подошла к буфету, вынула бутылку виски и стакан. "Не выливай его на пол, — сказала она. — Постарайся на этот раз вышить".

— Значит, ты уже знаешь?

— Здесь ничего не скроешь, все становится известно. На огне ирландское рагу. Хорошо?

— Прекрасно.

— Еще полчаса, — она подошла к раковине и достала стеклянное блюдо. — В чем дело, Лаям? Почему ты не захотел со мной встретиться?

Он сел в старое кресло, широко расставив ноги перед огнем, и от его штанов пошел пар. "Сначала я подумал, что так будет лучше".

— Почему?

— У меня есть свои причины.

— А что не задалось сегодня?

— Воскресенье, проклятое воскресенье. Ты знаешь, как это бывает.

— Будь прокляты твои глаза. — Молли пересекла комнату, вытирая на ходу руки о передник, и посмотрела на пар, поднимающийся от штанов Девлина. — Ты умрешь, если не переоденешься. Ну уж ревматизм тебе обеспечен.

— Не стоит беспокоиться, — сказал он. — Я скоро лягу спать. Я устал.

Она нерешительно протянула руку и дотронулась до его волос: "Я люблю тебя. Ты знаешь об этом?"

Внутри ее как бы зажегся свет. Она светилась, казалось, что она растекается и приобретает новые очертания. "Ну, слава богу за это. Я, по крайней мере, могу теперь лечь спать с чистой совестью".

— Я не стою тебя, девочка, дело это пустое. Предупреждаю тебя, у нас нет будущего. Над дверью этой спальни должно быть объявление: "Оставь надежду, всяк сюда входящий".

— Это мы еще посмотрим, — сказала она. — Я принесу тебе рагу. — И пошла к плите.

Позже, лежа на старой бронзовой кровати и обняв ее одной рукой, он наблюдал за отблесками огня на потолке и чувствовал себя более удовлетворенным, в большем согласии с собой, чем на протяжении многих лет.

На столике с ее стороны кровати стояло радио. Она включила его, затем прижалась животом к его бедру и вздохнула с закрытыми глазами: "Как чудесно было. Можно, мы когда-нибудь еще это повторим?"

— Ты дашь парню время перевести дух?

Она улыбнулась и погладила его по животу: "Бедный старикан. Послушай-ка".

По радио передавали песню:

Когда этот человек умрет...

В один прекрасный день пронесется весть,

Что под лужайкой

Лежит сатана с усиками.

— Я буду рада, когда это произойдет, — сонно сказала Молли.

— Что? — спросил Девлин.

— Сатана с усиками, спящий вечным сном под лужайкой, — Гитлер. Думаю, тогда все кончится, а? — она прижалась к нему теснее. — Что с нами будет, Лаям? Когда кончится война?

— Бог знает.

Он лежал, глядя на огонь. Через некоторое время дыхание

ее выровнялось, и она уснула. *После того, как кончится война.* Какая война? Он был на баррикадах то с одной стороны, то с другой вот уже двенадцать лет. Как ей это рассказать? У них славная маленькая ферма, и им нужен мужчина. Господи, до чего жалко! Он прижал ее к себе, а ветер выл вокруг старого дома, тряся окна.

А в Берлине на Принц-Альбрехтштрассе Гиммлер все еще сидел за столом, методично изучая десятки донесений, статистических данных, в основном относящихся к экспериментальным подразделениям, которые в захваченных странах Восточной Европы и в России ликвидировали евреев, цыган, душевно и физически неполноценных и всех тех, кто не вписывался в план Великой Европы фюрера.

Раздался вежливый стук в дверь, и вошел Карл Россман. Гиммлер поднял голову: "Успехи есть?"

— Простите, господин рейхсфюрер, он не раскалывается, а мы уже перебрали все. Я начинаю думать, может, он действительно не виновен?

— Этого не может быть, — Гиммлер протянул листок бумаги: — Я получил этот документ сегодня вечером. Подписанное признание сержанта артиллерии, который два года был его вестовым и все эти два года по приказу генерал-майора Карла Штайнера занимался деятельностью, наносящей ущерб безопасности государства.

— Что же теперь, господин рейхсфюрер?

— Мне бы все-таки хотелось иметь подписанное лично генералом Штайнером признание. Оно сделает весь материал гораздо убедительнее. — Гиммлер слегка нахмурился. — Давайте пустим в ход психологию. Помойте его, пришлите к нему эсэсовского доктора, хорошенько кормите. Вы знаете, как это делается. Скажите, что все это было ошибкой, что мы просим прощения, но не можем пока выпустить его, надо еще выяснить несколько моментов.

— А затем?

— После, скажем, десяти дней такой жизни примитесь за него снова. Внезапно. Без предупреждения. Шок сможет помочь нам.

— Сделаю, как вы сказали, господин рейхсфюрер, — сказал Россман.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В четыре часа дня в четверг, 28 октября, Джоанна Грей въехала во двор коттеджа и нашла Девлина в сарае, где он возился с мотоциклом.

— Я пыталась поймать вас всю неделю, — сказала она. — Где вы были?

— В разных местах, — весело ответил он, вытирая старой тряпкой руки, испачканные смазкой, — то тут, то там. Я же говорил вам, что мне нечего делать до встречи с Гарвальдом, вот и осматривал окрестности.

— Об этом я слышала, — угрюмо сказала она. — Катались везде на мотоцикле с Молли Прайор на заднем сиденье. Вас видели в Холте на танцах во вторник вечером.

— Очень стоящее дело, — сказал он. — Крылья победы. И ваш друг Верекер оказался там и произнес страстную речь о том, что бог поможет нам сокрушить проклятых гансов. Мне это показалось иронией, потому что, куда бы я ни пошел в Германии, всюду видел плакаты "С нами бог".

— Я ведь велела вам оставить ее в покое.

— Я пытался, но не получилось. А вообще, что вам нужно? Я занят. У меня что-то барахлит магнето, а мне нужно, чтобы эта штука работала безотказно для поездки в Петерборо сегодня вечером.

— В Мелтам Хаус вошли войска, — сказала она. — Они прибыли во вторник ночью.

Он нахмурился: "Мелтам Хаус — это то место, где тренируются специальные подразделения?"

— Правильно. Милых в восьми по прибрежной дороге от района Стадли.

— Что за войска?

— Американские рейнджеры¹.

— Понятно. Их пребывание здесь что-либо меняет?

— Не думаю. Обычно они далеко не отходят от базы. Там густой лес, соленое болото и песчаный берег. Просто этот факт надо принять во внимание.

Девлин кивнул: "Правильно. Сообщите об этом Радлу в следующий сеанс связи, и вы выполните свой долг. А теперь я должен продолжить работу".

Она повернулась, чтобы идти к машине, но заколебалась: "Мне не нравится этот Гарвальд".

— И мне тоже, но не беспокойтесь, любовь моя. Свои когти он выпустит не сегодня, а завтра.

Она уехала, а он склонился над мотоциклом. Двадцать минут спустя со стороны болота появилась Молли верхом на лошади. К седлу была привязана корзинка. Молли соскользнула на землю и привязала лошадь к кольцу над корытом. "Я привезла тебе пастуший пирог". — "Твой или мамин?" Молли швырнула в Девлина палку, но он ловко увернулся. "Ему придется подождать".

¹ Диверсионно-разведывательные войска. — Прим. перев.

дать. Сегодня я должен съездить в одно место. Поставь пирог на плиту, я разогрею его, когда вернусь".

— Можно мне с тобой поехать?

— Ни в коем случае. Слишком далеко. И кроме того, это деловая поездка. — Он шлепнул ее. — Чашечка чая, вот о чем я мечтаю, хозяйшка, а то и две, поэтому иди, ставь чайник.

Он снова протянул к ней руку, но Молли схватила корзинку и побежала в дом. Войдя в гостиную, она поставила корзинку на стол. На другой стороне его стоял саквояж, и когда она повернулась, чтобы подойти к плите, то зацепила его. Саквояж упал на пол, раскрылся, и из него высыпались пачки денег и части пистолета "стен". Молли опустилась на колени. Окаменев на мгновение, она похолодела от мысли, что с этого момента все пойдет по-другому. За ее спиной раздались шаги, и Девлин спокойно сказал: "Пожалуйста, будь хорошей девочкой и положи все на место".

Она подняла голову, побледнев, и яростно спросила: "Что это? Что это значит?"

— Ничего для маленьких девочек, — сказал он.

— А деньги?

Она подняла пачку пятерок. Девлин взял у нее саквояж, запихал обратно деньги и оружие и вставил дно. Затем открыл шкафчик под окном, вынул из него большой конверт и бросил ей.

— Десятый размер. Я не ошибся?

Она открыла конверт, заглянула внутрь, и по лицу ее разлилось благоговение: "Шелковые чулки. Настоящий шелк, две пары. Где, скажи на милость, ты их достал?"

— У человека, которого я встретил в пабе в Факенхеме. Если знать, к кому обращаться, достать можно что угодно.

— Черный рынок, — сказала она, — вот чем ты занимаешься, да?

В глазах ее отразилось некоторое облегчение, и он усмехнулся: "Что-то в этом роде. Теперь, может, ты поторопишься приготовить чай? Мне надо к шести уехать, а с мотоциклом еще придется повозиться".

Она колебалась, сжимая в руках чулки, и подошла ближе. "Лаям, тут ведь ничего плохого нет?"

— А почему должно быть? — Он нежно поцеловал ее, повернулся и вышел, проклиная себя за глупость.

Впервые он по-настоящему увидел, что совершил с этой девушкой. Пройдет чуть больше недели, и весь ее мир перевернется. Неизбежно. И все, что он мог бы сделать, это оставить ее — он вынужден будет сделать это — и нести боль в одиночку.

Вдруг он почувствовал приступ тошноты и яростно ударил

по упаковочному ящику. "А, ты ублюдок, — сказал он, — мерзкий ублюдок, Лаям".

Рубен Гарвальд открыл глазок в воротах мастерской гаража Фоггарты и посмотрел в него. По растрескавшемуся бетону двора, в котором заброшенно стояли два ржавеющих бензиновых насоса, хлестал дождь. Гарвальд быстро закрыл глазок и вернулся в помещение.

Мастерская эта, когда-то сарай, была удивительно просторной. Деревянная лестница вела на сеновал, один из углов занимала разбитая машина, но еще оставалось вполне достаточно места для грузовика-трехтонки и фургона, в котором Гарвальд с братом приехал из Бирмингема. Бен Гарвальд нетерпеливо ходил взад-вперед, иногда обхватывая себя руками. Несмотря на теплые пальто и шарф, он сильно замерз.

— О господи, ну и дыра, — сказал он. — Не видно еще этого ирландского пидера?

— Еще без четверти девять, Бен, — уточнил Рубен.

— Наплевать мне, который час. — Гарвальд повернулся к высокому здоровенному молодцу в летней меховой куртке, который читал газету, прислонившись к грузовику. — Ты завтра к вечеру протопи здесь, Сэмми, или я тебя отделаю. Понял?

У Сэмми были длинные темные бачки и холодное, довольно грозное лицо. Ответил он совершенно невозмутимо: "Ладно, мистер Гарвальд, я об этом позабочусь".

— Лучше уж позаботься, миленок, а то я отправлю тебя обратно в армию. — Гарвальд погладил лицо. — А тебе это не понравится, а?

Он вытащил пачку "Голдфлейк", выбрал сигарету. Сэмми поднес ему спичку и улыбнулся: "Вы козырь, мистер Гарвальд, настоящий козырь".

Рубен нетерпеливо крикнул от двери: "Он только что завернул во двор".

Гарвальд потянул Сэмми за рукав: "Открой дверь, и пусть ублюдок войдет".

Девлин вошел в мастерскую, впуская в нее порывы ветра и дождя. На нем были клеенчатые гамашы, плащ, старый кожаный летный шлем и защитные очки, купленные в лавке подержанных вещей в Фэнерхеме. Лицо забрызгано грязью, и когда он снимал или сдвигал очки, вокруг глаз обнаруживались белые круги.

— Грязная ночь для дела, мистер Гарвальд, — сказал он, устанным голосом наставляя мотоцикл на стойку.

— Это всегда так, сынок, — приветливо ответил Гарвальд. —

Рад тебя видеть, сынок. — Он тепло пожал руку. — Рубена ты знаешь, а это Сэмми Джексон, один из моих парней. Он пригнал сюда для тебя грузовик.

В его словах чувствовался намек на то, что Джексон сделал ему большое личное одолжение, и Девлин ответил тем же, играя, как всегда в таких случаях, под ирландского парня: "Конечно, и я ценю это. Чертовски здорово с вашей стороны", — говорил он, тряся руку Сэмми.

Джексон презрительно оглядел его, но выдал улыбку, а Гарвальд сказал: "Значит, все в порядке, мне надо поспеть еще в другое место, и не думаю, что тебе хочется тут прохлаждаться. Вот грузовик. Ну как?"

Машина явно видала лучшие дни: краска местами слезла, местами облупилась, но тормоза в общем-то были в порядке, и парусиновый навес почти новый. Девлин перегнулся через борт и заметил армейские канистры, компрессор и барабан с краской, который он просил.

— Все, как ты говорил. — Гарвальд предложил ему сигарету. — Проверь, если хочешь, бензин.

— Нужды нет, мне достаточно вашего слова.

Он был уверен, что Гарвальд никаких штучек с бензином себе не позволит. В конце концов, он же хочет, чтобы Девлин вернулся на следующий вечер. Он обошел грузовик и поднял капот. Мотор казался в порядке.

— Попробуй, — предложил Гарвальд.

Он включил мотор, нажал акселератор. Как и ожидал Девлин, мотор разразился достаточно здоровым ревом. Ведь Гарвальд был слишком заинтересован узнать, что же затеял Девлин, чтобы не портить отношений и не пытаться на этой стадии дела подсунуть ему старье.

Девлин еще раз осмотрел грузовик и заметил военный номер. "Порядок?" — спросил Гарвальд.

— Думаю, да, — медленно кивнул головой Девлин. — По его виду можно предположить, что он хорошо поработал в Тобруке или другом месте.

— Вполне возможно, сынок, — Гарвальд стукнул по колесу, — но эти штуки для того и строятся.

— У вас есть документы, которые я просил?

— А как же, — Гарвальд щелкнул пальцами, — дай-ка бумагу, Рубен.

Рубен вытащил ее из бумажника и угрюмо спросил: "Когда мы увидим цвет его денег?"

— Не будь таким, Рубен. Мистер Мерфи надежен, как якорь.

— Нет, он прав, справедливый обмен. — Девлин вытащил толстый жесткий конверт из нагрудного кармана и передал его

Рубену. — Вы найдете здесь семьсот пятьдесят пятерками, как договаривались.

Он спрятал в карман бумагу, которую дал ему Рубен. Гарвальд спросил: "Ты не заполнишь этот лист сейчас?"

Девлин постучал по своему носу и попытался придать лицу выражение глуповатой хитрости: "И показать вам, куда я еду? Да нет, черт побери, мистер Гарвальд".

Гарвальд рассмеялся. Он обнял Девлина за плечи, а тот сказал: "Если бы кто мне помог закинуть в кузов мотоцикл, я бы мог уже отправиться".

Гарвальд кивнул Джексону, который откинул задний борт и приставил к нему доску. Вместе с Девлином они ввели мотоцикл в кузов и положили на бок. Девлин запер борт и повернулся к Гарвальду: "Значит, мистер Гарвальд, завтра в это же время".

— Приятно с тобой вести дела, сынок, — сказал ему Гарвальд, опять тряся его руку. — Открывай дверь, Сэмми.

Девлин влез на сиденье, запустил мотор и высунулся из кабины: "Еще одно, мистер Гарвальд. Надеюсь, я не встречу на дороге военную полицию?"

— Неужели я мог бы подсунуть тебе эту свинью, сынок? — Широко улыбнулся Гарвальд и постучал ладонью по грузовику. — Завтра вечером увидимся. В это же время, в этом же месте, и я привезу тебе еще бутылку ирландского виски.

Девлин уехал. Сэмми Джексон и Рубен заперли дверь. Улыбка исчезла с лица Гарвальда: "Теперь дело за Фредди".

— А если он его потеряет? — спросил Рубен.

— Тогда ведь есть завтрашний вечер, так? — Гарвальд потрепал его по щеке: — Где полбутылки бренди, которую ты привез?

— Потерять его? — сказал Джексон. — Этого щенка? — Он хрипло засмеялся. — Господи, да он даже дорогу в туалет найти не мог, пока ему не показали.

Девлин, проехав с четверть мили, увидел за собой тусклый свет фар. Это означало, как он и ожидал, что за ним следует машина, которую он минуту назад перегнал.

Слева от него в темноте вырисовывались старая разрушенная мельница и перед ней плоский расчищенный участок. Девлин выключил фары, резко повернул, въехал на участок и остановился. Машина пронеслась вперед, увеличивая скорость. Девлин спрыгнул на землю, обошел грузовик и вывернул заднюю фару. Затем сел в кабину, вырулил на дорогу и включил фары только тогда, когда повернул к Норман-Кроссу.

Не доезжая четверти мили до гаража Фоггарты, он съехал на боковую дорогу, миновал Холм и через пятнадцать минут остановился, чтобы ввернуть фару. В кабине он вытащил путевой лист и заполнил его при свете фонарика. Внизу листа стояла

официальная печать вспомогательного подразделения под Бирмингтоном и подпись командира, некоего майора Траша. Гарвальд позаботился обо всем. Ну, не совсем обо всем. Девлин ухмыльнулся и вписал место назначения – радарную станцию РАФ¹ у Шерингама, на десять миль дальше по берегу от Хобс Энда.

Он быстро сел за руль и поехал. Сначала Суофхем, затем Фейкенхем. Он очень тщательно продумал маршрут по карте и теперь внимательно смотрел на дорогу. Спешить ему было некуда. Он закурил и подумал о том, какое сейчас настроение у Гарвальда.

В свой двор в Хобс Энде Девлин въехал уже после полуночи. Поездка прошла без происшествий. Несмотря на то что он проделал большую часть пути по главным дорогам, навстречу ему попало не более полудесятка машин. Он подъехал к сараю, выпрыгнул из машины под сильным дождем, отпер замок, открыл ворота и въехал внутрь.

В сарае было только два круглых окна на высоте сеновала, зашторить их не составляло труда. Девлин наполнил две керосиновые лампы, накачал их, пока они как следует не разгорелись, затем вышел, чтобы проверить, не видно ли света.

За полчаса он разгрузил грузовик, спустив мотоцикл и компрессор по доске. Канистры сложил в углу, накрыл их старым брезентом и вымыл грузовик. Затем взял приготовленные заранее газеты и клейкую ленту и начал маскировать окна. Работал он методично и сосредоточенно. Закончив, пошел в дом и поел Моллиного пирога с молоком.

Дождь лил всю, наполняя ночь звуками. Да, условия здесь действительно были идеальными. Девлин не торопясь покрасил задний борт грузовика.

– Господи спаси, – тихо сказал он про себя. – Хорошо, что во мне нет преступной жилки, а то я мог бы таким макаром зарабатывать на жизнь, это уж точно. – И принялся за покраску боковых бортов.

В пятницу после ланча Девлин подкрашивал белой краской номер на грузовике, когда услышал, что подъехала машина. Он обернул руки, быстро вышел из сарая и, завернув за угол дома, увидел Джоанну Грей, которая дергала дверную ручку. Вид у Джоанны был подтянутый и удивительно молодой – на ней была зеленая форма Женской добровольной службы.

– Вы лучше всего выглядите в этом наряде, – сказал он. – Бьюсь об заклад, что старый сэр Генри, видя вас в нем, лезет на стенку.

Она улыбнулась: "Вы молодец. Дела, должно быть, идут хорошо".

– Посмотрите сами.

Он открыл дверь сарая и впустил ее внутрь. Грузовик, покрытый свежим слоем краски, выглядел действительно очень хорошо. "По моим сведениям, машины специальных подразделений не имеют, как правило, эмблемы подразделения или рода войск. Правильно?"

– Да, – ответила Джоанна. – На машинах частей, действовавших вокруг Мелтам Хауза, никогда не было указано, что это за части. – Похоже, машина произвела на нее впечатление. – Это действительно хорошо, Лайям. Неприятности были?

– За мной пустили машину, но я сбросил ее со следа. Большое сражение предстоит сегодня.

– Вы справитесь?

– Вот это справится, – он поднял узел – что-то завернутое в тряпку и лежавшее на ящике около кистей и банок с краской, – развернул его и вытащил маузер с довольно странным стволом, похожим на луковичу. – Видели такой когда-либо?

– По-моему, нет, – Джоанна взвесила его в руке с профессиональным интересом и прицелилась.

– Такие используют некоторые сотрудники службы безопасности СС, – сказал Девлин, – но мало. Это единственный по-настоящему заглушенный пистолет, который я когда-нибудь встречал.

Она с сомнением сказала: "Вы будете один".

– Я и раньше действовал один. – Он завернул маузер в тряпку и направился к двери. – Если все пойдет по плану, я вернусь с "джипом" около полуночи. Утром первым делом покажусь вам.

– Боюсь, мне так долго не прождать, – сказала Джоанна, идя за ним. Лицо ее стало напряженным и встревоженным. Она импульсивно протянула ему руку, и он на мгновение крепко сжал ее в своей руке.

– Не беспокойтесь, – улыбнулся Девлин. – Он сработает. Я все вижу, или, как говорила моя бабушка, я знаю, как себя вести.

– Ох, и плут же вы, – Джоанна поцеловала его в щеку с неподдельным чувством. – Я иногда удивляюсь, как вы до сих пор живы.

– Это легко, – сказал он, – просто я никогда особенно не волновался, выживу или нет.

– Вы действительно так думаете?

– Завтра, – он улыбнулся, – я спозаранку загляну. Увидите.

Он понаблюдал, как она уехала, потом закрыл ногой дверь сарая и взял в рот сигарету. "Можешь выходить", – крикнул он.

Прошло несколько мгновений, и из тростника появилась

¹ РАФ – аббревиатура английского названия Королевских военно-воздушных сил. – Прим. перев.

Молли. Место, откуда она появилась, было слишком далеко, чтобы она что-нибудь слышала, поэтому Девлин не стал ничего объяснять. Он запер дверь и засунул руки в карманы. "Молли, моя милая девочка, — нежно сказал он, — я тебя очень люблю, но если ты еще раз займешься такой игрой, я так тебя отлуплю, как еще никто не дупил".

Молли обняла его за шею: "Это обещание?"

— Ты совершенно бесстыдна.

Она смотрела на него, не разжимая объятий: "Сегодня можно прийти?"

— Нет, — возразил он, — потому что меня не будет, — и добавил полуправду: — Я еду в Петерборо по личному делу и не вернусь до рассвета. — Он постучал пальцем по кончику ее носа. — Но это между нами, никому не говори.

— Еще шелковые чулки? — спросила она. — Или шотландское виски на этот раз?

— Мне сказали, что янки платят по пятерке за бутылку.

— Как мне не хочется, чтобы ты ехал. — Лицо ее было озабочено. — Почему ты не можешь быть милым и нормальным, как все?

— Ты что, хочешь меня так рано похоронить? — Девлин повернул ее к дому. — Пойди и поставь на плиту чайник, и если будешь хорошей девочкой, я позволю тебе приготовить мне обед или что-нибудь вроде этого.

Молли посмотрела на него через плечо, улыбнулась, сразу став очаровательной, и побежала к дому. Девлин снова взял сигарету в рот, но не зажег ее. Далеко на горизонте раздался раскат грома, опять возвещающая о дожде. Еще одна поездка под дождем. Он вздохнул и пошел за Молли.

В мастерской гаража Фоггарты было еще холоднее, чем накануне, несмотря на попытки Сэмми Джонсона согреть помещение с помощью старой бочки от бензина, в которой он проворачивал отверстия и развел огонь. От бочки поднимались резкие пары.

Бен Гарвальд, стоявший рядом с бочкой, держал в одной руке полбутылки бренди, а в другой — пластмассовый стаканчик. "Что, черт побери, ты пытаешься сделать? — спросил он и поспешил отойти. — Отравить меня?"

Джексон, который сидел на ящике по другую сторону бочки, держа на коленях двустволку с обрезанным дулом, положил ее и встал.

— Простите, мистер Гарвальд. Это кокс — вся беда в нем, он сильно отсырел.

Рубен, смотревший в глазок, вдруг воскликнул: "Эй, думаю, это он".

— Убери эту штуку, — быстро сказал Гарвальд, — и помни, ты ничего не должен делать, пока я не скажу. — Он налил еще бренди в стаканчик и ухмыльнулся: — Я хочу получить удовольствие, Сэмми, мальчик. Смотри, не испортить.

Сэмми положил ружье под мешок около себя на ящике и торопливо закурил. Все ждали: звук приближающегося мотора стал громче, но потом, затихая, он умер в ночи.

— Господи, — с отвращением произнес Гарвальд, — это был не он. Который час?

Рубен посмотрел на часы: "Точно девять. Он должен быть с минуты на минуту".

Если бы они знали, что Девлин был уже здесь и стоял под дождем у заднего окна, которое было небрежно забито досками! Обзор его сквозь щель был ограничен, но во всяком случае он видел Гарвальда и Джексона у огня. И уж, конечно, слышал все, что говорилось за последние пять минут.

Гарвальд сказал: "Эй, можешь, пока мы ждем, сделать что-нибудь полезное, Сэмми. Подлей в "джип" пару вон тех канистр, чтобы быть готовым к поездке обратно в Брам".

Девлин пересек двор, осторожно продвигаясь среди обломков машин, вышел на дорогу и побежал к укрытию, находящемуся примерно в четверти мили от сарая. Там он оставил мотоцикл.

Расстегнув плащ, Девлин вытащил маузер и проверил его при свете фары. Затем сунул его обратно, оставил плащ незастегнутым и сел в седло. Он не боялся ничуть. Немного был взволнован, это да, но лишь настолько, чтобы раздражиться. Он нажал стартер и выехал на дорогу.

В мастерской Джексон только кончил заливать бак "джи́па", как Рубен, наблюдавший в глазок, снова заволновался: "Он. Точно на этот раз. Только что свернул во двор".

— Ладно, открой дверь ипусти его, — сказал Гарвальд.

Ветер был такой силы, что, когда Девлин въехал в сарай, от сквозняка кокс затрещал, как дрова. Девлин выключил мотор и поставил мотоцикл. Лицо его еще сильнее, чем накануне, было облеплено грязью, но он весело улыбался.

— Привет, мистер Гарвальд.

— А, вот и ты, — Гарвальд протянул ему полбутылки. — У тебя такой вид, что глоток тебе не помешает.

— Вы не забыли про ирландское виски?

— Конечно нет. Рубен, достань из фургона две бутылки ирландского для мистера Мерфи.

Девлин быстро отхлебнул виски. Гарвальд взял из рук Рубена бутылки и, обращаясь к Девлину, сказал: "Вот, парень, как

я обещал. — Он подошел к "джипу" и положил бутылки на пассажирское место. — Значит, все прошло нормально вчера вечером?"

— Без проблем, — ответил Девлин и стал осматривать "джип".

Как и грузовик, "джип" требовал покраски, а в остальном все было нормально. У него был полосатый брезентовый верх, открытые бока и возвышение для пулемета. Краска на номере была свежей, и Девлин, внимательнее приглядевшись, увидел следы другого номера.

— Вот это дело, мистер Гарвальд, — сказал он, — какая-нибудь авиабаза янки не начнет его искать?

— Эй, послушай ты, — сердито начал Рубен.

Девлин прервал его: "Да, кстати, мистер Гарвальд, вчера был момент, когда мне показалось, что кто-то следует за мной. Думаю, это нервы. Но ничего не вышло".

Он встал спиной к "джипу" и еще раз быстро отхлебнул из бутылки. Злость Гарвальда, сдерживаемая с большим трудом, вырвалась наружу: "Знаешь, что тебе нужно?"

— Что, например? — тихо спросил Девлин, все еще держа в левой руке бутылку, а правой сжимая лацкан плаща.

— Урок хороших манер, миленький, — процедил Гарвальд, — тебе надо, чтобы тебя поставили на место, и я как раз тот человек, который этим займется. — Он покачал головой: — Тебе бы оставаться дома на болоте.

Гарвальд начал расстегивать пальто. Девлин воскликнул: "Ах так? Но прежде чем вы начнете, я хотел бы спросить у мальчика Сэмми, взведен ли курок ружья, которое у него под мешком, или нет? Если нет, то ему будет плохо".

В этот миг Бен Гарвальд вдруг совершенно ясно понял, что сделал большую ошибку. "Бери его, Сэмми!" — крикнул он.

Джексон понял все раньше, он схватил ружье из-под мешка, но опоздал. Девлин стремительно сунул руку в плащ. Маузер с глушителем кашлянул, и пуля вонзилась в левую руку Джексона, заставив его завертеться на месте. Второй выстрел перебил ему хребет, отбросив в угол на разбитую машину. В момент смерти пальцы его конвульсивно сжали курки двустволки, послав обе пули в землю.

Братья Гарвальд медленно попятись к двери. Рубен трясся от страха, Гарвальд внимательно следил за Девлином, выжидая момент схватиться снова.

Девлин сказал: "Дело зашло далеко".

Несмотря на свой рост, старый летный шлем, защитные очки и мокрый насквозь плащ, он казался невероятно грозной фигурой с маузером в руке.

Гарвальд признал: "Ладно, я сделал ошибку".

— Хуже, вы нарушили свое слово, — сказал Девлин, — а в тех местах, откуда я родом, у нас есть отличное наказание для людей, которые нас подвели.

— Ради бога, Мерфи...

Он не успел закончить, как раздался глухой хлопок — Девлин выстрелил снова. Пуля разбила правую коленную чашечку Гарвальда. Со сдавленным криком он ударился о дверь и упал на пол. Сжимая колено обеими руками, Гарвальд перекатился на спину. Кровь хлестала у него между пальцами.

Рубен сжался, подняв руки в тщетной попытке защитить опущенную голову. Так он провел две или три самые страшные минуты в своей жизни, а когда наконец обрел смелость поднять голову, то увидел, что Девлин устанавливает старую доску к борту "джипа". Под взглядом Рубена ирландец вкатил мотоцикл на заднее сиденье.

Девлин открыл ворота гаража. Затем щелкнул пальцами в сторону Рубена: "Путевой лист".

Дрожащими пальцами Рубен вытащил из бумажника лист и отдал Девлину. Тот быстро проверил его, затем вытащил конверт и бросил под ноги Гарвальду: "Семьсот пятьдесят фунтов, без обмана. Я говорил вам, что я человек слова. Вам бы тоже не мешало стать такими". Влез в "джип", нажал на стартер и уехал в ночь.

— Дверь, — прошептал Гарвальд сквозь сжатые зубы, — закрой эту чертову дверь, или сюда на свет сбегутся все полицейские округа.

Рубен закрыл дверь и оглядел поле боя. Воздух в мастерской был полон синеватого дыма и пороховой вони.

Рубен содрогнулся: "Кто такой этот ублюдок, Бен?"

— Не знаю, да, по правде говоря, мне все равно. — Гарвальд стянул с шеи белый шелковый шарф. — На, возьми и забинтуй это чертово колено.

Рубен смотрел на рану с ужасом, как загнивающий. Пуля калибра 7,63 мм пробила колено насквозь, коленная чашечка была раздроблена, из кровавого месива торчали осколки белой кости.

— Господи, дело плохо, Бен. Надо в госпиталь.

— Ну уж нет, черт возьми. Не успеешь в этой стране доставить меня в травматологическую с огнестрельной раной, как там такой вопль подымут, вызывая полицию, и так быстро, что ты и глазом не моргнешь. — На лице его выступил пот. — Ради бога, бинтуй.

Рубен начал бинтовать раздробленное колено шарфом. Он чуть не плакал. "А что сделаем с Сэмми, Бен?"

— Оставь его там, где лежит. Накрой пока брезентом. Завтра

можешь послать кого-нибудь из ребят избавиться от него. — Он выругался, когда Рубен затянул шарф. — Быстрее, и давай выберемся отсюда.

— Куда, Бен?

— Прямо в Бирмингем. Можешь завезти меня в частную клинику в Астоне. Ту самую, которой управляет врач-индеец. Как его зовут?

— Ты говоришь о Дасе? — Рубен покачал головой. — Он же занимается подпольными абортами. Тебе это не подходит.

— Он ведь доктор, да? — спросил Бен. — Теперь помоги мне подняться, и давай смываться отсюда.

Девлин въехал во двор у Хобс Энда в половине первого. Ночь была ужасной, с ураганным ветром и проливным дождем. Девлин быстро отпер сарай, въехал внутрь и поспешил закрыть ворота.

Он зажег керосиновые лампы и спустил мотоцикл с "джипа". Уставший и промерзший до костей, уснуть Девлин, однако, не мог. Он закурил и в странном беспокойстве заходил взад-вперед.

В сарае было тихо, по крыше барабанил дождь, да шинели лампы. Вдруг дверь с порывом ветра открылась, и вошла Молли. На ней была старая шинель, высокие сапоги, на голове шарф. Она промокла до костей и тряслась от холода, но казалось, что ей все равно. Она подошла к "джипу", наморщив от удивления лоб, и тупо посмотрела на Девлина.

— Лаям? — произнесла она.

— Ты обещала, — сказал он, — что больше не будешь подсматривать. Полезно знать, как ты держишь слово.

— Прости меня, но я так боялась, а потом все это... — она показала на машины. — Что это значит?

— Тебя это не касается, — грубо ответил он. — Что до меня, то ты можешь убираться сию минуту. Хочешь донести на меня полиции — ну, делай, как считаешь нужным.

Она уставилась на него широко открытыми глазами, что-то беззвучно шепча. "Иди — сказал Девлин, — если это то, что ты хочешь. Убирайся!"

Молли бросилась ему на шею, обливаясь слезами: "Не надо, Лаям, не прогоняй меня. Обещаю, больше ни одного вопроса, я не буду лезть в твои дела, только не прогоняй меня".

Так низко не опускался он никогда, и презрение, которое он чувствовал к себе, держа ее в объятиях, по своей силе было почти физическим. И оно сработало. Молли не доставит ему больше неприятностей, в этом он был уверен.

Девлин поцеловал ее в лоб: "Ты замерзла. Ступай в дом и разведи огонь, я приду через несколько минут".

Она вопросительно посмотрела на него и пошла в дом. Вздохнув, Девлин взял из "джипа" бутылку виски и сделал большой глоток.

— За тебя, Лаям, старина, — сказал он с бесконечной грустью.

В крошечной операционной клиники в Астоне Бен Гарвальд лежал на столе с закрытыми глазами. Рубен стоял рядом, пока Дас, высокий, мертвенно-бледный индеец в безукоризненно белом халате, резал хирургическими ножницами брючину. "Плохо?" — спросил его дрожащим голосом Рубен.

— Да, очень плохо, — спокойно подтвердил Дас. — Ему нужен первоклассный хирург, если не хочет остаться инвалидом. К тому же есть опасность сепсиса.

— Слушай, ты, чертов цветной ублюдок, — сказал Бен Гарвальд, открывая глаза. — На твоей нарядной медной вывеске у двери сказано терапевт-хирург, так?

— Это правда, мистер Гарвальд, — спокойно ответил Дас. — У меня дипломы Бомбейского и Лондонского университетов, но дело не в этом. В данном случае нужны специальные ассистенты.

Гарвальд оперся на локоть. Боль была сильной, и по лицу его тек пот. "Слушай меня внимательно. Три месяца назад здесь умерла девушка. Закон назвал бы причину — нелегальная операция. Я знаю об этом и о многом другом. Достаточно, чтобы засадить тебя не меньше чем на семь лет, так что, если не хочешь, чтобы сюда пришла полиция, давай шевелись".

Казалось, Даса эти слова совсем не обеспокоили. "Очень хорошо, мистер Гарвальд, вы берете на себя ответственность. Мне придется дать вам анестезию. Понятно?"

— Давай мне все, что хочешь, только делай что-нибудь.

Гарвальд закрыл глаза. Дас открыл шкафчик, взял из него марлевую повязку и бутылку хлороформа. Рубену он сказал: "Придется вам помогать. Подливайте по капле хлороформ на подушечку, когда я буду говорить вам. Справитесь?"

Рубен кивнул, слишком взволнованный, чтобы ответить.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На следующее утро, когда Девлин подъехал к дому Джоанны Грей, дождь все еще лил. Оставив мотоцикл у гаража, Девлин подошел к черному ходу. Джоанна открыла дверь сразу же и буквально втянула его внутрь. Она была еще в халате, лицо напряженное и обеспокоенное.

— Слава богу, Лаям. — Джоанна взяла его лицо в обе руки и потрясла. — Я почти не спала. В пять встала и пью те виски, то

чай. Дьявольская смесь для такого раннего утра. — Она горячо поцеловала его. — Ну, мошенник, приятно видеть вас.

Собака отчаянно виляла хвостом, стремясь пролезть между ними. Джоанна Грей занялась готовкой, а Девлин встал перед огнем.

— Ну, как прошло? — спросила она.

— Нормально.

Он нарочно отвечал уклончиво, потому что весьма возможно, ей не очень понравилось бы, как он провел дело.

Удивившись его ответу, Джоанна повернулась к нему: "Они ничего не пытались сделать?"

— Конечно, пытались. Но я убедил их, что не стоит.

— Стрельба была?

— Не потребовалось, — спокойно сказал он. — Одного взгляда на мой маузер оказалось достаточно. Английское преступное братство непривычно к огнестрельному оружию. В их стиле предпочитать бритвы.

Джоанна поставила на стол чай. "Господи, англичане. Иногда они приводят меня в отчаяние".

— Я выпью за это, несмотря на ранний час. Где виски?

Джоанна принесла бутылку и два стакана. "Конечно, позор пить в это время суток, но я вам составлю компанию. Что теперь делать?"

— Ждать, — сказал Девлин, — мне нужно привести в порядок "джип" и все остальное. Вам придется выжать из сэра Генри все, что можно, до последнего. А вместе мы можем от нетерпения только кусать ногти на протяжении шести дней.

— Не знаю, — сказала она. — Мы всегда можем пожелать себе удачи. — Она подняла свой стакан: — Благослови вас бог, Лаям, и пошли вам долгую жизнь.

— И вас, любовь моя.

Она подняла стакан и выпила. А Девлину вдруг показалось, что внутри его повернули нож. В этот момент он отчетливо увидел, что вся эта чертова операция пойдет сикось-накось.

Очередной уик-энд совпал у Памелы Верекер с отпуском, который дали ей на тридцать шесть часов. Она освободилась с дежурства в семь утра, брат заехал за ней на машине в Пэнгборн. Приехав в дом священника, она поскорее сняла форму и надела галифе и свитер.

Несмотря на короткую передышку, позволившую ей отключиться от действительности — работы на базе тяжелых бомбардировщиков, она чувствовала себя раздраженной и очень усталой. После ланча Памела проехала шесть миль вдоль берега на велосипеде до фермы Мелтам Вейл, где арендатор, один из

прихожан Верекера, держал трехлетнего жеребца, которому необходимо была объездка.

Оказавшись за дюнами позади фермы, Памела пустила жеребца и поскакала по петляющей тропинке в зарослях утесника, взбираясь на высокую опушку леса. Она испытывала опьяняющее чувство, дождь бил в лицо, и на некоторое время Памела как бы вновь очутилась в другом, безопасном мире, мире ее детства, который окончился в четыре сорок пять утра первого сентября 1939 г., когда южная группировка армии генерала Герда фон Рунштедта вторглась в Польшу.

Памела въехала в лес по старой лесной дороге, жеребец замедлил шаг, приближаясь к вершине холма. Впереди дорогу преграждала упавшая от ветра сосна. Препятствие было невысоким, фута три, и молодой конь легко перепрыгнул его. Вдруг из зарослей справа навстречу Памеле поднялась фигура. Жеребец бросился в сторону. Ноги Памелы выскользнули из стремян, и она свалилась на бок. Куст рододендрона самортизировал ее падение, но на мгновение у нее перехватило дух, и она лежала, хватая воздух. Вокруг слышались голоса.

— Ну и идиот ты, Круковски, — сказал кто-то, — ты что хотел сделать, убить ее.

Голоса принадлежали американцам. Памела открыла глаза и увидела солдат в полевой форме и стальных касках. Возле нее на коленях стоял огромный сильный негр с нашивками главного сержанта на рукаве. "Вы не ушиблись, мисс?" — взволнованно спросил он.

Памела нахмурилась и покачала головой, почувствовав себя лучше. "Вы кто?"

Он дотронулся до каски, как бы отдавая честь: "Гарви, главный сержант, Двадцать первая поисковая часть. Наша база на две недели для полевых учений — Мелтам Хауз".

В этот момент подъехал "джип". Водитель был офицером, это она могла точно сказать, но звание его ей было непонятно, потому что за время своей службы она мало имела дело с американскими военнослужащими. На офицере была пилотка и обычная, а не полевая форма.

— Что здесь происходит, черт побери? — требовательно спросил он.

— Лошадь сбросила леди, майор, — ответил Гарви, — Круковски выпрыгнул из кустов в неподходящий момент.

"Майор", — подумала Памела, удивляясь его молодости. Она с трудом поднялась на ноги. "Я чувствую себя нормально, правда". И тут же покачнулась. Майор взял ее под руку. "Не думаю. Вы далеко живете, мэм?"

— В графстве Стадли. Мой брат там приходской священник.

Майор твердой рукой повел ее к "джипу". "Думаю, вам лучше поехать со мной. У нас на базе есть военный доктор. Мне бы хотелось убедиться, что вы ничего себе не сломали".

На его плече была эмблема с надписью "рейнджеры", и Памела вспомнила, что где-то ей приходилось читать, что это то же, что и британские "командос". "В Мелтам Хауз?" — "Простите, я должен представиться. Майор Гарри Кейн, прикомандированный к Двадцать первой части под командованием полковника Роберта Шафто. Мы здесь на полевых учениях".

— А, брат говорил мне, что поместье Мелтам сейчас используется для таких целей, — сказала она и закрыла глаза. — Простите, я ослабела.

— Расслабьтесь. Я доведу вас в одно мгновение.

У него был приятный голос. В высшей степени. Она чувствовала, что по какой-то непонятной причине ей не хватает воздуха. Памела откинулась на сиденье и постаралась сделать так, как он сказал.

Пять акров сада Мелтам Хауза были окружены типично норфолкской оградой из неотесанного камня футов восьми высотой. Для большей безопасности по верху ограды была натянута колючая проволока. Сам дом был средней величины, небольшой помещичий дом начала XVII века. Как и для ограды, в строительстве дома были использованы валуны. В архитектуре здания, особенно фронтона, чувствовалось влияние голландцев, характерное для того периода.

Гарри Кейн и Памела прошли мимо кустов к дому. Добрый час он водил ее по поместью, и она наслаждалась каждым мгновением.

— Сколько вас здесь?

— В настоящее время около девяноста. Большая часть солдат, конечно, в палатках в лагере, который я вам показал по ту сторону рощицы.

— Почему вы меня туда не сводили? Секретные учения или что-то в этом роде?

— Господи, ничего похожего, — он хихикнул. — Просто вы слишком хорошенькая.

По ступенькам террасы сбежал молодой солдат и подошел к ним. Он красиво отдал честь: "Полковник вернулся, сэр. Главный сержант Гарви с ним".

— Очень хорошо, Эпплби.

Молодой человек снова откозырял Кейну и быстро ушел.

— Я думала, что американцы довольно расхлябанны, — сказала Памела.

Кейн усмехнулся: "Вы не знаете Шафто. Я думаю, что слово "солдафон" придумано о нем".

Когда они поднялись на террасу, открылась стеклянная дверь, и навстречу им вышел офицер. Он смотрел на них, хлопывая хлыстом по колену, как бы полный беспокойной энергии животного. Памеле не надо было говорить, кто это. Кейн отдал честь: "Полковник Шафто, позвольте представить вам мисс Верекер".

Роберту Шафто было сорок четыре года. Красивый, высокомерный мужчина, рыжий, в галифе и начищенных до блеска высоких сапогах. На нем была пилотка, сдвинутая на левую бровь, два ряда металлических ленточек над левыми нагрудными карманами выделялись ярким пятном. Возможно, самым притягательным в его наружности был кольт сорок пятого калибра с перламутровой рукояткой, который он носил в открытой кобуре на левом бедре.

Шафто дотронулся хлыстом до брови и торжественно сказал:

— Я чрезвычайно огорчен тем, что с вами случилось, мисс Верекер. Что я могу сделать, дабы загладить неловкость моих солдат?..

— Вы очень добры, — ответила Памела, — но майор Кейн любезно предложил мне довести меня до дома, если вы, конечно, разрешите. Мой брат — священник в графстве Стадли.

— Это самое меньшее, что мы можем сделать.

Она хотела еще раз встретиться с Кейном, и похоже было, что есть только один верный способ. "Завтра в доме брата у нас небольшая вечеринка. Ничего особенного. Придет несколько друзей на выпивку и сэндвичи. Я подумала, не приедете ли вы с майором Кейном?" Шафто колебался. Казалось, он подыскивает повод, чтобы отказаться, и она торопливо добавила: "Будет сэр Генри Уиллафби, местный сквайр. Вы с ним знакомы?"

Глаза Шафто загорелись: "Нет, не имел удовольствия".

— Брат мисс Верекер был священником в Первой парашютной бригаде, — сказал Кейн. — Прыгал над Удной в Тунисе в прошлом году. Помните эту операцию, полковник?

— Конечно, — сказал Шафто, — это был ад. Ваш брат, молодая леди, должно быть, настоящий мужчина, раз он пережил это.

— Он был награжден "Военным крестом", — сказала Памела. — Я им очень горжусь.

— И правильно. Буду счастлив посетить завтра вашу небольшую вечеринку и иметь удовольствие познакомиться с ним. Подготовьте все, Гарри. — Он снова отдал честь, подняв хлыст. — А теперь прошу прощения. Мне надо работать.

— Произвел впечатление? — спросил Памелу Кейн, когда они ехали по прибрежной дороге в "джипе".

— Не уверена, — ответила она. — Но согласна, довольно яркая фигура.

— Не то слово, — ответил он. — Шафто, как у нас говорят, боевой солдат. Он из тех парней, кто, бывало, вел своих солдат в атаку во Фландрии, вооруженный тросточкой. Как сказал тот французский генерал в Балаклав: "Великолепно, но это не война".

— Другими словами, он головой не работает?

— Ну, с армейской точки зрения у него страшный недостаток: он не умеет слушаться приказов, от кого бы они ни исходили. Боевой Бобби Шафто — гордость пехоты. Выбрался из Батаана в апреле прошлого года, когда японцы заняли этот пункт. Единственная неприятность заключалась в том, что он оставил там пехотный полк. Это не очень понравилось Пентагону. Никто не захотел его взять, и его отправили в Лондон работать в штабе объединенных сил.

— И это ему не понравилось?

— Конечно. Он использовал это как первую ступеньку для новых славных подвигов. Узнал, что у англичан имеются небольшие поисковые отряды, которые ночью перебрасывают через Ла-Манш поиграть в бойскаутов, и решил, что американская армия должна иметь такие же команды. К сожалению, какой-то идиот в штабе тоже решил, что это хорошая идея.

— А вы? — спросила она.

Казалось, он пытается уйти от ответа: "За последние девять месяцев солдаты Двадцать первой перебрасывались через Ла-Манш не менее четырнадцати раз".

— Невероятно.

— В их цели входило, — продолжал он, — уничтожение пустых маяков в Нормандии и нескольких аэродромов на необитаемых французских островах.

— По-моему, вы о Шафто невысокого мнения.

— Но великая американская публика — еще какого! Три месяца назад какой-то военный корреспондент в Лондоне, не знавший, о чем писать, услышал, что Шафто захватил экипаж плавучего маяка у берегов Бельгии. В нем было шестеро, и так как они оказались немецкими солдатами, то выглядело это все очень хорошо, особенно снимки судна, входящего в Дувр в дымке рассвета. На судне — Шафто со своими парнями, каска набекрень, у пленников вид испуганный. Прямо сцена из фильма. — Кейн покачал головой. — Какой успех эта картинка имела в Америке! Рейнджеры Шафто! "Лайф", "Колльерс", "Сатурдайнвинг пост" — какой журнал ни возьми, Шафто там обязательно. Народный герой! Два "Креста за боевые заслуги", "Серебряная Звезда с Дубовым листом". Все, кроме медали "За отвагу" конгресса, но и ее он получит, даже если для этого ему придется перебить нас всех, кто участвует в этих операциях.

Памела решительно спросила: "Вы зачем вступили в этот отряд, майор Кейн?"

— Надоело сидеть за столом, — сказал он, — это, пожалуй, лучшее объяснение. По-моему, я бы пошел на все, чтобы избавиться от канцелярии, — что и сделал.

— Значит, вы еще не принимали участия в рейдах?

— Нет, мэм.

— Тогда, я думаю, вам надо дважды подумать, прежде чем так легко отзываться о действиях храброго человека, особенно с командной высоты письменного стола.

Кейн съехал на обочину, остановил машину и повернулся к ней, весело улыбаясь: "Эй, это мне нравится. Можно, я запишу ваши слова, чтобы употребить их в великом романе, который мы, журналисты, вечно собираемся написать?"

— Черт вас побери, Гарри Кейн.

Памела шутливо замахнулась на него, а он вытащил из кармана пачку "Кэмел" и вытряхнул сигарету: "Лучше закурите. Успокаивает нервы".

Она взяла сигарету, он поднес огонь, и она глубоко затянулась, глядя поверх соленого болота на море. "Простите, я, возможно, реагирую слишком сильно, но война стала для меня очень личным делом".

— Ваш брат?

— Не только. Моя работа. Когда я дежурила вчера днем, то услышала позывные пилота-истребителя. Сильно подбитого в боях над Северным морем. Самолет горел, а пилота заклинило в кабине. Он кричал все время, пока падал.

— Вначале казалось, что день такой хороший! А сейчас вдруг все изменилось, — сказал Кейн.

Он взялся за руль, и Памела импульсивно положила свою руку на его руку: "Простите, правда, простите".

— Ничего.

На лице ее выразилось удивление: "Что у вас с пальцами? Несколько пальцев скрючены. Ваши ногти... Господи, Гарри, что с вашими ногтями?"

— А, это... — бросил он. — Кто-то их сорвал.

Памела смотрела на него с ужасом. "Это... это немцы, Гарри?" — прошептала она. "Нет. — Кейн включил мотор. — Это были французы, работавшие, конечно, по ту сторону. Одно из самых удручающих открытий, по моим наблюдениям, — это то, что мир состоит из самых разных людей".

Он криво улыбнулся, и они поехали.

Вечером того же дня в отдельной палате частной лечебницы в Астоне Бену Гарвальду стало значительно хуже. В шесть часов он потерял сознание. Только через час это заметили. Было уже

восемь, когда приехал доктор Дас в ответ на настойчивые звонки сестры, и больше десяти, когда пришел Рубен и увидел состояние брата.

По поручению Бена Рубен находился в гараже, куда привез катафалк и гроб, взятые в похоронном бюро, которое также было одним из многочисленных предприятий братьев Гарвальд. Несчастного Джонсона сожгли в частном крематории, в котором у них тоже был интерес — ведь не впервой им было избавляться таким образом от неудобного трупа.

Лицо Бена было в поту, он стонал и метался. В палате стоял неприятный запах гниющего мяса. Когда Дас разбинтовал колено, Рубен, взглянув, отвернулся. Страх подкатил к его горлу, как желчь.

— Бен, — прошептал он.

Гарвальд открыл глаза. Казалось, в первое мгновение он не узнал брата. Потом, слабо улыбнувшись, спросил: "Сделал, Рубен, малыш? Избавился от него?"

— Пепел к пеплу, Бен.

Гарвальд закрыл глаза. Рубен повернулся к Дасу: "Очень плохо?" — "Очень. Похоже на гангрену. Я предупреждал его".

— О, господи, — сказал Рубен. — Я знал, что его надо было отправить в госпиталь.

Глаза Бена открылись и лихорадочно заблестели. Он схватил брата за руку: "Никакого госпиталя, слышишь? Ты что хочешь сделать? Дать этим чертовым полицейским щелку, которую они безуспешно ищут годы?"

Он откинулся на подушки, закрыв глаза. Дас сказал: "Есть один шанс. Лекарство пенициллин. Слышали о нем?"

— Конечно. Говорят, оно творит чудеса. На черном рынке стоит целое состояние.

— Да, в подобных случаях оно действительно творит чудеса. Вы можете достать? Сегодня, сейчас?

— Если оно есть в Бирмингеме, вы его получите в течение часа. — Рубен подошел к двери. — Но если он умрет, вы последуете за ним. Я обещаю.

Он вышел, и дверь за ним захлопнулась.

В этот момент в Ландсвоорте "дакота" оторвалась от взлетной полосы и повернула к морю. Герике времени зря не терял. Он поднял самолет до тысячи футов, заложил правый вираж и полетел к берегу, теряя высоту. Штайнер и его команда приготовились к прыжку. Они были в полном боевом облачении британских парашютных войск, оружие и снаряжение сложены в подвесные мешки на английский манер.

— Внимание! — приказал Штайнер.

Команда стояла в затылок, зацепив карабин парашюта за фал вытяжного парашюта, проверяя, хорошо ли подтянуты ремни у впереди стоящего. Штайнер присматривал за Гарви Престоном, последним в цепочке. Англичанин дрожал. Штайнер чувствовал это, когда подтягивал его ремни.

— Пятнадцать секунд, — сказал он. — Времени у вас немного, понятно? И зарубите себе на носу: если вы собираетесь ломать ноги, то только здесь, а не в Норфолке.

Все рассмеялись. Штайнер подошел к началу цепочки, и Риттер Нойманн проверил его ремни. Как только над головой замигала красная лампочка, Штайнер открыл люк. Все услышали неожиданный рев ветра.

Герике сбавил газ и пошел на снижение. Был отлив, и широкие мокрые песчаные отмели светлели при лунном свете, простираясь до бесконечности. Сидящий рядом с Герике Бомлер напряженно следил за альтметром. "Пора!" — закричал Герике.

Над головой Штайнера вспыхнул зеленый свет, и он похлопал Риттера по плечу. Молодой старший лейтенант, а за ним и вся команда быстро прыгали вниз. Но Престон стоял, приоткрыв рот и уставившись в ночь.

— Пошел! — крикнул Штайнер и схватил его за плечо. Престон вырвался, держась за стальную стойку. Он покачал головой, беззвучно шевеля губами. "Не могу! — наконец, выдал он. — Не могу!"

Штайнер дал ему пощечину, схватил за правую руку и швырнул к открытому люку. Престон уцепился обеими руками. Штайнер пнул его ногой в зад и выбросил в люк. Затем прыгнул сам.

Когда прыгаешь с высоты четырехсот футов, не успеваешь испугаться. Престон почувствовал, что перекувыркнулся, затем ощутил внезапный рывок, щелчок парашюта — и повис, раскинаясь, под зонтиком цвета темного хаки.

Картина была фантастической. Бледная луна на горизонте, плоский мокрый пляж, кремовая линия прибоя. Престон ясно видел у пирса торпедный катер, людей, наблюдавших за парашютистами, и дальше на песке ряд смятых парашютов, которые собирали приземлившиеся. Он посмотрел вверх, увидел над собой слева Штайнера, и ему показалось, что тот спускается очень быстро.

Вещевой мешок, болтавшийся на фале, прикрепленном к поясу, ударился с громким звуком о песок, предупреждая Престона приготовиться. Он опустил жестко, слишком жестко, перевернулся и — о, чудо! — оказался на ногах, а парашют вздымался в лунном свете, как таинственный бледный цветок.

Престон сделал движение, чтобы, как его учили, свернуть

парашют, и вдруг замер на четвереньках, объятый огромной радостью, чувством могущества, подобного которому он никогда в жизни не испытывал.

"Я прыгнул! — громко крикнул он. — Я утер нос этим ублюдкам. Я прыгнул! Прыгнул! Прыгнул!"

В лечебнице в Астоне Бен Гарвальд неподвижно лежал на кровати. Рядом с ним стоял Рубен и наблюдал, как доктор Дас проверяет стетоскопом, бьется ли сердце Бена.

— Ну как? — требовательно спросил Рубен.

— Еще жив, но это уже конец.

Приняв решение, Рубен схватил Даса за плечо и швырнул к двери: "Немедленно вызовите скорую помощь. Я отвезу его в госпиталь".

— Но это значит, что придет полиция, мистер Гарвальд, — сказал Дас.

— А мне все равно, — прохрипел Рубен. — Я хочу, чтобы он жил, понятно? Это ведь мой брат! А ну, двигайся!

Он открыл дверь и вытолкнул Даса. Когда вернулся к кровати, на глазах у него были слезы. "Обещаю тебе одно, — запинаясь, сказал он, — я заставлю этого коротышку, ирландского ублюдка, поплатиться за все, даже если это будет последнее, что я сделаю".

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Из своих сорока пяти лет Джек Роган прослужил в полиции почти четверть века, достаточно долгий срок, когда работаешь в три смены и чувствуешь нелюбовь соседей. Но такова участь полицейского, что и следовало ожидать, как он часто говорил жене.

Было девять тридцать во вторник, второго ноября, когда Роган вошел в свой кабинет в Скотланд-Ярде. По правилам ему не надо было приходить. Проведя долгую ночь в Масуэлл Хилле, где он допрашивал членов ирландского клуба, он имел право поспать несколько часов, но сегодня надо было немного разобраться с бумагами.

Не успел Роган сесть за стол, как раздался стук в дверь, и вошел его помощник, детектив-инспектор Фергус Грант. Грант был младшим сыном вышедшего в отставку полковника индийской армии. Закончил Уинчестер и Гендонский полицейский колледж, представитель нового поколения, призванного революционизировать полицию. Несмотря на это, они с Роганом хорошо сработались.

Роган сделал предупредительный жест: "Фергус, я хочу только подписать несколько писем, выпить чашку чая и уехать домой спать. Ночь была адская".

— Знаю, сэр, — сказал Грант. — Но дело в том, что мы получили довольно необычное донесение от полиции города Бирмингема. Я подумал, что оно может вас заинтересовать.

— Именно меня или ирландскую секцию?

— И вас и секцию.

— Ладно. — Роган откинулся на стуле и начал набивать трубку табаком, беря его из потертого кожаного кисета. — Читать мне не хочется, поэтому перескажите.

— Слышали ли вы, сэр, о человеке по имени Гарвальд?

Роган помолчал. "Вы имеете в виду Бена Гарвальда? Он многие годы доставлял нам неприятности. Самый крупный мошенник в центральных графствах Англии".

— Он умер сегодня рано утром. Гангрена от пушечной раны. В госпиталь попал слишком поздно.

Роган зажег спичку: "Есть у меня знакомые, которые могли бы сказать, что это лучшая новость за многие годы, но каким боком это касается нас?"

— Правую коленную чашечку ему прострелил ирландец.

Роган уставился на него: "Это уже интересно. Обычное наказание, применяемое ИРА, когда кто-нибудь пытается обмануть. — Он выругался, когда спичка в левой руке прогорела до пальцев, и бросил ее. — Как звали ирландца?"

— Мерфи, сэр.

— Возможно. Что-нибудь еще?

— У Гарвальда есть брат, который так убит его смертью, что раскололся совсем. Он хочет, чтобы друга Мерфи взяли под ногу.

Роган кивнул: "Придется посмотреть, можем ли мы ему сослужить эту службу. А в чем дело?"

Грант рассказал ему подробности. Роган нахмурился: "Армейский грузовик, "джип", краска цвета хаки? Для чего ему все это нужно?"

— Может, сэр, собираются напасть на армейский лагерь, чтобы захватить оружие?

Роган подошел к окну: "Нет, этого я не принимаю без убедительных доказательств. Они не способны осуществить такой план, и вы это знаете. — Он вернулся к столу. — Мы перебили хребет ИРА здесь, в Англии, и в Ирландии. Люде де Валера интернировали большинство из них в лагерь. — Он покачал головой. — Подобная операция в нынешней обстановке бессмысленна. А что говорит об этом брат Гарвальда?"

— Он считает, что Мерфи подготавливает налет на воинский

склад или что-то в этом роде. Вы ведь знаете такие дела? Въезжают переодетые солдатами на армейском грузовике...

— И выезжают с виски и сигаретами на пятьдесят тысяч фунтов. Это уже было, — сказал Роган.

— Значит, Мерфи еще один вор такого рода, сэр? Что подсказывает вам интуиция?

— Я бы согласился с этим предположением, если бы не пуля в коленной чашечке. Чистая ИРА, и в то же время нутром чувствую, что здесь что-то другое, Фергус. Думаю, мы можем выйти на что-то.

— Хорошо, сэр, что будем делать?

Роган подошел к окну, обдумывая план. За окном стояла обычная осенняя погода: по крышам ползли клочья тумана с Темзы, с плафонов падали капли дождя. Он обернулся: "Я знаю одно. Этим должен заниматься не Бирмингем. Вы лично займитесь этим делом. Возьмите машину и поезжайте туда сегодня. Захватите с собой картотеки, фотографии — все. Всех известных членов ИРА. Может, Гарвальд покажет нам, кто это".

— А если нет, сэр?

— Тогда начнем расследование отсюда. По обычным каналам. Спецслужба в Дублине поможет, сделает все. Она ненавидит ИРА больше, чем когда-либо, после того как те застрелили в прошлом году детектива — сержанта О'Бриена. Всегда чувствую сильнее, когда убивают своего.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Грант, — приступаю к действиям.

Было восемь вечера, когда генерал Карл Штайнер закончил обед, поданный ему в его комнату на втором этаже на Принц-Альбрехтштрассе. Куриная ножка, жаренный в масле картофель, именно так, как он любит, салат и полбутылки охлажденного рислинга. Просто невероятно. А затем еще настоящий кофе.

Обращение с ним коренным образом изменилось, после того как он потерял сознание от электрошока. На следующее утро он проснулся на удобной кровати и в чистом белье. Ни подонка Россмана, ни его эсэсовских громил не было. Только оберштурмбанфюрер Цайдлер, приличнейший парень, хоть и эсэвец. Джентльмен.

Цайдлер не знал, как испросить прощения. Произошла страшная ошибка. В злонамеренных целях была подброшена ложная информация. Сам рейхсфюрер приказал провести полное расследование. Ответственные, без сомнения, понесут наказание. Он сожалел, что господина генерала приходится пока держать под замком. Но всего лишь несколько дней. Он уверен, что генерал понимает ситуацию.

Штайнер прекрасно понимал. Против него были лишь косвенные улики, ничего конкретного. Он не сказал ни слова, что бы ни предпринимал Россман, поэтому дело выглядело чистойшей провокацией с чьей-то стороны. Теперь его держат, чтобы убедиться, что он будет иметь приличный вид, когда его выпустят. Кровоподтеки почти рассосались. Если не считать кругов под глазами, то вид у него хороший. Ему даже выдали новую форму.

Кофе действительно отличный. Штайнер наливал вторую чашку, когда в замке повернулся ключ, и дверь за его спиной открылась. Стало жутко тихо. У Штайнера зашевелились волосы на голове.

Он медленно обернулся и увидел в дверях Карла Россмана. На нем была шляпа с опущенными полями, кожаное пальто, из угла рта свисала сигарета. По обе стороны от него стояли два эсэсовца в полной форме.

— Привет, господин генерал, — сказал Россман, — а вы думали, мы о вас забыли?

Что-то оборвалось внутри у Штайнера. Все стало чудовищно ясно. "Ублюдок!" — воскликнул он и швырнул чашку с кофе в голову Россмана.

— Грех это, — покачал головой Россман. — Вам не следовало так делать.

Один из гестаповцев с силой ткнул концом дубинки Штайнеру в пах, и Штайнер с криком упал на колени. Еще один удар по голове, — и он потерял сознание.

— В подвал, — спокойно сказал Россман и вышел.

Гестаповцы взяли генерала за ноги и потащили его лицом вниз, идя в ногу и не меняя ритма даже на лестнице.

Макс Радл постучал в дверь и вошел в кабинет рейхсфюрера. Гиммлер, стоя перед камином, пил кофе. Он поставил чашку и подошел к столу: "Я надеялся, что вы уже в пути".

— Я вылетаю ночью в Париж, — сказал Радл. — Как известно рейхсфюреру, адмирал Канарис улетел в Италию сегодня утром.

— Очень жаль, — ответил Гиммлер. — Тем не менее у вас остается много времени. — Он снял пенсне и, как всегда, тщательно протер стекла. — Я прочел рапорт, который вы сегодня утром передали Россману. Что это за американские рейнджеры появились там? Покажите мне где.

Он разложил перед собой штабную карту, и Радл показал Мелтам Хауз. "Как видите, господин рейхсфюрер, Мелтам Хауз в восьми милях по берегу на север от графства Стабли. Две-

надцать или тринадцать от Хобс Энда. В последней радиограмме миссис Грей сообщает, что не ждет с этой стороны никаких неприятностей".

Гиммлер кивнул головой: "Ваш ирландец, похоже, оправдывает деньги, которые получает. Остальное зависит от Штайнера".

— Думаю, он нас не подведет.

— Да, я забыл, — сухо продолжал Гиммлер, — у него в этом деле личная заинтересованность.

Радл сказал: "Разрешите мне узнать о здоровье генерал-майора Штайнера?"

— В последний раз я видел его вчера вечером, — Гиммлер говорил истинную правду, — хотя должен сознаться, что он меня не видел. В этот момент он был занят обедом из жареного картофеля, овощного салата и довольно большого бифштекса. — Он вздохнул. — Если бы только потребители мяса понимали, как вредна такая пища! Вы едите мясо, господин полковник?

— Боюсь, что да.

— И курите шестьдесят или семьдесят этих отвратительных русских папирос в день, и пьете. Сколько вы сейчас выпиваете коньяка в день? — Гиммлер покачал головой, складывая лежащие перед ним бумаги в аккуратную стопку: — Впрочем, в вашем случае, думаю, это все равно.

"Есть ли что-нибудь, что эта свинья не знает? — подумал Радл и сказал: — Да, господин рейхсфюрер".

— В котором часу они вылетают в пятницу?

— Перед самой полуночью. При благоприятной погоде это часовой полет.

Гиммлер быстро поднял голову. Взгляд его был холодным: "Полковник Радл, вам должно быть ясно одно. Штайнер и его команда летят по разработанному плану, будет хорошей погода или нет. Это не такое дело, которое можно отложить. Такая возможность, как нынечная, возникает раз в жизни. Связь с вашим штабом будет работать круглосуточно. Начиная с пятницы, с утра, вы будете посылать мне сообщения каждый час вплоть до успешного окончания операции".

— Будет исполнено, господин рейхсфюрер.

Радл повернулся к двери, но Гиммлер остановил его: "Еще один момент. Я не вводил фюрера в курс этой операции по многим причинам. Времена тяжелые, Радл, и судьба Германии лежит на его плечах. Я бы хотел, чтобы это был — как это сказать — сюрприз для него".

На мгновение Радлу показалось, что он сошел с ума. Затем он понял, что Гиммлер говорит серьезно. "Важно не разочаро-

вать его, — продолжал Гиммлер. — Теперь мы в руках Штайнера. Пожалуйста, пусть он это прочувствует".

— Хорошо, господин рейхсфюрер. — Радл подавил нестерпимое желание расхохотаться.

Гиммлер довольно небрежно выбросил вперед правую руку в партийном салюте: "Хайль Гитлер!"

Радл церемонно откозырял и как можно быстрее вышел.

Войдя в свой кабинет на Тирпиц-Уфер, Радл увидел, что Хофер упаковывает его вещи. Радл достал коньяк и налил себе большую порцию. "Господин полковник здоров?" — взволнованно спросил Хофер.

— Знаете, Карл, о чем наш уважаемый рехсфюрер только что проговорился? Он, оказывается, не докладывал фюреру, как далеко мы зашли в этом деле. Он хочет приподнести ему сюрприз. Ну, не мило ли это?

— Ради бога, господин полковник.

Радл поднял стакан: "За наших товарищей, Карл, за триста десять человек из полка, которые погибли в Зимнюю кампанию. Не знаю за что. Если вы узнаете, скажите мне". Хофер устался на него, и Радл улыбнулся: "Ничего, Карл, я не сорвусь. Вы проверили время моего рейса в Париж?"

— Десять тридцать с аэродрома Темпельхоф. Я приказал подать машину к девяти пятнадцати. У вас много времени.

— А рейс на Амстердам?

— Завтра утром. Возможно, около одиннадцати, но нет уверенности.

— Хорошо. Все, что мне нужно, это плохая погода, чтобы не попасть в Ландсвоорт до вторника. Какая сводка погоды?

— Плохая. Из России идет холод.

— Всегда так, — мрачно сказал Радл. Он открыл ящик стола и взял из него запечатанный конверт. — Это моей жене. Смотрите, чтобы она получила его. Жалко, что вы не можете поехать со мной, но вы должны держать оборону здесь, понимаете?

Хофер посмотрел на письмо, и в глазах его появился страх: "Неужели господин полковник думает..."

— Дорогой мой добрый Карл, — сказал Радл. — Я ничего не думаю. Я просто подготавливаюсь к любому неприятному случаю. Если операция сорвется, то, мне кажется, все, связанные с ней, могут оказаться — как это выразиться? — персонами нон грата. В любом таком случае вы должны полностью отрицать, что знали что-нибудь. Все, что я делал, я делал один.

— Господин полковник, пожалуйста... — хрипло попросил Хофер. На глазах его были слезы.

Радл достал еще один стакан, наполнил его и протянул Хореру: "Давайте тост. За что выпьем?"

— Бог знает, господин полковник.

— Тогда я вам скажу. За жизнь, Карл, за дружбу и надежду. — И криво улыбнулся. — Знаете, какая мысль мне только что пришла в голову? Что рейхсфюрер, весьма возможно, ничего об этих вещах не знает. А, ладно...

Он запрокинул голову и осушил стакан одним глотком.

Как и у большинства старших офицеров в Скотланд Ярде, у Джека Рогана была в кабинете небольшая раскладушка на случай, если воздушные налеты превращали возвращение домой в проблему. Когда в среду он возвратился с еженедельного координационного совещания руководителей секции спецслужбы, был уже почти полдень. На его походной кровати спал Грант.

Роган выглянул в коридор и велел дежурному полицейскому приготовить чай. Затем он дружески пнул Гранта и подошел к окну, набивая трубку. Туман был гуще обычного. Настоящий лондонский, особенный, как когда-то правильно назвал его Диккенс.

Грант поднялся, поправляя галстук. Костюм его был измят, а сам он небрит. "Дьявольский путь назад. Туман действительно невообразимый".

— Чего-нибудь добились?

Грант открыл портфель, взял папку и одну карточку из нее положил на стол Рогану. К ней была прикреплена фотография Лаяма Девлина. Выглядел он на ней старше, чем в жизни. Внизу карточки значилось несколько имен. "Это Мерфи, сэр".

Роган тихо свистнул: "Он? Вы уверены?"

— Рубен Гарвальд уверен.

— Но это же бессмыслица, — сказал Роган. — Последнее, что я о нем слышал, это что у него были неприятности в Испании, поскольку он сражался не на той стороне. Приговорен к пожизненным каторжным работам.

— По-видимому, нет, сэр.

Роган вскочил и подошел к окну. Минуту он стоял там, засунув руки в карманы. "Знаете, он один из главарей движения. Встретаться мне с ним не приходилось. Всегда окружен таинственностью. Ну во-первых, все эти чертовы вымышленные имена".

— Судя по досье, он учился в Тринити колледже, что для католика необычно, — сказал Грант. — Специализировался в английской литературе. Это уже ирония, если он член ИРА.

— Такие эти чертовы ирландцы. — Роган повернулся, посту-

кивая пальцем по виску. — Какие-то бешеные с рождения. Все у них не как у людей. Ну посудите сами: дядя — священник, сам окончил университет — и во что превратился? Самый хладнокровный убийца в движении со времен Коллинса и его группы убийц.

— Ладно, сэр, — сказал Грант. — Что будем делать?

— Прежде всего свяжемся со спецслужбой в Дублине. Посмотрим, что у них есть.

— Потом?

— Если он здесь легально, то должен быть зарегистрирован в местной полицейской части, где бы то ни было. Регистрационная форма для иностранцев плюс фотография...

— Которые затем передаются в отделение, к которому полицейская часть относится.

— Точно, — Роган ударил по столу. — Я уже два года требую, чтобы нам передавали их сюда в центральный архив, но, поскольку здесь работают почти три четверти миллиона ирландцев, никто не хочет с этим связываться.

— Значит, надо разослать копии этой фотографии во все городские полицейские части и отделения графств, чтобы там просмотрели все регистрации. — Грант взял карточку. — На это уйдет много времени.

— А что еще можно сделать? Поместить фотографию в газетах и написать: "Кто видел этого человека?" Я хочу поймать его, а не спугнуть.

— Конечно, сэр.

— Займитесь этим. Даю "зеленую улицу". Объявите внеочередным делом госбезопасности, что заставит этих типов шевелиться.

Грант вышел, а Роган взял досье Девлина, откинулся на стуле и начал читать.

В Париже полеты были отменены. Туман сгустился такой, что когда Радл вышел из зала отправления в Орли, он не увидел своей руки перед лицом. Он зашел к дежурному и спросил о прогнозе.

— К сожалению, господин полковник, если судить по последней метеосводке, никаких полетов до утра. Честно говоря, даже утром может быть не лучше. Думаю, этот туман может продержаться несколько дней. — Он любезно улыбнулся: — Одно хоть хорошо, что он держит томми дома.

Радл принял решение: "Мне абсолютно необходимо быть в Роттердаме не позднее завтрашнего дня. Где автобаза?"

Десять минут спустя он держал директиву фюрера перед носом пожилого капитана транспортных войск, а через двадцать

минут выехал из ворот аэропорта в большом черном закрытом "ситроене".

В этот момент в гостиной Джоанны Грей сэр Генри Уиллафби играл в карты с нею и отцом Верекером. Он выпил больше, чем, возможно, было ему полезно, и пребывал в очень хорошем настроении.

— Ну-ка, ну-ка, у меня был королевский марьяж, а теперь несколько козырей.

— Это сколько? — поинтересовался Верекер.

— Двести пятьдесят, — сказала Джоанна Грей. — Двести девятно с королевским марьяжем.

— Минуточку, — сказал Верекер, — он взял королеву десяткой.

— Но я же объясняла, в этой игре десятка выше королевсы.

Филипп Верекер с неудовольствием покачал головой: "Бесполезно. Я никогда не пойму эту проклятую игру".

Сэр Генри восторженно засмеялся: "Игра джентльменов, мой мальчик. Аристократ среди карточных игр. — Он вскочил, опрокинув стул, и поднял его. — Можно я еще выпью, Джоанна?"

— Конечно нет, мой дорогой, — смеясь ответила она.

— Вы сегодня, похоже, довольны собой, — заметил Верекер.

Сэр Генри, стоя спиной к огню, широко улыбнулся: "Да, Филипп, и причина вполне уважительная. Не знаю, почему бы не рассказать и вам, — вдруг вырвалось у него. — Все равно скоро узнаете".

"Господи, старый дурак". — Тревога Джоанны была неподдельной. Она быстро произнесла: "Генри, вы считаете, что следует рассказать?"

— А почему нет? — спросил он. — Если я не могу доверять вам и Филиппу, то кому же доверять? — Он обернулся к Верекеру. — Дело в том, что в субботу на уик-энд приезжает премьер-министр.

— Господи, я, конечно, слышал, что он выступает в Кингс-Линне. — Верекер был поражен. — Честно говоря, сэр, я не знал, что вы знакомы с мистером Черчиллем.

— Я не знаком, — ответил сэр Генри. — Дело в том, что ему хотелось бы провести спокойный уик-энд и немного порисовать, перед тем как возвращаться в город. Естественно, он слышал о садах Стадди, да и кто не слышал? Разбиты в год Армады. Когда с Даунинг-стрит связались со мной и спросили, может ли он у меня остановиться, я был в восторге.

— Естественно, — сказал Верекер.

— Конечно, жителям деревни ничего не надо знать, пока он не уедет. Меня об этом просили в высшей степени настоятельно.

Знаете, безопасность. Излишняя осторожность не мешает. — Сэр Генри был очень пьян и слова произносил невнятно.

Верекер сказал:

— Полагаю, при нем будет многочисленная охрана.

— Отнюдь. Хочет как можно меньше суеты. С ним будет три или четыре человека. Я приказал, чтобы взвод моих ребят из местной обороны охранял поместье по периметру, пока он будет здесь. Даже они не знают, в чем дело. Считают, что это учение.

— Правда? — спросила Джоанна.

— Да. Я еду в субботу в Кингс-Линн встречать его. Мы приедем на машине. — Сэр Генри рыгнул и поставил стакан. — Пожалуйста, можно мне выйти? Что-то мне нехорошо.

— Конечно, — сказала Джоанна Грей.

Сэр Генри подошел к двери, обернулся и приложил палец к губам: "Теперь молчок".

После его ухода Верекер сказал: "Это новая страница в истории".

— Право, сэр Генри ведет себя очень плохо, — посетовала Джоанна. — Предполагалось, что он не должен был говорить ни слова, и тем не менее при подобных же обстоятельствах, когда выпил лишнего, рассказал мне все. Естественно, я считала себя обязанной молчать.

— Конечно. Вы были совершенно правы. — Верекер встал и потянулся за своей палкой: — Лучше я отвезу его домой. Он не может вести машину.

— Чепуха, — она взяла его под руку и подвела к двери. — Ведь вам придется идти домой за машиной. В этом нет необходимости. Я его отвезу.

Джоанна помогла Верекеру надеть пальто.

— Вы уверены?

— Конечно, — Джоанна поцеловала Верекера в щеку. — С нетерпением жду встречи с Памелой в субботу.

Он ушел, прихрамывая. Она стояла в дверях и слушала, как удаляются его шаги. Было тихо и спокойно, почти так же, как в вельде, когда она была девочкой. Странно, но она уже много лет об этом не вспоминала.

Джоанна вернулась в дом и закрыла дверь. Сэр Генри появился из туалета и нетвердыми шагами подошел к креслу у камина. "Пора ехать, милая".

— Чепуха, — сказала она. — Всегда есть время выпить еще.

Она налила в его стакан на два пальца виски и села на ручку его кресла, нежно поглаживая его шею. "Знаете, Генри, мне бы очень хотелось познакомиться с премьер-министром. Думаю, ничего на свете мне так не хотелось бы".

— Да, милая? — Он глупо смотрел на нее.

Она улыбнулась и нежно провела губами по его лбу. "Да, почти ничего".

В подвале Принц-Альбрехтштрассе было очень тихо, когда Гиммлер спускался туда.

Россман ждал его. Рукава его были засучены до локтей, и выглядел он очень бледным.

— Ну, — требовательно произнес Гиммлер.

— Боюсь, господин рейхсфюрер, что он мертв.

Гиммлер был недоволен и не скрывал этого: "По-моему, это в высшей степени неосторожно с вашей стороны, Россман. Я велел вам быть осторожным".

— Я к нему со всем уважением, господин рейхсфюрер, но сердце его не выдержало. Доктор Прагер подтвердит это. Я сразу же послал за ним. Он еще там.

Россман открыл ближайшую дверь. Оба гестаповца, подручные Россмана, стояли в комнате, еще не сняв резиновых перчаток и фартуков. Маленький шустрый человечек в твидовом костюме склонился над телом, лежавшим на железной скамейке в углу, и прикладывал к нему стетоскоп.

Человечек обернулся, когда вошел Гиммлер, и вскинул руку в партийном приветствии.

Гиммлер постоял немного, глядя на Штайнера. Генерал был голый до пояса, с босыми ногами. Полуоткрытые глаза его смотрели неподвижно в вечность.

— Ну? — произнес Гиммлер.

— Сердце, господин рейхсфюрер, в этом нет сомнения.

Гиммлер снял пенсне и слегка потер переносицу. Весь день у него болела голова и никак не проходила. "Очень хорошо, Россман, — сказал он. — Он был обвинен в предательстве, в заговоре с целью покушения на жизнь самого фюрера. Как вы знаете, фюрер издал декрет о смертной казни за это преступление, и генерал-майор Штайнер не уйдет от нее даже мертвый".

— Конечно, господин рейхсфюрер.

— Смотрите, чтобы приговор был приведен в исполнение. Меня не будет, я вызван в Растенбург, а вы сделайте фотографии и уничтожьте тело как обычно.

Эсэсовцы щелкнули каблуками в партийном приветствии.

— Он был арестован? Где? — удивленно спросил Роган. Еще не было пяти, но так потемнело, что пришлось задернуть маскировочные шторы.

— На ферме около озера Кага в графстве Карри в июне про-

шлого года после перестрелки, в которой он застрелил двух полицейских и сам был ранен. Он убежал из местного госпиталя на следующий день и пропал.

— О, господи, и они называют себя полицией, — в отчаянии сказал Роган.

— Дело в том, сэр, что спецслужба Дублина не имела к этому никакого отношения. Она определила его личность позже по отпечаткам пальцев на револьвере. Арест произвел местный патруль из Гарды, который получил тайное сообщение. И еще одно, сэр. Дублин сообщает, что они запросили министерство иностранных дел Испании, поскольку наш приятель, по всем данным, был там в тюрьме. Испанцы очень неохотно пошли навстречу, вы же знаете, как с ними трудно бывает вести подобные дела. Наконец они признали, что он сбежал с каторжных работ в Гранаде осенью 1940 г. По их информации, он подался в Лиссабон, а оттуда в Штаты.

— А теперь он вернулся, — сказал Роган. — Но зачем — вот в чем загвоздка. Получили сведения из провинции?

— Из семи отделений, сэр, все отрицательные.

— Ладно. В данный момент сделать мы ничего не можем, надо только надеяться. Как только что-нибудь появится, немедленно сообщите мне. Днем, ночью, где бы я ни был.

— Хорошо, сэр.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В пятницу ровно в одиннадцать пятнадцать утра Гарри Кейн, руководивший отработкой нападения, получил срочное приказание немедленно явиться к Шафто. Когда он вошел в приемную командира, то обнаружил там переполох. У писарей вид был испуганный, а главный сержант Гарви нервно ходил взад-вперед, курия сигарету.

— Что случилось? — требовательно спросил Кейн.

— Бог знает, майор. Мне известно только, что минут пятнадцать назад, получив срочный приказ из штаба, он расшвырял все документы. Пинком вышиб молодого Джонса из кабинета. Правда, пинком.

Кейн постучал в дверь и вошел в кабинет. Шафто стоял у окна, держа в одной руке хлыст, а в другой стакан. Он резко обернулся, и выражение его лица тут же изменилось: "А, это вы, Гарри".

— Что такое, сэр?

— Дело в том, что эти ублюдки из штаба, которые давно стараются убрать меня с дороги, добились своего. Когда мы через неделю кончим здесь учения, я сдам командование Саму Уильямсу.

– А вы сами, сэр?

– Мне приказано возвращаться в Штаты главным инструктором полевых учений в Форт-Беннинге.

Он наподдал корзинку для бумаг так, что она перелетела через всю комнату. Кейн спросил: "И вы ничего не можете сделать, сэр?"

Шафто взглянул на него, как сумасшедший. "Сделать? – Он схватил приказ и ткнул его Кейну в лицо: – Подпись видите? Сам Эйзенхауэр. – Он смял приказ в комок и отбросил его. – Хотите я вам что-то скажу, Кейн? Он никогда не был в бою. Ни разу за всю свою карьеру".

В Хобс Энде Девлин лежал в постели и что-то писал в своей записной книжке. Шел сильный дождь, и болото окутал мокрый липкий саван тумана. Распахнулась дверь, и вошла Молли. На ней был плащ Девлина, в руках она держала поднос, который поставила на стол у кровати.

– Вот, пожалуйста, господин мой и повелитель. Чай, тосты, два сваренных в мешочек яйца, по четыре с половиной минуты, как вы велели, и бутерброды с сыром.

Девлин перестал писать и одобрительно посмотрел на поднос: "Держи этот уровень, и я, может, соблазнюсь и возьму тебя в постоянное услужение".

Молли сняла плащ. Под ним на ней были только трусы и лифчик. Она взяла свой свитер с кровати и натянула его через голову. "Мне надо идти. Я сказала маме, что приду к обеду".

Девлин налил себе чашку чая. Молли взяла записную книжку: "Это что? – Она открыла ее. – Стихи?"

Он усмехнулся: "Разные люди считают по-разному".

– Твои? – спросила она, и на лице ее отразилось искреннее изумление. Она открыла книжку на той странице, на которой он писал утром: – "Никто не скажет, что это я прошел там, где бродил по лесу в темноте". – Она подняла голову: – Это прекрасно, Лаям.

– Знаю, – сказал он. – Ты же мне твердишь без конца, что я прекрасный.

– Я знаю только одно: я бы тебя могла съесть, – она упала на него и страстно поцеловала. – Ты знаешь, что сегодня? Пятое ноября, а мы не можем развести костер из-за проклятого старого Адольфа.

– Ай-ай-ай, – съязвил он.

– Ладно тебе. – Молли поерзала, пока удобно легла на нем, обняв ногами. – Я вечером приду и приготовлю тебе ужин, и мы разожжем свой маленький костер.

– Нет, не придешь, – сказал Девлин. – Потому что меня здесь не будет.

Лицо ее омрачилось: "Дело?"

Он легонько поцеловал ее. "Ты помнишь, что обещала?"

– Ладно, – сказала она, – я буду хорошая. Увидимся утром.

– Нет. Я, возможно, вернусь не раньше обеда. Гораздо лучше будет, если я найду за тобой. Идет?

Она неохотно кивнула: "Если ты так хочешь?"

– Да.

Он поцеловал ее. Послышался автомобильный гудок. Молли бросилась к окну и поспешно схватила свои парусиновые брюки. "Господи, миссис Грей".

– Вот что значит поймать на месте преступления¹, – смеясь сказал ей Девлин.

Он натянул свитер. Молли взяла пальто.

– Убегаю. Увидимся завтра, красавчик. Можно мне взять? Мне бы хотелось почитать другим. – Она взяла записную книжку со стихами.

– Господи, ты, должно быть, любишь, когда тебя наказывают, – сказал Девлин.

Молли крепко поцеловала его. Девлин пошел за ней, открыл черный ход и стоял, наблюдая, как она бежит среди тростника к плотине, зная, что это, возможно, конец. "Ладно, – тихо сказал он, – так для нее лучше всего".

Он повернулся и пошел открывать дверь на повторный стук Джоанны. Миссис Грей мрачно осмотрела его, и он заправил рубашку в брюки.

– Я заметила Молли на дорожке у плотины секунду назад. – Джоанна прошла мимо него. – Вам действительно должно быть стыдно.

– Знаю, – сказал он, идя за ней в гостиную, – я совсем плохой. Ну, сегодня большой день. Мне кажется, следует немного выпить. Составите компанию?

– Четверть дюйма на донышке, не более, – строго сказала она.

Девлин принес виски и два стакана. "За республику! – сказал он, – будь то ирландская или южноафриканская. Так какие новости?"

– Вчера вечером, как было приказано, я переключилась на другую волну, прямо на Ландсвоорт. Там сейчас сам Радл.

– Ничего не отменяется? – спросил Девлин. – Несмотря на погоду?

Глаза ее сияли: "Разверзлись ад, наступи потоп, Штайнер со своей командой будет здесь приблизительно в час".

¹ Дословно в переводе с английского это выражение звучит так: "Поймать со спущенными штанами". – Прим. перев.

Штайнер собрал всю свою команду. Единственный, кто не должен был принимать участия в операции, был Макс Радл. Все стояли вокруг стола с картами. Штайнер у окна тихо беседовал с Радлом, и когда он посмотрел на своих ребят, всех охватило нервное возбуждение. Он показал макет Герхарда Клугла, фотографии и карты. Даже Престон, который уже знал, в чем дело, был захвачен драматизмом происходящего.

И Штайнер рассказал им о цели.

Петер Герике услышал рев даже в ангаре.

— Ради бога, что там такое? — спросил Бомлер.

— Не спрашивай меня, — кисло ответил Герике. — Мне здесь никто ничего не говорит. — Горечь его вдруг прорвалась: — Если мы достаточно хороши, чтобы рисковать своей шкурой, доставляя подонков на место, думается, и нам могли бы сказать, в чем дело.

— Если это так важно... — сказал Бомлер. — Не знаю, хочу я знать или нет. Пойду проверю приборы.

Он сел в самолет, а Герике закурил и отошел подальше, еще раз оглядывая "дакоту". Унтер-офицер Витт отлично нанес на нее эмблемы РАФ. Герике увидел, что к нему едет полевая машина, за рулем которой — Риттер Нойманн, рядом с ним Штайнер, на заднем сиденье — Радл. Машина остановилась в нескольких ярдах. Но никто из нее не вышел.

Штайнер сказал: "Судя по вашему виду, вы не очень довольны жизнью, Петер".

— А с чего быть довольным? — спросил Герике. — Целый месяц я сижу в этой дыре, сутками вожусь с самолетом, а для чего? — Он жестом охватил туман, дождь и небо. — В такую дерьмовую погоду я никогда от земли не оторвусь.

— Ну, мы абсолютно уверены, что человек вашей высочайшей квалификации справится.

Штайнер, а за ним остальные вышли из машины. Герике заметил, что Риттер еле сдерживает смех: "Эй, что тут происходит? — грубо спросил Герике. — В чем дело?"

— А дело очень простое, бедный вы, несчастный, заезженный сукин сын, — сказал Радл. — Имею честь сообщить вам, что вас только что наградили "Рыцарским крестом".

Герике глядел на них открыв рот, и Штайнер мягко сказал: "Как видите, мой дорогой Петер, вы все-таки дождались уик-энда в Каринхалле".

Кениг наклонился над столом с картами. Штайнер, Радл и оберфельдфебель Мюллер стояли на почтительном расстоянии, но ничего не упускали из виду.

Молодой лейтенант докладывал: "Четыре месяца назад недалеко от Гебридских островов подводная лодка под командованием моего старого друга Хорста Венгеля торпедировала английский траулер. Экипаж состоял только из пятнадцати человек, и Венгель всех их взял в плен. К несчастью для них, они не успели уничтожить документы, в том числе несколько интересных лодий английских береговых минных полей".

— Для кое-кого это — щелка, — сказал Штайнер.

— Для всех нас, господин полковник, как доказывают эти лодии Уилхелмсхафена. Видите, вот здесь, к востоку от залива Уош, минные поля идут параллельно берегу для защиты каботажного флота? Есть и отчетливо отмеченный проход. Британский военно-морской флот оставил его для своих целей, но торпедные катера Восьмой флотилии, базирующейся в Роттердаме, абсолютно безопасно пользуются им на протяжении некоторого времени. Действительно, если точно держать курс, туда можно войти на большой скорости.

— Все-таки сомнительно, что само минное поле в данных условиях может обеспечить вам надежную защиту, — сказал Радл.

— Согласен, господин полковник.

— А как насчет подхода к рукаву позади мыса у Хобс Энда?

— Очень трудно. Мы с Мюллером изучали лодии адмиралтейства, пока не выучили их наизусть. Все глубины, все песчаные отмели. Войдем на приливе, если хотим забрать людей в десять.

— Вы отводите на переход восемь часов. Это означает, что выйти вам надо в час?

— Если мы хотим иметь запас времени на маневр. Как вы знаете, наше судно уникальное, и мы могли бы пройти расстояние за семь часов, если нужно. Я беру с запасом.

— Очень разумно, — сказал Радл, — потому что мы с полковником Штайнером решили изменить приказ. Я хочу, чтобы вы находились вблизи мыса и были готовы подобрать людей в промежутке от девяти до десяти. Окончательные инструкции о подходе вы получите от Девлина по радиотелефону. Следуйте его указаниям.

— Хорошо, господин полковник.

— Под покровом темноты для вас особой опасности нет, — сказал Штайнер и улыбнулся. — В конце концов, это же британский корабль.

В ответ Кениг улыбнулся, открыл дверцу штурманского стола и достал белый вымпел британских ВМС: "Не забудьте, что мы пойдем под этим вымпелом".

Радл кивнул: "С момента выхода должна быть радиотишина."

Ни при каких обстоятельствах не нарушайте ее, пока не услышите Девлина. Код вы, конечно, знаете".

— Да, господин полковник.

Кениг вел себя очень вежливо, и Радл хлопнул его по плечу: "Знаю, знаю, для вас я нервный старикан. Увидимся завтра, перед тем как вы выйдете в путь. С полковником Штайнером лучше попрощайтесь сейчас".

Штайнер пожал обоим руки: "Не знаю, что и сказать, только, ради бога, будьте вовремя".

Кениг красиво, по-флотски, отдал честь: "Встретимся на берегу, господин полковник, обещаю".

Штайнер криво усмехнулся: "Надеюсь, черт возьми". И вышел вслед за Радлом.

Когда они шли по пирсу к машине, Радл спросил: "Ну, Курт, получится?"

В этот момент со стороны песчаных дюн показались Вернер Бригель и Герхард Клугл. На них было пончо, на шее у Бригеля висел полевой цейссовский бинокль.

— Давайте спросим их, — предложил Штайнер и крикнул по-английски: "Рядовой Куницки! Рядовой Моцар! Сюда, пожалуйста!" Бригель и Клугл тотчас же подошли. Штайнер спокойно оглядел их и продолжал по-английски: "Кто я такой?"

— Полковник Говард Картер, командующий Польским независимым парашютным отрядом, Полк воздушной спецслужбы, — четко отрапортовал Бригель на хорошем английском языке.

Радл повернулся с улыбкой к Штайнеру: "Я поражен".

Штайнер спросил: "Что вы здесь делаете?"

— Главный сержант Брандт, — начал Бригель и торопливо поправился, — главный сержант Круцек приказал нам отдохнуть. — Он помедлил и добавил по-немецки: — Мы ищем береговых ласточек, господин полковник.

— Береговых ласточек? — переспросил Штайнер.

— Да, их легко отличить. Ярчайшая черно-желтая расцветка головки и шеи.

Штайнер расхохотался: "Видите, дорогой Макс? Разве мы можем потерпеть неудачу?"

Но природа, казалось, была полна решимости заставить их потерпеть неудачу. Когда стемнело, большую часть Западной Европы все еще окутывал туман. В Ландсвоорте Герике начиная с шести часов неоднократно проверял взлетную полосу.

— Видите ли, нет ветра, — сказал он Штайнеру и Радлу. — Чтобы сдуть эту проклятую кашу, нам нужен сильный ветер.

По ту сторону Северного моря дела обстояли не лучше. В своем тайнике на чердаке сидела в наушниках у приемника Джоанна Грей и, чтобы убить время, читала книгу, которую дал ей Верекер. В ней Уинстон Черчилль рассказывал, как он сбежал из лагеря военнопленных во время Бурской войны. Рассказ был действительно увлекательным, и помимо воли она почувствовала восхищение.

Девлин в Хобс Энде следил за погодой так же внимательно, как и Герике. Ничего не менялось, и туман казался таким же непроницаемым, как и до сих пор. В десять часов Девлин в четвертый раз за вечер прошел вдоль дамбы к берегу, но все, казалось, оставалось по-прежнему.

Он посветил в темноту фонариком, покачал головой и тихо пробурчал себе под нос: "Хорошая ночь для грязной работы — вот все, что можно сказать".

Похоже было, что вся операция лопнет, — такой вывод напрашивался и в Ландсвоорте. "Вы хотите сказать, что не можете подняться?" — загремел Радл, когда молодой капитан вернулся в ангар после очередной проверки.

— В этом проблемы нет, — сказал ему Герике, — я могу подняться вслепую. Это и не опасно в стране с таким плоским рельефом. Трудность ожидает на той стороне. Я не могу просто сбросить ребят и надеяться на лучшее. Мы ведь можем в тот момент еще лететь над морем. Мне хоть на секунду надо увидеть цель.

Бомлер открыл глазок в одной из больших дверей ангара и посмотрел в него. "Господин капитан!" — позвал он.

Герике подошел к нему: "Что такое?"

— Смотрите сами.

Герике вышел за порог, Бомлер включил наружное освещение, и, несмотря на его тусклость, Герике увидел, что туман распадается на странные фигуры. Что-то холодное коснулось его щеки. "Ветер! — закричал он. — Господи, ветер!"

В сплошной пелене вдруг образовался разрыв, и на мгновение стал виден дом. Смутно, но виден. "Летим?" — спросил Бомлер.

— Да, — ответил Герике, — не откладывая, — и он кинулся в ангар, чтобы сообщить об этом Штайнеру и Радлу.

Двадцать минут спустя, ровно в одиннадцать, Джоанна Грей внезапно выпрямилась — в наушниках зашумело. Она уронила книгу, взяла карандаш и начала записывать сообщение в ле-

жащем перед ней блокноте. Оно было очень кратким, расшифровка его заняла секунды. Джоанна смотрела на него, совершенно ошеломленная, затем послала подтверждение.

Она быстро спустилась вниз и надела дубленку. Собака фыркала у ее ног. "Нет, Пэч, не сейчас", — сказала Джоанна.

Из-за тумана ей пришлось ехать осторожно, и она въехала во двор Хобс Энда только через двадцать минут. Девлин собирал свое снаряжение на кухонном столе, когда услышал шум машины. Он быстро взял маузер и вышел в коридор.

— Это я, Лаям, — позвала она.

Он открыл дверь, и она проскользнула внутрь.

— Только что я получила сообщение из Ландсворта, отправленное ровно в одиннадцать, — сказала Джоанна. — Орел взлетел.

Девлин глядел на нее, пораженный: "Они, должно быть, свихнулись. На берегу гороховый суп".

— Когда я поворачивала к дамбе, мне показалось, что стало немного яснее.

Он быстро вышел и открыл входную дверь. Через мгновение вернулся, бледный от волнения: "Со стороны моря поднимается ветер, еще не сильный, но может покрепчать".

— Как вы думаете, он не перестанет?

— Бог знает. — "Стен" был собран, и Девлин вручил его Джоанне. — Умеете с ним обращаться?

— Конечно.

Он взял набитый рюкзак и закинул за плечи: "Тогда приступим. У нас много работы. Если вы указали время правильно, они будут на берегу через сорок минут. — В коридоре Девлин хрипло рассмеялся: — Ей-богу, они это всерьез, молодцы".

Он открыл дверь, и оба нырнули в туман.

— На твоём месте, я бы закрыл глаза, — весело сказал Герике Бомлеру, стараясь перекричать шум разогреваемых моторов. — Этот взлет будет довольно-таки жутким.

Огни вдоль взлетной полосы были зажжены, но видны были только несколько первых. Видимость все еще не более сорока — пятидесяти ярдов. Дверь открылась, и в кабину просунулась голова Штайнера.

— Все привязано? — спросил Герике.

— Всё и все. Мы готовы.

— Хорошо. Не хочу быть паникером, но должен сказать, что может случиться что угодно, и весьма возможно случится.

Он прибавил обороты. Штайнер усмехнулся и закричал, стараясь перекрыть рев мотора: "Мы вам полностью доверяем". Он закрыл дверь. Герике немедленно прибавил газ и отпустил

самолет. Нырок в серую стену был, пожалуй, самым страшным за всю его жизнь. Чтобы подняться, самолету нужен был разбег в несколько сот ярдов и скорость около восьмидесяти миль в час.

"Господи, — думал Герике, — неужели получилось, неужели наконец пошли?"

Вибрация казалась невыносимой. Герике чуть-чуть дал ручку от себя, и хвост самолета поднялся. Машина под действием ветра слегка наклонилась на правый борт, но Герике выпрямил ее.

Рев моторов, казалось, наполнил ночь. На скорости в восемьдесят миль Герике немного откинулся, но продолжал жать на ручку. Его вдруг охватило странное, шестое, чувство, порожденное несколькими тысячами часов, которые он налетал, то самое чувство, которое возникает, когда все идет нормально. Он потянул ручку на себя.

— Пошли! — закричал он.

Бомлер напряженно ожидал, вцепившись в рычаг шасси. И вдруг они оказались в воздухе. Герике вел машину прямо на серую стену, отказываясь сбавлять газ до последнего момента. Когда на высоте пятисот футов самолет вышел из тумана, Герике заложил вираж, и самолет полетел над морем.

Макс Радл сидел в машине перед ангаром, потрясенно глядя в туман. "Великий боже, — шептал он, — он взлетел!"

Он просидел еще минуту, слушая, как шум мотора замирает вдаль, и кивнул Витту, который был за баранкой: "Как можно быстрее к дому, сержант. Мне надо успеть кое-что сделать".

В "дакоте" напряжению не было нужды ослабевать. Его просто не было. Все разговаривали тихими голосами со спокойствием ветеранов, которые привычно делали свое дело, ставшее их второй натурой. Никому из группы не позволялось иметь при себе немецкие сигареты, и Риттер Нойманн и Штайнер выдавали каждому по одной.

Альтманн сказал: "Ну, я вам скажу, этот капитан — настоящий летчик. Подняться в такой туман мог только настоящий ас".

Штайнер повернулся к Престону, сидящему последним в цепочке. "Сигарету, лейтенант?" — спросил он по-английски.

— Большое спасибо, сэр, пожалуй, выкурю, — ответил Престон прекрасно поставленным голосом, что предполагало, что он опять играет капитана гвардейского полка.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Штайнер.

— Я в отличном настроении, сэр, — спокойно ответил Престон. — Не могу дожидаться, когда прыгну.

Штайнер мысленно махнул рукой и пошел в кабину пилота, где Бомлер наливал Герике кофе из термоса. Самолет летел на высоте две тысячи футов. Сквозь редкие разрывы в облаках видны были звезды и бледный серп луны. Внизу туман стлался по морю, как дым в домне. Эффектное зрелище!

— Как дела? — спросил Штайнер.

— Прекрасно. Осталось тридцать минут. Правда, ветер слаб. Видимо, узлов пять.

Штайнер посмотрел вниз, как в котел. "Как вы думаете, прояснится к тому моменту, когда вы начнете спускаться?"

— Кто знает? — усмехнулся Герике. — Возможно, я окажусь на земле вместе с вами.

В этот момент Бомлер, который сидел перед экраном радара, взволнованно ахнул: "Петер, тут что-то появилось".

Они вошли в тучу, и Штайнер спросил: "Что бы это могло быть?"

— Возможно, ночной истребитель, отбившийся от своих, — сказал Герике. — Молитесь, чтобы это был не наш. А то он нас живо взорвет.

Через несколько мгновений Штайнер ясно увидел двухмоторный самолет, закладывающий правый вираж.

— "Москито", — сказал Герике и спокойно добавил: — Надеюсь, он, встретив друга, узнает его.

"Москито" еще несколько мгновений шел с ними параллельным курсом, затем помахал крыльями, сделал правый вираж и скрылся в тучах на большой скорости.

— Видите, — улыбнулся Герике Штайнеру. — Все, что надо, — это жить правильно. Лучше идите к своим парням и проверьте, готовы ли они. Если все пойдет нормально, мы услышим Девлина за двадцать миль до места. Я вас позову. А теперь выметайтесь отсюда. Бомлеру надо сделать кое-какие расчеты.

Штайнер вернулся в салон и сел рядом с Риттером Нойманном. "Уже скоро", — Нойманн протянул Штайнеру сигарету.

— Большое спасибо, — сказал Штайнер, — как раз то, что мне нужно.

На берегу было холодно, прилив уже залил песок на две трети полосы. Чтобы согреться, Девлин беспокойно ходил взад-вперед. В правой руке он держал включенный приемник. Без десяти двенадцать Джоанна Грей, которая пряталась от дождя под деревом, подошла к Девлину.

— Они уже должны быть близко.

Как бы в ответ на эти слова в приемнике затрещало, и голос Петера Герике поразительно ясно произнес: "Это "Орел", вы слышите меня, "Странник"?"

Джоанна Грей схватила Девлина за руку. Он стряхнул ее руку и сказал в передатчик: "Громко и ясно".

— Доложите, пожалуйста, обстановку над гнездом.

— Видимость плохая, — ответил Девлин, — сто-сто пятьдесят ярдов, ветер свежее.

— Благодарю, "Странник". Расчетное время прибытия шесть минут.

Девлин сунул радиотелефон Джоанне: "Держите связь, пока я расставлю лампы". Он достал из рюкзака десяток ламп и быстро расставил их на берегу с интервалом в пятнадцать ярдов по направлению ветра и поочередно зажигая их. Затем повернулся и пошел параллельно огням на расстоянии двадцати ярдов от них.

Вернувшись к Джоанне, он вытащил мощный фонарь и вытер пот со лба.

— А, проклятый туман, — забеспокоилась она. — Они нас не увидят, знаю, что не увидят.

Впервые за все время она сорвалась, и он успокаивающе дотронулся до ее руки: — Спокойно, девочка.

Вдали очень тихо слышался шум мотора.

"Дакота" опустилась до высоты тысячи футов и продолжала спускаться сквозь клочья тумана. Герике сказал через плечо: "У меня нет маневра, прыгать надо на первом заходе".

— Спрыгнем, — уверил его Штайнер.

— Повезло, господин полковник. Не забудьте, у меня в Ландсворте на льду бутылка "Дом Периньон". Мы разопьем ее вместе в воскресенье утром.

Штайнер хлопнул его по плечу, вышел в салон самолета и кивнул Риттеру, который отдал команду. Парашютисты встали и прикрепили карабины к фалу. Брандт открыл дверь, и когда в салон ворвался холодный воздух с туманом, Штайнер прошел по всей цепочке, проверяя каждого человека.

Герике спустил самолет так низко, что Бомлеру видны были белые барашки на волнах, бьющихся в темноте о берег. А впереди были туман и темнота. "Давай! — прошептал Бомлер, ударив кулаком по колену. — Давай, черт побери!"

И тут как будто вмешалась невидимая сила: неожиданный порыв ветра прорвал серую завесу, и в темноте ночи немного справа стали ясно видны параллельные ряды ламп Девлина.

Герике кивнул. Бомлер нажал выключатель, и над головой Штайнера вспыхнул красный свет. "Готов!" — крикнул он.

Герике заложил правый вираж и убрал газ настолько, что спидометр показал сто миль. Самолет летел над берегом на высоте триста пятьдесят футов. Вспыхнул зеленый свет. В темноту прыгнул Риттер Нойманн, за ним Брандт, затем и остальные. Вдыхая ветер и резкий запах моря, Штайнер ждал, что Престон будет медлить. Но англичанин шагнул в пустоту без колебаний. "Хорошая примета", — подумал Штайнер и прыгнул вслед за ним.

Выглянув в салон, Бомлер тронул Герике за руку: "Все спрыгнули, Петер. Пойду закрою дверь".

Герике кивнул и повернул самолет в сторону моря. На прошло и пяти минут, как затрещал приемник, и голос Девлина ясно сказал: "Все птенцы благополучно в гнезде".

Герике взял микрофон: "Спасибо, "Странник". Счастливо!" И, обратившись к Бромлеру, сказал: "Передай это в Ландсвоорт немедленно. Радл должно быть, этот час ходит как по раскаленным углям".

Гиммлер работал в своем кабинете один при свете настольной лампы. Свет еле горел, в комнате было довольно холодно, но Гиммлер продолжал писать, не замечая ни того, ни другого. Раздался негромкий стук в дверь, и вошел Россман.

Гиммлер поднял голову: "Что такое?"

— Только что получили сообщение от Радла из Ландсвоорта, господин рейхсфюрер. "Орел" приземлился.

— Благодарю вас, Россман. Держите меня в курсе, — в голосе Гиммлера не отразилось никаких эмоций.

— Слушаюсь, господин рейхсфюрер.

Девлин, Штайнер и Джоанна Грей стояли у стола, рассматривая крупномасштабную карту района. "Вот здесь, позади церкви Святой Марии, — говорил Девлин, — Лужайка Старухи. Она принадлежит церкви, и сарай там в настоящий момент пуст".

— Вы займете его завтра, — сказала Джоанна Грей Штайнеру. — Проведайте отца Верекера и скажите ему, что вы здесь на учениях и хотите провести ночь в сарае.

— Вы уверены, что он согласится? — спросил Штайнер.

Джоанна кивнула: "Без сомнения. Такие вещи происходят постоянно. Солдаты появляются то на учениях, то на форсированном марше и исчезают. Никто по-настоящему не знает, кто они. Десять месяцев назад тут проходила чехословацкая часть,

и даже офицеры в ней могли сказать по-английски лишь несколько слов".

— И еще, — добавил Девлин. — Верекер был капелланом в парашютно-десантных войсках в Тунисе, поэтому он из кожи вон будет лезть, чтобы помочь, когда увидит красные береты.

— Что касается Верекера, то в нашу пользу есть даже более веский довод, — сказала Джоанна. — Верекер знает, что премьер-министр проводит уик-энд в Стадли Грэндже, и это льет воду на нашу мельницу. Сэр Генри проговорился на днях, когда слишком много выпил у меня дома. Конечно, Верекер поклялся молчать. Даже своей сестре рассказать не может, пока великий человек не уедет.

— А как это поможет нам? — спросил Штайнер.

— Да просто, — сказал Девлин. — Вы скажете, что прибыли сюда на уик-энд на учения. И при обычных-то обстоятельствах он воспринял бы это просто как факт. Но не забудьте, теперь он знает, что Черчилль посетит это место инкогнито, поэтому как еще объяснить присутствие боевой части, кроме как соображениями безопасности?

— Конечно, — сказал Штайнер. — Часть спецбезопасности.

— Верно, — кивнула Джоанна Грей. — Еще один аргумент в нашу пользу. Завтра вечером сэр Генри дает небольшой обед в честь премьер-министра. — Она улыбнулась и поправила: — Простите, сегодня вечером. На восемь персон, в девятнадцать тридцать, и я приглашена. Я поеду только затем, чтобы извиниться, что не смогу присутствовать. Ну, скажем, что меня срочно вызвали на ночное дежурство в штаб Женских добровольных служб. Это случалось и раньше, поэтому сэр Генри и леди Уиллафби примут как должное. Конечно, если мы встретимся вблизи Грэнджа, то я смогу точно обрисовать вам размещение всех людей.

— Отлично, — сказал Штайнер. — С каждой минутой дело кажется все более правдоподобным.

Джоанна Грей заспешила: "Я должна идти".

Девлин принес ее пальто. Штайнер взял его и галантно держал перед ней: "Вам не опасно ездить здесь одной в эти предутренние часы?"

— Господи, конечно нет, — улыбнулась Джоанна. — Я член автомобильного отряда Женских добровольных служб. Поэтому мне предоставлено право ездить на машине, что, правда, влечет за собой обязанность оказывать экстренную помощь в деревне и округе. Мне часто приходится рано утром возить людей в госпиталь. Мои соседи привыкли к этому.

Открылась дверь, и вошел Риттер Нойманн. На нем был маскировочный костюм парашютиста, а на красном берете — значок САС с кинжалом и крыльями.

– Все в порядке? – спросил Штайнер.

Риттер кивнул: "Все устроены на ночь. Одно только вызывает недовольство – нет сигарет".

– Ну ясно. Я же знала, что что-то забыла. Я оставила их в машине. – Джоанна поспешила на улицу.

Через несколько минут она вернулась и положила на стол две упаковки "Плейер" по пятьсот пачек сигарет и по двадцать штук в каждой.

– Матерь божья, – поразился Девлин. – Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное? Это же чистое золото. Откуда они?

– Со складов Женской добровольной службы. Видите, к прочим своим достоинствам я еще прибавила воровство. – Она улыбнулась. – А теперь, джентльмены, я должна вас покинуть. Мы встретимся снова – случайно, конечно, – завтра, когда вы будете в деревне.

Штайнер и Нойманн отдали честь, а Девлин проводил ее до машины. Когда он вернулся, оба немца уже открыли одну из упаковок и курили у огня.

– Я тоже возьму пару пачек, – сказал Девлин.

Штайнер подал ему огонь: "Миссис Грей – выдающаяся женщина. Кого вы оставили за главного, Риттер? Престона или Брандта?"

– Я знаю, кто считает себя главным.

Раздался тихий стук в дверь, и вошел Престон. Маскировочная куртка, револьвер в кобуре на поясе, красный берет, надетый набок под точно положенным углом, – все это делало его еще более красивым, чем обычно.

– А, – сказал Девлин, – мне нравится. Очень лихо. Ну как ты, сынок? Счастлив снова попить родную землю, так?

По выражению лица Престона было видно, что Девлин напомнил о чем-то, что необходимо было стереть из памяти. "Вы мне показались не слишком интересным в Берлине. А сейчас и подавно. Я бы не возражал, если бы вы перенесли свое внимание на какой-нибудь другой объект".

– Господи, кого это он сейчас играет, черт побери? – удивился Девлин.

Престон обратился к Штайнеру: "Будут какие-нибудь приказания, сэр?"

Штайнер взял обе упаковки с сигаретами и вручил ему: "Буду вам очень обязан, если вы раздадите их солдатам".

– Они вас за это полюбят, – вставил Девлин.

Престон проигнорировал его слова, взял упаковки и ловко отковырял: "Очень хорошо, сэр".

Атмосфера в "дакоте" была воистину эйфорической. Полет обратно проходил совершенно без инцидентов. Самолет был уже в тридцати милях от голландского берега. Бомлер открыл термос и налил Герике кофе. "Дома и сухие", – сказал он.

Герике весело кивнул. Но внезапно улыбка сошла с его лица. В наушниках он услышал знакомый голос. Ганс Бергер – диспетчер его старой части № 167.

Бомлер тронул его за плечо: "Это ведь Бергер?"

– А кто же еще? – сказал Герике. – Ты слышал его часто.

– Поверните на курс 083 градуса, – протрещал сквозь разряды голос Бергера.

– Похоже, он направляет ночного истребителя на цель, – сказал Бомлер, – в нашу сторону.

– До цели пять километров.

Вдруг голос Бергера зазвучал как удар молотка по последнему гвоздю в крышке гроба – четкий, ясный, окончательный.

У Герике внутри все сжалось, ощущение по силе было почти сексуальным. Он не испугался. Как будто после стольких лет погони за смертью он теперь стремился к ней в объятия.

Бомлер конвульсивно схватил его за руку. "Это мы, Петер!" – закричал он. – Цель – это мы!"

Когда снаряд влетел снизу в кабину, разрывая приборную доску и разбив в осколки лобовое стекло, "дакота" яростно закачалась из стороны в сторону. Шрапнелью оторвало часть правой ноги Герике и раздробило ему левую руку. Мозг точно обрисовал ему, что произошло. "Наклонная музыка", нанесенная снизу одним из его товарищей, – на этот раз получил эту музыку он.

Герике судорожно вцепился в ручку и изо всех сил потянул ее на себя, когда "дакота" начала падать. Бомлер делал безуспешные попытки встать на ноги, кровь заливала ему лицо.

– Прыгай! – закричал Герике, стараясь пересилить свист ветра, врывающегося сквозь выбитое лобовое стекло. – Я долго не удержу машину!

Бомлер встал и попытался что-то сказать. Герике резко взмахнул левой рукой и ударил его по лицу. Боль в руке была нечеловеческой, и он снова бешено закричал: "Пошел! Это приказ!"

Бомлер пошел к двери в конец салона. Самолет был в чудовищном состоянии: фюзеляж пробит в нескольких местах, и осколки его кружились в салоне. Бомлер почувствовал запах дыма и горящего масла. Паника прибавила ему силы, когда он безуспешно пытался открыть дверь, которую заело.

"Господи боже мой, не дай мне стореть, – думал он. – Все, что угодно, только не это". – Вдруг дверь поддалась, и он выпал в ночь.

"Дакота" вошла в штопор. Бомлер сделал сальто и со страшной силой ударился головой о хвост, но правой рукой инстинктивно вцепился в металлическое кольцо. Он потянул его в момент смерти. Парашют раскрылся, как странный бледный цветок, и нежно понес Бомлера во тьму.

"Дакота" еще летела, теперь уже вниз, правый мотор горел, пламя распространялось по крылу, добираясь до фюзеляжа. Герике сидел за рулем, все еще стараясь удержать самолет, не замечая, что левая рука перебита в двух местах.

Глаза его были залиты кровью. Он слабо засмеялся, пытаясь что-то увидеть сквозь дым и кровь. Надо же так умереть! Не будет теперь визита в Каринхалле, не получит он "Рыцарского креста". Его отец будет разочарован. Хотя могут наградить этим проклятым крестом посмертно.

Внезапно дым рассеялся, и сквозь клочки тумана Герике увидел море. Голландский берег должен быть где-то рядом. Внизу находились корабли, кажется два. Цепочка трассирующих пуль потянулась к нему. Какой-то чертов торпедный катер показывал зубы. Все это выглядело очень забавно. Герике попытался пошевелиться в кресле и понял, что левую ногу заклинило осколком фюзеляжа. Но это не имело уже никакого значения, потому что он был слишком низко, чтобы прыгать. Он был на высоте лишь трехсот футов и видел, что торпедный катер слева охотится за ним, как гончая, обстреливая его из всех орудий, и снаряды рвались в "дакоте" один за другим.

— Ублюдки! — закричал Герике. — Идиоты! — Он снова слабо засмеялся и тихо спросил, как будто Бомлер все еще сидел слева от него: — С кем же я все-таки воюю, черт побери?

Неожиданно резкий порыв ветра снова разорвал дым, и Герике увидел не более чем в сотне футов стремительно приближающееся море.

В этот момент — единственный раз в жизни, когда ему действительно это стало важно, — он проявил себя асом. Его пронзил мощный инстинкт самосохранения, который придал ему новые силы. Герике потянул ручку и, несмотря на чудовищную боль в левой руке, дал газ и опустил элероны.

"Дакота" почти остановилась, затем хвост ее начал падать. Герике нажал на газ, чтобы выпрямить машину, и со всей силы навалился на ручку. Самолет три раза ударился о воду, скользя по поверхности подобно гигантской доске, и остановился. Горящий мотор сердито зашипел, когда на него налетела волна.

Мгновение Герике сидел неподвижно. Все делал неправильно, не по инструкции, но тем не менее вопреки всем и вся сделал, что надо. Ноги его находились в воде. Он попытался встать, но левую ногу заклинило наглухо. Герике снял пожарный топорик,

висевший справа, и со всей силы ударил по осколку фюзеляжа и по ноге, разрубив лодыжку. Но он уже ничего не соображал.

Герике не удивился, что встал и что нога освободилась. Он без труда открыл капот и выпал в воду, потянув за кольцо спасательного жилета. Жилет быстро наполнился воздухом. Герике оттолкнулся от крыла, "дакота" начала тонуть.

Когда подошел торпедный катер, Герике даже не потрудился повернуть голову — он наблюдал, как тонет "дакота".

— Ты молодец, старушка, молодец, — прошептал он.

Рядом с ним в воду плюхнулся конец, и кто-то крикнул по-английски с сильным немецким акцентом: "Хватайся, томми, мы тебя вытянем. Ты теперь в безопасности".

Герике посмотрел на молодого немецкого морского лейтенанта и моряков, перегнувшихся через перила над ним.

— В безопасности, да? — рявкнул он по-немецки. — Вы идиоты и ублюдки, я же на вашей стороне.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Было уже больше десяти часов в воскресенье утром, когда Молли поехала верхом по полям в направлении Хобс Энда. Ливень, хлеставший всю ночь, сменился легким моросящим дождем, но болото все еще было окутано туманом.

Молли встала рано и уже хорошо поработала: накормила скотину, сама подоила коров, потому что Лейкеру Армсби надо было рыть могилу. Решение съездить на болото пришло к ней неожиданно. Она не могла ждать, когда Девлин заедет за ней, несмотря на данное ему обещание, ее объял ужас, что с ним что-то случилось. Тем, кого ловили на операциях на черном рынке, давали большие сроки тюремного заключения.

Она направила лошадь в болото, чтобы подъехать к дому сзади, со стороны камышовых зарослей, и предоставила лошади самой выбирать дорогу. Грязная вода доходила лошади до брюха и набиралась даже в высокие сапоги Молли. Но девушка не обращала на это внимания. Она перегнулась через шею лошади, чтобы разглядеть что-нибудь в тумане. И вдруг почувствовала запах дыма. Вот из гумана показались сарай и дом, и из трубы действительно шел дым.

Молли заколебалась, не зная, что делать. Лам был дома, по-видимому, вернулся раньше, чем предполагал, но, если она сейчас войдет, он подумает, что она снова что-то разнюхивает. Молли прищипорила лошадь и начала разворачиваться.

В сарае солдаты готовились к выходу. Брандт и унтер-офицер Альтманн руководили установкой на "джиге" тяжело-

го пулемета М2. Престон стоял, заложив руки за спину, и наблюдал за ними с таким видом, будто именно он руководил работой.

Вернер Бригель и Клугл приоткрыли одну из ставен, и Вернер рассматривал в полевой цейссовский бинокль болото. В зарослях и на заросших тростником дамбах сидели птицы. Их было вполне достаточно, чтобы удовлетворить даже его интерес, — поганки, белые шотландские куропатки, большой кроншнеп, свистухи, черные казарки.

— Вот хорошая птица, — сказал он Клуглу, — зеленый болотный кулик. Она здесь пролетом обычно осенью, но иногда здесь зимует. — Бригель продолжал обзор, и тут в его поле зрения оказалась Молли. — Господи, за нами следят.

Мгновенно Бранд и Престон подскочили к нему. Престон сказал: "Я ее приведу" — и побежал к двери.

Бранд хотел схватить его, но опоздал. В несколько прыжков Престон пересек двор и вбежал в камыши. Молли повернулась к нему и натянула поводья. Первая ее мысль была, что это Девлин. Престон успел схватить поводья, и она с удивлением посмотрела на него.

— Пошли.

Престон протянул руку, но Молли попыталась повернуть лошадь: "Эй, оставь меня. Я ничего не сделала".

Он схватил ее за правую руку и стянул с седла, подхватив на лету. "Посмотрим, посмотрим".

Она сопротивлялась, и он, сжав ее крепче, перекинул через плечо и понес по камышам к сараю. Молли брыкалась и кричала. Девлин еще на рассвете осмотрел берег, чтобы убедиться, что прилив смыл все следы ночной деятельности парашютистов. После завтрака он пошел со Штайнером снова на берег, чтобы показать ему ту часть района, откуда их должны были забрать. Они возвращались, когда в тридцати ярдах от дома из болота появился Престон, неся на плече девушку.

— Что это? — требовательно спросил Штайнер Девлина.

— Это Молли Прайор, о которой я вам рассказывал.

Девлин помчался к дому и вбежал во двор в тот момент, когда Престон подошел к двери.

— Отпусти ее, черт тебя побери! — закричал Девлин.

Престон обернулся: "Я вам не подчиняюсь".

Но Штайнер, бежавший вслед за Девлином, пришел на помощь. "Лейтенант Престон, — крикнул он металлическим голосом, — немедленно отпустите леди".

Престон помедлил и неохотно отпустил Молли. Она тут же дала ему пощечину. "Убери свои руки, ты, говнюк", — крикнула Молли.

В сарае раздался хохот, и сквозь открытую дверь Молли увидела ряд ухмыляющихся лиц, а за ними грузовик и "джип" с установленным пулеметом.

Девлин оттолкнул Престона: "Он тебе не сделал больно, Молли?"

— Лаям, — растерянно сказала она. — Что это? Что здесь происходит?

Вмешался Штайнер. Он поставил все на свои места, сделал это очень естественно. "Лейтенант Престон, — холодно произнес он. — Вы немедленно извинитесь перед молодой леди". Престон поколебался, и Штайнер внушительно повторил: "Немедленно, лейтенант!"

Престон щелкнул каблуками: "Покорно прошу прощения, мэм. Ошибка вышла", — сказал он с некоторой иронией и вошел в сарай.

Штайнер торжественно отдал честь: "Не могу выразить вам, как я огорчен всем этим неприятным делом".

— Это полковник Картер, Молли, — объяснил Девлин.

— Польского независимого парашютного отряда, — добавил Штайнер. — Мы здесь для тактических учений, и, боюсь, лейтенант Престон слишком увлекается, когда дело касается безопасности.

Молли растерялась еще больше. "Но, Лаям..." — начала она.

Девлин взял ее под руку. "Пошли, поймем твою лошадь и посадим тебя в седло. — Он подтолкнул ее в сторону болота, где лошадь мирно пощипывала траву. — Видишь, что ты наделала? — выговаривал он ей. — Разве я не велел тебе ждать, пока не заеду за тобой во второй половине дня? Когда ты научишься не совать нос в дела, которые тебя не касаются?"

— Но я не понимаю, — сказала она. — Парашютисты, и грузовик, и "джип", которые ты красил...

Он яростно схватил ее за руку: "Ради бога, Молли, помни о безопасности. Ты что, не поняла, что тебе говорил полковник? А почему, ты думаешь, лейтенант так реагировал? У них здесь особая миссия. Ты все узнаешь, когда они уедут, но пока это совершенно секретно, и ты не должна ни одной живой душе говорить, что видела их здесь. Поклянись своей любовью ко мне".

Она глядела на него, и в глазах ее появилось понимание.

— Теперь мне понятно, — сказала она. — Все, что ты делал, ночные поездки и так далее. Я-то думала, что это связано с черным рынком, а ты не возражал. Я ошибалась. Значит, ты все еще в армии?

— Да, — сказал он, и в его словах была доля правды, — боюсь, что так.

Глаза ее сияли. "О, Лаям, сможешь ты когда-нибудь простить меня за то, что я считала тебя дешевым мошенником, спекулирующим шелковыми чулками и виски в близлежащих пабах?"

Девлин глубоко вздохнул и вымученно улыбнулся: "Подумаю об этом. Теперь будь хорошей девочкой, поезжай домой и жди, пока я приду, сколько бы ни пришлось ждать".

— Обязательно, Лаям, буду ждать.

Она обняла его, поцеловала и вскочила в седло. Девлин сказал: "Не забудь, ни слова".

— Можешь на меня положиться.

Молли прищипорила лошадь и исчезла в камышах.

Девлин быстро пересек двор. Около Штайнера стоял Риттер. Полковник спросил: "Ну как?"

Девлин прошел мимо него в сарай. Солдаты стояли группами и разговаривали. Престон зажег сигарету, держа в руке горящую спичку. Он поднял глаза и сказал с легкой издевательской улыбкой: "Теперь мы знаем, чем вы занимались последние несколько недель. Хорошая девочка, а, Девлин?"

Девлин размахнулся и так врезал Престону по скуле, что англичанин растянулся на чьей-то подставленной ноге. Штайнер схватил Девлина за руку.

— Убью ублюдка! — воскликнул Девлин.

Штайнер положил ирландцу руку на плечи, и Девлина поразила его сила. "Идите в дом, — спокойно сказал Штайнер. — Я этим займусь".

Девлин смотрел на него, и по его побледневшему лицу было видно, что он может убить. Затем взгляд его немного остыл. Девлин повернулся, вышел во двор и вбежал в дом. Престон поднялся, не отнимая руки от лица. Стояла мертвая тишина.

Штайнер, обращаясь к Престону, сказал: "Этот человек может вас убить, если подвернется случай. Предупреждаю. Если еще раз сделаете что-нибудь подобное и он вас не убьет, я застрелю вас. — Он кивнул Риттеру: — Примите командование".

Когда Штайнер вернулся в дом, Девлин пил ирландское виски. Он обернулся с жалкой улыбкой: "Господи, я бы убил его. Я, должно быть, дошел до точки".

— А как насчет девушки?

— Не беспокойтесь. Она уверена, что я все еще в армии и по уши погружен в государственные тайны. — На лице у него ясно выразилось отвращение к себе. — Ее красавец — так она меня называет. И я действительно ее красавец. — Он начал было наливать еще виски, но раздумал и крепко закупорил бутылку. — Ладно, что теперь?

— Мы двинемся к деревне около полудня и разыграем учение. Я считаю, что вы должны в данный момент держаться подальше. Мы можем снова встретиться вечером, когда стемнеет, ближе к началу операции.

— Конечно, — сказал Девлин. — Джоанна Грей обязательно увидится с вами у деревни где-то во второй половине дня. Скажите ей, что я буду у нее к восемнадцати тридцати. Торпедный катер сможет подойти в любое время с девяти до десяти. Я захвачу с собой радиотелефон, чтобы вы могли связаться с Кенигом прямо с места операции и договориться о точном времени подхода катера в зависимости от хода дела.

— Прекрасно, — одобрил Штайнер и неуверенно добавил: — Есть одно дело.

— Что такое?

— Приказ относительно Черчилля. Он совершенно ясный. Они хотели бы заполучить его живым, но если это невозможно...

— Вы должны всадить в него пулю. В чем же проблема?

— Я не был уверен, нет ли проблемы для вас?

— Абсолютно никакой, — сказал Девлин. — Сейчас мы солдаты и действуем по-солдатски. Это касается и старины Черчилля.

В Лондоне Роган расчищал завалы на своем столе, подумывая о ланче, когда без стука открылась дверь, и вошел Грант. Лицо его было взволнованно. "Только что получено по телепринту, сэр, — он положил сообщение на стол перед Роганом. — Нашли его".

— "Норфолкский полицейский участок, Норвич", — прочитал Роган.

— Там он зарегистрирован, но сейчас находится немного севернее, на побережье Северного Норфолка, около Стадли и Блэки, очень изолированное место.

— Вы знаете тот район? — спросил Роган, читая дальше сообщение.

— Провел дважды каникулы в Шегингеме, когда был мальчишкой, сэр.

— Так он зовется Девлином и работает смотрителем болота у сэра Генри Уиллафби, местного сквайра. Что ж, увидим его. Как далеко это место?

— Думаю, миль двести. — Грант покачал головой: — Что, дьявол поберет, он там задумал?

— Узнаем это довольно скоро. — Роган поднял голову.

— Какой следующий ход, сэр? Поехать в Норфолкский участок и взять его?

— Вы рехнулись? — спросил Роган, пораженный предложением. — Вы что, не знаете эту деревенскую полицию? Дубы. Нет, этим делом мы займемся сами, Фергус. Вы и я. Я уже давно не проводил уик-энд за городом. Это будет приятное разнообразие.

— У вас после ланча встреча у Генерального прокурора, — напомнил ему Грант. — Показания по делу Халлорина.

— Я освобожусь к трем часам, самое позднее в пятнадцать тридцать. Вы возьмите машину и ждите. Мы сможем сразу же отправиться.

— Поставить в известность заместителя комиссара, сэр?

Роган вспыхнул от раздражения: "Ради бога, Фергус, что с вами сегодня? Он ведь в Портсмуте, забыли? Идите".

Не в силах объяснить даже себе странную неохоту заниматься этим делом, Грант сделал над собой усилие: "Хорошо, сэр".

Он взялся за ручку, когда Роган окликнул его:

— Да, Фергус.

— Сэр?

— Зайдите на склад оружия и выберите два браунинга. Этот тип сначала стреляет, а вопросы задает потом.

— Позабочусь об этом, сэр, — сказал Грант слегка дрогнувшим голосом и вышел.

Роган отодвинул стул, подошел к окну и в волнении сцепил пальцы. "Держись, подонок, — тихо сказал он. — Посмотрим, так ли ты хорош, как говорят".

За несколько минут до полудня Филипп Верекер открыл дверь возле лестницы и спустился в погреб. Нога его болела адски, ночью он почти не спал. Сам был виноват. Доктор предложил таблетки морфия, но Верекер страшно боялся стать наркоманом. Поэтому и страдал. Хорошо, что Памела приедет на уик-энд. Она позвонила сегодня рано утром не только подтвердить это, но и сказать, что Гарри Кейн предложил подвезти ее из Пенгбурна. Сэкономит Верекеру не меньше галлона бензина, а это уже кое-что. И Кейн ему нравится. Он почувствовал расположение к нему инстинктивно, что для него было редкостью. Приятно видеть, что Памела наконец проявляет к кому-то интерес.

У основания лестницы на гвозде висел большой фонарь. Верекер снял его, открыл старинный черный дубовый шкаф, вошел в него и закрыл дверь. Он включил фонарь и нащупал тайный механизм. Задняя стенка шкафа отворилась, открыв вход в длинный, темный туннель, на кремневых стенах которого блестели капли влаги.

Это был один из прекрасно сохранившихся в стране экземпляров подобных сооружений, туннель священника, соединяющий его дом с церковью, — след времен, когда при Елизавете Тюдор римская католическая вера подвергалась преследованиям. Секрет этого хода передавался от одного обитателя дома другому. С точки зрения Верекера, это было просто очень большое удобство.

В конце туннеля он поднялся по каменным ступенькам и в удивлении остановился, внимательно прислушиваясь. Да, сомнений не было. Кто-то играл на органе, и играл очень хорошо. Верекер поднялся наверх, открыл дверь — одну из дубовых панелей, которыми была обшита стена в ризнице, — закрыл ее за собой, открыл другую дверь и вошел в церковь.

Когда Верекер шел по проходу, он с удивлением увидел, что за органом сидит сержант парашютно-десантных войск в маскировочной куртке и что на стуле рядом с ним лежит красный берет. Сержант играл прелюд хорала Баха, именно тот, который полагалось играть в это время года, потому что его обычно пели под старый гимн о пришествии — "Сын господний явился".

Ганс Альтманн наслаждался игрой от души. Великолепный инструмент, прелестная церковь. Он поднял глаза и в зеркальце органиста увидел у ступеней алтаря Верекера. Резко перестав играть, Ганс обернулся.

— Простите, отец, я не мог удержаться, — он обвел рукой вокруг. — Не часто получаешь такую возможность в моем... в моем нынешнем качестве. — Английский его был отличный, но с определенным акцентом.

Верекер спросил: "Кто вы?"

— Сержант Эмиль Яновски, отец.

— Поляк?

— Точно, — кивнул Альтманн. — Зашли сюда вместе с командиром, когда искали вас. Вас не застали, поэтому он велел мне подождать, а сам пошел в дом.

Верекер сказал: "Вы очень хорошо играете. Баха следует играть хорошо, о чем я всегда с горечью думаю, когда сажусь на это место".

— А, вы сами играете? — спросил Альтманн.

— Да, — сказал Верекер, — я очень люблю пьесу, которую вы играли.

— Моя любимая. — Альтманн начал петь: "Gott, durch deine Gütte wolst uns arme Leute..."

— Но это же гимн воскресенья троицы, — сказал Верекер.

— Но не в Тюрингии, отец.

В этот момент большая дубовая дверь со скрипом отворилась, и вошел Штайнер.

Он шел по проходу с тросточкой в одной руке и беретом в другой. Сапоги его громко стучали по каменному полу, а в его светлых волосах играли лучи света, падавшие сквозь мрак из верхних окон.

— Отец Верекер?

— Да.

— Говард Картер, командир Польского независимого парашютного отряда из полка авиации особого назначения. — Штайнер повернулся к Альтманну: — Вы вели себя как следует, Яновски?

— Полковник ведь знает, что орган моя большая слабость.

Штайнер усмехнулся. "Подождите меня в доме", — приказал он.

Альтманн ушел, Штайнер поглядел на неф: "Это действительно прекрасно".

Верекер с любопытством смотрел на полковника, разглядывая знаки различия на погонах его куртки. "Да, мы гордимся САС¹. А почему вы и ваши ребята так далеко от вашего обычного театра действий? Я думал, что вы действуете на греческих островах и в Югославии".

— Я тоже так думал, пока с месяц назад командование мудро не решило перебросить нас домой на особые учения, хотя, пожалуй, слово "дом" нам не очень подходит, поскольку все мои парни поляки.

— Как Яновски?

— Не совсем так. Он-то действительно очень хорошо говорит по-английски. Большинство же других, кроме слова "привет" и фразы "не пойдете ли вы со мной сегодня вечером", сказать ничего не могут. — Штайнер улыбнулся. — Парашютисты могут быть очень нахальными, отец. Вечная неприятность с элитными частями.

— Знаю, — сказал Верекер, — сам был таким. Капеллан Первой парашютной бригады.

— Вы? — спросил Штайнер. — Значит, вы служили в Тунисе?

— Да, под Удной, где заработал вот это, — Верекер постучал палкой по своей алюминиевой ноге. — А теперь я здесь.

Штайнер взял его руку и пожал ее: "Приятно познакомиться с вами. Не ожидал ничего подобного".

Верекер улыбнулся своей редкой улыбкой: "Чем могу служить?"

— Разместите нас на ночь, если можно. У вас рядом с церковью есть сарай, который в таких целях уже использовался, если не ошибаюсь.

¹Авиация особого назначения. — Прим. перев.

— Вы здесь на учениях?

Штайнер слегка улыбнулся: "Да, можно сказать и так. Здесь у меня с собой лишь группа людей. Остальные разбросаны по всему Северному Норфолку. Предполагается, что завтра в назначенный час мы помчимся в условленное место, чтобы показать, как быстро можем собраться".

— Значит, вы здесь пробудете только до утра?

— Так точно. Мы постараемся не надоедать, конечно. Возможно, я дам своим парням несколько тактических заданий близ деревни или что-либо в этом роде, чтобы они не бездельничали. Как вы думаете, никто против не будет?

Фраза сработала в точности так, как предсказывал Девлин. Филипп Верекер улыбнулся: "Район Стадли много раз использовался для всякого рода военных маневров, полковник. Мы будем счастливы оказать по возможности любую помощь".

Выйдя из церкви, Альтманн пошел по дороге к тому месту, где стоял грузовик у запертых ворот, за которыми на Лужайке Старухи находился сарай. У ворот кладбища стоял "джип", в котором сидел за рулем Клугл, за пулеметом находился Вернер Бригель.

Вернер направил свой цейссовский бинокль на стаю грачей, сидящую на березах. "Очень интересно, — сказал он Клуглу. — Пожалуй, пойду посмотрю поближе. Пошли?"

Он говорил по-немецки, будучи уверенным, что никого поблизости нет. Клугл ответил тоже по-немецки: "Ты думаешь, можно?"

— А что такого?

Вернер вышел из машины и вошел на кладбище. Клугл неохотно последовал за ним. У западного крыла церкви Лейкер Армсби копал могилу и увидел их в тот момент, когда они пробирались между могилами. Лейкер прекратил работу и вытащил из-за уха недокуренную сигарету.

— Эй, привет! — обратился к нему Вернер.

Лейкер покосился на них: "Иностранцы? А я-то думал, вы англичане, судя по форме".

— Поляки, — сказал ему Вернер. — Вам придется извинить моего друга. Он по-английски не говорит. — Лейкер демонстративно возился с бычком, и немец, поняв намек, вытащил пачку "Плейер". — Угощайтесь.

— Не возражаю. — Глаза Лейкера заблестели.

— Возьмите еще одну.

Повторять Лейкеру не надо было. Он заложил одну сигарету за ухо, вторую закурил и спросил: "Как тебя зовут, парень?"

— Вернер. — Наступила неприятная тишина. Вернер понял свою ошибку и добавил: — Куницы.

— А, — сказал Лейкер. — Всегда думал, что Вернер немецкое имя. Я однажды в 1915 году взял во Франции пленного. Его звали Вернер, Вернер Шмидт.

— Моя мать была немка, — объяснил Вернер.

— В этом ты не виноват, — ответил Лейкер. — Мы не выбираем тех, кто нас производит на свет.

— Можно спросить вас, давно здесь обитает колония грачей?

— Вернер решил переменить тему разговора.

Лейкер удивленно посмотрел на него и уставился на деревья. "С тех пор как я был мальчишкой, это уж точно. А ты птицами интересуешься, что ли?"

— Конечно, — сказал Вернер. — Самые интересные живые существа. В отличие от людей, редко дерутся друг с другом, не знают границ, их дом — весь мир.

Лейкер посмотрел на него как на сумасшедшего и засмеялся: "Валяй дальше. Ну кого волнуют несколько занюханных старых грачей?"

— Но разве они занюханные, друг мой? — спросил Вернер. — Грачи — многочисленные и широко распространенные обитатели Норфолка, это правда. Но многие из них прилетают поздней осенью и зимой аж из России.

— Да брось ты.

— Нет, правда. До войны, например, было обнаружено, что многие грачи в этом районе были окольцованы в Ленинграде.

— Ты хочешь сказать, что некоторые из этих старых грачей, которые сидят у меня над головой, прилетели оттуда? — недоумевал Лейкер.

— Абсолютно точно.

— Вот уж не подумал бы.

— Поэтому, друг мой, в будущем вы должны обращаться с ними со всем уважением, которое они заслужили, как много путешествовавшие леди и джентльмены, — сказал Вернер.

Раздался окрик: "Куницки, Моцар". Они обернулись и увидели Штайнера и священника, стоящих у крыльца церкви. "Мы едем", — крикнул Штайнер. Вернер и Клугл побежали к "джипу".

Штайнер вместе с Верекером пошли по дорожке. Послышался автомобильный гудок, и на холм со стороны деревни въехал еще один "джип". Из него вышла Памела Верекер в форме женских вспомогательных авиационных сил. Вернер и Клугл с одобрением посмотрели на нее, но тут же замерли, увидев по другую сторону машины Гарри Кейна. На нем была пилотка, боевая форма и сапоги парашютиста.

Когда Штайнер и Верекер дошли до калитки, Памела подошла к ним и поцеловала брата в щеку: "Извини, что опоздала, но Гарри хотелось посмотреть Норфолк".

— И ты повезла его по дальней дороге? — с любовью спросил Верекер.

— Но я все же доставил ее сюда, отец, — сказал Кейн.

— Я хочу, чтобы вы познакомились с полковником Картером из Польского независимого парашютного отряда, — сказал Верекер. — Он со своими солдатами здесь на учениях. Они займут сарай на Лужайке Старухи. Моя сестра Памела, полковник, — майор Гарри Кейн, — представил Верекер.

— Двадцать первая особая часть рейнджеров, — Кейн пожал Штайнеру руку. — Мы стоим в Мелтам Хаузе. Я заметил ваших ребят по дороге сюда, полковник. Очень уж вы бросаетесь в глаза в этих красных беретах. Бьюсь об заклад, девушки сходят с ума.

— Бывает, — согласился Штайнер.

— Поляки? У нас в части тоже есть два поляка. Например Круковски. Он из Чикаго. Родился и вырос там, но по-польски говорит не хуже, чем по-английски. Забавный народ. Может, нам можно будет собраться?

— Боюсь, что нет, — сказал Штайнер. — У нас особый приказ. Учения сегодня днем и вечером, а завтра двинемся навстречу остальным частям под моим командованием. Вы ведь знаете, как это бывает.

— Конечно, сам точно в таком же положении. — Кейн посмотрел на часы. — По правде говоря, если я не объявлюсь в Мелтам Хаузе через двадцать минут, полковник прикажет меня расстрелять.

Штайнер светским тоном сказал: "Рад был с вами познакомиться. Мисс Верекер. Отец". — Он сел в "джип" и сделал знак Клуглу ехать.

— Постарайся запомнить, Клугл, здесь ездят по левой стороне, — спокойно напомнил Штайнер, когда они отъехали на значительное расстояние от церкви.

Стены сарая были местами толщиной фута три. По традиции в средние века сарай был составной частью дома феодала. Этот сарай, безусловно, отвечал своему предназначению. В нем стоял обычный запах сена и мышей. В углу — сломанная телега. Свет проникал через окна большого сеновала с выбитыми стеклами.

Грузовик и одного охранника оставили во дворе, а "джип" загнали в сарай. Забравшись на "джип", Штайнер, обращаясь к группе, сказал: "Пока все идет хорошо. С этого момента вы должны вести себя совершенно естественно. Первое: выставите

полевую кухню и сварите обед. — Он посмотрел на часы. — Это займет нас до трех часов. Затем небольшие учения — мы же здесь для этого, и люди ожидают их увидеть. Тактика пехоты в поле, у реки, среди домов. Еще одно: будьте осторожны, когда говорите по-немецки. Говорите тихо. Во время полевых учений пользуйтесь как можно больше знаками. Все приказы отдаются, конечно, по-английски. Полевыми телефонами пользоваться только в экстренных случаях, повторяю — в экстренных! Старший лейтенант Нойманн обучит старших групп необходимым знакам”.

Брандт спросил: “Что делать, если люди попытаются заговорить с нами?”

— Притвориться, что не понимаете, даже если вы хорошо знаете английский. Это лучше, чем входить в контакт.

Штайнер обернулся к Риттеру: “Организацию полевых учений поручаю вам. Проследите, чтобы во главе каждой подгруппы стоял человек, хорошо говорящий по-английски. Вы сможете это обеспечить. — Он повернулся к солдатам: — Не забудьте, в шесть-шесть тридцать стемнеет. Нам надо создавать видимость занятости только до этого момента”.

Он спрыгнул с машины и вышел из сарая. Прошел по дорожке и облокотился о калитку. Вверх по холму ехала на велосипеде Джоанна Грей с большим букетом цветов в корзине, которая висела на руле. Пэч бежала рядом.

— Добрый день, мэм, — Штайнер отдал честь.

Джоанна слезла с велосипеда и подошла к Штайнеру: “Как идут дела?”

— Прекрасно.

Она протянула руку, будто официально знакомясь со Штайнером. Со стороны это выглядело вполне естественно. “А как Филипп Верекер?”

— Он оказал необходимую помощь. Девлин был прав. По-моему, Верекер считает, что мы здесь, чтобы охранять великого человека.

— Чем вы сейчас занимаетесь?

— Увидите, как мы будем играть в солдатиков в деревне. Девлин сказал, что придет к вам в шесть тридцать.

— Хорошо, — она опять протянула ему руку, — увидимся позже.

Штайнер отдал честь, и они разошлись. Джоанна поехала к церкви. Верекер, стоя на крыльце, ожидал ее. Она прислонила велосипед к забору и подошла к нему с цветами.

— Красивые цветы, — сказал он. — Где, скажите на милость, вы их достали?

— А, у приятельницы в Холте. Ирисы. Выращены, конечно,

в оранжерее. Очень непатриотично. По-моему, ей следовало бы использовать время на картошку или капусту.

— Не хлебом единым жив человек. — Странно, как напыщенно он говорит. — Вы видели сэра Генри до отъезда?

— Да, он заехал ко мне по дороге. В полной форме. Вид у него был великолепный.

— И вернется вместе с великим человеком до наступления ночи, — сказал Верекер. — В его биографии этот эпизод займет всего лишь короткую строчку: “Провел ночь в Стадди Грэнджес”. Жители деревни и знать не знают, а между тем здесь пишется история.

— Да, думаю, вы правы, если поглядеть с этой точки зрения. — Она очаровательно улыбнулась. — Расставим эти цветы на алтаре?

Он открыл перед ней дверь, и они вошли в церковь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В Лондоне Большой Бен пробил три часа. Роган вышел из здания Верховного суда и быстро пошел к машине, за рулем которой сидел Фергус Грант. Несмотря на сильный дождь, главный инспектор был в отличном настроении.

— Все прошло хорошо, сэр? — спросил его Фергус.

Роган самодовольно улыбнулся: “Если дружище Халлоран получит меньше десяти лет, значит, я ничего не понимаю. Вы взяли их?”

— В отделении для перчаток, сэр.

В машине Роган, открыв дверцу отделения, увидел два автоматических браунинга. Он проверил предохранитель. Странно, как приятно держать пистолет в руке. Как кстати. Он подержал его на ладони и положил во внутренний карман.

— Теперь, Фергус, давай к нашему другу Девлину.

В этот момент Молли верхом на лошади подъезжала к церкви по дорожке со стороны поля. Из-за легкого дождя на ней была ее старая шинель, на голове шарф, на спине рюкзак, покрытый куском мешковины.

Она привязала лошадь к дереву за домом священника и вошла на кладбище через заднюю калитку. Когда она подходила к крыльцу, то услышала отдаленную громким голосом команду. Близ деревни парашютисты наступали мелкими группами в направлении старой мельницы у реки, и их красные береты

были ясно видны на фоне зеленой лужайки. Молли увидела, что отец Верекер, сын Джорджа Уайльда Грэм и маленькая Сюзан Тернер стоят на мостике над запрудой и наблюдают за учениями. Раздалась новая команда, и парашютисты бросились на землю.

В церкви Памела Верекер, стоя на коленях у алтаря, чистила медные изделия. "Привет, Молли, — сказала она. — Пришла помыть?"

— Сегодня мамина очередь быть у алтаря, — ответила Молли, сбрасывая рюкзак, — но она сильно простудилась и решила день отлежаться.

Со стороны деревни слабо донеслась очередная команда. "Они там все еще занимаются? — спросила Памела. — Неужели им недостаточно войны, так нет, играют в эти глупые игры. Мой брат там?"

— Был, когда я входила сюда.

По лицу Памелы Верекер прошла тень: "Иногда я думаю, уж не жалеет ли он, что не принимает теперь в этом участия. — Она покачала головой. — Мужчины странные существа".

Деревня казалась вымершей, и только дымок из труб говорил, что жизнь здесь продолжается. Для большинства людей это был обычный рабочий день.

Риттер Нойманн разбил отряд на три группы по пять человек, связь между которыми осуществлялась по полевому телефону. Группы Нойманна и Гарви Престона разместились непосредственно в деревне, среди домов. Престон получал от "учений" большое удовольствие. Он старательно крался вдоль стены паба, держа в руке револьвер и подавая рукой сигнал своей группе двигаться вперед.

Джордж Уайльд, прислонившись к стене паба, наблюдал за маневрами, когда на пороге появилась его жена Бетти, вытирая руки о фартук.

— Завидуешь, что не воюешь?

Он пожал плечами: "Возможно".

— Мужчины, — с неудовольствием сказала она. — Никогда вас не пойму.

Группа, действовавшая на поляне, состояла из Брандта, унтер-офицеров Штурма и Беккера и рядовых Янсена и Хаглы. Она разместилась напротив старой мельницы, которой не пользовались уже лет тридцать, а то и больше. На ее крыше, где побилась черепица, зияли дыры.

Обычно массивное мельничное колесо стояло неподвижно, но накануне ночью река, сильно поднявшаяся из-за многоднев-

ных проливных дождей, с такой силой надавила на съеденный ржавчиной запор, что он сломался. Теперь колесо снова крутилось, с невыносимым скрипом и стоном, взбивая воду в пену.

Штайнер, сидевший в "джипе" и с интересом рассматривавший колесо, обернулся, чтобы проследить, как Брандт дает указания молодому Янсону для стрельбы лежа. С запруды выше по реке за учениями наблюдали отец Верекер и двое детей. Грэму было одиннадцать лет, и он был сильно возбужден зрелищем.

— Что они делают сейчас, отец? — спросил он Верекера.

— Понимаешь, Грэм, тут очень важно правильно поставить локти, — сказал Верекер. — А то солдат не сможет твердо прицелиться. Смотри, сейчас он показывает, как ползет леопард.

Сюзан Тернер, хорошенькой светловолосой девчужке, быстро надоело смотреть на учения, что совсем неудивительно, ведь ей было только пять лет и ее больше интересовала деревянная кукла, которую накануне сделал дедушка. Эвакуированная из Бирмингема, Сюзан уже год жила у бабушки с бабушкой, Тед и Агнессы Тернер, которые были владельцами деревенской лавки и обслуживали местное почтовое отделение и небольшую телефонную станцию.

Девочка перешла на другую сторону мостика, подлезла под перила и села на корточки на самом краю. Вода, коричневая, с пеной, катилась под ней не ниже чем в двух футах. Сюзан одной рукой раскачивала куклу над водой и смеялась, когда на ноги кукле попадала вода. Она наклонилась очень низко, держась за перила над головой, и окунула ноги куклы в реку. Перила обломились, и Сюзан с визгом упала в воду.

На ее крик Верекер и мальчик мгновенно обернулись и увидели, как девочка исчезла. Не успел священник и шагу сделать, как ее унесло под мост. Грэм, скорее инстинктивно, чем от храбрости, прыгнул за ней. Обычно река в этом месте была неглубокой, и летом он ловил здесь головастиков. Но теперь все было иначе. Грэм схватил Сюзан за край пальто и не выпускал из рук. Ногами он пытался нащупать дно, но дна не было, и Грэм в страхе закричал, а течение тащило их к запруде.

Верекер, окаменев от ужаса, не мог издать ни звука, но крик Грэма мгновенно привлек внимание Штайнера и его людей. Когда они повернулись, чтобы посмотреть, что случилось, детей уже перебросило через край запруды и несло по бетонному фартуку к мельничному колесу.

Унтер-офицер Штурм побежал к краю водоема, сбрасывая на ходу амуницию. Ему некогда было расстегнуть молнию на

куртке. Детей – а Грэм все еще держал Сюзан за пальто – немудрено несли к колесу.

Штурм без колебаний бросился в воду и поплыл к ним. Он схватил Грэма за руку. Брандт кинулся в воду вслед за ним. Штурм потянул Грэма, но голова мальчика ушла под воду. Грэм начал вырываться и отпустил девочку. Штурм швырнул его Брандту и поплыл за Сюзан.

Колоссальная сила потока не давала ей утонуть, держала на поверхности. Девочка завизжала, когда Штурм схватил ее за пальто. Он подтянул ее к себе и попытался встать, но ушел с головой под воду, а когда он снова всплыл, то почувствовал, что их обоих несет на колесо.

Перебивая рев воды, раздался крик. Штурм обернулся и увидел, что его товарищи на берегу держат мальчика, а Брандт опять кинулся в воду и пробирается к нему. Карл Штурм собрал все свои силы и швырнул ребенка по воздуху Брандту. Мгновение спустя поток, как гигантская рука, втянул его под колесо.

В это время Джордж Уайльд зашел в паб за ведром воды, чтобы окатить ступеньки дома. Он вышел в тот момент, когда детей потащило через запруду. Джордж бросил ведро, крикнул жене и побежал через дорогу к мосту. За ним бежал Гарвард Престон со своей группой, также оказавшиеся свидетелями трагедии.

Грэм Уайльд совсем не пострадал, он только вымок. Так же как и Сюзан, но она навзрыд плакала. Брандт бросил ребенка на руки Джорджа Уайльда и побежал по берегу к тому месту, где Штайнер и другие искали Штурма за колесом. Внезапно он всплыл на поверхность в спокойной воде. Брандт бросился в воду и схватил его.

На лице у Штурма не было ни царапины, кроме небольшой ссадины на лбу, но глаза его были закрыты, а губы слегка приоткрыты. Брандт взял его на руки и вышел на берег. К нему подбежали Штайнер, Верекер, Престон со своей группой и миссис Уайльд, которая взяла Сюзан из рук мужа.

– Ну как он? – спросил Верекер.

Брандт растегнул молнию парашютной куртки Штурма и попытался нащупать под блузой сердце. Он дотронулся до ссадины на лбу, и кожа сразу же покрылась кровью. Ткани и кости в этом месте были мягкими, как тесто. Несмотря на весь ужас случившегося, Брандт сохранял достаточное спокойствие, не забывая, где он находится.

Он посмотрел на Штайнера и сказал на приличном английском: "К сожалению, сэр, череп раздроблен".

На мгновение установилась тишина, нарушаемая только скрипом водяного колеса. Молчание прервал Грэм Уайльд, ко-

торый громко спросил: "Посмотри на форму, папа. Разве поляки носят такую форму?"

Брандт впопыхах дал непростительный промах. Под растегнутой курткой английского парашютиста все увидели летнюю блузу немецкого парашютиста с орлом люфтваффе на правом кармане. К блузе была прикреплена красно-бело-черная колодка "Железного креста" второго класса. С левой стороны – "Железный крест" первого класса, нашивка за Зимнюю кампанию, значок парашютиста, серебряная нашивка за ранение. То есть на Штурме была полная форма германского парашютиста – таков был личный приказ Гиммлера.

– О господи, – прошептал Верекер.

Немцы встали плотным кольцом. Штайнер по-немецки приказал Брандту: "Положите Штурма в "джип". Он щелкнул пальцами в направлении Янсена, который нес полевой телефон: "Дайте мне. "Орел-один" – "Орлу-два". Немедленно подойдите".

Риттер Нойманн со своей группой работал на другом конце деревни. Он ответил почти мгновенно: "Орел-два", слышу вас".

– "Орел" взорвался, – сказал Штайнер. – Встретимся на мосту.

Он отдал телефон Янсену. Бетти Уайльд в недоумении спросила: "Что это, Джордж? Я не пойму".

– Они немцы, – ответил Уайльд. – Я такую форму видел, когда был в Норвегии.

– Да, – сказал Штайнер, – некоторые из нас там были.

– Но что вам нужно? – спросил Уайльд. – Это глупость какая-то. Что вы здесь делаете?

– Ты, бедный идиот и недоносок, – презрительно сказал Престон. – Разве ты не знаешь, кто сегодня вечером гостит в Стадли Грандже? Сам Господь Бог – Всемогущий мистер Уинстон – чертов – Черчилль.

Уайльд с удивлением уставился на него, а затем расхохотался: "Ты, должно быть, совсем спятил. В жизни подобной глупости не слышал. Правда, отец?"

– Боюсь, он прав, – медленно и с большим трудом выговорил Верекер. – Очень хорошо, полковник. Не скажете ли вы мне, что происходит? Прежде всего, позаботьтесь о детях, они должны быть, промерзли до костей.

Штайнер обернулся к Бетти Уайльд: "Миссис Уайльд, можете взять своего сына и девочку домой. Когда мальчик переодеется, отведите девочку к бабушке с дедушкой. Они ведь обслуживают почту и лавку?"

Она ошалело посмотрела на своего мужа, все еще ничего не понимая: "Да, верно".

Штайнер сказал Престону: "Во всей деревне шесть телефонов. Все вызовы идут через коммутатор на почте, соединения делают мистер Тернер или его жена".

— Обрезать провода? — предложил Престон.

— Нет, это может привлечь нежелательное внимание. Кто-нибудь придет монтера. Когда девочку переоденут, отправьте ее с бабушкой в церковь. Пусть Тернер сидит за коммутатором. Если будут вызовы, пусть отвечает, что абонента нет дома или что-нибудь в этом роде. Пока что это сойдет. Выполняйте и постарайтесь поменьше напускать мелодрамы.

Престон повернулся к Бетти Уайльд. Сюзан перестала плакать, и он, протянув к ней руки, сказал с ослепительной улыбкой: "Пошли, красавица. Я посажу тебя на плечи". Ребенок ответил довольной улыбкой.

"Сюда, миссис Уайльд, будьте так любезны", — обратился Престон к все еще ошеломленной Бетти.

Бетти Уайльд, бросив отчаянный взгляд на мужа, пошла за ним, держа сына за руку. Группа Престона в составе Динтера, Мейера, Риделя и Берга последовала за ними на расстоянии одного-двух ярдов.

Уайльд хрипло произнес: "Если с моей женой что-нибудь случится..."

Штайнер, не обращая на него внимания, сказал Брандту: "Отведи отца Верекера и мистера Уайльда в церковь и держи там. Беккер и Янсен могут пойти с тобой. Хагль пойдет со мной".

Филипп Верекер решил вмешаться: "Полковник, у меня большое желание сорвать ваш блеф. Если я сейчас уйду, вы не можете себе позволить застрелить меня на месте. Вы поднимите всю деревню".

Штайнер обернулся к нему: "В деревне шестнадцать домов, отец. Всего сорок семь жителей, и большинства мужчин нет дома. Они работают на разных фермах в радиусе пяти миль отсюда. Кроме того... — Он повернулся к Брандту: — Продемонстрируй ему".

Брандт взял автомат "стен" у Беккера и выпустил очередь веером с бедра, подняв фонтаны брызг на поверхности запруды. Фонтаны были высокими, а звук походил на лязг металла — как будто вставляли болты.

— Вы должны признать, что вещь великолепная, — сказал Штайнер. — И при этом британское изобретение. Но есть и более надежный способ, отец. Брандт втыкает вам нож под ребра, да так, что вы будете мгновенно убиты без всякого шума. Поверьте мне, он знает, как это делается. Он делал это множество раз. Потом, прижав вас к себе с двух сторон, мы сажаем вас в "джип" на пассажирское место и увозим. Достаточно?

— Думаю, хватит, — ответил Верекер.

— Отлично. — Штайнер кивнул Брандту: — Ступай. Я подожду через несколько минут.

Штайнер поспешил к мосту. Он шел так быстро, что Хаглю приходилось бежать за ним, чтобы не отстать. Риттер Нойманн был уже на мосту и пошел навстречу Штайнеру: "Дела неважные. Что теперь?"

— Мы занимаем деревню. Ты знаешь, какой приказ получил Престон?

— Да, он говорил мне. Какой будет приказ нам?

— Пошли человека за грузовиком, затем проверь дом за домом. Не вмешиваюсь в то, как ты это сделаешь, но хочу, чтобы все были собраны в церкви через пятнадцать-двадцать минут.

— А потом?

— Необходимо заблокировать дорогу с обеих сторон деревни. Со стороны это будет выглядеть корректно и официально, но любой, кто войдет в деревню, выйти не сможет.

— Доложить миссис Грей?

— Нет, пока не надо. Ей надо оставаться на свободе, чтобы держать связь. Я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал, что она на нашей стороне, пока это не станет необходимо. Я встречу с ней позже. — Штайнер усмехнулся: — Скверный переплет, Риттер.

— У нас это бывало, господин полковник.

— Ну, что же, — Штайнер отдал честь. — Исполняйте. — Он повернулся и пошел вверх по холму к церкви.

В гостиной почтового здания Агнесса Тернер плакала, переодевая девочку. Бетти Уайльд сидела рядом с ней, крепко прижав к себе Грэма. Рядовые Динтер и Берг стояли по обе стороны двери и ждали их.

— Я так боюсь, Бетти! — говорила миссис Тернер. Я читала о них такие ужасы! Убивают беспощадно. Что они сделают с нами?

В малюсенькой комнатке почтового отделения сидел за коммутатором Тед Тернер и взволнованно спрашивал: "Что сделала моя жена?" — "Ничего, — отвечал Гарви Престон. — И с ней ничего не случится, пока вы точно будете выполнять то, что вам говорят. Например, не будете пытаться передавать по телефону сообщения, когда кто-нибудь позвонит. И другие всякие штучки. — Он вытащил пистолет из открытой кобуры. — Я вас не застрелю, я застрелю вашу жену, можете мне поверить".

— Свинья ты, — презрительно произнес старик, — и ты называешь себя англичанином?

— Я англичанин, и лучше, чем ты, старик, — Гарви дал ему пощечину. — Не забывай об этом.

Он сел в углу, закурил и взял журнал.

Молли и Памела Верекер закончили уборку и расставили у купели камыш и другие болотные травы, которые Молли привезла с собой. Памела сказала: "Я знаю, чего недостает. Листьев плюща. Пойду нарву".

Она открыла дверь, вышла на паперть и сорвала несколько листьев плюща, вьющегося по стене церкви. Памела уже собралась войти обратно, когда услышала визг тормозов и увидела на дороге подъехавший "джип". Ее брат и Уайльд вышли из машины, и Памела сначала подумала, что парашютисты просто подвезли их. Но скоро поняла, что дюжий старший сержант держит ее брата и Уайльда под дулом автомата, которое прижато к его бедру. Она посмеялась бы над абсурдностью того, что увидела, но тут в воротах кладбища появились Беккер и Янсен, неся тело Штурма.

Памела тихо протиснулась в полуоткрытую дверь церкви и столкнулась с Молли.

— Что случилось? — воскликнула Молли.

Памела сделала ей знак замолчать: "Не знаю, но что-то случилось, что то ужасное".

В этот момент Джордж Уайльд попытался бежать, но Брандт, ожидавший такой ход, умело подставил ему ножку. Брандт наклонился над лежащим Уайльдом и ткнул его под подбородок дулом автомата: "Ладно, Томми, ты храбрый парень. Отдаю тебе должное. Но сделай такое еще раз, и я срежу тебе голову".

Уайльд с помощью Верекера тяжело поднялся на ноги. Они приближались к церкви, а там, оцепенев от страха, Молли смотрела на Памелу: "Что это значит?"

Памела снова сделала ей знак молчать. "Быстро сюда", — сказала она и открыла дверь в ризницу. Мгновение спустя они ясно слышали голоса.

Верекер спросил: "А что теперь?"

— Будете ждать полковника, — ответил Брандт. — А впрочем, почему бы вам сейчас не сделать то, что нужно для бедного старика Штурма. Вообще-то он был лютеранином, но, по-моему, это не важно. Католик или протестант, немец или англичанин. Червям все равно.

— Отнесите его в часовню Богородицы, — сказал Верекер.

Шаги затихли, и Молли с Памелой присели у двери, глядя друг на друга. "Он сказал "немцы"? — спросила Молли. — Чушь какая-то".

На каменных ступенях паперти громко раздались шаги, и наружная дверь со скрипом отворилась. Памела приложила палец к губам.

Штайнер остановился у купели и огляделся, похлопывая стеком по голенищу. Снять берет он не удосужился. "Отец Верекер, — позвал он. — Сюда, пожалуйста". Штайнер подошел к ризнице и нажал ручку двери. По ее другую сторону обе девушки в страхе отшатнулись. Когда Верекер направился по проходу к Штайнеру, тот спросил: "Здесь, кажется, заперто? Почему? Что там внутри?"

Верекер знал, что дверь в ризницу никогда не запиралась, потому что ключ был утерян много лет назад. Значит, это могло означать только то, что кто-то закрыл ее изнутри на задвижку. И тут он вспомнил, что, когда уходил посмотреть на учения парашютистов, Памела убирала алтарь. Вывод напрашивался сам собой.

Верекер отчетливо произнес: "Это ризница, господин полковник. Церковные ключи, мое облачение и прочие вещи... Боюсь, ключ в доме. Прошу прощения за такую нерасторопность с моей стороны. Полагаю, у вас в Германии больше порядка?"

— Вы хотите сказать, что у нас, немцев, страсть к порядку? — спросил Штайнер. — Правда. Но у меня мать была американка, хотя в школу я ходил в Лондоне. И жил там много лет. Что же эта смесь означает?

— Значит, фамилия ваша не Картер?

— Штайнер, Курт Штайнер.

— Какой род войск, СС?

— Похоже, эти буквы оказывают на всех вас патологическое воздействие. Неужели вы думаете, что все немецкие солдаты служат в личной армии Гиммлера?

— Как, например, унтер-офицер Штурм. — Верекер не знал, что ответить. Штайнер добавил: "Если хотите знать, мы не эсэсовцы. Мы воздушные охотники. Самые лучшие в мире, при всем уважении к вашим Красным Дьяволам".

Верекер спросил: "И вы намереваетесь убить сегодня вечером в Стадди Грэндже мистера Черчилля?"

— Только если возникнет необходимость. Лично я предпочел бы захватить его живым.

— А теперь все планы несколько спутались? Самые хитроумные схемы и так далее?

— Потому что один из моих людей принес себя в жертву, чтобы спасти деревенских детей, или вы, может, хотите об этом забыть? И почему, интересно? Потому что это разрушает жалкий обман, будто все немецкие солдаты — дикари, единственное занятие

которых убивать и насиловать? Или же это что-то более глубокое? Вы ненавидите всех нас, потому что инвалидом вас сделала немецкая пуля?

— Идите вы к черту! — воскликнул Верекер.

— Папа не очень был бы доволен такими словами, любезный отец. Отвечу на ваш вопрос. Да, планы несколько спутались, но основой нашего рода солдатской службы является импровизация. Как парашютист, вы должны это знать.

— Ради бога, но вы ничего не добьетесь, — сказал Верекер. — Пропал элемент внезапности.

— Он еще появится, — спокойно возразил Штайнер. — Если нам удастся изолировать деревню.

Верекер на мгновение лишился дара речи от наглости этого заявления. "Но это же невозможно", — произнес он.

— Отнюдь. Сейчас мои люди собирают в деревне всех, кто дома. Они будут здесь минут через пятнадцать-двадцать. Мы контролируем телефон, дороги, так что любой, попавший в деревню, будет немедленно задержан.

— Но все равно вам ничего не удастся.

— Сэр Генри Уиллафби выехал из Грэнджа сегодня в одиннадцать утра в Кингс-Линн, где у него назначен завтрак с премьер-министром. Обрато они должны были выехать в три тридцать на двух машинах в сопровождении четырех военных полицейских на мотоциклах. — Штайнер посмотрел на часы: — Что плюс-минус одна минута происходит сейчас. Премьер-министр, кстати, выразил особое желание проехать через Уолсингем. Простите, что я докучаю вам всеми этими подробностями.

— Вы, видимо, очень хорошо информированы.

— О да. Таким образом, как вы видите, все, что нам надо, это продержаться до вечера, и приз будет в наших руках. Кстати, вашим людям бояться нечего, если они будут делать то, что им скажут.

— Вам это не удастся, — упрямо повторил Верекер.

— Ну, не знаю. Так уже делали. Отто Скорцени похитил Муссолини в совсем немыслимых условиях. Истинный подвиг, как назвал это сам мистер Черчилль в речи в Вестминстере.

— Или в том, что осталось от него после ваших проклятых бомбежек, — с горечью произнес Верекер.

— У Берлина тоже не слишком хороший вид в эти дни, — сказал Штайнер, — и если вашему другу Уайльду интересно, расскажите ему, что пятилетняя дочь и жена человека, который умер, спасая его сына, погибли от английских бомб четыре месяца назад. — Штайнер протянул руку: — Дайте мне ключи от вашей машины. Она может пригодиться.

— У меня их с собой нет... — начал Верекер.

— Не тратьте попусту мое время, отец. Я прикажу, если нужно будет, моим парням раздеть вас догола.

Верекер неохотно отдал ключи, и Штайнер положил их в карман. "Хорошо, мне надо кое-что сделать. — Он повысил голос: — Брандт, ты здесь за старшего. Я пришлю Престона сменить тебя, а ты явишься ко мне в деревню".

Штайнер вышел из церкви, а рядовой Янсен встал у дверей с автоматом. Верекер медленно пошел по проходу мимо Брандта и Уайльда, которые сидели скорбившись на скамье. Тело Штурма лежало перед алтарем в часовне Богородицы. Священник постоял около него, глядя ему в лицо, затем встал на колени, сложил руки и твердым уверенным голосом начал читать молитву.

— Теперь мы кое-что знаем, — сказала Памела Верекер, когда дверь захлопнулась за Штайнером.

— Что же мы будем делать? — вяло спросила Молли.

— Первым делом выберемся отсюда.

— Но как?

Памела подошла к стене и нашла тайный замок. Часть панели отодвинулась и открыла вход в туннель. Памела взяла фонарь, который брат оставил на столе. Молли от удивления раскрыла рот. "Пошли, — нетерпеливо сказала Памела. — Нам надо действовать".

Она заперла дверь и быстро пошла по туннелю, Молли за ней. Они прошли через дубовый шкаф в погребе и поднялись в холл. Памела положила фонарь на стол у телефона и услышала, что Молли горько плачет.

— Молли, что случилось? — спросила она, взяв руки девушки в свои.

— Лаям Девлин, — сказала Молли, — один из них. Должен быть. Знаете, они были в его доме. Я их видела.

— Когда?

— Сегодня. Он дал мне понять, что все еще в армии, что выполняет какое-то секретное задание. — Молли высвободила руки и сжала их в кулаки. — Он обманул меня. Все это время он меня обманывал. Помогите мне бог, но я надеюсь, его повесят.

— Молли, я тебе сочувствую. Очень, — сказала Памела. — Если то, что ты говоришь, правда, им займутся. Но нам надо выбраться отсюда. — Она посмотрела на телефон. — Нет смысла звонить в полицию или еще куда, если они контролируют коммутатор. И у меня нет ключей от машины брата.

– У миссис Грей есть машина, – сказала Молли.
– Конечно, – глаза Памелы заблестели от волнения. – Вот если бы только добраться до ее дома.

– И что бы вы сделали? Тут на много миль нет ни одного телефона.

– Я бы поехала прямо в Мелтам Хауз, – сказала Памела. – Там американские рейнджеры. Героическая часть. Они покажут Штайнеру и его банде, где раки зимуют. Ты как сюда добралась?

– Верхом. Лошадь привязана в лесу за домом священника.

– Ладно, оставим ее. Мы пойдем по полевой тропинке за лесом Хокс Вуда и посмотрим, не удастся ли нам добраться до дома миссис Грей незамеченными.

Молли не спорила. Памела потянула ее за рукав, и они бросились в лес.

Тропинке было много сотен лет, она глубоко врезалась в землю, полностью пряча путника. Памела бежала очень быстро вперед, без остановки, пока они не вышли из леса со стороны реки, противоположной дому Джоанны Грей. В этом месте через реку были перекинuty узкие мостки. Путь казался безлюдным.

Памела предложила: "Пошли. Прямо через реку".

Молли схватила ее за руку: "Я не пойду. Передумала".

– Но почему?

– Вы попытайтесь пройти здесь, а я пойду за своей лошадью и попробую проехать другим путем. Две половинки яблока.

Памела кивнула: "Это разумно. Хорошо, Молли. – Она импульсивно поцеловала ее в щеку. – Но смотри. Эти бандиты зря слов на ветер не бросают!"

Молли повернула назад и побежала обратно по тропинке. "О Девлин, ублюдок, – думала она, – надеюсь, они смогут распят тебе на кресте".

Пока она добиралась до вершины холма, из глаз ее текли медленные, горькие и жгучие слезы. Молли даже не потрудились посмотреть, свободна ли дорога, и побежала вдоль забора к лесу за домом. Лошадь терпеливо ждала ее, пощипывая траву. Молли быстро отвязала лошадь, вскочила в седло и поскакала прочь.

Когда Памела вошла на задний двор, машина стояла у гаража. Она открыла дверцу и увидела, что ключ зажигания на месте. Она начала было садиться за руль, когда возмущенный голос воскликнул: "Памела, что, скажите на милость, вы делаете?"

В дверях стояла Джоанна Грей. Памела подбежала к ней. "Простите, миссис Грей, но случилось что-то страшное. Этот

полковник Картер и его люди, которые проводят учение в деревне... Они совсем не часть особого назначения. Его имя Штайнер, и они – немецкие парашютисты, которые прибыли сюда похитить премьер-министра".

Джоанна Грей втянула ее на кухню и закрыла дверь. Пэч путалась под ногами. "Успокойся, – сказала Джоанна. – Это действительно в высшей степени невероятная история. Премьер-министра же здесь нет".

Она начала что-то искать в кармане висящего за дверью пальто. "Да, но он будет сегодня вечером! – воскликнула Памела. – Сэр Генри везет его из Кингс-Линна".

Джоанна повернулась, держа в руке автоматический пистолет "вальтер". – "Ты все разузнала, да? – Она открыла позади себя дверь в погреб: – Марш вниз".

Памела стояла как громом пораженная. "Миссис Грей, я не понимаю!"

– У меня нет времени на объяснения. Скажу только, что мы по разные стороны в этом деле. Теперь спускайся. Я без колебаний выстрелю, если понадобится.

Памела побрела вниз, впереди бежала Пэч, сзади шла Джоанна Грей. Внизу Джоанна включила свет и открыла еще одну дверь. За ней находилась темная кладовая без окон, набитая старым хламом. "Иди туда".

Пэч, кружась вокруг хозяйки, оказалась между ее ног. Она споткнулась и оперлась о стену. Воспользовавшись этим моментом, Памела со всей силы толкнула ее в дверь. Падающая Джоанна Грей выстрелила в упор. Выстрел почти ослепил Памелу, было ощущение, что к голове приложили раскаленную добела кочергу, но она ухитрилась захлопнуть дверь перед носом Джоанны Грей и задвинуть засов.

Шок от огнестрельного ранения был так силен, что на некоторое время Памела онемела. Когда она, спотыкаясь, поднималась по ступенькам в кухню, ее охватило отчаянное чувство нереальности всего происходящего. Чтобы не упасть, она оперлась на буфет и посмотрела на себя в зеркало, висевшее над ним. С левой стороны ее лба узкий кусок кожи был срезан и просвечивала кость. Крови было удивительно мало, и когда она тронула это место указательным пальцем, боли тоже почти не ощутила. Боль пришла позже.

– Я должна добраться до Гарри, – громко сказала себе Памела. – Я должна добраться до Гарри.

Затем, как во сне, она оказалась за рулем и выехала со двора, как в замедленном кинокадре.

Идя по дороге, Штайнер видел, как выехала машина, но, конечно, подумал, что за рулем Джоанна Грей. Он тихо выгру-

гался и пошел обратно к мосту, где оставил "джип" с Вернером Бригелем у пулемета и Клуглем за рулем. Когда Штайнер подошел к ним, на холме со стороны церкви показался грузовик. На подножке, держась за дверцу, стоял Риттер Нойманн.

— В церкви сейчас двадцать семь человек, господин полковник, включая двоих детей. Пятеро мужчин, девятнадцать женщин, — подъехав, доложил Нойманн.

— Десять детей в лагере собирают урожай, — сказал Штайнер. — Девлин сосчитал, что все население составляет сорок семь человек. Восемь человек, если исключить Тернера на коммутаторе и миссис Грей, должны возвратиться в течение дня. Полагаю, в основном мужчины. Ты нашел сестру Верекера?

— Никаких следов ее пребывания у него в доме нет, а когда я спросил Верекера, где она, он послал меня к черту. От женщин, кто поразговорчивее, я узнал, что она в субботу днем ездит верхом.

— Значит, тебе придется ждать и ее, — сказал Штайнер.

— Вы видели миссис Грей?

— Нет, — Штайнер объяснил, что произошло. — Я допустил грубую ошибку. Надо было позволить тебе пойти к ней, когда ты это предлагал. Надеюсь, она скоро вернется.

— Может, она поехала к Девлину?

— Может быть. Это надо проверить. И надо дать ему знать, что происходит. — Он хлопнул стеком по ладони.

Раздался звон разбиваемого стекла, и сквозь витрину лавки Тернера вылетел стул. Штайнер и Риттер Нойманн выхватили браунинги и побежали через дорогу.

Большую часть дня Артур Сеймур валил деревья на ферме к востоку от деревни. Он зарабатывал тем, что продавал дрова в деревне и в окрестностях. Сегодня утром миссис Тернер дала ему новый заказ. Закончив работу, Сеймур наполнил два мешка поленьями, положил их на ручную тележку и направился к деревне по полевой тропинке. Во двор дома Тернеров он вошел со стороны кухни.

Сеймур ногой открыл дверь в кухню, не постучав. Он вошел, держа мешок дров на плече, и столкнулся лицом к лицу с Динтером и Бергом, которые сидели на краю стола и пили кофе. На лицах всех троих отразилось удивление.

— Эй, что тут происходит? — воскликнул Сеймур.

Динтер, у которого "стен" висел на груди, направил его на Сеймура, а Берг взялся за свой автомат. В этот момент в дверях появился Гарви Престон. Он стоял руки в боки и рассматривал Сеймура. "Господи, — сказал Гарви, — настоящая ходячая обезьяна".

В темных, сумасшедших глазах Сеймура что-то мелькнуло: "Ты не очень-то распускай язык, солдатик".

— Она еще и разговаривает, — продолжал Престон. — Нет конца чудесам. Ну что ж, поместите его вместе с другими.

Престон направился к коммутатору, и в этот момент Сеймур, бросив мешок дров в Динтера и Берга, прыгнул на него, схватив одной рукой за горло и наподдав коленом. Он рычал, как зверь. Берг упал, но быстро вскочил и ударил Сеймура по почкам дулом автомата. Гигант вскрикнул от боли, отпустил Престона и бросился на Берга, оба вывалились через открытую дверь в лавку, перевернув витрину с товарами.

Берг уронил автомат, но ухитрился подняться, Сеймур наступал на него, сметая с прилавка пирамиды консервов и пакетов и издавая утробное рычание. Берг схватил стул, на котором за прилавком обычно сидела миссис Тернер, и бросил его в Сеймура. Тот отбил его, и стул вылетел сквозь витрину.

На помощь своим пришел Престон. Он схватил автомат Берга и со всей силы обрушил дуло на голову Сеймура. Сеймур закричал. "Ты, громадина, чертова обезьяна, — воскликнул Престон. — Нам придется научить тебя хорошим манерам, верно?"

Он ткнул дулом Сеймура в живот, и когда гигант согнулся, ударил его по шее. Падая, Сеймур ухватился за полку, и она рухнула на него со всем содержимым.

В этот момент в лавку ворвались Штайнер и Риттер Нойманн, держа пистолеты наготове. В помещении был полный разгром. Престон отдал Бергу автомат. В дверях появился слегка покачивающийся Динтер, по лбу его текла кровь.

Указывая на Сеймура, Престон приказал: "Найдите веревку и свяжите его, а то в следующий раз вам может не так повезти, как сегодня".

Старый мистер Тернер суетился в дверях коммутатора. Когда он увидел разгром в своей лавке, на глаза у него навернулись слезы: "И кто заплатит за все это?"

— Пошли счет Уинстону Черчиллю, может, тебе и повезет, — грубо ответил Престон. — Могу с ним о тебе поговорить, если хочешь. Заступлюсь за тебя.

Старик в безмерном горе рухнул в кресло у коммутатора. Штайнер обратился к Престону: "Вы мне здесь больше не понадобятся. Идите в церковь и захватите с собой этого типа, — он указал на Сеймура. — Подмените Брандта. Скажите ему, чтобы явился к старшему лейтенанту Нойманну".

— А как быть с коммутатором?

— Я пришлю Альтманна. Он прилично говорит по-английски. А пока за коммутатором будут приглядывать Динтер и Берг.

Сеймур пошевелился, рывком поднялся на колени и обнаружил, что руки его связаны за спиной. "Ну как, удобно? – Престон пнул его и помог подняться на ноги. – Пошли, обезьяна, давай, двигай".

В церкви жители деревни сидели, как им было приказано, на скамьях и тихо разговаривали, ожидая решения своей судьбы. Большая часть женщин испытывала ужас. Верекер подходил к каждой, неся утешения, какое он мог дать. Унтер-офицер Беккер стоял на карауле у ступенек алтаря, рядовой Янсен – у двери. Ни тот, ни другой по-английски не говорили.

После ухода Брандта из церкви Гарви Престон нашел в звоннице веревку, связал Сеймуру ноги у колен и, повернув его лицом вниз, протаскивал в часовню Богородицы, где швырнул рядом с телом Штурма. На щеке Сеймура была кровь, при виде которой женщины сдавленно вскрикнули. Престон ударил Сеймура по ребрам. "Я тебя немножко остужу до того, как прикончу, обещаю тебе".

Приковылял Верекер, схватил Престона за плечо и повернул к себе: "Оставьте этого человека".

– Человека? – рассмеялся Престон ему в лицо. – Это не человек, это вещь. Верекер нагнулся над Сеймуром, но Престон отбросил его и погрозил револьвером: "Будьте любезны делать то, что вам велят".

– Что вы за человек? – воскликнул Верекер. – Что заставляет вас так поступать?

– Какой я человек? – переспросил Престон. – Особая порода. Мы самые прекрасные солдаты, которые когда-либо ходили по земле. Части СС, в которых я имею честь носить звание унтерштурмфюрера.

Он прошел по проходу, повернулся у алтаря и расстегнул молнию на куртке. Сняв куртку, он предстал перед всеми в мундире с тремя леопардами в петлицах, орлом на левой руке, под которым красовался герб с британским флагом, и черно-серебряной опушкой обшлагов.

Лейкер Армсби, сидящий рядом с Джорджем Уайльдом, воскликнул: "Эй, у него на рукаве английский флаг".

Верекер выступил вперед, с недоумением глядя на рукав Престона, который тот выставил на всеобщее обозрение. "Да, он прав, – сказал Престон. – Теперь прочтите слова на обшлаге".

– "Британский свободный корпус", – громко прочитал Верекер и воспритительно посмотрел в лицо Престону: – Британский свободный корпус?

– Да, проклятый дурак. Что, не понимаете? Никто из вас не

понимает? Я англичанин, как и вы, только я на правильной стороне. Единственно правильной стороне.

Сюзан Тернер заплакала. Джордж Уайльд нарочито медленно подошел и остановился перед Престоном. "Гансам, должно быть, очень плохо, потому что единственное место, где они могли найти тебя, это под камнем".

Престон выстрелил в него в упор. Когда Уайльд упал навзничь у ступеней алтаря с залитым кровью лицом, в церкви начался ад. Женщины истерически кричали. Престон выстрелил еще раз, но в воздух. "Оставаться на месте!"

Людей охватила паника, они онемели. Верекер неуклюже опустился на колени и склонился над стонавшим Уайльдом. Подбежала Бетти Уайльд и опустилась на колени перед мужем. Подбежал и сын.

– Он поправится, Бетти, ему повезло, – успокаивал Верекер. – Видишь, пуля только зацепила щеку.

В этот момент дверь с шумом распахнулась, и в церковь ворвался Риттер Нойманн с браунингом в руке. "Что здесь происходит?"

– Спросите своего коллегу из СС, – сказал Верекер.

Риттер посмотрел на Престона, затем осмотрел Уайльда. "Не смей трогать его, ты, ты, кровавая немецкая свинья", – воскликнула Бетти.

Риттер вытащил из нагрудного кармана индивидуальный пакет и отдал ей: "Перевяжите его. Он поправится. – Обращаясь к Верекеру, он сказал: – Мы парашютисты-охотники, отец, и гордимся этим. Этот же джентльмен..." Он повернулся и почти небрежным движением ударил Престона по лицу браунингом. Англичанин вскрикнул и упал.

Дверь снова открылась, это была Джоанна Грей. "Господин старший лейтенант, – воскликнула она по-немецки. – Где полковник Штайнер? Я должна поговорить с ним".

Лицо и руки ее были в грязи. Нойманн направился к ней: "Его здесь нет. Он поехал к Девлину. Что случилось?"

Верекер удивленно произнес: "Джоанна?" В его голосе был и вопрос, и страх, как будто Верекер опасался убедиться в том, чего боялся.

Джоанна, не обращая на него внимания, сказала Риттеру: "Не знаю, что здесь происходит, но около сорока пяти минут назад Памела Верекер появилась у меня, она все знает. Она хотела взять мою машину, чтобы поехать в Мелтам Хауз и вызвать рейнджеров".

– Что произошло?

– Я пыталась остановить ее, но дело кончилось тем, что ей удалось запереть меня в погребе. Я смогла вырваться только пять минут назад. Что нам делать?

Верекер взял ее за плечо и повернул к себе: "Вы хотите сказать, что вы с ними заодно?"

— Да, — нетерпеливо сказала она. — Оставьте, пожалуйста, меня в покое. Мне надо делом заняться. — Джоанна снова повернулась к Риттеру.

— Но почему? — воскликнул Верекер. — Я не пойму. Вы англичанка...

Тогда Джоанна накинулась на него. "Англичанка? — закричала она. — Мои предки — буры, черт вас побери. Буры! Как я могла быть англичанкой? Вы меня оскорбляете этим словом".

У всех на лицах отразился неподдельный ужас. Все ясно видели страдание в глазах Филиппа Верекера. "О боже", — прошептал он.

Риттер взял Джоанну под руку: "Быстро возвращайтесь к себе. Свяжитесь по радио с Ландсвоортом. Радл должен знать обстановку. Держите связь непрерывно".

Она кивнула и поспешно ушла. Риттер стоял в полной растерянности, такое состояние было непривычным. "Что нам делать, черт возьми?" — думал он. И не находил ответа. Не находил. Без Штайнера.

Отдав приказ капралу Беккеру оставаться вместе с Янсоном в церкви, Риттер быстро вышел.

Верекер поднялся на алтарь и повернулся к прихожанам:

"В такие минуты остается только молиться, — сказал он. — И часто это помогает. Встаньте, пожалуйста, все на колени".

Он перекрестился, сложил руки и начал читать молитву твердым и удивительно уверенным голосом.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Гарри Кейн руководил занятиями полевой тактике в лесу позади Мелтам Фарма, когда получил приказ Шафто срочно явиться и привести с собой отделение, с которым он занимался. Кейн приказал сержанту, техасцу по фамилии Хастлер, выпускнику Форт Уорта, следовать за ним с солдатами, а сам поспешил вперед.

Прибыв на место, он увидел, что и другие отделения, занимавшиеся в различных местах имения, стягивались к дому. Он слышал рев моторов автомашин, размещенных возле конюшен. Несколько "джипов" остановилось перед домом, образуя ровный ряд.

Экипажи проверяли свои пулеметы и оборудование. Из головной машины выскочил офицер, капитан Мэллори.

— Ради бога, что случилось? — спросил Кейн.

— Ни малейшего представления, — сказал Мэллори. — Получил

приказ и следую ему. Он хочет, чтобы вы поскорее зашли к нему, это я знаю. — Он ухмыльнулся: — Может, второй фронт?

Кейн взбежал по ступенькам в дом. Приемная являла собой арену бешеной деятельности. Главный сержант Гарви ходил взад-вперед перед дверью кабинета Шафто и нервно курил сигарету. Когда Кейн вошел, лицо его прояснилось.

— Что тут происходит, черт возьми? — взволнованно спросил Кейн. — Мы получили приказ выступать или что?

— Не спрашивайте меня, майор. Я знаю только, что леди, ваша приятельница, приехала в жутком виде минут пятнадцать назад, и с этого момента все пошло кувырком.

Кейн открыл дверь и вошел в кабинет. Шафто в галифе и сапогах для верховой езды стоял у стола спиной к нему. Когда он резко обернулся, Кейн увидел, что он заряжает кольт с перламутровой рукояткой. Перемена в нем была разительной. Казалось, в нем потрескивают электрические разряды: глаза сверкали, как у человека с высокой температурой, лицо побледнело от волнения.

— Стремительные действия, майор, вот что я люблю.

Он взял пояс с кобурой, Кейн спросил: "В чем дело, сэр? Где мисс Верекер?"

— У меня в спальне. Ей ввели успокоительное, она в сильном шоке.

— Да что случилось?

— Пуля зацепила ей голову. — Шафто быстро застегнул пояс и сдвинул кобурю на правое бедро. — А палец, который нажал на курок, принадлежал приятельнице ее брата миссис Грей. Сами спросите ее. Могу дать вам только три минуты.

Кейн открыл дверь в спальню. Шафто вошел вслед за ним. Шторы были частично задернуты. Памела лежала в постели, укрытая одеялом до подбородка. Она была бледна и выглядела очень больной, голова была перевязана, и сквозь бинт просочилась кровь.

Когда Кейн подошел к ней, она открыла глаза и напряженно посмотрела на него. "Гарри?"

— Все хорошо. — Он сел на край кровати.

— Нет, послушайте, — сказала она глухим голосом, с усилием приподнялась и потянула его за рукав. — Мистер Черчилль в три тридцать выезжает из Кингс-Линна в Стадди Грэндж вместе с сэром Генри Уиллафби. Они едут через Уолсингем. Вы должны остановить его.

— Почему? — мягко спросил Кейн.

— Потому что, если вы его не остановите, его захватит полковник Штайнер со своими людьми. Они арестовали всех в деревне.

– Штайнер?

– Человек, которого вы знаете как полковника Картера, и его люди, Гарри, не поляки. Это немецкие парашютисты.

– Но, Памела, – сказал Кейн, – я встречался с Картером. Он такой же англичанин, как вы.

– Нет, его мать была американкой, и он учился в лондонской школе. Понимаете? Это все объясняет. – Теперь в голосе ее звучало раздражение. – Я подслушала их разговор в церкви, Штайнера и моего брата. Я спряталась с Молли Прайор. Когда мы выбрались из церкви, то побежали разными дорогами, я к Джоанне, но она оказалась одной из них. Она выстрелила в меня, а я... я заперла ее в погреб. – Памела нахмурилась, пытаясь сосредоточиться. – Потом я взяла ее машину и приехала сюда.

Внезапно силы ее оставили, будто она держалась только усилием воли, а теперь ей было все равно. Она упала на подушку и закрыла глаза. Кейн спросил: "Но как же вы выбрались из церкви, Памела?"

Она открыла глаза и ошеломленно уставилась на него, не понимая. "Церковь? Да, обычным путем. – Голос ее стал еле слышен. – А потом я пошла к Джоанне, и она стреляла в меня. – Памела снова закрыла глаза. – Я устала, Гарри".

Кейн встал и вслед за Шафто вошел в кабинет. У зеркала Шафто поправил пилотку. "Ну, что вы скажете? Прежде всего об этой бабе Грей. Вот уж сука так сука". – "Кого мы поставим в известность? Военное министерство и для начала штаб командования Восточной Англии и..." – сказал Кейн.

Шафто перебил его: "Представляете, сколько придется провисеть на телефоне, пока эти кабинетные недоноски в штабе будут решать, есть у меня право или нет? – Он стукнул кулаком по столу: – Нет, клянусь богом. Я сам сейчас же пригвозжу этих гансов. У меня для этого хватит людей. Действовать немедленно! – Он хрипло рассмеялся. – Личный лозунг Черчилля, скажем прямо, очень подходящий".

Кейн понял все. Шафто воспринял это событие как личный дар богов. Не только как спасение его карьеры, но и как путь к повышению. Человек, который спас Черчилля! Сражение, которое займет свое место в учебниках истории! Пусть Пентагон только попробует после этого не дать ему генеральской звезды – начнут беспорядки на улицах.

– Послушайте, сэр, – упрямо сказал Кейн. – Если Памела говорит правду, это может оказаться самой горячей картошкой из всех. Смею с уважением заметить, что британское военное министерство отнесется к этому не очень доброжелательно...

Шафто снова ударил кулаком по столу: "Какой бес в вас вселился? Может, этим гестаповцам случайно повезло? – Он беспокойно отвернулся к окну, затем стремительно повернулся к Кейну с какою-то улыбкой нашкодившего школьника: – Простите, Гарри, я что-то не то сказал. Вы, конечно, правы".

– Хорошо, сэр. Что будем делать?

Шафто посмотрел на часы: "Четыре пятнадцать. Это значит, премьер-министр уже подъезжает. Мы знаем дорогу, по которой он едет. Думаю, правильно будет, если вы возьмете "джип" и перехватите его. Судя по словам девушки, вы сможете перехватить его по эту сторону от Уолсингема".

– Согласен, сэр. В конце концов, мы можем предложить ему стопроцентную безопасность здесь.

– Точно. – Шафто сел за стол к телефону. – Теперь действуйте и возьмите с собой Гарви.

– Слушаюсь, полковник.

Открывая дверь, Кейн слышал, как Шафто сказал в трубку: "Дайте мне командующего округом Восточной Англии, лично его, и никого другого".

Но когда дверь закрылась, Шафто снял указательный палец с рычага. В трубке раздался голос оператора: "Вы что-то хотите, полковник?"

– Да, срочно вызовите сюда капитана Мэллори.

Секунд через сорок пять капитан Мэллори стоял перед ним.

– Вы и еще сорок человек, – сказал ему Шафто, – должны быть готовы отправиться через пять минут. На восьми "джипах". Пусть сядут поплотнее.

– Хорошо, сэр. – Мэллори колебался, нарушать ли одно из своих строжайших правил. – Позвольте спросить, каковы намерения полковника?

– Ну, скажем так, – сказал Шафто. – Вы к вечеру будете майором или мертвым.

С бешено бьющимся сердцем Мэллори вышел из комнаты. Шафто подошел к буфету, вытащил бутылку "бурбона" и налил себе полстакана. В окна бил дождь, а он стоял и не торопясь пил. Через двадцать четыре часа он, возможно, будет самым знаменитым человеком в Америке. Пришел его день, он был абсолютно в этом уверен.

Когда три минуты спустя он вышел во двор, "джипы" с командами на борту были выстроены в ряд. Мэллори стоял перед ними и разговаривал с самым младшим офицером части, младшим лейтенантом Чолмерсом. Увидев Шафто, все встали по стойке "смирно". Шафто остановился на крыльце: "Вас интересуется, в чем дело. Я вам расскажу. Милях в восьми отсюда есть

деревня Стадли Констабл. Она четко помечена на ваших картах. Большинство из вас, должно быть, слышали, что Уинстон Черчилль посетил сегодня авиабазу у Кингс-Линна. Но вы не знаете, что он собирается провести сегодняшний вечер в Стадли Грэндже. Отсюда дело принимает интересный оборот. В деревне проходят учения шестнадцать человек из Польского независимого парашютного отряда авиации специального назначения. Их нельзя не заметить в их красивых красных беретах и маскировочных костюмах. — Кто-то рассмеялся, и Шафто замолчал, дожидаясь тишины. — Могу сообщить вам новость. Эти парни — гансы, немецкие парашютисты, заброшенные сюда, чтобы похитить Черчилля, а мы пригвоздим их к стенке. — Тишина стояла мертвая. — Одно могу обещать вам, ребята. Справитесь с этим как следует, и завтра ваши имена будут греметь от Калифорнии до Мейна. А теперь приготовиться к выезду".

Сразу же закипела работа, взревели моторы. Шафто спустился с крыльца и сказал Мэллори: "Проследите, чтобы в пути команды ознакомились с картами. Когда мы доберемся до места, не будет времени на всякие там брифинги. — Мэллори поспешно отошел, а Шафто повернулся к Чолмерсу: — Останешься за старшего, парень, пока вернется майор Кейн. — Он хлопнул его по плечу. — Не надо расстраиваться. Майор привезет с собой мистера Черчилля. Проследи, чтобы ему было оказано должное гостеприимство. — Он вскочил в "джип" и кивнул водителю: — Ладно, сынок, двинулись".

Под рев моторов они подъехали к массивным воротам, часовые быстро открыли их, и колонна выехала на дорогу. Ярдов через двести Шафто дал знак остановиться, а своему водителю велел подъехать к ближайшему телефонному столбу. Шафто обернулся к сидевшему на заднем сиденье сержанту Хастлеру: "Дай мне пулемет Томсона".

Хастлер передал ему пулемет, Шафто прицелился и выпустил очередь по верхушке столба, превратив ее в груды щепок. Перерезанный телефонный провод неистово запрыгал в воздухе.

Шафто вернул пулемет Хастлеру: "Думаю, это спасет от всяких непредусмотренных телефонных звонков. — Он хлопнул по борту машины. — Ладно, поехали".

Гарви вел машину с огромной скоростью, несясь как сумасшедший по узким проселочным дорогам, не предполагая, что встретит того, к кому он мчался. И чуть не упустил свою цель: когда машина подъезжала к повороту на Уолсингемскую дорогу,

мимо нее проскочила небольшая колонна. Два военных полицейских на мотоциклах, два лимузина и еще двое полицейских с тыла.

— Это он! — воскликнул Кейн.

"Джип" выскочил на шоссе. Гарви до конца нажал на газ. Через несколько секунд они догнали колонну и пристроились в хвост. Военные полицейские поглядели на них через плечо, и один из них дал им знак отстать.

Кейн сказал: "Сержант, поднажмите и перехватите их, и, если они не остановятся, я разрешаю вам таранить первую машину".

Декстер Гарви усмехнулся: "Майор, я вам кое-что скажу. В случае неудачи мы так быстро сгорим в этом котле, что вы не успеете подумать, какой сегодня день".

Он перегнал справа мотоциклистов, и "джип" поехал рядом со вторым лимузином. Кейну почти не был виден мужчина на заднем сиденье, потому что боковые занавески машины были задернуты. Водитель в темно-синей шоферской форме тревожно посмотрел вбок, а мужчина в сером костюме на переднем сиденье выхватил пистолет.

— Попытайтесь подойти к первой машине, — приказал Кейн, и Гарви поравнялся с ней, нажимая на гудок.

В машине было четыре человека: два в военной форме, третий — полковник — в форме штабного офицера. Четвертый тревожно обернулся, и Кейн увидел сэра Генри Уиллафби. Они сразу узнали друг друга, и Кейн сказал Гарви: "Подайся вперед, я думаю, они теперь остановятся".

Гарви прибавил скорость и обогнал военных полицейских, возглавлявших колонну. Позади три раза прозвучал гудок, видимо условный сигнал, и Кейн увидел, что машины затормозили у обочины шоссе. Остановился и Гарви, Кейн выпрыгнул из машины и побежал назад.

Полицейские наставили на него пулеметы "стен". Человек в сером, по-видимому личный детектив премьер-министра, выскочил из второй машины с револьвером в руке.

Из первой машины вышли штабной полковник и сэр Генри в форме войск местной обороны. "Майор Кейн, — в растерянности сказал сэр Генри, — ради всего святого, что вы тут делаете?"

Штабной полковник отрывисто сказал: "Моя фамилия Конкоран, старший офицер разведки штаба округа Восточной Англии. Будьте любезны объяснить свои поступки, сэр".

— Премьер-министр не должен ехать в Стадли Грэндж, — сказал ему Кейн. — Деревня занята немецкими парашютистами...

— Господи, — прервал его сэр Генри, — в жизни не слышал подобной чепухи...

Конкоран сделал знак замолчать. "Вы можете подтвердить свое заявление, майор?"

— Господи боже мой! — воскликнул Кейн. — Они здесь, чтобы захватить мистера Черчилля, как в свое время сделал Скорцени с Муссолини, неужели вы не понимаете? Что, черт побери, нужно, чтобы убедить вас? Так никто и не будет слушать?"

Сзади раздался голос, который был ему прекрасно знаком: "Я буду, молодой человек, расскажите мне, в чем дело".

Гарри Кейн медленно обернулся и оказался лицом к лицу с великим человеком.

Штайнер подергал ручку двери коттеджа в Хобс Энде. Дверь оказалась запертой. Он подошел к сараю, но и там ирландца не было. "Господин полковник, он едет", — крикнул Бригель.

Девлин ехал на мотоцикле по узким тропинкам вдоль дамб. Он свернул во двор, поставил мотоцикл на место и поднял очки: "Немного неосторожно, полковник".

Штайнер взял его под руку и подвел к стене, где коротко рассказал о положении дел. "Ну, что вы скажете?"

— Вы уверены, что ваша мама не была ирландкой?

— Ее мама была.

Девлин кивнул: "Я должен был догадаться. И между тем, кто знает? Мы можем выпутаться. — Он улыбнулся: — Я знаю одно. К девяти сегодня я рву когти".

Штайнер вскочил в "джип". "Будем поддерживать связь".

Из леса на холме по другую сторону дороги Молли, стоя рядом с лошастью, наблюдала, как Девлин достал ключ и отпер дверь. Даже сейчас, намереваясь встретиться с ним, она не потеряла отчаянной надежды, что, может быть, — ошибается. Но, увидев Штайнера и его двух солдат в "джипе", получила последнее для себя доказательство правды.

За полмили до деревни Шафто остановил колонну. "У нас мало времени, — сказал он. — Мы должны ударить по ним, и ударить как следует, но это должно быть неожиданностью. Капитан Мэллори, возьмите три "джипа" и пятнадцать человек, — приказал он, — и через поле по колеям, указанным на карте, поезжайте к деревне с ее восточной стороны. Затем повернете к дороге на Стадли Грэндж к северу от мельницы. Сержант Хастлер, как только доедете до края деревни, пойдете вместе с дюжиной солдат через Хокс Вуд к церкви. Остальные останутся со мной. Мы заблокируем дорогу к коттеджу этой Грей".

— Значит, мы полностью возьмем их в мешок, полковник, — сказал Мэллори.

— Какой, к черту, мешок! Когда все займут исходные позиции, по моему сигналу мы ворвемся в церковь и быстренько с ними покончим.

Наступила тишина. Наконец сержант Хастлер спросил: "Прошу прощения, полковник, но разве не потребуются рекогносцировка? — Он попытался улыбнуться. — Я хочу сказать, насколько мы знаем, эти гансы-парашютисты — не подарок".

— Хастлер, — холодно сказал Шафто, — вы снова оспариваете мой приказ, и я так быстро разжалую вас в рядовые, что не успеете вспомнить, как вас зовут. — Он одного за другим оглядывал унтер-офицеров, и правая щека его начала подергиваться. — Что, у всех тут кишка тонка?

— Да нет, сэр, — ответил Мэллори. — Мы идем за вами, полковник.

— Вот так-то лучше, — сказал Шафто, — иначе я пойду туда один с белым флагом.

— Вы хотите сказать, что намереваетесь предложить им сдаться, сэр?

— Сдаться? Как бы не так, капитан. Я буду вести переговоры, а вы тем временем займете позицию — вам отпускается ровно десять минут с того момента, когда я войду в деревню. Итак, вперед!

Девлин проголодался. Он разогрел суп, сжарил яичницу и положил ее между двумя толстыми ломтями хлеба, испеченного Молли. Он ел, сидя на стуле у очага, когда порыв холодного воздуха тронул его левую щеку — это открылась дверь. Он обернулся. В дверях стояла она.

— А, это ты? — весело спросил Девлин. — Я перекусываю, прежде чем идти за тобой. — Он поднял сандвич. — Ты знаешь, что эта вещь была изобретена графом, не меньше?

— Ты, подонок, — отрезала Молли. — Ты — грязная свинья. Ты обманул меня.

Она бросилась на него, стараясь ногтями вцепиться в лицо. Он схватил ее за руки и пытался утихомирить: "Что случилось?" Но он, конечно, знал причину.

— Я все знаю, — сказала Молли. — Его зовут не Картер, а Штайнер, и он, и его люди — проклятые немцы, которые здесь для того, чтобы захватить мистера Черчилля. А тебя как зовут? Уж не Девлин, конечно, я уверена.

Он оттолкнул ее, взял бутылку ирландского виски и стакан.

– Да, Молли, не Девлин. – Он покачал головой. – Я не хотел тебя втягивать в это дело, любовь моя. Так случилось.

– Проклятый предатель!

Он заговорил в отчаянии: "Молли, я ирландец, а это значит, что я так же не похож на тебя, как немец на француза. Я иностранец. Мы совсем не одно и то же, хотя оба говорим по-английски, но с разным акцентом. Когда это уразумеют люди?"

Теперь в глазах Молли появилась неуверенность, но она упорствовала: "Предатель!"

Лицо Девлина посуровело, глаза сделались синие-синие, подбородок поднялся. "Не предатель я, Молли. Я солдат Ирландской республиканской армии и служу делу, которое мне так же дорого, как тебе – твое".

Ей необходимо было сделать ему больно, ранить его, но оружия у нее было. "Ну, это не поможет ни тебе, ни твоему другу Штайнеру. Ему – конец или скоро будет. А ты пойдешь следом".

– О чем ты говоришь?

– Памела Верекер была со мной в церкви, когда он со своими людьми привел туда ее брата и Джорджа Уайльда. Мы услышали достаточно, чтобы она бросилась в Мелтам за американскими рейнджерами.

Он схватил ее за руки. "Когда это было?"

– Иди к черту!

– Скажи мне, будь ты проклята! – Он грубо потряс ее.

– Думаю, они уже в деревне. Если бы ветер дул оттуда, ты услышал бы перестрелку, так что ничего, кроме как бежать, тебе не остается, пока у тебя есть шанс.

Он отпустил ее и с презрением сказал: "Конечно, и это было бы разумно, но я так никогда не поступал".

Он надел кепку, очки и плащ. Подошел к камину и нащупал что-то под пачкой старых газет за корзиной для дров. Там были две ручные гранаты, которые дал ему Риттер Ноймани. Девлин снял с них предохранитель и аккуратно положил за пазуху. Маузер – в правый карман, на шею повесил "стен", удлинив ремень настолько, чтобы он оказался на уровне талии – в случае необходимости стрелять одной рукой.

Молли спросила: "Что ты собираешься делать?"

– В долину смерти, Молли, любовь моя, въехали шесть сотен... и прочая такая же старая английская ерунда. – Он налил себе стакан виски и увидел на ее лице удивление. – А ты думала, что я побегу на холмы и оставлю Штайнера в беде? – Он покачал головой. – Господи, девочка, а я думал, ты меня немножко знаешь.

– Ты не можешь туда идти. – В голосе ее зазвучала паника. – Лаям, тебе ничего не удастся сделать. – Она схватила его за руку.

– Но я должен, милая. – Он поцеловал ее в губы и решительно оттолкнул. Повернулся к двери. – Кстати, я написал тебе письмо. Правда, небольшое, но если тебе интересно, оно на полочке над камином.

Дверь хлопнула, а она стояла, окаменев. Где-то в другом мире взревел мотор и затих. Уехал.

Молли нашла письмо и лихорадочно развернула его. В нем было написано: "Молли, единственная любовь моя. Как сказал когда-то один великий человек, я пережил смену моря, и ничто и никогда теперь не будет таким, как было. Я приехал в Норфолк, чтобы сделать дело, а не влюбиться первый и последний раз в жизни в уродливую крестьянскую девочку, которая так неосторожно поступила! Теперь ты будешь знать обо мне худшее, но не думай обо мне плохо. Расстаться с тобой – наказание для меня. Пусть оно на этом и кончится. Как говорят в Ирландии, мы знали свои два дня. Лаям".

Слова стали расплываться, глаза Молли наполнились слезами. Она сунула письмо в карман и, спотыкаясь, вышла из дома. Лошадь была привязана к кольцу. Молли быстро развязала ее, взобралась на седло и пустила галопом, ударяя по шее сжатым кулаком. В конце дамбы она пустила лошадь напрямую через дорогу, перепрыгнула через живую изгородь и помчалась напрямик по полям к деревне.

Отто Брандт сидел на парапете моста и с беззаботным видом курил сигарету. "Что же будем делать, бежать?"

– Куда? – Риттер посмотрел на часы. – Без двадцати пять. Стемнеет самое позднее в шесть тридцать. Если мы до темноты продержимся, то сможем по двое-трое просочиться в Хобс Энд. Возможно, кто-нибудь из нас смог бы попасть на катер.

– У полковника могут быть другие планы, – заметил сержант Альтмани.

Брандт кивнул: "Точно, только его здесь нет, поэтому, мне кажется, нам лучше подготовиться к бою".

– И сразу встает важная проблема, – сказал Риттер. – Мы сражаемся только как немецкие солдаты. Нам было ясно сказано это с самого начала. По-моему, пришло время сбросить маск-рад.

Он снял красный берет, парашютную куртку и остался в немецкой летной блузе. Вытащил из кармана форменную пилотку и надел ее под положенным углом.

— Это относится ко всем, — сказал он Брандту и Альтманну, — так что поворачивайтесь побыстрей.

Джоанна Грей наблюдала всю эту сцену из окна спальни. Вид формы Риттера заставил ее вздрогнуть. Она видела, как Альтманн пошел на почту. Минуту спустя появился мистер Тернер. Он перешел мост и направился к церкви.

Риттер находился в чрезвычайном затруднении. Обычно в подобных обстоятельствах он приказал бы отступить, но, как сказал он Брандту: "Куда?" Вместе с ним их было двенадцать человек для охраны арестованных и для того, чтобы удерживать деревню. Невозможная ситуация.

Риттер попытался снова соединиться со Штайнером по полковому телефону.

— Ответьте, "Орел-один", это "Орел-два", — сказал он по-английски.

Ответа не было. Он отдал телефон рядовому Хаглю, который лежал под мостом, выставив дуло пулемета "брен" через дренажное отверстие, что давало ему широкий обстрел. Рядом были аккуратно сложены диски патронов. Хагль тоже сбросил красный берет и куртку и был в летной блузе, маскировочных брюках и пилотке.

— Не везет, господин старший лейтенант? — спросил он и вдруг замер: — Думаю, что слышу "джип".

— Верно, но совсем не с той стороны, — угрюмо сказал Риттер.

Он перепрыгнул через парапет и увидел "джип", появившийся из-за угла коттеджа Джоанны Грей. На конце радиоантенны трепетал белый носовой платок. В "джипе" находился только один человек. Риттер вышел из-за прикрытия и ждал руки в боки.

Шафто не стал надевать каску и был в пилотке. Для пущего эффекта он достал сигару из кармана рубашки и зажал ее в зубах. Не торопясь, зажег ее и вышел из "джипа". Он остановился в нескольких ярдах от Риттера и, расставив ноги, оглядывал его.

Заметив знаки различия на петлицах, Риттер отдал честь.

Шафто, приветствуя его, разглядел на блузе два "Железных креста", нашивку за Зимнюю кампанию, серебряную нашивку за ранения, боевой значок за выдающуюся службу в наземных боях, значок парашютиста и понял, что в лице этого молодого человека он видит закаленного ветерана.

— Итак, маскарад окончен, господин старший лейтенант? Где Штайнер? Передайте ему, что полковник Роберт Шафто, командующий Двадцать первым специальным отрядом рейнджеров хотел бы поговорить с ним.

— Здесь я за старшего, господин полковник. Вам придется иметь дело со мной.

Взгляд Шафто охватил дуло "брена", почту, второй этаж паба "Стадли армс", где два окна спальни были открытыми. Риттер вежливо сказал: "Еще что-нибудь, полковник, или вы увидели достаточно?"

— Что случилось со Штайнером? Он что, сбежал от вас? — Риттер не отвечал, и Шафто продолжал: — О'кей, сынок, я знаю, сколько у вас человек под командованием, и если мне придется привести сюда своих парней, вам не продержаться и десяти минут. Почему не быть разумными и не поднять полотенце?

— Простите, пожалуйста, — сказал Риттер, — но, сказать по правде, я уезжал в такой спешке, что забыл захватить туалетные принадлежности.

Шафто сбросил пепел с сигары. "Я даю вам десять минут, затем мы наступаем".

— А я даю вам две, полковник, — сказал Риттер. — Убраться отсюда к черту, прежде чем мои люди откроют огонь.

Раздался металлический звук взводимого курка. Шафто посмотрел на окна и угрюмо произнес: "О'кей, сынок, ты сам напросился".

Он бросил сигару, тщательно затоптал ее в землю, вернулся к "джипу" и сел за руль. Уезжая, он взял за микрофон полевого радио. "Это "Сахар-один". Двадцать секунд, отсчитываю: девятнадцать, восемнадцать, семнадцать..."

На счет "двенадцать" он проехал коттедж Джоанны Грей, а на счет "десять" исчез за поворотом дороги.

Из окна спальни Джоанна Грей видела, как он уехал. Она вошла в кабинет и открыла потайную дверь. Наверху, заперев ее за собой, она села у радио, достала из ящика пистолет и положила рядом на стол. Странно, но теперь, когда дело дошло до рубежа, она ничуть не боялась. Наливая себе виски, она услышала, что началась перестрелка.

Ведущий "джип" группы Шафто вырвался вперед. В нем были четверо, причем двое, стоя на заднем сиденье, стреляли из пулемета "браунинг". Когда они проехали сад соседей Джоанны Грей, немцы Динтер и Берг выпустили по ним длинную очередь, которая сбила с ног обоих пулеметчиков в "джипе". "Джип" перевернулся, покатился под откос и упал в реку кверху колесами.

Следующий "джип" круто свернул с дороги, завертелся на травянистом берегу реки и чуть было не свалился вслед за первым. Берг поворачивал пулемет "брен", стреляя короткими очередями. Он сбросил пулеметчиков через борт "джипа", разбил ветровое стекло, но машина успела свернуть за угол.

В руинах Сталинграда Динтер и Берг усвоили, что основа успеха в подобной ситуации – это нанести удар и быстро сменить позицию. Они немедленно выбрались из-под моста и побежали к почте под прикрытием живых изгородей, огораживающих сады позади коттеджей.

Шафто, который наблюдал весь маневр с возвышенного места в лесу, в ярости заскрежетал зубами. Ему вдруг стало отчетливо ясно, что Риттер позволил ему увидеть лишь то, что хотел, чтобы он увидел. "А, этот ублюдочек издевается надо мной", – тихо сказал он.

Второй, обстрелянный "джип" остановился у края дороги перед третьим "джипом". У водителя было сильно изрезано лицо. Сержант Томас делал ему перевязку. Шафто закричал: "Ради бога, сержант, вы понимаете, с чем вы играете? За забором второго отсюда коттеджа установлен пулемет. Бегите туда с тремя солдатами и уберите его".

Круковски, стоя с полевым телефоном возле Шафто, вздрогнул. *"Пять минут назад нас было тринадцать. Теперь девять. Во что, черт побери, он играет?"*

На другой стороне деревни завязалась ожесточенная перестрелка. Шафто посмотрел в полевой бинокль, но ничего не увидел, кроме отрезка дороги, поворачивающей за мостом, и крыши мельницы, возвышающейся над домами. Он щелкнул пальцами, и Круковски дал ему телефон. "Мэллори, вы слышите меня?"

Мэллори мгновенно ответил: "Так точно, полковник".

– Что, черт побери, там происходит? Я ожидал, что вы уже будете звонить в колокола.

– У них сильное укрепление на втором этаже мельницы. Великолепный обстрел. Дорога блокирована. Я уже потерял четырех человек.

– Теряйте еще, – заорал Шафто в телефон, – но возьмите это укрепление, Мэллори! Подожгите их! Сделайте что угодно!

Шафто связался по телефону с другими группами: "Вы на месте, Хастлер?"

– Полковник, это Хастлер. – Голос звучал довольно слабо.

– Я ожидал, что вы уже на холме у церкви.

– Дорога была трудной, полковник. Мы поехали по полям, как вы велели, и застряли в болоте. Сейчас подъезжаем к южному краю Хокс Вуда.

– Ради бога, приступайте!

Он вернул телефон Круковски. "Иисус Христос! – горько сказал Шафто. – Ни на кого нельзя положиться! Когда доходит до дела, я должен сам всем заниматься!"

И он укрылся в канаве. Вернулись сержант Томас с тремя солдатами: "Не о чем докладывать, полковник".

– То есть как не о чем докладывать?

– Там никого нет, сэр, кроме вот этого. – Томас протянул горсть стреляных гильз от патронов 0,303 калибра.

Шафто с такой силой ударил его по руке, что гильзы разлетелись. "Ладно, я беру два "джипа" и по два человека к каждому пулемету. Я хочу, чтобы вы открыли такой огонь, чтобы травинка не поднялась".

– Но, полковник, – начал Томас.

– А вы возьмите четырех человек и пробирайтесь сзади коттеджей. Ударьте по почте у моста с тыла. Круковски остается со мной. – Он сильно ударил рукой по капоту "джипа": – Выполняйте!

Отто Брандт, унтер-офицер Вальтер, Мейер и Ридель находились на мельнице. С точки зрения обороны они заняли отличную позицию. Старинные каменные стены были толщиной около трех футов, входная дубовая дверь заперта и забаррикадирована. Окно на втором этаже открывало отличный обзор, и Брандт установил там пулемет.

На дороге, загораживая ее, горел "джип". Внутри его еще оставался один человек, двое других сползли в канаву. Брандт лично разделался с "джипом", но сначала, не обнаруживая своего присутствия, позволил Мэллори и его людям с шумом подъехать к мельнице и только в последний момент бросил из окна две гранаты.

Укрываясь за живой изгородью, американцы поливали мельницу сильным, но не эффективным для ее массивных каменных стен огнем.

– И кто ими руководит? Он же не знает своего дела, – заметил Вальтер, перезаряжая свой М1.

– Ну а что бы ты сделал? – спросил его Брандт, выпуская короткую очередь из "брена".

– Здесь же река, так? С той стороны мельницы окон нет. Им следовало бы двигаться с тыла.

Брандт поднял руку: "Прекратить огонь".

– Почему? – требовательно спросил Вальтер.

– Потому что они подъехали, или вы не заметили?

Наступила тишина, и Брандт тихо сказал: "Не уверен, что это так, но подготовимся".

Мгновение спустя Мэллори с восемью солдатами, издавая громкий боевой клич, выскочили из-за прикрытия и побежали к ближайшей канаве, стреляя с бедра. Несмотря на то что их

прикрывал пулеметный огонь с двух стоявших за живой изгородью "джипов", это была невероятная глупость.

— Господи! — воскликнул Брандт. — Где, они считают, находятся? На Сомме?

Он выпустил длинную небрежную очередь по Мэллори и убил его на месте. Еще трое упало, когда немцы выстрелили все разом. Один из американцев пополз к ближайшей живой изгороди, оставшиеся в живых отступали.

Брандт взял сигарету. "Осталось семеро. Восемь, если считать того, кто уполз".

— Психи, — сказал Вальтер. — Самоубийцы. Хотелось бы мне знать, что они так торопятся? Им бы подождать.

Кейн и полковник Конкоран сидели в "джипе" в двухстах ярдах от главных ворот Мелтам Хауза и смотрели на разбитый телефонный столб. "Боже мой! — воскликнул Конкоран. — Это просто невероятно! О чем он думал, скажите на милость?"

Кейн мог сказать, но воздержался. Вслух он произнес: "Не знаю, полковник. Может, он считал это актом безопасности. Наверняка он стремился скорее сразиться с парашютистами".

Из главных ворот появился "джип" и направился к ним. За рулем сидел Гарви, и когда он затормозил возле них, лицо его было мрачным: "Только что получили сообщение по радио".

— От Шафто?

Гарви покачал головой: "Круковски спрашивал лично вас, майор. Там ужас что творится. Он говорит, что они полезли прямо под огонь. Убитые повсюду".

— А Шафто?

— Круковски просто в истерике. Повторяет, что полковник действует, как сумасшедший. Многие его приказы просто бессмысленны.

"Господи, — подумал Кейн, — он действительно поскакал с развевающими знаменами".

— Думаю, мне следует поехать туда, полковник, — сказал он Конкорану.

— Я тоже так думаю, — согласился Конкоран. — Здесь вы, конечно, оставите достаточно людей для охраны премьер-министра.

Кейн повернулся к Гарви: "Сколько машин у нас осталось?"

— "Белый скаут" и три "джипа".

— Мы возьмем их и группу в двадцать человек. Пожалуйста, сержант, будьте готовы выехать через пять минут.

Гарви круто развернул "джип" и стремительно уехал. "В

вашем распоряжении остается двадцать пять человек, сэр, — сказал Кейн Конкорану. — Вам достаточно?"

— Со мной двадцать шесть, — сказал Конкоран. — Вполне хватит, особенно если я приму командование на себя. Пора кому-нибудь сделать из вас, колонистов, настоящих солдат.

— Да, сэр, — ответил Кейн, включая мотор. — Ничего, кроме массы комплексов после Банкер-Хилла. — Он нажал на газ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Деревня была еще в добрых полутора милях, когда Штайнер вдруг услышал непрерывное жужжание полевого телефона. Кто-то включился в канал, но ничего не было слышно. "Поторопись, — сказал Штайнер Клуглу, — что-то случилось".

В миле от деревни отдаленная перестрелка подтвердила его худшие ожидания. Он привел в боевое положение свой "стен" и посмотрел на Вернера: "Будь готов воспользоваться им. Весьма возможно, что придется".

Клугл выжимал из "джипа" все, давя на педаль изо всех сил. "Скорее, черт тебя побери, скорее!" — торопил Штайнер.

Телефон перестал жужжать, и, когда они подъехали к деревне ближе, Штайнер крикнул, пытаясь наладить связь: "Это "Орел-один". Прием, "Орел-два".

Ответа не было. Он повторил попытку, но опять безрезультатно. Клугл сказал: "Может, они слишком заняты, господин полковник".

Минуту спустя они въехали на холм в трехстах ярдах западнее церкви, и перед ними раскинулась вся панорама. В бинокль Штайнер увидел мельницу и группу Мэллори в поле. У живой изгороди за почтой — рейнджеров, затем — "Стадли армс", Риттера и молодого Хагля за мостом, застрявших из-за стены пулеметного огня, который велся с двух "джипов" под командованием Шафто. Один из "джипов" стоял у забора дома Джоанны Грей, откуда пулеметчики могли вести навесной огонь, оставаясь в безопасности. Второй "джип" стоял у соседнего забора.

Штайнер снова попытался наладить связь. "Это "Орел-один". Вы меня слышите?"

На втором этаже мельницы его голос затрещал в трубке, которую держал Ридель. Он только что, пользуясь затишьем, включил телефон. "Это полковник", — закричал Ридель Брандту и сказал в телефон: "Это "Орел-три", мы на мельнице. Вы где?"

— На холме над церковью, — ответил Штайнер. — Доложите обстановку.

В разбитые окна влетели пули и отскочили от стены.

— Дай мне телефон! — закричал Брандт, лежа на полу за пулеметом.

— Штайнер на холме, — сказал Ридель. — Можешь быть спокоен, он обязательно вызовет нас из этого говна. — Он подполз к двери на чердак над мельничным колесом и, толкнув, раскрыл ее.

— Вернись, — позвал Брандт.

Ридель выглянул наружу. Он возбужденно засмеялся и поднес телефон ко рту: "Я вижу вас, господин полковник. Мы..."

Застрочили автоматы, по стене растеклись кровь и мозги — Риделю разmozжило череп, и он вывалился вниз, все еще сжимая в руках телефон.

Брандт метнулся к двери и посмотрел через порог. Ридель упал на мельничное колесо. Оно продолжало вращаться и потянуло труп в бурлящую воду.

На холме Вернер тронул Штайнера за плечо: "Господин полковник, в лесу справа — солдаты".

Штайнер навел бинокль. С высоты холма была видна часть колеи через Хокс Вуд. По ней шел сержант Хастлер со своими людьми.

И Штайнер принял решение: "Похоже, что мы снова немецкие парашютисты, ребята".

Он отшвырнул красный берет, расстегнул пояс с браунингом в кобуре и снял куртку. Под ней была летная блуза с "Рыцарским крестом" и "Дубовыми листьями" у ворота. Штайнер вытащил из кармана пилотку и надел ее. Клугл и Вернер последовали его примеру.

Штайнер обратился к ним: "Итак, ребята, большое турне. Прямо по колее через лес, через пешеходный мостик перекинуться несколькими словами с теми, кто в "джипах". Думаю, ты справишься, Клугл, если поедешь достаточно быстро, а затем — к старшему лейтенанту Нойманну. — Он посмотрел на Вернера: — Не прекращай огня, что бы ни случилось".

На последнем отрезке пути до церкви "джип" шел со скоростью пятьдесят миль. Унтер-офицер Беккер стоял около паперти. Он в испуге отшатнулся, Штайнер помахал ему рукой. Клугл сделал крутой поворот на колею через Хокс Вуд.

Они с ходу взяли небольшой подъем, проехали поворот между крутыми откосами и выскочили на Хастлера и его солдат, растянувшихся цепочкой по колее. Вернер открыл огонь в упор, на прицеливание у него было всего несколько секунд, и через столько же секунд "джип" врезался в гущу солдат. Солдаты,

отпрыгнули в сторону и, спасая жизнь, старались вскарабкаться на крутые откосы. Передние колеса "джипа" подпрыгнули, наехав на человека, и "джип" помчался дальше, оставив позади себя мертвыми и умирающими сержанта Хораса Хастлера и семерых солдат.

"Джип" метнулся в конец колеи как молния и напрямую через пешеходный мостик, ломая старые перила, словно спички, промчался вверх по берегу к дороге.

Два человека, составившие пулеметный расчет в "джипе", который стоял за оградой сада Джоанны Грей, в отчаянии повернули свой "браунинг", но было поздно: Вернер прошил ограду очередь, которая сбила их обоих.

Но их гибель дала расчету второго пулемета, установленного за другим забором, две или три драгоценные секунды сориентироваться — секунды, означавшие жизнь или смерть. Они повернули свой "браунинг" и начали стрелять в тот момент, когда Клугл круто повернул руль и поехал обратно к мосту.

Настала очередь рейнджеров. И хотя Вернер выпустил короткую очередь по ним, которая зацепила одного пулеметчика, второй продолжал стрелять. Пули стучали по "джипу" немцев и разбили ветровое стекло. Внезапно Клугл вскрикнул и упал на руль, "джип" завертелся и врезался в парапет в конце моста. Он как бы повис на мгновение, а затем медленно перевернулся на бок.

Вернер екнулся над зажатым в "джипе" Клуглом. На лице Клугла была кровь. Вернер диким взглядом посмотрел на Штайнера и сказал: "Он мертв, господин полковник".

Он взял "стен" и стал подниматься. Штайнер пригнул его: "Возьми себя в руки, парень. Он мертв, но ты жив".

Вернер тупо кивнул: "Да, господин полковник".

— Установи "браунинг" и займись вон теми рейнджерами.

Штайнер повернулся и увидел, что Нойманн ползет к нему, держа в руках "брен". "Вы устроили там настоящий ад", — сказал Нойманн.

— Через лес к церкви двигался отряд, — сказал Штайнер. — Мы им тоже дали жару. Что с Хаглем?

— Боюсь, что погиб. — Нойманн указал на сапоги Хагля, видневшиеся из-за парапета.

С борта "джипа" Вернер начал стрелять из браунинга короткими очередями. Штайнер спросил: "А что вы намеревались делать, господин старший лейтенант?"

— Через час должно стемнеть, — ответил Риттер. — Я думал, что если мы сможем до этого момента продержаться, то по двое-трое ускользнем. Под покровом темноты мы могли бы скрываться в болоте возле Хобс Энда. И попасть на катер, если

Кениг прибедет, как было условлено. Все равно теперь нам к старику не приблизиться.

Он помедлил и добавил, чувствуя неловкость: "Это даст нам некоторый шанс".

— Единственный, — сказал Штайнер, — но не здесь. Думаю, пора снова перегруппироваться. Где все?

Риттер быстро обрисовал ему в общих чертах ситуацию. Штайнер кивнул: "По пути сюда мне удалось связаться с теми, кто на мельнице. На телефоне — Ридель, там страшный пулеметный огонь. Берите Альтманна и его ребят, а я узнаю, смогу ли пробраться к Брандту".

Старший лейтенант Риттер бросился через дорогу, Вернер прикрыл его огнем, а Штайнер попытался связаться по телефону с Брандтом. Связь не налаживалась. Когда Нойманн вышел из дверей почты с Альтманном, Динтером и Бергом, у мельницы началась сильная перестрелка.

Они спрятались за парашетом, и Штайнер сказал: "Не могу связаться с Брандтом. Бог знает, что там делается. Бегите к церкви. На большей части пути у вас есть прикрытие — живая изгородь. Командуете вы, Риттер".

— А вы?

— На некоторое время я их задержу пулеметным огнем, а потом последую за вами.

— Но, господин полковник, — возразил было Риттер.

Штайнер прервал его: "Никаких "но". Сегодня мой день изображать героя. А теперь все — к черту отсюда, это приказ".

Несколько секунд Риттер колебался. Затем кивнул Альтманну и, пригнувшись, побежал через мост. Штайнер лег за пулемет и открыл огонь.

По другую сторону моста было открытое место, не более двадцати пяти футов, за ним начиналась живая изгородь. "Бежать друг за другом не имеет смысла, — сказал Риттер, — ведь, увидев одного из нас, пулеметчик ориентируется и подбьет следующего. По моей команде бежим все вместе".

Он выскочил из-за прикрытия и помчался к живой изгороди. Рядом с ним мчались Альтманн и остальные. Пулеметчиком у американцев, занявших позицию по другую сторону живой изгороди, был капрал Бликер, в лучшие времена — рыбак из Кейп Кода. В этот момент он сходил с ума от боли: под его правый глаз впился осколок стекла. Больше всего на свете капрал Бликер ненавидел Шафто за то, что тот впутал его в это дело. Но сейчас годилась любая цель. Он увидел, что немцы бегут через дорогу, и повернул "браунинг" в их сторону. Но поздно. В ярости и отчаянии он на всякий случай дал очередь по изгороди.

И сейчас же по другую сторону изгороди Берг споткнулся и упал. Динтер обернулся к нему: "Дай мне руку, псих несчастный! Ты как всегда".

Берг поднялся, и тогда пули, срезая изгородь, прошли его и Динтера, отбросив их тела на землю в последнем предсмертном танце. Закричал Вернер, но Альтманн схватил его за плечо и толкнул вслед за Риттером.

Из дверцы над мельничным колесом Брандт и Мейер видели гибель товарищей. "Теперь ясно, — сказал Мейер, — похоже, что мы здесь на постоянном месте жительства".

Наблюдая, как Риттер, Альтманн и Бригель пробежали вдоль длинной изгороди и перелезли через забор на кладбище, Брандт обрадовался: "Им удалось. Чудесам нет конца".

Он подполз к Мейеру, который сидел, опираясь спиной о ящик. Мейер был ранен в живот. Блуза его расстегнулась, и под пушком открылась рваная рана с распухшими лиловыми краями. Лицо его было в поту. "Посмотри-ка, — сказал он, — по крайней мере, крови я не теряю. Моя мама всегда говорила, что мне везет, как дьяволу".

— Я это заметил. — Брандт сунул Мейеру в рот сигарету, но зажечь не успел, потому что опять начался сильный огонь.

Шафто скрючился у палисадника Джоанны Грей, потрясенный трагическими новостями, которые ему только что сообщил один из оставшихся в живых из группы Хастлера. Катастрофа казалась полной. Меньше чем за полчаса он потерял убитыми и ранеными не менее двадцати двух человек. Больше половины его команды! Последствия будут слишком страшными, чтобы о них думать.

Круковски, согнувшись рядом с ним и держа полевой телефон в руках, спросил: "Что будете делать, полковник?"

— То есть как — что я буду делать? — загремел Шафто. — А делать-то всегда приходится мне! Поручи кому-нибудь другому, кто понятия не имеет о дисциплине и долге, и видишь, что получается!

Он тяжело оперся о забор и посмотрел вверх. И именно в этот момент Джоанна Грей выглянула из-за шторы в спальне. Она мгновенно отпрянула назад, но было поздно. Шафто прорычал: "Господи, Круковски, эта проклятая продажная сука все еще в доме".

Поднимаясь на ноги, он показал на окно. Круковски сказал: "Я никого не вижу, сэр".

– Скоро увидишь, парень! – воскликнул Шафто, вытаскивая свой кольт с перламутровой рукояткой. – Пошли! – И побежал по дорожке к дому.

Джоанна Грей заперла потайную дверь и быстро поднялась в свое убежище на чердак. Она села к радио и начала передачу на Ландсвоорт. Внизу послышался шум. Дверьми хлопали, мебель перевертывали – это Шафто обыскивал дом. Он уже подошел очень близко, топая в кабинете. Она совершенно ясно слышала его яростный крик, когда он вышел на лестницу.

– Она должна быть где-то здесь!

На лестнице раздался еще один голос: "Эй, полковник, в погребе была заперта эта собака. Она мчится на вас, как летучая мышь из ада".

Джоанна Грей взяла пистолет и взвела курок, не прекращая передачи. На площадке Шафто посторонился, и Пэч проскочила мимо него. Шафто побежал за собакой в кабинет и увидел, что она скребется о панель в углу.

Шафто быстро осмотрел панель и обнаружил крохотную замочную скважину. "Она здесь, Круковский! – В голосе его была дикая, почти сумасшедшая радость. – Я ее нашел!"

Он выстрелил три раза в упор в замочную скважину. Дерево раскрошилось, замок выпал, дверь распахнулась, и Круковский вошел в комнату, держа наготове автомат.

– Осторожно, сэр.

– Вот уж! К черту! – Шафто начал подниматься по ступенькам, держа перед собой кольт. Пэч проскочила мимо него. – Слезай оттуда, сука!

Когда голова Шафто показалась над уровнем пола, Джоанна Грей выстрелила ему между глаз. Шафто рухнул вниз. Круковский дал из своего автомата непрерывную длинную очередь – она прозвучала, как взрыв. Собака завывала, раздался звук падающего тела, и стало тихо.

Девлин подъехал к церкви в тот момент, когда Риттер, Альтманн и Вернер Бригель бежали между могил к паперти. Они увидели Девлина, когда он остановил мотоцикл у калитки. "Ад крошечный, – сказал Риттер. – А полковник все еще там, у моста".

Девлин взглянул вниз на деревню, где Штайнер продолжал стрелять из пулемета, спрятавшись за разбитым "джипом", но вдруг Риттер схватил его за руку и воскликнул: "Господи, посмотрите, что приближается".

Девлин обернулся. За домом Джоанны Грей он увидел белую машину и три "джипа". Он запустил мотор и ухмыльнулся: "Так, я сейчас же еду, пока не передумал".

Он съехал с холма, помчался к Лужайке Старухи, через не-

сколько ярдов сошел с колеи и дальше напрямик к мосту. Казалось, он вот-вот свалится с мотоцикла – так его подбрасывало на кочках, и Риттер, наблюдая за Девлином, поражался, как он может усидеть в седле.

Вдруг в ограду возле головы старшего лейтенанта попала пуля. Риттер упал под защиту ограды рядом с Вернером и Альтманном и начал стрелять, когда остатки группы Хастлера наконец перегруппировались и вышли на опушку леса перед церковью.

Девлин проскочил мост и поехал по колее в лесу. Он был уверен, что встретит людей, поэтому выхватил гранату и вырвал чеку зубами. Выехав из леса, он действительно увидел на опушке "джип" и испуганных людей возле него.

Он как бы уронил гранату позади себя и выхватил другую. За изгородью слева от него еще находились рейнджеры, и когда первая граната взорвалась, он бросил в них вторую и помчался дальше мимо мельницы. Девлин остановился за мостом, где Штайнер все еще лежал за пулеметом.

Не сказав ни слова, Штайнер поднялся, держа пулемет в обеих руках, и, достреливая патроны, дал длинную очередь с такой яростью, что капрал Бликер нырнул под укрытие живой изгороди. В следующую минуту Штайнер отбросил пулемет и вскочил на мотоцикл. Девлин запустил мотор. На большой скорости они проехали по мосту и направились вверх по холму.

В это время из-за угла забора Джоанны Грей показалась белая машина. Гарри Кейн наблюдал за мотоциклом.

– А что это было, черт возьми? – требовательно спросил Гарри.

Капрал Бликер буквально выпал из своего "джипа" и, спотыкаясь, подошел к ним с окровавленным лицом. "Здесь есть доктор, сэр? Думаю, я потерял правый глаз. Ничего не вижу".

Кто-то вскочил, чтобы поддержать его. Кейн, оглядывая побоище в деревне, прошептал: "Сумасшедший глупый ублюдок".

Из калитки вышел Круковский и отдал честь. "Где полковник?" – спросил Кейн.

– Мертв, сэр, наверху в доме. Эта леди... она застрелила его.

Кейн поспешно вышел из машины. "Где она?"

– Я... я убил ее, майор, – сказал Круковский, и в глазах у него стояли слезы.

Кейн не нашелся, что сказать. Он сжал плечо Круковского и пошел по дороге к дому.

На вершине холма Риттер и его два товарища все еще стреляли из-за забора по рейнджерам, находившимся в лесу, когда Девлин со Штайнером подъехали к ним. Ирландец ловко повернул мотоцикл, въехал в калитку. Риттер, Альтманн и Вернер отступали под прикрытием могильных плит и наконец оказались в безопасности на паперти.

Унтер-офицер Беккер оставил дверь открытой, а когда Риттер и другие вошли, захлопнул ее и запер на засов. Пулеметный огонь снаружи возобновился с новой силой. Жители деревни, напряженные и обеспокоенные, сбились в кучу. Филипп Верекер, белый от гнева, хромая, подошел к Девлину: "Еще один проклятый предатель!"

Девлин ухмыльнулся: "Да ладно, — сказал он. — Приятно снова оказаться среди друзей".

На мельнице наступило затишье. "Мне это не нравится", — заволновался Вальтер.

— Тебе никогда ничего не нравится, — сказал Брандт и намурился: — А это что такое?

Послышался шум машины. Брандт попытался выглянуть из чердачной двери на дорогу, но тут же оказался под огнем. Он отполз и спросил о Мейере.

— Думаю, умер, — ответил Вальтер.

Брандт взял сигарету. "Подумать только, — сказал он, — канал Альберта, Крит, Сталинград, и где, оказывается, конец пути? В Стадди Констабл!" — Он зажег сигарету.

Машина "Белый скаут" шла со скоростью не менее сорока миль, когда Гарви резко повернул руль и врезался прямо в дверь мельницы, выломав ее. Кейн из зенитного пулемета стрелял в потолок помещения пулями 0,50 калибра, которые с легкостью проходили сквозь доски, дробя их. Он слышал предсмертные крики, но продолжал стрелять, поводя пулеметом из стороны в сторону, и прекратил огонь лишь тогда, когда в полу образовались огромные дыры.

В одной из них показалась окровавленная рука. Наступила полная тишина. Гарви взял у одного из солдат автомат, выскочил из машины и поднялся по деревянной лесенке в углу. И почти сразу же спустился.

— Все, майор.

Лицо Кейна было бледным, но он полностью владел собой. — Ну, ладно, — сказал он, — теперь — к церкви.

Молли подъехала к деревне в тот момент, когда по холму поднялся "джип", на антенне которого развевался белый носовой платок. У калитки кладбища "джип" остановился, и из него вышли Кейн и Декстер Гарви. Когда они шли по дорожке кладбища, Кейн тихо сказал: "Смотрите в оба, сержант. Вы должны узнать это место снова, если придется."

— Конечно, майор.

Дверь церкви открылась, и на паперть вышел Штайнер. Девлин прислонился к стене позади него, курил сигарету. Гарри Кейн отдал честь: "Мы встречались, полковник".

Не успел Штайнер ответить, как Филипп Верекер протиснулся мимо Беккера, стоявшего в дверях, и прошел вперед: "Кейн, где Памела? С ней все в порядке?"

— Она чувствует себя прекрасно, отец, — ответил Кейн. — Я оставил ее в Мелтам Хаузе.

Верекер повернулся к Штайнеру. Лицо его было помятым и очень бледным. Глаза сверкали торжеством. "Она здорово насолила вам, да, Штайнер? Если б не она, вы бы могли сделать свое дело".

Штайнер спокойно сказал: "Странно, как меняется перспектива в зависимости от точки зрения. Я-то думал, что мы провалились из-за того, что человек по имени Карл Штурм пожертвовал собой ради спасения жизни двух детей. — Не ожидая ответа, он повернулся к Кейну: — Чем могу служить?"

— Разве не ясно? Сдавайтесь. Нет смысла продолжать это бесполезное кровопролитие. Люди, которых вы оставили на мельнице, погибли. И миссис Грей тоже.

Верекер схватил его за руку. "Миссис Грей умерла? Как?"

— Она убила полковника Шафто, когда он пытался арестовать ее, и погибла в перестрелке. — Верекер отвернулся с выражением глубокого горя на лице, а Кейн сказал Штайнеру: "Теперь вы в полном одиночестве. Премьер-министр в безопасности в Мелтам Хаузе под усиленной охраной. Все кончено".

Штайнер подумал о Брандте, Вальтере, Мейере, Герхарде Клугле, Динтере, Берге и кивнул. Лицо его было очень бледным.

— На почетных условиях?

— Никаких условий! — Верекер выкрикнул это так громко, как будто он обращался к небу. — Эти люди появились здесь в британской форме! Должен я вам об этом напомнить, майор?

— Но не сражались в ней, — пояснил Штайнер. — Мы сражались как немецкие солдаты в немецкой форме. Как воздушные охотники. А переодевание было законной *ruse de guerre*¹.

¹ Военная хитрость (франц.). — Прим. перев.

– И прямым нарушением Женевской конвенции, – ответил Верекер. – Которая не только недвусмысленно запрещает носить в военное время форму противника, но и предписывает смертную казнь нарушителям.

Штайнер увидел выражение глаз Кейна и улыбнулся: "Не беспокойтесь, майор, не ваша вина. Правила игры и все такое. – Он обернулся к Верекеру: – Ну, отец, ваш бог – это бог ярости. Похоже, что вы потанцевали бы на моей могиле".

– Будьте вы прокляты, Штайнер! – Верекер подался вперед, поднял свою палку для удара, но запутался в длинной сутане и упал, ударившись головой о край могильной плиты.

Гарви быстро опустился около него на колено и осмотрел. "Без сознания. – Он поднял голову: – Но кто-нибудь должен ему помочь. У нас в деревне хороший врач".

– Конечно, забирайте его, – сказал Штайнер. – Забирайте всех.

Гарви посмотрел на Кейна, затем поднял Верекера и отнес его в "джип". Кейн спросил: "Вы отпускаете жителей деревни?"

– Само собой разумеется, поскольку, похоже, начинается новый раунд сражения. – По выражению лица Штайнера видно было, что ситуация немного забавляет его. – Неужели вы думаете, что мы будем держать всю деревню заложниками или выступим, гоня перед собой женщин? Зверствуя гансы? К сожалению, не могу доставить вам такого удовольствия. – Он обернулся: – Отошлите их, Беккер, всех.

Дверь с грохотом открылась, и из церкви начали выбегать жители деревни во главе с Лейкером Армсби. Большинство женщин истерически рыдали. Последней вышла Бетти Уайльд с Грэмом. Риттер Ноймани поддерживал ее мужа, у которого был ошеломленный и болезненный вид.

– Он поправится, миссис Уайльд, – сказал старший лейтенант. – Мне искренне жаль, что это произошло, поверьте мне.

– Да, что уж, – сказала она. – Вы не виноваты. Сделайте для меня, пожалуйста, одну вещь. Скажите мне ваше имя.

– Ноймани, – сказал он, – Риттер Ноймани.

– Спасибо, – просто сказала она, – простите меня за то, что я говорила. – Она обернулась к Штайнеру: – И еще я хочу поблагодарить вас и ваших людей за Грэма.

– Он храбрый мальчик, – сказал Штайнер. – Он даже не раздумывал. Сразу прыгнул. Это требует храбрости, а храбрость – вещь, которая никогда не выходит из моды.

Мальчик смотрел на него во все глаза.

– Вы немец? Почему? – требовательно спросил он. – Почему вы не на нашей стороне?

Штайнер громко рассмеялся. "Ладно, уведите его отсюда, – сказал он Бетти Уайльд. – А то я полностью размякну".

Миссис Уайльд взяла мальчика за руку и поспешила прочь. За забором женщины толпой спускались с холма. В этот момент на дороге из Хокс Вуда появился "Белый скаут" и остановился, нацелив зенитное оружие и пулемет на паперть.

Штайнер сухо кивнул: "Итак, майор, последний акт. Пусть начнется сражение". – Он отдал честь и взойшел на паперть, где стоял Девлин, который на протяжении всего разговора не сказал ни слова.

– По-моему, я никогда не слышал, чтобы вы так долго молчали, – заметил Штайнер.

Со своего наблюдательного пункта Молли видела, как Девлин вошел в церковь вместе со Штайнером, и сердце ее упало, словно камень. "Господи, – думала она, – я должна что-то сделать".

В этот момент дюжина рейнджеров во главе с чернокожим сержантом бросилась по дороге из леса, который находился довольно далеко от церкви, и поэтому их не было видно. Они побежали вдоль забора и проникли в сад священника через калитку.

Но в дом не вошли. Они перебрались через забор на кладбище, приближаясь к церкви со стороны колокольни, а затем двинулись к паперти.

Охваченная пробудившейся решимостью, Молли вскочила в седло и направила лошадь по вереску к лесу позади дома священника.

В церкви было очень холодно, ее заполняло множество теней, колебались язычки горящих свечей, да лампа в ризнице излучала рубиновый свет. Их оставалось только восемь, считая Девлина: Штайнер и Риттер, Вернер Бригель, Альтманн, Янсен, Беккер и Престон. Никто из них не знал, что в церкви находился также Артур Сеймур, о котором забыли во время поспешного вывода жителей и который тихо лежал связанный рядом с трупом Штурма в темноте часовни Богородицы. Ему удалось сесть, опираясь о стену, и теперь он старался развязать руки, уставившись своими странными сумасшедшими глазами на Престона.

Штайнер подергал двери на колокольню и в ризницу – паперты, заглянул за занавеску у подножия колокольни, откуда тянулись веревки к колоколам на высоте тридцати футов. Колокола не звонили с 1939 г.

Он повернул и пошел к своим. "Все, что я могу вам предложить, — это еще одно сражение", — сказал он.

Престон возразил: "Да это просто смешно. Как мы можем сражаться? У них солдаты, оружие. Нам не удержаться здесь и десяти минут".

— Все очень просто, — сказал Штайнер. — У нас нет выбора. Как вы слышали, по условиям Женевской конвенции мы поставили себя под удар тем, что надели британскую форму.

— Мы сражались как немецкие солдаты, — настаивал Престон. — В немецкой форме. Вы же сами это сказали.

— Спорный вопрос, — продолжил Штайнер. — Я бы свою жизнь на него не поставил, даже с хорошим адвокатом. Лучше пуля здесь и сейчас, чем расстрел потом.

— Не пойму, что вы-то так волнуетесь, Престон, — сказал Риттер. — Вам-то, без сомнения, грозит лондонский Тауэр. Боюсь, что англичане никогда сильно не уважали предателей. Вас повесят так высоко, что вороны не достанут.

Престон опустился на скамейку, закрыв лицо руками.

Ожил орган, и Ганс Альтманн, сидя высоко над местами хора, крикнул: "Прелюдия Иоганна Себастьяна Баха, особенно подходящая к нашему положению, называется "Умирающим".

Голос его разносился под сводами: "О, как обманчивы, о, как быстротечны уходящие наши дни..."

Одно из окон под куполом разлетелось. Автоматная очередь выбила Альтманна из кресла органиста на скамьи хора. Вернер повернулся и, согнувшись, открыл огонь из "стена". Рейнджер повалился вниз головой из окна и упал между скамейками. В этот момент вылетело еще несколько окон под натиском мощного огня, полившего в церковь. Вернеру пуля попала в голову, когда он бежал по южному проходу, и он упал лицом вниз, не издав ни звука. Кто-то неистово строчил из пулемета.

Штайнер подполз к Вернеру, перевернул его и двинулся дальше, пробираясь по ступенькам, чтобы проверить, что с Альтманном. Он вернулся по южному проходу, держась за скамейками, под непрекращающимся огнем.

Девлин подполз к нему: "Как дела?"

— Альтманн и Бригель убиты.

— Кровавая баня, — сказал ирландец. — У нас нет ни одного панса. Риттер ранен в ноги, а Янсен убит.

Штайнер пополз вместе с ним в глубь церкви, где Риттер, лежа на спине между скамейками, перевязывал ногу индивидуальным пакетом. Престон и Беккер скрючились около него.

— Ты в порядке, Риттер? — спросил Штайнер.

— Им не хватит нашивок за ранение, господин полковник, — Риттер улыбался, и видно было, что боль очень сильная.

Американцы все еще стреляли сверху, и Штайнер кивнул в сторону двери в ризницу, которая была еле видна в тени, и сказал Беккеру: "Посмотри, нельзя ли пулями открыть эту дверь. Мы здесь долго не продержимся, это точно".

Беккер проскользнул в тени за амвоном, не поднимаясь. Когда он выстрелил из "стена" с глушителем, раздался такой звук, будто щелкнула металлическая задвижка.

Огонь прекратился, и Гарви крикнул сверху: "Не хватит ли, полковник? Это все равно что стрелять по рыбе в бочке, и мне это не нравится, но мы вас всех перебьем, если надо будет".

Вдруг Престон, не выдержав, вскочил на ноги и выбежал на свободное место у амвона: "Да, я иду! С меня хватит!"

— Ублюдок! — воскликнул Беккер, выскочил из тени у двери ризницы и ткнул Престона в голову дулом ружья. Заговорил пулемет, очередь была короткой, она прошла Беккера сзади, и он упал на занавеску у подножия колокольни. Умирая, он ухватился за веревки, и колокол звучно зазвенел впервые за много лет.

Опять наступила тишина, и Гарви крикнул: "Даю вам пять минут, полковник".

— Нам надо спрятаться, — тихо сказал Штайнер Девлину. — Внутри ризницы нам будет лучше, чем здесь.

— Надолго ли? — спросил Девлин.

Раздался тихий скрип, и Девлин, напрягая глаза, увидел, что кто-то стоит у входа в ризницу, там, где угрожающе болталась выломанная дверь. Знакомый голос позвал: "Лаям!"

— Господи, — сказал Девлин Штайнеру. — Это Молли. Откуда, черт побери, она взялась? — Он подполз к ней и через мгновение вернулся. "Пошли! — сказал он, подхватив Риттера под левую руку. — Лапочка нашла нам выход. Воспользуемся им, пока парни наверху ждут".

Они проскользнули в тени, поддерживая Риттера с двух сторон, и проникли в ризницу. Молли ждала около потайной панели. Когда они вошли, она заперла дверь и повела их по лестнице к туннелю.

Было очень тихо, когда они вышли в холл дома священника. "Что дальше? — спросил Девлин. — Нам далеко не уйти с Риттером в таком состоянии".

— Машина отца Верекера стоит во дворе за домом, — сказала Молли.

А Штайнер, вспомнив что-то, сунул руку в карман: "Ключи-то у меня".

— Не валяйте дурака, — сказал ему Риттер. — Не успеете включить мотор, как рейнджеры облепят вас, как пчелы.

— За домом есть ворота, — сказала Молли. — И колья в изго-

роди. Мы можем толкать этот маленький "моррис" сотни две ярдов. Пустяки.

Они были уже у края первой лужайки на расстоянии полутора сотен ярдов, когда в церкви возобновилась стрельба. Только тогда Штайнер запустил мотор и рванул на огромной скорости по колеям через поле, следуя указаниям Молли, до самой дороги вдоль берега.

После того как панельная дверь в ризнице закрылась с тихим щелчком, в часовне Богородицы что-то задвигалось — это встал Артур Сеймур, которому удалось освободить руки. Он тихо прошел по северному проходу, держа в левой руке моток веревки, которой Престон завязал ему ноги.

Было совсем темно, светились только свечи у алтаря и лампа в ризнице. Сеймур наклонился, чтобы убедиться, что Престон еще дышит, поднял его и перекинул через свое мощное плечо. Затем повернулся и пошел по центральному проходу к алтарю.

Гарви начал беспокоиться. Внизу в церкви было так темно, что он ни зги не видел. Он щелкнул пальцами, чтобы ему дали полевой телефон, и сказал Кейну, который находился у ворот в машину: "Тихо, как в могиле, майор. Мне это не нравится".

— Дайте очередь. Посмотрите, что будет, — ответил Кейн.

Гарви просунул дуло автомата в окно и дал очередь. Ответа не было. Вдруг солдат справа схватил его за руку. "Там внизу, сержант, у амвона. По-моему, кто-то движется".

Гарви рискнул включить фонарь. Молодой солдат закричал от ужаса. Гарви быстро осветил фонарем южный проход и сказал в полевой телефон: "Не пойму, что тут делается, майор, вы уж лучше сами загляните туда".

Минуту спустя автоматная очередь разбила замок входной двери, и она с грохотом подалась. В церковь стремительно вошли, держа оружие наготове, Гарри Кейн и дюжина рейнджеров. Но ни Штайнера, ни Девлина не было. Только Артур Сеймур, стоя на коленях в первом ряду, при неровном свете свечей неотрывно смотрел в чудовищно распухшее лицо Престона, повешенного перед распятием.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Для своих личных нужд премьер-министр занял в Мелтам Хаузе библиотеку, выходящую на заднюю террасу. Когда Гарри Кейн вышел от него в семь тридцать, его уже ждал Конкоран: "Как он?"

— Очень заинтересовался, — сказал Кейн. — Хотел услышать все про сражение. Похоже, Штайнер его очаровал.

— И всех нас. Что мне хотелось бы знать, это где сейчас этот проклятый человек и этот ирландский негодяй.

— Во всяком случае, не близ коттеджа, в котором он жил, можете быть спокойны. Как раз перед тем, как я вошел в дом, Гарви доложил мне по радио, что когда они поехали проверить девлиновский коттедж, то обнаружили там двух инспекторов из спецуправления, которые его ждали.

— Господи боже мой, — сказал Конкоран. — Как, скажите на милость, они вышли на него?

— Какое-то полицейское расследование. Во всяком случае, маловероятно, что он появится там. Гарви оставил там на приморской дороге несколько засад, и сейчас ничего другого мы сделать не можем, пока не подойдет подкрепление.

— Оно подходит, друг мой, поверьте мне, — сказал Конкоран. — С тех пор как вы починили телефон, у меня было несколько долгих разговоров с Лондоном. Не пройдет и двух часов, как весь Северный Норфолк будет заблокирован. К утру большая часть этого района будет фактически на военном положении. И это положение не отменят, пока не поймают Штайнера.

Кейн кивнул. "Нет сомнения, что он не окажется вблизи премьер-министра. Мои люди стоят у его дверей, у террасы и не меньше двух дюжин в саду с автоматами. Лица их покрыты черным кремом. Я им ясно приказал сначала стрелять. О несчастных случаях поговорим потом".

Открылась дверь, и вошел молодой капрал, держа в руке листки машинописного текста: "У меня окончательные списки, если вы хотите их посмотреть, майор".

Он вышел, и Кейн пробежал глазами первый листок. "Они предъявили тела немцев отцу Верекеру и некоторым жителям деревни".

— Кстати, как он? — спросил Конкоран.

— Сотрясение мозга, но в остальном вроде в порядке. По их показаниям, все налицо, кроме Штайнера, его заместителя Нойманна и, конечно, ирландца. Остальные четырнадцать погибли.

— Но как же, черт возьми, они скрылись, вот что мне хотелось бы знать.

— Да они разбились дверь в ризницу, чтобы спрятаться от выстрелов Гарви и его людей. Моя версия такая: когда Памела и эта девушка Прайор пошли через туннель в дом священника, они так спешили, что не заперли как следует потайную дверь.

Конкоран сказал: "Как я понимаю, эта молодая особа Прайор оказывала негодяю Девлину повышенное внимание. Вы не думаете, что она могла как-то быть связана с этим делом?"

— Не думаю. По словам Памелы, девушка горько сокрушалась по поводу всего.

– Еще бы, – сказал Конкоран. – Ну а какие потери с вашей стороны?

Кейн посмотрел на второй листок: "Включая Шафто и капитана Мэллори, двадцать один убит, восемь ранены. – Он покачал головой: – Из сорока. Большой будет шум, когда дело станет известно.

– Если станет известно.

– Что вы хотите сказать?

– Лондон уже дает ясно понять, что это дело не должно иметь огласки. С одной стороны, не хотят пугать людей. Но с другой стороны, вы подумайте, что произошло: немецкие парашютисты спрыгивают на Норфолк, чтобы захватить премьер-министра! И почти что осуществляют свою цель! Это довольно страшно. А что это за Британский свободный корпус? Англичане – эсэсовцы! Представляете, как бы это выглядело в газетах? – Он вздрогнул. – Я бы этого проклятого человека повесил своими руками.

– Понятно.

– А теперь посмотрите на все с точки зрения Пентагона. Ударная американская часть, элита из элит, в боях с горсткой немецких парашютистов несет семидесятипроцентные потери.

– Не знаю, – покачал головой Кейн. – Это значит, что масса людей должна молчать.

– Идет война, Кейн, – сказал Конкоран. – А в военное время людей можно заставить делать, что им велят. Это просто.

Дверь открылась, и появился молодой капрал: "Лондон снова на проводе, господин полковник".

Конкоран поспешно вышел. Кейн, выходя за ним, закурил сигарету и прошел мимо охраны. Он спустился по ступенькам и прошелся по террасе. Шел сильный дождь, было очень темно. В воздухе чувствовался запах тумана. Может, Конкоран прав? Возможно, и так. Мир во время войны достаточно сумасшедший, чтобы поверить чему угодно.

Кейн спустился в сад, и в то же мгновение чья-то рука схватила его за горло, а в спину уперлось колено. Тускло блеснул нож. Кто-то спросил: "Кто такой?"

– Майор Кейн.

Фонарик вспыхнул и погас. "Простите, сэр, капрал Бликер".

– Вы должны быть в постели, Бликер. Как глаз?

– Пять швов, майор, но все обойдется. С вашего позволения, сэр, я пойду.

Он растворился в темноте, а Кейн остался стоять, широко открыв глаза. "Никогда до конца своих дней, – тихо сказал он

себе, – я даже и не начну понимать людей, своих соплеменников".

По сводке погоды на всем Северном море вплоть до утра был ветер три-четыре балла со шквалами дождя и морским туманом.

Торпедный катер шел хорошо, и к восьми часам прошел минные поля и вошел в главный прибрежный судоходный проход.

За штурвалом стоял Мюллер. Кениг, подняв голову от лоции, на которой он тщательно проложил последний участок их курса, сказал: "Мы в десяти милях восточнее Блэки Поинт, Эрих".

Мюллер кивнул, напряженно всматриваясь в темноту: "Этот туман не в нашу пользу".

– Ну, не знаю, – ответил Кениг. – Может, порадоваться ему, пока операция не кончится".

Дверь с грохотом отворилась, и вошел ведущий радист Тойзен. Он подал радиogramму. "Из Ландсворта, господин лейтенант".

Взяв радиogramму, Кениг прочел ее, поднес к лампе на штурманском столе. Долго смотрел на нее, а потом смял в комок.

– Что там? – спросил Мюллер.

– "Орел" взорвался. Все остальное – слова.

Наступила тишина. Дождь бил в стекло. Мюллер спросил: "А нам какой приказ?"

– Действовать, как я найду нужным. – Кениг покачал головой: – Подумать только. Полковник Штайнер, Риттер Нойманн – все это прекрасные ребята.

Впервые с детства ему захотелось заплакать. Он открыл дверь и выглянул в темноту. Дождь бил в лицо. Мюллер осторожно сказал: "Конечно, всегда есть надежда, что некоторые из них выйдут живыми. Один или двое. Вы же знаете, как это бывает?"

Кениг захлопнул дверь: "Вы хотите сказать, что надо бы все-таки подойти туда? – Мюллер не ответил, и Кениг обернулся к Тойзену: – И вы тоже?"

Тойзен сказал: "Мы давно уже вместе, господин лейтенант. Я прежде никогда не спрашивал, куда мы идем".

Кенига наполнила отчаянная радость. Он хлопнул Тойзена по спине. "Ладно, тогда передайте сигнал".

Во второй половине дня и вечером состояние Радла непрерывно ухудшалось, но он отказался лежать в постели, несмотря на просьбы Витта. После последнего сообщения Джоанны Грей

он оставался в радиорубке, откинувшись в старом кресле, которое принес Витт, пока оператор связывался с Кенигом. Боль в груди не просто усилилась, она распространилась на левую руку. Он был неглуп и знал, что это значит. Да это было и несущественно. Все теперь было несущественно.

Без пяти восемь оператор повернулся к нему с победной улыбкой: "Поймал их, господин полковник. Сообщение получено и понято".

— Слава богу, — сказал Радл и начал неловко открывать портсигар, но пальцы не слушались его, и Витт пришел ему на помощь.

— Осталась только одна, господин полковник, — сказал он, вытаскивая русскую папиросу и вставляя ее Радлу в рот.

Оператор лихорадочно писал текст в своем блокноте. Он оторвал листок и обернулся: "Ответ, господин полковник".

Радл почувствовал странное головокружение и почти перестал видеть. Он попросил: "Прочтите, Витт".

— Навестим гнездо. Некоторым птенцам может понадобится помощь. Счастливо. — У Витта вид был растерянный: — Почему он добавил это слово, господин полковник?

— Потому, что он все хорошо понимающий молодой человек, который подозревает, что мне удача потребуется так же, как и ему. — Он медленно покачал головой: — Откуда они появляются, эти ребята? Проявлять такую отвагу, всем жертвовать — ради чего?

Витт забеспокоился: "Господин полковник, пожалуйста..."

Радл улыбнулся: "Так же как и эта последняя русская папироса, все хорошее раньше или позже кончается. — Он повернулся к оператору и напугал все силы, чтобы сделать то, что он должен был сделать по крайней мере два часа назад: — Теперь можете связать меня с Берлином".

На восточной окраине фермы Прайоров находился полуразрушенный коттедж. Он стоял за лесом по другую сторону от главной дороги, выше Хобс Энда. Здесь нашел убежище "моррис".

Было семь пятнадцать, когда Девлин и Штайнер, оставив Риттера на попечении Молли, осторожно пошли через лес на рекогносцировку. Они подошли в тот момент, когда Гарви со своими людьми по дороге у дамбы вышли к коттеджу Девлина. Ирландец и немец отступили в лес, чтобы обдумать положение.

— Дела неважные, — сказал Девлин.

— Вам не надо заходить в дом. Вы можете успеть вовремя дойти до берега через болото, — указал Штайнер.

— Зачем? — вздохнул Девлин. — Я должен сделать ужасное признание, полковник. Я уходил в такой дьявольской спешке, что оставил радиотелефон на дне мешка, полного картошки, который висит за кухонной дверью.

Штайнер тихо рассмеялся: "Мой друг, вы всегда остаетесь верны себе. Бог, должно быть, сломал форму после того, как вас вылепил".

— Знаю, дьявольский характер, — сказал Девлин. — Но в сложных условиях я не могу без радио вызвать Кенига.

— Вы думаете, он не подойдет без сигнала?

— Так договаривались. Как приказано, в любое время между девятью и десятью. И еще. Чтобы ни случилось с Джоанной Грей, возможно, она передала что-то в Ландсвоорт. Если Рад передал это Кенигу, тот со своими ребятами, возможно, уже возвращается.

— Нет, — сказал Штайнер. — Не думаю. Кениг подойдет. Даже если не получит вашего сигнала, все равно подойдет к берегу.

— Почему?

— Потому что он мне так сказал, — спокойно ответил Штайнер. — Так что видите, можете обойтись без радиотелефона. Даже если рейнджеры будут прочесывать район, они на берег не пойдут, потому что на картах он заминирован. Если вы попадете туда заранее, то можете пройти в прилив по морскому рукаву по крайней мере четверть мили.

— С Риттером в его состоянии?

— Ему нужны только палка и плечо, на которое можно опереться. Однажды в России он прошел с пулей в правой ноге восемьдесят миль за трое суток. Когда человек знает, что оставаться для него смерти подобно, он мобилизует все свои силы. Вы сэкономите очень много времени. Встретите Кенига на подходе.

— Вы с нами не идете. — Это была констатация факта, а не вопрос.

— Думаю, вы знаете, куда я должен пойти, друг мой.

Девлин вздохнул: "Я всегда был убежден, что человеку надо дать возможность идти в ад так, как ему хочется, но для вас мне хотелось бы сделать исключение. Вы даже близко не подойдете. Вокруг него выставят больше стражи, чем будет мух на банке с вареньем в жаркий летний день.

— И все равно, я должен попытаться.

— Да почему? Неужели вы думаете, это поможет вашему отцу? Иллюзия! Будьте разумны. Что бы вы ни сделали, ему ничто не поможет, если этот старый пидер на Принц-Альбрехтштрассе решит по-другому.

— Да, вы, видимо, правы. Думаю, я всегда это знал.

– Тогда зачем?

– Потому что для меня невозможно сделать по-другому.

– Непонятно.

– Думаю, вы понимаете. Это правила игры. Трубы по ветру, трехцветный флаг отважно развевается пасмурным утром. За республику! Вспомните пасху 1916 года. Но вот что скажите мне, друг мой. В конце игры вы контролируете ее или она захватывает вас? Вы можете остановиться, если захотите, или всегда должны оставаться в игре? Шинели и автоматы, жизнь за Ирландию, пока не окажетесь в канаве с пулей в спине?

Девлин хрипло сказал: "Один бог знает, а я нет".

– Но я знаю, друг мой. А теперь, думаю, нам надо присоединиться к остальным.

– Ладно, – неохотно согласился Девлин.

Они двинулись в ночной мгле к разрушенному коттеджу и увидели, что Молли перевязывает ногу Риттеру. "Как ты себя чувствуешь?" – спросил Штайнер Риттера.

– Прекрасно, – ответил он, но когда Штайнер положил ему на лоб руку, он почувствовал, что лоб был влажным от пота.

Молли подошла к Девлину. Он спасался от дождя в углу между двумя стенами и курил сигарету. "Он в плохом состоянии, – сказала Молли. – Если хочешь знать мое мнение, нужен доктор".

– Тогда сразу же посылай и за могильщиком, – саркастически заметил Девлин. – Но оставим его. Сейчас я беспокоюсь о тебе. У тебя могут быть большие неприятности из-за сегодняшней ночи.

Ей, как ни странно, было все равно. "Никто не видел, как я выводила вас из церкви, никто не докажет, что это сделала я. Для них я сидела в вереске под дождем и выплакивала сердце по поводу того, что узнала правду о своем любовнике".

– Ради бога, Молли.

– Они скажут: бедная, глупая сучка. Обожгла пальцы, так ей и надо, раз поверила чужаку.

Он смущенно сказал: "Я тебя не поблагодарил".

– Неважно. Я это сделала не для тебя. Для себя я это сделала. – Она была простой девушкой, многим вполне довольной, но теперь, больше чем когда-либо в жизни, она хотела высказаться до конца. – Я люблю тебя. Это не значит, что мне нравится, что ты такой, или нравится то, что ты сделал, и мне даже не хочется понять тебя. Дело совсем в другом. Любовь – это что-то особенное. У нее свое место. Вот почему я вывела тебя сегодня из церкви. И дело не в том, правильно или неправильно я поступила, я просто не смогла бы жить в согласии с собой, если бы

позволила тебе погибнуть. – Она отодвинулась от него. – Пойду лучше, посмотрю, как там лейтенант.

Она отошла к машине, и Девлин с трудом проглотил ком, подкативший к горлу. Разве не странно? Самая отважная речь, которую ему довелось слышать. Ему хотелось плакать – это трагедия, когда чувства уходят в пустую.

В двадцать минут девятого Девлин и Штайнер снова направились через лес к коттеджу на болоте. Он стоял темный, но на главной дороге слышались приглушенные голоса и вырисовывались силуэты машин. "Подойдем поближе", – прошептал Штайнер.

Они двинулись к забору, отделяющему лес от дороги. Дождь усилился. На дороге стояли два "джипа", а несколько рейнджеров прятались от дождя под деревьями. Вспыхнула спичка, осветив на мгновение лицо Гарви.

Штайнер и Девлин отступили в лес. "Большой негр, – сказал Штайнер. – Главный сержант, который был с Кейном, ждет, когда вы объявитесь".

– А почему не в доме?

– Возможно, у него там тоже люди. Таким образом, он следит и за дорогой.

– Ерунда. Мы можем пересечь дорогу дальше, – сказал Девлин. – Как вы сказали, можем дойти до берега пешком.

– Легче было бы, если бы что-то отвлекло их внимание.

– Например?

– Я в украденной машине поеду через эту засаду. Кстати, мне не помешал бы ваш плащ, если бы вы одолжили мне его насовсем.

В темноте Девлин не видел лица Штайнера, да ему вдруг и не захотелось его видеть. "Черт с вами, Штайнер, идите в ад своим путем, – устало сказал он, отстегнул "стен", снял плащ и отдал его Штайнеру. – В правом кармане маузер с глушителем и две обоймы патронов".

– Спасибо, – Штайнер снял пилотку, засунул ее в карман летной блузы, натянул плащ и подпоясался. – Итак, финал. Думаю, мы здесь попрощаемся.

– Скажите мне одну вещь, – сказал Девлин. – Стоило ли все это затевать? И вообще, все?

– Нет, – легко рассмеялся Штайнер. – И не надо больше философии, пожалуйста. – Он протянул руку: – Да удастся вам найти то, что вы ищите, друг мой.

– Я уже нашел это и потерял в борьбе, – ответил ему Девлин.

– Значит, теперь уже больше ничто не будет иметь особого

значения, — сказал Штайнер. — Опасное положение. Придется вам быть поосторожнее. — Он повернулся и пошел к разрушенному коттеджу.

Они помогли Риттеру выйти из машины и толкали ее до того места, где колея идет под откос к воротам, ведущим на дорогу. Штайнер подбежал к воротам, открыл их, вытащил из ограды шестифутовый кол и отдал его Риттеру.

— Ну как? — спросил он.

— Прекрасно, — храбро сказал Риттер. — Едем?

— Вы, а не я. На дороге стоят рейнджеры. Я подумал, что могу организовать небольшую отвлекающую операцию, пока вы будете пробираться к морю. Догоню вас позже.

Риттер схватил Штайнера за руку и паническим голосом произнес: "Нет, Курт, не могу вам позволить этого".

"Старший лейтенант Нойманн, — сказал Штайнер, — вы, безусловно, самый прекрасный солдат, которого я знаю. От Нарвика до Сталинграда вы никогда не увиливали от исполнения своего долга и не нарушили моего приказа, и у меня нет ни малейшего желания позволить вам сделать это сейчас".

Риттер Нойманн попытался выпрямиться, опираясь на палку. "Как прикажет господин полковник", — официально сказал он.

— Хорошо, — смягчился Штайнер. — Теперь ступайте, пожалуйста, вы и мистер Девлин, счастливо.

Штайнер открыл дверцу машины. Риттер тихо позвал: "Господин полковник".

— Да?

— Большая честь служить под вашим началом, сэр.

— Спасибо, господин старший лейтенант.

Штайнер сел в машину, отпустил тормоз и покатыл вниз по колее.

Девлин и Молли пошли через лес, поддерживая с двух сторон Риттера, и остановились у низкого забора. Девлин прошептал: "Тебе пора идти, девочка".

— Я провожу вас до берега, Лаям, — твердо сказала она.

Ему не удалось поспорить, потому что в сорока ярдах от них на дороге заработал мотор и зажглись фары "морриса". Один из рейнджеров вытащил из-под плаща красный фонарь и помахал им. Девлин ожидал, что немец поедет вперед, но, к его удивлению, он медлил. Штайнер шел на хорошо рассчитанный риск, которым убрал бы со своего пути всех до последнего человека. Был только один способ сделать это. Он ждал приближения Гарви, держа левую руку на руле, а в правой — маузер.

Приближаясь, Гарви сказал: "Простите, вам придется сказать, кто вы такой".

Он включил фонарь в левой руке, выхватив из темноты лицо Штайнера. Маузер кашлянул один раз, когда Штайнер выстрелил в упор, но на добрых два дюйма в сторону, колеса завертелись, и Штайнер умчался в темноту.

— Это был сам Штайнер, черт подери! — закричал Гарви. — За ним!

В сумасшедшей спешке рейнджеры вскочили в "джипы". Первым сорвался "джип" Гарви, второй — вслед за ним, и звук моторов замер в ночи.

Девлин прошептал: "Так, выбираемся". Они с Молли помогли Риттеру перелезть через забор и пошли по дороге.

Построенный в 1933 г., автомобиль "моррис" еще служил людям, но только по причине нехватки в военное время новых машин. Мотор его был полностью изношен, и хотя он был достаточно хорош для Верекера, Штайнеру в эту ночь он не подходил. Нажимая на педаль изо всех сил, Штайнер двигался со скоростью сорока миль, и машина упрямо отказывалась идти быстрее.

У него еще оставались минуты на размышление, потом даже и их уже не было, потому что, пока он раздумывал, не остановиться ли и не двинуться ли в лес пешком, Гарви на своем "джипе", догоняя, начал стрелять из пулемета. Штайнер упал на руль, цули прошли кузов, лобовое стекло разлетелось на мелкие осколки.

"Моррис" метнулся вправо, проломил деревянную изгородь и скатился по склону между молодыми елочками, которые затормозили ход машины. Скорость была небольшой, и Штайнер, открыв дверцу, выпал. Но тут же вскочив, побежал по лесу в темноту, а "моррис" въехал в разбухшее от дождей болото и затонул.

Гарви первым выскочил из "джипа" и быстро спустился по откосу, держа фонарь наготове. Когда он добежал до края болота, грязные воды уже сомкнулись над крышей "морриса".

Гарви снял каску и начал расстегивать пояс, но Круковски, спустившийся вслед за ним, схватил его за руку: "Даже и не думайте этого делать. Здесь же не просто вода — топь, и местами она так глубока, что может поглотить человека целиком".

Гарви медленно кивнул: "Да, думаю, вы правы". Он поводит фонарем по поверхности грязевой воронки, откуда поднимались пузырьки воздуха, затем повернулся и пошел вверх по склону к радиопередатчику.

Кейн и Конкоран ужинали в нарядной первой гостиной, когда из комнаты радистов выбежал капрал с радиোগраммой в

руках. Кейн мельком взглянул на нее, затем придвинул ее по полированной поверхности стола Конкорану.

— Господи, ведь он же двигался в нашем направлении, понимаете? — Конкоран нахмурился. — Какая смерть для такого человека.

Кейн кивнул. Он должен был радоваться, а вместо этого чувствовал странную подавленность. Он сказал капралу: "Велите Гарви оставаться на месте, затем свяжитесь с гаражом и пошлите машину, чтобы извлечь тело полковника Штайнера".

Капрал вышел, и Конкоран спросил: "А как насчет второго и ирландца?"

— Думаю, беспокоиться не о чем. Они объявятся, но не здесь. — Кейн вздохнул: — По-моему, Штайнер — это человек, который не знает, когда ему остановиться.

Конкоран подошел к буфету и налил две большие порции виски. Одну он протянул Кейну: "Не буду говорить радостных тостов, поскольку знаю, что вы чувствуете. Странное чувство личной утраты".

— Точно.

— Я в этой игре, пожалуй, уже слишком давно, — Конкоран поставил стакан. — Вы скажете премьер-министру или мне это сделать?

— Думаю, это ваша привилегия, сэр, — Кейн вымученно улыбнулся. — Я лучше пойду объявлю своим людям.

Когда он вышел из дома, дождь лил как из ведра. Кейн остановился на крыльце и крикнул: "Капрал Бликер!"

Несколько секунд спустя Бликер выбежал из темноты и поднялся на ступеньки. Его куртка была мокрой насквозь, каска блестела от дождя, а темный маскировочный крем на лице потек.

Кейн сказал: "Гарви со своими ребятами поймали Штайнера у прибрежной дороги. Передайте дальше".

Бликер спросил: "Значит, все? Можно уйти в помещение, сэр?"

— Нет. Но теперь можно дежурить по очереди. Организуйте так, чтобы каждый мог по очереди принять горячую пищу и обсушиться.

Бликер спустился с крыльца и исчез в темноте. Майор некоторое время глядел на дождь, затем решительно повернулся и вошел в дом.

Когда Девлин, Молли и Риттер Ноймани подошли к коттеджу в Хобс Энде, в нем было темно. Они остановились у стены, и Девлин шепотом сказал: "Мне кажется, там совсем тихо".

— Не стоит рисковать, — прошептал Риттер.

Но Девлин, думая о радиотелефоне, упрямо сказал: "Ну и идиотами бы мы оказались, если бы никого в доме не было. Вы оба идите вдоль дамбы. Я вас догоню".

И он скользнул от них, прежде чем они успели запротестовать, осторожно пересек двор и, подойдя к окну, прислушался. Было совсем тихо, только слышалось, как падают капли дождя. Входная дверь с легким скрипом открылась от его прикосновения, и он вошел в прихожую, держа наготове "стен".

Дверь в гостиную оказалась настежь открытой, в очаге догорал огонь. Девлин шагнул внутрь и тут же понял, что совершил большую ошибку. Дверь позади него захлопнулась, дуло браунинга уперлось ему в шею, а "стен" был выхвачен из рук.

— Держи его, — сказал Джек Роган. — Ладно, Фергус, давайте осветим сцену.

Вспыхнула спичка, Фергус Грант зажег керосиновую лампу и вставил стекло. Роган двинул Девлина коленом в зад, да так, что тот перелетел через всю комнату. "Ну-ка, посмотрим на тебя".

Опираясь одной ногой на очаг, Девлин полуобернулся. Он положил руку на полочку над камином. "Не имел чести".

— Главный инспектор Роган, инспектор Грант, Спецуправление.

— То есть Ирландское управление?

— Верно, сынок, и не проси ордера на арест, а то я тебя выпорю. — Роган сидел на краю стола, держа у бедра браунинг. — Знаешь, я слышал, что ты очень плохо себя ведешь.

— Это вы мне говорите? — сказал Девлин, отклоняясь глубже в очаг, хотя знал, что, даже если он доберется до "вальтера", шансов у него почти нет.

Грант не стал рисковать и держал Девлина под дулом пистолета.

— Да, вы все, правда, огорчаете меня, — сказал Роган. — И почему вы не сидите в своих болотах, где родились?

— Это идея, — сказал Девлин.

Из кармана пальто Роган достал наручники. "Подойди сюда".

В окно с грохотом влетел камень, и оба полицейских тревожно обернулись. В мгновение рука Девлина схватила "вальтер", висящий за балкой, поддерживающей трубу. Девлин выстрелил Рогану в голову, сбив его со стола. Грант молниеносно обернулся и, не целясь, выстрелил, попав ирландцу в правое плечо. Девлин опустил в кресло, не переставая стрелять,

раздробил молодому инспектору левую руку и всадил еще одну пулю ему в левое плечо.

Грант упал на пол у стены. Казалось, он в глубоком шоке и непонимающе смотрел на лежащего по другую сторону стола Рогана. Девлин подобрал браунинг, засунул его за пояс, затем подошел к двери, снял мешок и высыпал картошку на пол. В маленьком парусиновом мешке на дне были радиотелефон и несколько других мелочей. Девлин перекинул мешок через плечо.

— Почему вы меня не убиваете? — слабым голосом спросил Фергус Грант.

— Вы лучше его. На вашем месте я бы нашел более подходящую работу, сынок, — сказал Девлин и быстро вышел.

Когда он открыл входную дверь, у стены стояла Молли. "Слава богу! — воскликнула она, но он зажал ей рот и быстро потащил за собой. — Что случилось?"

— Одного я убил, другого ранил, вот что случилось, — ответил Девлин. — Два детектива из Спецуправления.

— Я тебе помогла это сделать?

— Да, — сказал он. — Может, ты уйдешь, Молли, пока еще не поздно?

Она внезапно отвернулась от него и побежала прочь вдоль дамбы. Девлин помедлил, но не в состоянии сдержаться, побежал за ней. Через несколько ярдов он поймал ее и притянул к себе. Ее руки обняли его за шею, она поцеловала его с всепоглощающей страстью. Он оттолкнул ее: "Теперь иди, девочка, и да будет с тобой Бог".

Ни слова не говоря, она побежала в ночь, а Девлин вернулся к Риттеру Нойманну. "Необыкновенная молодая женщина", — сказал старший лейтенант.

— Да, можно сказать и так, — сказал Девлин. — И вы еще возраст не учли. — Он достал радиотелефон из мешка и настроил его на нужную волну: "Орел" — "Страннику", "Орел" — "Страннику". Подойдите, пожалуйста".

В рубке торпедного катера, где был приемник радиотелефона, голос его прозвучал так отчетливо, будто из-за двери. Кениг с бьющимся сердцем быстро взял микрофон: "Орел", это "Странник". Как дела?"

— Два птенца еще в гнезде, — сказал Девлин. — Можете подойти немедленно?

— Мы подходим, — ответил Кениг. Он положил микрофон на рычаг и обернулся к Мюллеру: — Эрих, включи глушители и выбрось белый вымпел. Мы подходим.

Когда Девлин и Нойманн дошли до леса, ирландец обернулся и увидел, как с основной дороги на тропу вдоль дамбы свернул

автомобиль с включенными фарами. Риттер спросил: "Как вы думаете, кто это?"

— Бог знает, — ответил Девлин.

Гарви, ожидавший спасательную машину, чтобы вызволить из болота "моррис", решил отослать второй "джип" обратно, чтобы проверить, как дела у сотрудников Спецуправления.

Девлин взял Риттера под руку: "Пошли, сынок, нам лучше отсюда убраться". Неожиданно Риттер выругался — шок начал проходить, и он ощутил пронизывающую боль в плече.

— У вас все в порядке? — спросил он.

— Истекаю кровью, как недорезанная свинья, — ответил Девлин. — Они всадили мне пулю в плечо, но сейчас это несущественно. Ничто так не лечит болезни, как морское путешествие.

Они миновали предупредительный щит, осторожно прошли между рядами колючей проволоки и пошли по берегу. Превозмогая боль, Риттер с трудом делал каждый шаг, ловя ртом воздух. Он тяжело опирался на кол, который дал ему Штайнер, но ни разу не замешкался. Песчаный берег расстилался перед ними широко и плоско, ветер нес туман. Они и не заметили, что шли уже по воде.

Когда они остановились, чтобы осмотреться, Девлин увидел, что в лесу мелькают огни фар. "Господи боже мой, — сказал он. — Неужели они догонят нас?"

Спотыкаясь, они направились по песку к эстуарии. Прилив усиливался, воды становилось все больше. Сначала по колено, потом по бедро. Они зашли далеко в эстуарию, когда Риттер неожиданно застонал и упал на колено, выронив кол. "Ничего не выйдет, Девлин. У меня и раньше были ранения, но такой боли никогда не чувствовал".

Девлин, согнувшись, снова поднес ко рту радиотелефон. "Странник", это "Орел". Мы ждем вас в эстуарии в четверти мили от берега. Даю сигнал".

Он вытащил из мешка светящийся сигнальный шарик, еще один подарок абвера, полученный от штаба спецопераций, и поднял его в ладони правой руки. Девлин оглянулся на берег, но туман уже закрыл его весь.

Двадцать минут спустя вода была Девлину по грудь. В жизни он никогда так не замерзал. Он стоял на песчаной банке, расставив ноги, поддерживая Риттера левой рукой, а в высоко под-

нятой правой зажал светящийся сигнальный шарик. Вокруг них крутился прибор.

— Ничего не выйдет, — шептал Риттер. — Я уже ничего не чувствую. Со мной кончено. Не могу больше терпеть.

— Как сказала епископу миссис О'Флинн, — проговорил Девлин: — "Давай, парень, не сдавайся". Что бы сказал Штайнер?

— Штайнер? — Риттер закашлялся, захлебнувшись соленой водой, которая попала ему в рот. — Он бы поплыл.

Девлин подавил смех. "Правильно, сынок, улыбайся", — и начал петь во весь голос гимн ирландских республиканцев.

На них накатила волна, и они оказались под водой. "О господи, — подумал Девлин, — вот и конец". Но когда волна перекатилась, он устоял на ногах, а правая рука высоко держала сигнальный шарик. Вода теперь была по подбородок.

Светящийся сигнал заметил Тойзен и помчался на мостик. Три минуты спустя торпедный катер вынырнул из темноты, и кто-то осветил обе фигуры. Выбросили сеть, четыре моряка спустились в воду, и добрые руки потянулись к Риттеру Нойманну.

— Следите за ним, — предупредил Девлин. — Он в плохом состоянии.

Несколько мгновений спустя он сам перелез через поручни и тут же потерял сознание. Кениг стоял возле него на коленях с одеялом.

— Мистер Девлин, вышейте вот это, — сказал Кениг и протянул бутылку.

Девлин пробормотал несколько слов по-ирландски.

Кениг нагнулся к нему пониже: "Простите, я не понимаю".

— Откуда вам это понять? Это ирландский — язык королей. Я просто сказал, сто тысяч добро пожаловать.

Кениг улыбнулся в темноте: "Рад вас видеть, мистер Девлин. Это чудо".

— Пожалуй, единственное, которое вам встретится сегодня.

— Вы уверены?

— Как в том, что крышка гроба закрывается.

Кениг встал: "Тогда мы отправимся. Извините, пожалуйста".

В следующую минуту торпедный катер развернулся и помчался вперед. Девлин вытащил пробку из бутылки и понюхал. Ром. Не из его любимых, ну что ж. Он сделал большой глоток, поудобнее уселся у поручней, глядя назад, на берег.

Молли у себя в спальне вдруг села, поднятая какой-то силой, подошла к окну и отдернула занавеску. Она распахнула окно и высунулась под дождь. Всю ее охватил восторг, облегчение, и

именно в этот момент торпедный катер вышел из-за мыса и повернул в открытое море.

В своем кабинете на Принц-Альбрехтштрассе Гиммлер работал над бесконечными бумагами при свете настольной лампы. Раздался стук в дверь, и вошел Россман.

— Ну? — спросил Гиммлер.

— Извините, что беспокою вас, господин рейхсфюрер, но мы получили сообщение из Ландсворта. "Орел" взорвался.

Лицо Гиммлера оставалось непроницаемым. Аккуратно положив ручку, Гиммлер протянул руку: "Дайте-ка сюда". Россман передал ему радиogramму, и Гиммлер прочел ее. Через несколько секунд он поднял голову: "У меня для вас есть поручение".

— Да, господин рейхсфюрер.

— Возьмите с собой двух самых надежных людей. Немедленно вылетайте в Ландсворт и арестуйте полковника Радла. Я распоряжусь, чтобы у вас были все необходимые полномочия.

— Слушаюсь, господин рейхсфюрер. А обвинение?

— Государственная измена. Для начала достаточно. Как только вернетесь, доложите. — Гиммлер взял ручку и начал писать.

Россман тихо вышел.

Около девяти часов капрал военной полиции Джордж Уотсон съехал с дороги мили на две южнее Мелтам Хауза и остановился. Проехав из Норвича весь путь под проливным дождем, он промок до нитки, несмотря на свой длинный плащ, да еще страшно замерз и проголодался. Ко всему прочему он еще и заблудился.

При свете фары он открыл планшет и нагнулся, чтобы проверить на карте свое местонахождение. Шорох справа заставил его поднять голову. Рядом стоял мужчина в плаще. "Привет, — сказал он. — Заблудились?"

— Пытаюсь найти Мелтам Хауз, — ответил Уотсон. — Всю дорогу из Норвича под этим чертовым дождем. Все эти сельские районы выглядят одинаково, когда нет проклятых указателей.

— Давайте я вам покажу, — предложил Штайнер.

Уотсон снова нагнулся над картой, маузер поднялся и опустился ему на шею. Уотсон упал, Штайнер снял с него сумку и быстро осмотрел содержимое. В ней было только одно письмо,

тщательно запечатанное и помеченное "Срочно". Оно было адресовано полковнику Конкорану в Мелтам Хауз.

Штайнер взял Уотсона под мышки и оттащил подальше от дороги. Когда он снова появился несколько мгновений спустя, на нем был плащ вестового, шлем, очки и кожаные перчатки с крагами. Он надел через плечо сумку, запустил мотор и помчался к цели.

После того как спасательная машина была установлена и запущена, легковушку вытащили из болота на берег. Гарви ждал на дороге.

Капрал, руководивший работой, открыл дверцу "морриса" и заглянул внутрь: "Здесь никого нет".

— О чем вы говорите, черт вас побери? — закричал Гарви. Он быстро спустился к машине и осмотрел салон "морриса". Капрал был прав. Вонючая грязь, вода, но Штайнера не было. "О господи!" — воскликнул Гарви, когда понял, что это означает. Повернулся, быстро вскарабкался по откосу к "джиу" и схватил радиомикрофон.

Штайнер подъехал к запертым воротам Мелтам Хауза и остановился. Рейнджер по другую сторону ворот осветил его фонарем и позвал: "Сержант охраны!"

Из сторожки вышел сержант Томас и подошел к воротам. Штайнер сидел неузнаваемый в шлеме и очках.

— В чем дело? — строго спросил Томас.

Штайнер открыл сумку, вытащил письмо и показал его: "Депеша полковнику Конкорану из Норвича".

Томас кивнул, и рейнджер отпер ворота. "Прямо, к парадному входу. Один из часовых вас проводит".

Штайнер поехал по аллее, но от парадного входа свернул на дорогу, которая привела его к стоянке машин за домом. Он остановился около грузовика, выключил мотор, поставил мотоцикл и пошел по дорожке, ведущей в сад. Пройдя несколько шагов, он очутился в кустах рододендрона. Там Штайнер снял каску, плащ и перчатки, вытащил пилотку из кармана летной блузы и надел ее. Поправил на шее "Рыцарский крест" и подошел к дому, держа маузер наготове.

Перед террасой он остановился, чтобы понять, где он находится. Затемнение было не очень плотным, и в нескольких окнах сквозь щели просачивался свет. Штайнер сделал шаг вперед и услышал, как кто-то спросил: "Это вы, Бликер?"

В ответ Штайнер что-то пробурчал. Расплывчатая тень дви-

нулась вперед. Маузер в правой руке Штайнера кашлянул, раздался испуганный вскрик, и рейнджер упал. В это же мгновение кто-то отдернул штору, и на террасу упал свет.

Когда Штайнер поднял голову, он увидел премьер-министра, который стоял у балюстрады и курил сигару.

Из комнаты премьер-министра вышел Конкоран. Кейн ждал его. "Как он?" — спросил Кейн.

— Прекрасно. Только что вышел на террасу выкурить последнюю сигару перед сном.

Они вышли в холл. "Он, возможно, не очень хорошо бы спал, если бы узнал новость, так что я придержу ее до утра, — сказал Кейн. — Машину из болота вытащили, но Штайнера в ней не оказалось".

Конкоран спросил: "Вы предполагаете, что он ушел? Откуда вы знаете, что он не в болоте? Его ведь могло выбросить или что-то в этом роде!"

— Возможно, — сказал Кейн, — но тем не менее я удваиваю охрану.

Открылась входная дверь, и вошел сержант Томас: "Вы вызывали меня, майор?"

— Да, — ответил Кейн. — Когда машину вытащили, Штайнера в ней не было. Не будем рисковать и удвоим караул. У ворот ничего не произошло?

— Ничего с тех пор, как ушла спасательная машина. Прибыл военный полицейский из Норвича с донесением вам, полковнику Конкорану.

Конкоран нахмурился и уставился на него: "Впервые слышу. Когда это было?"

— Минут десять назад, сэр.

— О господи! — воскликнул Кейн. — Он здесь! Ублюдок здесь! Он повернулся, выхватил из кобуры кольт и побежал в библиотеку.

Штайнер медленно поднимался по ступеням террасы. В воздухе пахло хорошей гаванской сигарой. Когда Штайнер поставил ногу на последнюю ступеньку, закрипел гравий. Премьер-министр резко обернулся и посмотрел на Штайнера.

Он вынул изо рта сигару, и на его бесстрастном лице не отразилось никаких чувств. Премьер-министр спросил: "Полагаю, полковник воздушных охотников Курт Штайнер?"

— Мистер Черчилль, — медленно произнес Штайнер. — Я сожалею, но обязан выполнить свой долг, сэр.

— Так чего же вы ждете? — спокойно спросил премьер-министр.

Штайнер поднял маузер, шторы на стеклянной двери дернулись, и на террасу выскочил Кейн, яростно стреляя на ходу. Первая пуля попала Штайнеру в правое плечо, развернув его, вторая попала в сердце, мгновенно убив, и перекинула через балюстраду.

В следующее мгновение на террасе появился Конкоран с револьвером в руке, а в темном саду спешно собирались рейнджеры и выстраивались полукругом. Штайнер лежал, освещенный светом, падавшим из открытого окна. На его шее виднелся "Рыцарский крест", в руке все еще был крепко зажат маузер.

— Странно, — сказал премьер-министр, — он колебался, держа палец на спусковом крючке. Интересно, почему?

— Возможно, сэр, в нем заговорила американская кровь, — ответил Гарри Кейн.

Последнее слово осталось за премьер-министром: "Что ни говори, он был прекрасным солдатом и храбрым человеком. Позаботьтесь о нем, майор". Он повернулся и вошел в дом.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Прошел почти год с того дня, как я сделал свое поразительное открытие на кладбище церкви Святой Марии и Всех Святых. И вот я вернулся в Стадди Констабл, на этот раз по приглашению отца Филиппа Верекера. Принял меня молодой священник, говоривший с ирландским акцентом.

Верекер сидел в кресле в своем кабинете перед ярким огнем. Колени его были обернуты пледом. По всему было видно — умирающий человек. Кожа на лице натянулась так, что выступили кости, глаза были полны боли. "Как хорошо, что вы приехали", — произнес он.

— Мне очень жаль, что я вижу вас больным, — сказал я.

— У меня рак желудка. Ничего не поделаешь. Епископ был так добр, что разрешил мне умереть здесь и прислал отца Доминиана помотать мне исполнять обязанности в церкви, но за вами я послал не поэтому. Я слышал, у вас был напряженный год.

— Не понимаю, — сказал я. — Когда я был здесь в прошлый раз, вы ничего мне не рассказали. Просто выгнали меня.

— На самом деле все очень просто. Многие годы я сам знал только часть этой истории. И вдруг обнаружил, что охвачен страстным любопытством узнать остальное, пока не слишком поздно.

И я рассказал ему все, потому что действительно не было причины не рассказывать. К тому моменту, когда я закончил

рассказ, на траве за окнами лежали тени, а в комнате было полутемно.

— Поразительно, — произнес он, — как, скажите на милость, удалось вам все это узнать?

— Не из официальных источников, поверьте мне. Из разговоров с людьми, теми, кто еще жив и не хочет молчать. Самой большой удачей было разрешение прочитать очень подробный дневник, который вел человек, ответственный за организацию всей операции, — полковник Макс Радл. Его вдова еще жива, она в Баварии. Теперь мне бы хотелось узнать, что здесь произошло потом.

— Здесь из соображений безопасности полностью запретили упоминать это дело. С каждым жителем деревни беседовали представители разведки и госбезопасности. Был пущен в ход закон об охране государственных секретов. Хотя на самом деле необходимости в этом не было. Здесь своеобразный народ. Сплоченный в несчастье, враждебный к чужим, как вы видели. Они считают это дело своим и ничьим больше.

— И еще Сеймур.

— Точно. Вы знаете, что он погиб в феврале?

— Нет.

— Возвращался пьяным из Холта. Съехал на своем фургоне с прибрежной дороги в болото и утонул.

— А что с ним было после того дела?

— Его тихонько убрали. Провел восемнадцать лет в сумасшедшем доме, а когда ослабили законы о душевнобольных, вышел.

— Но как люди терпели его присутствие?

— Он был в родстве по крайней мере с половиной семейств в округе. Бетти, жена Джорджа Уайльда, была его сестрой.

— Господи боже мой, — сказал я, — а я и не подозревал.

— В каком-то смысле молчание все эти годы было своего рода защитой для Сеймура.

— Есть и другое объяснение, — сказал я. — Ответ ужасной вещи, которую он сотворил в тот вечер, как бы падал на всех. Лучше было это скрывать, чем обнародовать.

— И это тоже.

— А могильная плита?

— Военные инженеры, которых прислали сюда расчистить деревню, восстановить разрушенное и так далее, положили все тела в общую могилу на кладбище. Конечно же без плиты, и нам велели ничего не менять.

— Но вы решили по-другому?

— Не только я. Все мы. Пропаганда военного времени была вредной, хотя и необходимой. Во всех фильмах о войне, которые

мы видели, в каждой книге, которую читали, в каждой газете изображали среднего немецкого солдата беспощадным, зверским, варваром, но эти люди не все были такими. Грэм Уайльд жив и по сей день. Сюзан Тернер вышла замуж и имеет троих детей – вы помните, что один из людей Штайнера пожертвовал жизнью, спасая ее. И вспомните, ведь Штайнер выпустил людей из церкви.

– Значит, решили воздвигнуть тайный памятник?

– Правильно. Сделать это было достаточно просто. Старый Тед Тернер был каменотесом, мастером по могильным плитам. Я освятил плиту во время специального богослужения, а затем мы скрыли ее от посторонних глаз, как вы знаете. Этот Престон там тоже, но на плите не отмечен.

– И все были согласны?

Отец Верекер ухитрился улыбнуться своей редкой легкой улыбкой.

– Если хотите, это было вроде личного покаяния. Танец на могиле, как сказал Штайнер, и он был прав. Я его тогда ненавидел. Мог бы сам его убить.

– Почему? – спросил я. – Из-за того, что немецкая пуля искалечила вас?

– Я притворялся, что это так, пока однажды не встал на колени и не попросил Бога помочь мне признаться в истинной причине.

– Джоанна Грей? – осторожно спросил я.

Лицо Верекера находилось в тени, и мне не видно было его выражения. "Мне более привычно выслушивать исповеди, – продолжал Верекер, – чем самому исповедоваться, но да, вы правы. Я боготворил Джоанну Грей. Нет, не в глупом поверхностном сексуальном смысле. Для меня она была самой замечательной женщиной, которую я когда-либо встречал. Не могу даже описать тот удар, который я испытал, когда узнал, кто же она на самом деле".

– И в какой-то мере вы обвиняли Штайнера?

– Я думаю, психологически так это и было. – Он вздохнул. – Сколько было вам лет в 1943 году? Двенадцать, тринадцать? Вы помните это время?

– Не очень-то, во всяком случае, не в том смысле, как вы это представляете.

– Люди устали, потому что войне, казалось, не будет конца. Можете ли вы представить себе тот страшный удар по самолюбию страны, если бы история о Штайнере и его людях и о том, что здесь произошло, стала достоянием гласности? Что немецкие парашютисты смогли приземлиться в Англии. И чуть ли не похитить самого премьер-министра?

– Могло бы кончиться нажатием курка, что снесло бы премьер-министру голову.

Отец Верекер кивнул. "Вы все-таки хотите опубликовать?"

– Не вижу причины не делать этого.

– Этого же ведь не случилось. Плиты больше нет, и кто может сказать, что она была? А вы нашли хоть один официальный документ, который подтверждал бы хоть часть этой истории?

– Нет, – радостно сказал я. – Но я говорил со множеством людей, и их рассказы составили весьма убедительную картину.

– Такой бы она и была, – он слабо улыбнулся, – если бы вы не упустили одного очень важного момента.

– И что же это такое?

– Посмотрите любую книгу по истории войны и проверьте, где был Уинстон Черчилль в указанный уик-энд.

– Ладно, – сказал я. – Скажите мне.

– Готовился отплыть на корабле "Ренаун" на Тегеранскую конференцию. Затем по дороге он посетил Алжир, где наградил генералов Эйзенхауэра и Александера особыми лентами за операции в Северной Африке, а семнадцатого ноября прибыл на Мальту, насколько я помню.

Мы помолчали в тишине, и я спросил: "Кто он?"

– Его звали Джордж Говард Фостер, известный среди своих коллег как "Великий Фостер".

– Профессия?

– Актер, мистер Хиггинс. Фостер был актером мюзик-холла, имитатором. Война была его спасением.

– То есть как?

– Он не только достаточно хорошо подражал премьер-министру. Он даже был на него похож. После Дюнкерка он начал создавать специальную сценку, своего рода апофеоз представления. *Я не могу предложить вам ничего, кроме крови, пота и слез. Мы будем с ними сражаться на берегу*¹. Публика была в восторге.

– И разведка приглашала его?

– В особых случаях. Если премьер-министр в разгар подводной войны собирался посетить район военных действий, полезно было публично объявить, что он в другом месте. – Он улыбнулся. – В ту ночь он играл, как никогда в жизни. Все верили, конечно, что это он. Правду знал только Конкоран.

– Так, – сказал я, – а где Фостер сейчас?

– Убит вместе с другими ста восьмью жертвами, когда бомба попала в маленький театр в Айлингтоне в феврале 1944 г. Так

¹ Слова Черчилля. – Прим. перев.

что видите, все было зря. Ничего не было. И это гораздо лучше для всех.

У него начался приступ кашля, который сотрясал все тело. Открылась дверь, и вошла монахиня. Она наклонилась над ним и что-то прошептала. Мне он сказал: "Простите, сегодня был долгий день. Думаю, мне надо отдохнуть. Спасибо за приезд и за рассказ о тех моментах, которых я не знал".

Он снова начал кашлять, поэтому я вышел как можно быстрее. До дверей меня вежливо проводил отец Доминиан. На ступеньках я дал ему свою визитную карточку. "Если ему станет хуже. — Я колебался. — Ну, вы понимаете? Буду очень признателен, если получу от вас весточку".

Я закурил и облокотился на каменный забор кладбища у калитки. Конечно, я проверю факты, но Верекер говорил правду. У меня не было ни тени сомнения. А что это меняет? Я посмотрел на паперть, где в тот вечер стоял Штайнер, ведя переговоры с Гарри Кейном, и подумал о нем, стоящем на террасе в Мелтам Хаузе. Я подумал о финальном, смертельном для него колебании. И даже если бы он нажал курок, это все равно ничего не изменило бы.

Вот вам ирония судьбы, как сказал бы Девлин. Мне почти слышался его смех. Ну ладно, в конце концов нет слов, которые я мог бы найти, чтобы сказать лучше, чем человек, так блестяще сыгравший в ту роковую ночь свою собственную роль.

Что ни говори, он был прекрасным солдатом и храбрым человеком. На этом и закончим. Я повернулся и ушел в дождь.

Ивен Монтегю ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

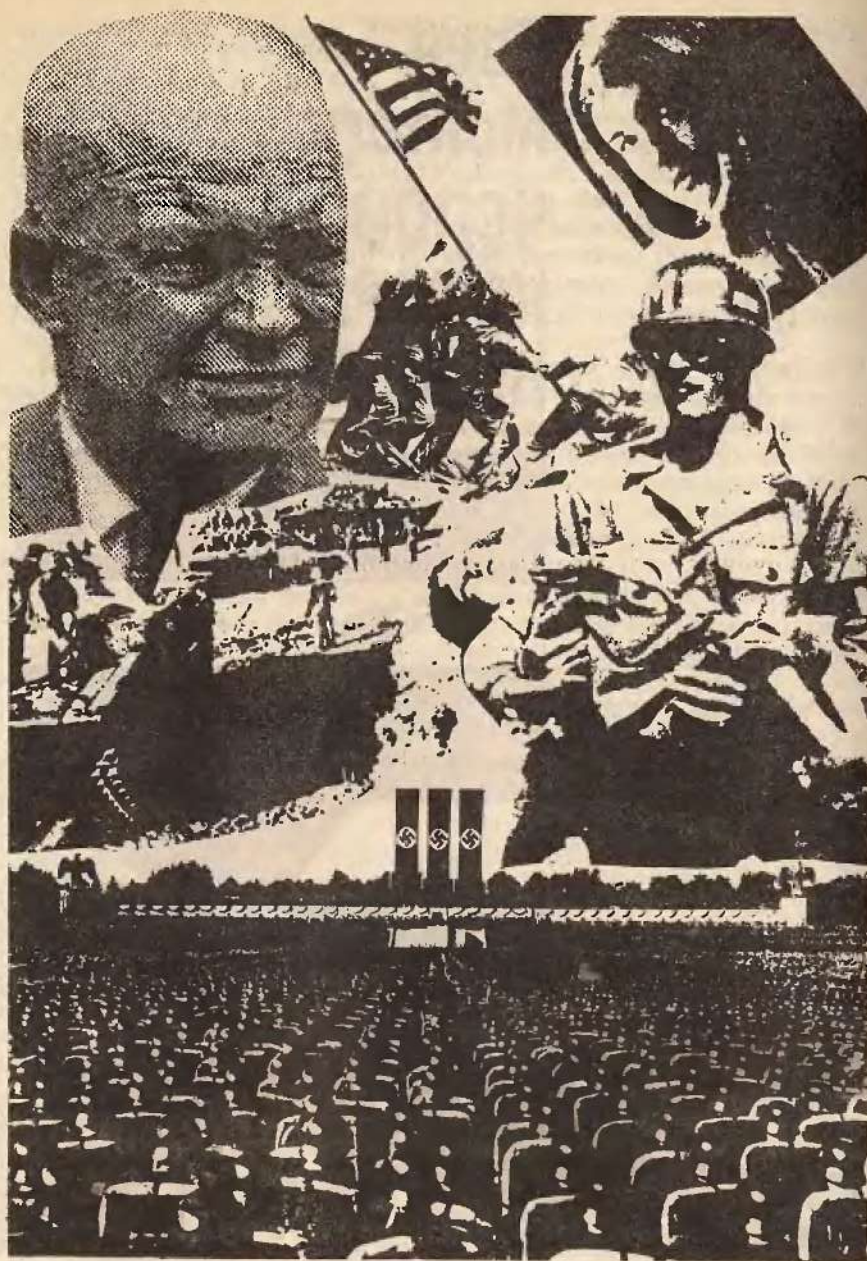
N09650

WHITTHOLL

LONDON 1031

Сокращенный перевод с английского
Э. Медниковой и А. Юровского

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Обман противника всегда был одним из основных принципов ведения войны. К *ruses de guerre* [военным хитростям] прибегали почти во всех военных кампаниях, начиная с Троянской, а может быть, и раньше.

Эту игру играют так давно, что придумывать новые методы, чтобы скрыть свои силы или намерения, стало нелегко. С другой стороны, дезинформационные разведывательные мероприятия должны разрабатываться и проводиться в жизнь со всей тщательностью и осторожностью, иначе, вместо того чтобы обмануть врага, вы раскроете свои секреты.

Когда было решено начать после захвата Туниса вторжение в Италию через Сицилию, мы восприняли это как естественное следствие Североафриканской кампании и были уверены, что противник, предвидя вторжение, сосредоточит свои силы для отражения удара. Что можно было сделать, чтобы спутать его расчеты?

Я очень хорошо помню, как однажды вечером мне принесли план так называемой отвлекающей операции, которая впоследствии получила кодовое наименование операция "Минсмит". Сознаюсь, я немного сомневался в успехе этого плана, однако познакомил с ним членов Комитета начальников штабов. В принципе он был ими одобрен. Затем капитан-лейтенант Монтегю, автор этого плана, и его коллеги принялись за дальнейшую разработку операции.

В самых фантастических мечтах нам не мог пригрезиться успех, которым увенчалась операция "Минсмит". Заставить немцев распылить свои силы и даже отвести боевые корабли из района самой Сицилии — поразительное достижение! Десантники, высадившиеся в Сицилии, а также их семьи должны быть благодарны тем, кто разработал и осуществил операцию "Минсмит".

Не часто случается, что секретную операцию, да еще в изложении человека, который знает все подробности, можно сделать достоянием республики. Лица, изучающие военную историю, должны радоваться возможности ознакомиться, словно по учебнику, с примером работы в одной из специальных отраслей военного искусства. Другие получают удовольствие от чтения этой подлинно приключенческой повести, которая еще раз доказывает правильность утверждения, что правда бывает фантастичнее любого вымысла.

Генерал лорд ИСМЕЙ
Париж, 7 июня 1953 года

ОТ АВТОРА

Это правдивый отчет об одной разведывательной операции, проведенной в 1942–1943 гг. Те сведения, которые мне не были известны, взяты из секретных документов и докладов, а не основываются на чьих-либо воспоминаниях о минувших событиях или заявлениях, имеющих целью, как это часто бывает, оправдать собственные действия или действия своих помощников.

Я, естественно, не мог ни говорить, ни писать об операции "Минсмит", пока слухи о ней и ссылки в немецких военных мемуарах на некоторые документы, составляющие основу операции, не показали, что хранить тайну дальше уже невозможно. Это было признано, и я получил официальное разрешение опубликовать известные мне подробности.

Операцию осуществили люди, имена которых, к сожалению, назвать нельзя, так как некоторые из них все еще находятся на государственной службе. Поэтому мне пришлось заменить подлинное имя вымышленным – Джордж. Я должен также сохранить тайну личности "майора Мартина". Что касается других упомянутых мною лиц, то я называл титулы и звания, которые они носили в то время.

Я должен выразить благодарность лорду Исмею за помощь, оказанную мне в 1942–1943 гг., и за предисловие к этой книге, а также Джеку Гарбуту из "Санди экспресс" за его мудрые советы, которые помогли мне в этом первом моем путешествии в сферу писательской деятельности.

Уоррен-Бич, Болье, 1953

Ивен МОНТЕГЮ

1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИДЕИ

На кладбище испанского городка Уэльва похоронен английский гражданин. Умирая на родной земле поздней осенью 1942 г., он не подозревал, что после смерти ему отдадут воинские почести и навсегда оставят под солнечным небом Испании. Не думал он также, что уже мертвым окажет союзным войскам услугу, благодаря которой многие сотни англичан и американцев останутся в живых. Он был скромным гражданином своей страны и при жизни не сделал ничего выдающегося, но после смерти "совершил" то, что удастся сделать лишь немногим за всю их трудовую жизнь.

* *
*

Все началось с совершенно фантастической идеи Джорджа. Он и я были членами небольшого межведомственного комитета, который еженедельно собирался для обсуждения вопросов о сохранении в тайне намечаемых военных операций. Мы обменивались сведениями, полученными из различных источников – от наших собственных служб и других органов в Англии, из нейтральных государств, а также из донесений разведчиков, находившихся в неприятельских странах. Располагая, кроме того, самой последней информацией о намерениях союзников, мы должны были предупреждать утечку военной тайны и предугадывать действия вражеской разведки.

Это нелегкая задача. Но комитет был подобран хорошо. Он состоял не только из знающих и опытных кадровых офицеров, но также из офицеров запаса и гражданских лиц, работающих в самых различных областях. Это была смешанная компания, но зато мы могли квалифицированно рассматривать любые данные и с любой точки зрения. Все вместе мы располагали запасом весьма разнообразных знаний, и на свете существовало немного сфер деятельности, с которыми хоть один из нас не был бы связан.

Джордж высказал свою идею во время обсуждения одного донесения, полученного из оккупированной Европы. Мы пытались, как всегда, выяснить, подлинный ли это документ или его сфабриковали и подсунули союзникам немцы. Джордж обладал чрезвычайно изобретательным умом, и обычно его фантастические и хитроумные предложения оказывались настолько сложными, что не могли быть осуществлены. Но иногда его идеи были совершенно блестящи по своей простоте.

Пока мы раздумывали над тем, подлинное это сообщение или немцам удалось схватить нашего агента и послать донесение от его имени, Джордж вспомнил недавний приказ, который запрещал нашим офицерам, имевшим при себе секретные документы, пользоваться самолетами, если они могли быть сбиты над вражеской территорией. Заговорив об этом, Джордж вдруг предложил в целях проверки подлинности подобных донесений каким-нибудь образом заставить немцев сообщить нам что-либо заведомо ложное и таким путем выяснить, как они действуют.

— Если мы перебрасываем рацию для участников Сопrotивления во Франции, — говорил Джордж, — и она начинает работать, то трудно сказать, кто передает сообщения — немцы или дружелюбно настроенный француз. Но если сбросить рацию с мертвым телом, прикрепленным к полураскрытому парашюту, задача проверки будет облегчена. Француз, несомненно, сообщит нам о случившемся, тогда как немцы скроют это и будут пользоваться приемопередатчиком, как будто наш агент жив. Конечно, подобный трюк может и не удался, но вся инсценировка не потребует больших усилий, и, честное слово, стоит попробовать! Слушайте, кто из вас знает, где можно достать мертвое тело? — спросил он в заключение.

Это была не лучшая его выдумка, и мы быстро разбили Джорджа: агенты не возят с собой коды и другие материалы, необходимые для передач; отсюда — каким же образом немцы смогут вести передачи? Дальше, когда парашют отказывает, груз, несомненно, сильно ударяется о землю. Значит, у трупа обязательно должны быть сломаны конечности, должны быть ушибы и царапины, а установить, когда причинены повреждения — до или после смерти, — довольно легко. Поэтому тот, кто найдет тело, очень скоро поймет, что "парашютист" умер еще до того, как упал на землю. Затем, даже если мы достанем труп (правда, никто из нас не был в этом полностью уверен), то это должен быть труп человека, умершего при падении с высоты. Последнее обстоятельство невероятно осложняло задачу.

Нет, предложение Джорджа явно провалилось. И мы вернулись к нашему донесению из Франции — подлинное оно или нет?

Однако через несколько месяцев эта фантастическая идея принесла плоды.

* *
*

В начале лета 1942 г. наш комитет был занят своей первой большой работой. Готовилась операция "Торч" — вторжение в Северную Африку, и опыт, который мы приобрели ранее, обеспечивая сохранение в тайне операций небольшого масштаба, теперь проходил полную проверку.

Мы понимали: скрыть от противника, что затевается какая-то операция, невозможно. Во-первых, каждому было ясно, что союзники не будут сидеть сложа руки, ведь где-то вторжение должно начаться. Во-вторых, нельзя уберечься от иностранных дипломатов. Они ездят по всей стране, встречаются и разговаривают не только с лицами, посвященными в наши планы, но и с теми людьми, которые не могут не видеть скопления судов или войск перед отправкой. И какой бы ни была официальная точка зрения, наш комитет не питал иллюзий относительно "нейтральности" отдельных членов дипломатического корпуса. Кроме того, даже проанглийски настроенный дипломат должен делать свое дело — он обязан сообщать своему правительству обо всем происходящем здесь, в Англии. А когда этот доклад попадает в его страну, нет никаких сомнений, что там найдется хотя бы один чиновник или министр, уже подкупленный или по крайней мере идеологически подготовленный к передаче сведений немцам. В-третьих, имеются "нейтральные" бизнесмены и моряки, регулярно совершающие рейсы между Англией и континентом.

Поэтому мы не могли надеяться, что нам удастся скрыть от немцев сам факт подготовки операции. Зато в наших силах было скрыть самое важное — когда и где она начнется.

До вторжения в Северную Африку союзников ничто не связывало, и они могли нанести удар в любом месте. Немцы вправе были думать, что мы можем высадить десант в Норвегии, в Голландии или во Франции, попытаемся развернуть наступление через Испанию, захватить Канарские или Азорские острова, чтобы облегчить борьбу с подводными лодками, высадиться в Ливии и нанести удар по армии Роммеля с тыла. Если не считать Египта, то мы были свободны в выборе направления удара и могли произвести высадку в любом месте оккупированной немцами Европы, в любой нейтральной стране.

В таких условиях от нашего комитета требовалось одно — скрыть от противника объект удара и дату начала операции. Это

означало, что нам нужно организовать утечку ложных сведений о якобы намечаемых объектах действий и подкрепить эти сведения каким-нибудь документом, скажем заявкой на тропические шлемы для некоторых наших частей, когда на самом деле они будут готовиться к высадке, например, на Лофотенские острова¹. Наряду с этим мы должны были принять все меры для предотвращения, насколько это возможно, утечки подлинно секретной информации, которая неизбежно просачивалась из Англии. Другими словами, требовалось обеспечить сохранение в тайне намерений союзников и одновременно добиться того, чтобы утечка, которая все же могла произойти, несмотря на принятые меры предосторожности, не выдала наших истинных намерений.

Когда готовилась операция "Торч", мы действовали именно так. И по мере изучения донесений нашей разведки, узнавая о шагах, предпринимаемых немцами, мы убедились, что принятые нами меры оправдывают себя: противник не знал, где мы нанесем удар.

Однако после операции "Торч" проблемы, с которыми нам предстояло столкнуться, были совершенно иными. На этой стадии войны в руках союзников находилось все североафриканское побережье, и они готовились ударить "в мягкое подбрюшье Европы", если воспользоваться выражением Черчилля.

Наш комитет все время был в курсе стратегических планов английских и американских штабов, и ему предстояло сыграть свою роль с началом наступления. Было совершенно очевидно, что союзники, овладев всем североафриканским побережьем, не станут перевозить войска в Англию для вторжения в Европу через Ла-Манш и что по крайней мере часть этих войск будет использована для высадки в Южной Европе – в Италии, Греции или во Франции. Любая из этих операций представлялась возможной, и наш комитет должен был приготовиться действовать в соответствии с окончательным решением командования. Возможно, мы бы и справились с задачей, работая по методу, который до сих пор давал столь хорошие результаты, но стратегическая обстановка характеризовалась одной особенностью, создававшей новую проблему.

Сицилия, этот футбольный мяч на носке "итальянского сапога", находится посредине Средиземного моря. Это означало, что, до тех пор пока мы не завладеем ею, наши конвои в Средиземном море будут нести колоссальные потери, причем даже тогда, когда аэродромы в Северной Африке окончательно перейдут в наши руки. Мы понимали, что, прежде чем начать

¹ Лофотенские острова находятся у западного побережья Норвегии. – Прим.

новую операцию в бассейне Средиземного моря, союзникам предстоит захватить Сицилию. Наш комитет всегда приступал к работе задолго до проведения операции, и мы обсуждали план мероприятий по обеспечению скрытности удара по Сицилии еще до того, как началась операция "Торч".

Мы предвидели трудности. Ведь если нам было ясно, что после Северной Африки на очередь дня встанет Сицилия, то и немцы понимали это. Как же помешать противнику усилить оборону Сицилии, если он постарается сделать это по тем же стратегическим соображениям, которые заставляют союзников готовиться к захвату острова?

Обсуждая эту проблему, мы вспомнили о фантастической идее Джорджа.

– А что, если достать мертвое тело, – предложил я, – одеть его в форму штабного офицера и снабдить важными документами, из которых следовало бы, что мы собираемся высадиться не в Сицилии, а в другом месте? Нам не придется сбрасывать тело на землю, так как самолет может быть сбит над морем по пути в Африку. Труп вместе с документами прибудет к берегу либо во Францию, либо в Испанию. Лучше – в Испанию: там немцам труднее будет произвести детальный осмотр тела, и в то же время из Испании они непременно получают документы или по крайней мере копии с них.

Возбужденные, мы взвешивали все возможности этого плана. Предстояло уточнить целый ряд деталей: в каком состоянии должен быть труп после авиационной катастрофы над морем; что обычно бывает причиной смерти в таких случаях; что может обнаружиться при вскрытии тела; можно ли достать подходящее тело. Вот те вопросы, которые требовали ответа в первую очередь. Если ответы будут удовлетворительными, план заслуживал того, чтобы заняться им вплотную. Никто из нас не сомневался, что испанцы, если только дать им возможность, сыграют предназначенную им роль, и тогда какие перспективы откроются перед нами!

2

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СПРАВКИ

Мы были уверены, что достанем тело, и в то же время прекрасно понимали, какие трудности нас здесь ожидают. Однако мы не представляли себе, как это будет трудно на самом деле. Честно говоря, к поискам трупа мы приступили без особой охоты, потому что даже в безжалостное время войны не уменьшается естественное чувство уважения к мертвому человеку. Но у нас

это чувство было побеждено мыслью о том, сколько жизней можно спасти, если использовать с задуманной целью тело, которое — мы это знали — в конце концов будет погребено с почестями.

Трудность, с которой мы сразу же столкнулись, заключалась в сохранении тайны. Ведь не могли же мы пойти к родственникам умершего в час их горя и без всяких объяснений попросить разрешения забрать останки сына, мужа или брата, которого они оплакивают. А если они потребуют объяснений, что мы им скажем? В романах встречаются такие персонажи, которые готовы отдать тело своего единственного только что умершего родственника, не спрашивая, зачем его берут. Но то в романе, а в жизни?!

Сначала требовалось точно установить, какой труп нам нужен. Если немцы, по нашему замыслу, должны принять его за жертву авиационной катастрофы над морем, то надо найти такое тело, которое не имело бы признаков смерти от других причин.

Мне казалось, что к этому вопросу надо подходить с точки зрения человека, который будет производить вскрытие. Чего может ожидать патологоанатом, вскрывая труп, прибитый к берегу после того, как самолет, на борту которого находился погибший, упал в море?

Я сразу же вспомнил о Бернарде Спилзбери. Это был очень опытный патолог, и, кроме того, я был уверен, что он сохранит доверенную ему тайну. В этом смысле между сэром Бернардом и устрицей нет никакого различия. Спилзбери обладал и еще одним, более редким качеством: я твердо знал, что он не задаст ни одного вопроса, кроме тех, ответы на которые понадобятся ему для решения поставленной перед ним проблемы. Спилзбери просто примет к сведению тот факт, что мы хотим, чтобы плавающее тело было принято за жертву авиационной катастрофы, и не станет интересоваться подробностями.

Я позвонил Спилзбери, и мы договорились встретиться в клубе "Джуниор Карлтон". Там за рюмкой хереса я рассказал ему о своем деле. После минутного размышления он дал мне одно из тех кратких и полных толкований, которые не раз убеждали присяжных и даже судей. Его совет вселил в меня надежду. Если на тело надеть спасательный жилет, мы можем использовать труп человека, который либо утонул, либо умер от почти любой естественной причины. Жертвы авиационной катастрофы над морем умирают от повреждений, полученных во время удара самолета о воду, тонут или погибают просто от отсутствия помощи в море; имеют место и случаи шока. Итак, поле наших поисков сужалось.

Мое мнение о Бернарде Спилзбери полностью оправдалось. Этот удивительный человек отвечал на вопросы, ни на минуту не давая воли своему любопытству, которое он, должно быть, все-таки испытывал. Он задал мне несколько вопросов, имеющих отношение к патологической проблеме, которую я перед ним поставил, но ни разу не спросил, почему я всем этим интересуюсь.

Теперь нам предстояло навести справки о недавно умерших людях. Мы не могли делать это открыто. При всех условиях нам следовало избегать всего того, что могло вызвать разговоры вроде: "Вы не слышали? Очень странно, такой-то спрашивал на днях такого-то, где можно достать труп". Мы приступили к поискам с чрезвычайной осторожностью. В общем, все это выглядело почти как у Пиранделло — "шесть офицеров в поисках трупа"¹.

Одно время мы уже серьезно подумывали, что нам придется похитить труп на кладбище, но, пока у нас оставались другие пути, мы хотели испробовать их. Нам удалось навести кое-какие справки у военных врачей, которым мы могли доверять. Но как только намечалась возможность заполучить труп, оказывалось, что либо родственники не дают согласия, либо нельзя доверять тем людям, которые, пожалуй, отдали бы нам труп своего близкого. Нередко нас не устраивала причина смерти.

Наконец, когда нам только и осталось, как или обратиться в морги, или расширить круг лиц, посвященных в тайну (а это, несомненно, вызвало бы всевозможные слухи), мы услышали о человеке, который только что скончался от воспаления легких после длительного пребывания на морозе. В патологическом отношении труп как будто отвечал нашим требованиям. С лихорадочной быстротой мы начали наводить справки о прошлом умершего и его семейном положении. Мы убедились, что родственники сохраняют в тайне тот минимум сведений, который придется им сообщить: мы могли сказать, что цель поистине благородная и что останки будут достойно погребены, хотя и под вымышленным именем.

Согласие, за которое мы по сей день чрезвычайно благодарны, было получено при условии, что никто никогда не узнает фамилии умершего. Поэтому я скажу здесь только одно: это было тело человека лет тридцати с небольшим.

Из предосторожности я еще раз посоветовался с Бернардом Спилзбери. Он был вполне удовлетворен: воспаление легких подходило как нельзя лучше, ибо при этом заболевании в легких скапливается некоторое количество жидкости, как и в том слу-

¹ Имеется в виду пьеса Луиджи Пиранделло "Шесть персонажей в поисках автора". — Прим. ред.

чае, если человек умер в морских волнах. Патологоанатом, заведомо предполагающий, что перед ним утопленник, вряд ли обнаружит во время вскрытия разницу между жидкостью в легких (которые уже начали разлагаться) и морской водой. Спилзбери закончил нашу беседу характерным для него уверенным заявлением:

– Вам нечего бояться вскрытия в Испании. Обнаружить, что этот молодой человек не утонул, сумеет лишь патологоанатом с моим опытом, а такого в Испании нет.

Мы позаботились о том, чтобы тело хранили в подходящем холодильнике, пока мы не будем готовы использовать его.

3

ОПЕРАЦИЯ "МИНСМИТ"

Теперь требовалось получить одобрение начальства. Прежде всего операции следовало дать условное наименование. За исключением названий крупных операций, которые придумывал сам премьер-министр, все наименования брались из списков, составляющихся для различных штабов. Я выяснил, какие названия значились в списке Адмиралтейства. Там я нашел слово "минсмит"¹. В списках оно было восстановлено недавно, после применения его в одной успешной операции. К этому времени мой юмор стал несколько мрачноватым, и я решил, что это слово подходит. Итак, операция получила название "Минсмит".

Затем надо было решить, куда отправить тело. Взвесив все "за" и "против", я наконец выбрал городок Уэльва в Испании. В Уэльве, как нам было известно, активно действовал немецкий агент, имевший тесный контакт с испанцами – чиновниками и другими лицами. Если тело достигнет Уэльвы – все шансы за то, что бумаги и вещи умершего попадут к агенту. Даже если обстоятельства помешают этому, он сумеет достать копии документов или получит подробнейшие сведения о них и уж, конечно, предупредит свое начальство в Мадриде, которое постарается перехватить документы в более высокой инстанции. Риск заключался лишь в том, что тело и документы могли быть сразу же переданы британскому вице-консулу в Уэльве. В этом случае немецкий агент не узнал бы ровным счетом ничего. Но испанцы и немцы сотрудничали настолько тесно, что законные действия были маловероятны, и если бы нашелся испанец, который захотел поступить в соответствии с существующими законами, то, я был уверен, несколько других непременно помешали бы ему.

¹ Mincemeat – начинка (англ.).

Еще одно преимущество нашего выбора заключалось в том, что город Уэльва находится не слишком близко от Гибралтара.

Мы не хотели, чтобы испанцы отправили тело туда. Появление в Гибралтаре трупа офицера, в действительности не существовавшего, могло вызвать разговоры, которые, несомненно, дошли бы до многочисленных немецких агентов, получавших информацию от испанцев, посещающих Гибралтар.

В Адмиралтействе, у главного гидрографа военно-морских сил, я навел справки относительно погоды и приливов в различных точках испанского побережья во все времена года. Счастье и тут не изменило нам. Хотя приливные течения здесь проходят вдоль берега, в апреле в этом районе преобладает юго-западный ветер, и главный гидрограф считал, что "предмет", по всей вероятности, будет дрейфовать к берегу. А тело в спасательном жилете больше подвержено воздействию ветра, чем "предмет", о котором я говорил с гидрографом.

Значит, Уэльва. Мы не сомневались, что тело прибудет к берегу и впоследствии оно будет передано британскому вице-консулу для погребения. Мы были также уверены, что немецкий агент доставит все бумаги или по крайней мере копии с них верховному командованию германских вооруженных сил. Забегая вперед, скажем, что он оправдал наше доверие.

Теперь надо было подумать о средствах транспортировки. Если сбросить тело с самолета, оно, ударившись о поверхность воды, получит повреждения.

Итак, оставались три способа спуска трупа в море: подводная лодка, летающая лодка или один из кораблей, которые сопровождали наши транспорты, следовавшие вдоль испанского берега. Мы избрали подводную лодку, так как она могла близко подойти к побережью, не рискуя быть замеченной, и я обратился за разрешением к заместителю начальника военно-морского штаба обсудить этот вопрос с адмиралом Барри, командующим нашими подводными силами. Разрешение было дано.

Адмирал Барри по достоинству оценил нашу идею и направил меня к начальнику своего штаба. Последний сказал, что "начинку" можно перевезти на одной из подводных лодок, которые более или менее регулярно ходили на остров Мальта. Эти лодки доставляли на остров важные, хотя и не слишком громоздкие, предметы. Несмотря на размеры контейнера – примерно двести сантиметров в длину и около шестидесяти сантиметров в диаметре, – начальник штаба считал, что его можно поместить внутри прочного корпуса подводной лодки и поднять вверх для спуска на воду через боевую рубку.

Это значительно облегчало нашу задачу, так как мы могли обойтись легким герметическим контейнером вместо тяжелого

и сложного устройства, которое должно было бы выдержать давление морской воды при погружении подводной лодки. Оставалось решить вопрос, можно ли поместить тело в простейший контейнер или придется сконструировать своего рода большой термос.

Я еще раз обратился за консультацией к Бернарду Спилзбери. По его мнению, температура имеет здесь сравнительно небольшое значение, если тело, перед тем как его поместят в контейнер, будет заморожено. Важно избавиться от кислорода в контейнере, ибо кислород способствовал бы разложению. Спилзбери посоветовал поставить контейнер вертикально и наполнить его сухим льдом (сухой лед, постепенно превращаясь в углекислый газ, вытеснит воздух из контейнера), затем тело осторожно опустить в контейнер, положить вокруг сухой лед, после чего контейнер закрыть. В контейнере кислорода останется настолько мало, что, если тело подберут вскоре после спуска его на воду, оно будет точно в таком состоянии, как если бы находилось в воде несколько дней.

Мы заказали контейнер из двух слоев листовой стали с асбестовой прокладкой. Он закрывался крышкой, которая имела водонепроницаемую резиновую прокладку и привинчивалась шестнадцатью болтами. К крышке был прикреплен цепочкой гаечный ключ. На дне и крышке контейнера имелись ручки, так как вместе с телом контейнер весил около ста пятидесяти килограммов.

Через некоторое время я снова встретился с адмиралом Барри. Я доложил, что разработка плана продвигается и, если он будет одобрен, мы хотели бы осуществить его примерно в конце апреля, то есть в период новолуния, когда возможность обнаружения подводной лодки близ берега наименьшая.

Адмирал решил выделить в наше распоряжение подводную лодку "Сераф", так как ее выход на Мальту можно было задержать недели на две. Выбор оказался тем более удачным, что этой подводной лодкой командовал лейтенант Джуэлл, а он и его экипаж уже имели опыт в проведении специальных операций, связанных с высадкой войск в Северной Африке. Это они помогли генералу Жиро бежать из плена и доставили генерала Кларка в Северную Африку, откуда он должен был тайно связаться с силами Соппротивления во Франции. Они же увезли его обратно.

Я подготовил проект боевого приказа командиру подводной лодки, и адмирал Барри одобрил его. По его предложению лейтенант Джуэлл явился в штаб подводных сил, и мы без помех обсудили все детали предстоящей операции. После этого я вручил ему боевой приказ, который выглядел следующим образом:

ОПЕРАЦИЯ "МИНСМИТ"

1. Цель

Обеспечить доставку портфеля с документами на берег как можно ближе к Уэльве (Испания). Сделать это таким образом, чтобы создалось впечатление, будто портфель был в самолете, упавшем в море, и его вез офицер из Англии в штаб союзников в Северной Африке.

2. Способ

Мертвое тело, одетое в полевую форму майора английской морской пехоты, и спасательный жилет вместе с портфелем и резиновой шлюпкой доставляются к побережью Испании подводной лодкой.

Тело, полностью подготовленное к спуску на воду, будет помещено в воздухонепроницаемый контейнер с надписью: "Обращаться осторожно – Оптические инструменты – Особая отправка".

Контейнер имеет около 200 сантиметров в длину и около 60 сантиметров в диаметре, без всяких выступов с боков. С одной стороны он закрывается крышкой, которая плотно привинчивается болтами. К ней прикреплен цепочкой гаечный ключ. Как крышка, так и дно имеют ручки. Контейнер можно поднимать за обе ручки или пользуясь только ручкой на крышке, однако поднимать контейнер за одну ручку нежелательно, так как сталь, из которой он сделан, очень тонкая. Общий вес контейнера около 150 килограммов.

Тело в контейнере окружено слоем сухого льда, поэтому контейнер следует открывать на палубе, а не внутри подводной лодки, так как сухой лед выделяет углекислый газ.

3. Место

Тело должно быть спущено на воду так близко к берегу, как только возможно и как можно ближе к городу Уэльве, предпочтительно северо-западнее устья реки.

По данным гидрографического управления, течения в этом районе идут в основном вдоль побережья, поэтому для спуска тела на воду следует выбрать время, когда ветер дует в направлении берега. В это время года в указанном районе преобладают юго-западные ветры.

Последние сведения относительно приливо-отливных течений в этом районе, полученные от начальника гидрографического управления, прилагаются.

4. Доставка груза

Груз будет доставлен в порт отхода по суше в любой указанный день, предпочтительно как можно ближе ко дню отплытия.

Портфель будет передан командиру подводной лодки в это же время. Резиновая лодка находится в отдельной упаковке.

5. Спуск тела

Вынув тело из контейнера, цепочку, прикрепленную к ручке портфеля, необходимо закрепить на поясе шинели, в которую одет труп. Эта цепочка точно такая же, какие обычно надевают под шинель на грудь и выпускают свободный конец через рукав. На одном конце цепочки имеется застежка-карабин, позволяющая прикрепить ее к ручке портфеля, на другом – такая же застежка, которая застегивается на груди. Именно этот конец цепочки следует закрепить на поясе шинели, будто офицер, находясь в самолете, снял цепочку из соображений удобства, но все же оставил ее прикрепленной к поясу, чтобы не забыть портфель или не выронить его в самолете.

Затем тело, а также резиновую лодку следует спустить на воду. Поскольку резиновая лодка будет плыть с иной скоростью, чем тело, место спуска лодки относительно тела не имеет большого значения, однако она не должна находиться слишком близко к телу.

6. Осведомленные лица в Гибралтаре

Предприняты шаги с целью сообщить о намечаемой операции начальнику гарнизона в Гибралтаре и начальнику разведывательного отдела его штаба. Кроме них, в Гибралтаре об операции никто не осведомлен.

7. Сигналы

Если операция пройдет успешно, необходимо донести: "Минсмит" окончен". В случае, если донесение будет отправляться из Гибралтара, следует предупредить начальника разведывательного отдела, чтобы он адресовал его начальнику разведывательного управления адмиралтейства (лично). Если донесение можно будет послать раньше, оно передается в порядке, предусмотренном соответствующими приказами командующего подводными силами.

8. Отмена

Если операцию придется отменить, будет дан приказ: "Отменить "Минсмит". В этом случае тело и контейнер следует затопить в глубоководном районе. Поскольку контейнер может обладать положительной плавучестью, его следует либо чем-нибудь загрузить, либо заполнить водой. В последнем случае необходимо тщательно проследить, чтобы тело осталось в контейнере. Портфель должен быть передан начальнику разведывательного отдела в Гибралтаре с указанием сжечь его, не вскрывая (если не представится возможности сделать это раньше). Резиновую лодку передать для уничтожения также начальнику разведывательного отдела.

9. Невозможность проведения операции

Если проведение операции окажется невозможным, необходимо донести, и как можно скорее: "Минсмит" не состоялся" (см. пункт 7).

10. Маскировка

До начала операции достаточной маскировкой будет служить надпись "Оптические инструменты" на контейнере. После проведения операции экипажу подводной лодки можно сообщить, что наша цель – разоблачение очень активного немецкого агента в Уэльве и что благодаря операции будут получены данные, которые заставят испанцев выслать агента из страны. Одновременно необходимо внушить экипажу, что любая утечка сведений, когда бы она ни произошла, может лишить нас возможности заставлять испанцев поступать так, как это нам выгодно. Члены экипажа не должны впоследствии интересоваться достигнутыми результатами, так как операция требует полного сохранения тайны, иначе испанцы разгадают наш замысел.

Фактически самое важное заключается в том, чтобы немцы и испанцы отнеслись к документам так, как это предусмотрено пунктом 1. Если они заподозрят, что документы подложные, это будет иметь серьезные последствия.

*И. Монтегю; капитан-лейтенант.
31.3.43 г.*

Теперь от нас требовалось решить, какой документ положить в портфель, чтобы заставить немцев изменить свои планы и диспозицию войск, и какими убедительными деталями придать документу видимость подлинного.

4

**ВАЖНОЕ
ПИСЬМО**

Одно было совершенно ясно: если цель операции – обмануть немцев, заставив их действовать в соответствии с содержанием подкинутого документа, то это должен быть "важный" документ. Здесь не сыграешь на "болтливости" офицера среднего ранга. Даже "разглашение" служебной тайны бригадным генералом или контр-адмиралом в его переписке с другим лицом, равным ему по званию, не произвело бы должного впечатления.

Раз требуется убедить германский генеральный штаб, что объектом нашего очередного удара будет вовсе не Сицилия (хотя

все данные указывают именно на нее), значит, надо представить ему документ, подобный тем, какие пересылают друг другу люди, действительно знающие наши подлинные планы и которые не могут ошибиться или быть замешанными в отвлекающую операцию. Немцы должны хорошо знать отправителя и адресата и, главное, быть уверенными в том, что эти лица полностью осведомлены о стратегических замыслах союзного командования.

Я предложил, чтобы письмо написал генерал сэр Арчибальд Най, заместитель начальника имперского генерального штаба, командующему армией в Тунисе генералу Александеру. Адрес — штаб 18-й группы армий. Письмо следовало написать примерно так: "Послушай, старина, я хочу, чтобы ты знал, как хорошо мы понимаем твои затруднения, но у нас есть свои проблемы. Начальник имперского генерального штаба был вынужден отклонить некоторые твои требования, хотя ты на них настаиваешь. Имеются очень важные причины, по которым мы не можем сейчас удовлетворить твои просьбы. Вот они..." Другими словами, в это дружеское письмо мы решили включить сведения и объяснения, которые нельзя вставить в официальные бумаги. Такое письмо — и только такое — может убедить немцев, что нашим следующим объектом будет не Сицилия. И найдено оно могло быть только в портфеле погибшего офицера, а не в пакете с обычными официальными документами, направляемыми нашим армиям за границу.

Наш прицел был очень далек (ведь другого выхода не оставалось), поэтому следовало ожидать, что на пути реализации идеи мы столкнемся с многочисленными затруднениями. Ибо многие, даже весьма способные и компетентные, люди, не могли понять, что требовалось для нашей операции. Для этого нужен совершенно особый подход, особое мышление: одну и ту же задачу необходимо уметь рассматривать одновременно с различных точек зрения.

Ты — английский контрразведчик. В немецкой разведке, в Берлине, есть лицо, занимающее такое же положение. Не имеет значения, какие выводы из документа сделаешь ты, англичанин, с твоим английским складом ума и характера. Важно, какие выводы сделает *то лицо* (с его немецким складом ума и характера). Важно, как *немецкий контрразведчик* поймет этот документ. Поэтому, если ты хочешь, чтобы он пришел к определенному заключению, ты должен дать ему сведения, которые заставят его (а не тебя заставили бы) прийти к такому заключению. Но он может оказаться подозрительным и захочет подтверждений. Ты должен предугадать, какие справки он начнет наводить (а не какие справки навел бы *ты*), и дать ему такие

ответы, которые бы его удовлетворили. Другими словами, ты должен помнить, что немец мыслит и реагирует не так, как ты, и на время заставить себя мыслить его понятиями.

Но ты не должен забывать и о германском верховном командовании. Если твой план удастся, вражеский контрразведчик будет убеждать его в правоте своих выводов, которые ты навязал ему. Германское верховное командование не знает о всех трудностях союзников. Например, оно не знает, что у нас не хватает десантных судов, и поэтому может поверить, что какая-то определенная операция возможна, хотя твое командование отлично знает, что она исключена. Твой план должен обмануть германский штаб, а не английский.

Однако не каждый понимает подобные рассуждения и тем более применяет их на практике.

Итак, мы натолкнулись на трудности. Но прежде чем перейти к ним, скажу несколько слов об "отвлекающих объектах" и "отвлекающих операциях".

Если вы хотите предотвратить сосредоточение сил противника в районе намечаемой высадки десанта, вы должны попытаться отвлечь эти силы в какой-нибудь другой район. Нужно убедить противника, что вы намерены атаковать не ваш действительный объект, а какой-то иной, так называемый отвлекающий. Как я уже упоминал, полностью скрыть от противника подготовку к операции невозможно. Поэтому, принимая меры к предотвращению утечки сведений о подготовке операции, необходимо организовать дезинформацию противника. Например, если организовать утечку сведений о выдаче войскам тропических шлемов, когда мы готовимся к высадке на Лофотенские острова (этот пример я уже приводил), то подобная утечка заставит противника сделать заключение, что объект намечаемой нами операции находится где-то в тропиках. А если к тому же довести до сведения противника, что капитаны транспортов, предназначенных для перевозки войск в этой операции, получили карты или какую-то информацию, прямо указывающую на объект операции (ложный, конечно, скажем Дакар), то немецкая разведка нарисует себе именно такую картину, которая нас устраивает.

Наилучшим отвлекающим объектом является тот, который находится так далеко от действительного, что любые оборонительные мероприятия, предпринятые противником на море, в воздухе или на суше, не могли бы способствовать усилению обороны фактического объекта операции. Приведу несколько отвлеченный пример. Если бы вы, собираясь осуществить вторжение в Северную Африку, смогли убедить противника, что намереваетесь высадиться в Норвегии (о, какая упоительная

мечта!), то любые меры, которые противник предпримет для укрепления обороны Норвегии, не помешали бы проведению вторжения в Северную Африку.

Однако в действительности отвлекающий объект, как правило, находится в той же зоне, что и фактический, и поэтому вы не можете свести на нет все оборонительные усилия противника. Например, если бы во время высадки в Северной Африке в 1942 г. нам удалось убедить немцев, что мы намереваемся нанести удар в тыл Роммеля, например в районе Тобрука, то мы смогли бы оттянуть в этот район часть сухопутных войск противника и, возможно, его авиацию. Но немецкие подводные лодки все равно были бы стянуты к Гибралтарскому проливу, через который предстояло пробиться нашим конвоям для осуществления фактической операции. Поэтому обычно приходится идти на компромисс и вместо "идеального" отвлекающего объекта избирать такой, в который противника можно заставить поверить.

Увязывая эту теорию с проблемой, стоявшей перед нашей группой, следует сказать, что наша задача заключалась в том, чтобы убедить немцев, будто союзники не собираются в настоящий момент наносить удар по Сицилии (объект, который был для противника очевиден), заставить их передислоцировать свои войска в другое место и потратить время и силы на укрепление обороны другого района.

Рассматривая сложившееся положение с точки зрения союзного командования, мы видели, что в распоряжении союзников имеются две армии (под командованием генерала Эйзенхауэра, находившаяся во Французской Северной Африке, и под командованием фельдмаршала Генри Вильсона — в Египте), которые занимали все североафриканское побережье и которые предполагалось использовать в одной операции. Такое решение было принято по целому ряду причин, и здесь излишне рассказывать о них подробно. Суммируя эти причины, можно сказать, что высадка десанта на сильно укрепленное побережье Сицилии с последующим броском на Апеннинский полуостров требовала сосредоточения всех сил союзников. Для проведения двух операций одновременно нам не хватало сухопутных войск и авиации. Что же касается транспортных судов и кораблей охранения, то их было недостаточно даже для удовлетворительного материально-технического обеспечения одной операции.

Когда мы взглянули на ту же самую ситуацию с немецкой точки зрения, перед нами предстала несколько иная картина. Насколько знали немцы, союзники могли использовать армию генерала Эйзенхауэра для нанесения удара на юге Франции,

хотя это (считали они), вероятно, вызовет необходимость захвата Сицилии, Сардинии, Корсики и вообще будет рискованной операцией, так как Италия останется в руках противника и послужит базой для нанесения контрудара в тыл союзных войск, которые в этом случае окажутся отрезанными от источников снабжения. В равной мере, считали немцы, армия Эйзенхауэра (или армия, находившаяся в Египте) может быть использована для удара по Италии, но тогда союзникам в качестве первого шага придется захватить Сицилию. И наконец, армию фельдмаршала Вильсона, с точки зрения немцев, можно использовать для вторжения в Грецию и наступления в Европу через Балканы.

У нас не было оснований думать, что немцы знают о нехватке десантных судов, и мы были вправе предположить, что их можно заставить поверить, будто мы начнем одновременно две операции: одну в западной части Средиземного моря, силами армии генерала Эйзенхауэра, и другую — в восточной, силами армии фельдмаршала Вильсона.

Когда наша группа рассматривала возможности операции "Минсмит" с точки зрения введения противника в заблуждение, мы рассуждали следующим образом. Поскольку большая часть сил союзников находится в Тунисе, безнадежно пытаться убедить немцев, что мы решимся направить конвой с войсками через узкий пролив мимо их аэродромов в Сицилии в восточную часть Средиземного моря. Поэтому отвлекающий объект должен находиться где-то западнее Италии. Таким объектом в плане операции против Сицилии уже была избрана Сардиния. Было решено убедить немцев, что союзники собираются пройти мимо Сицилии и захватить Сардинию и Корсику, чтобы открыть для вторжения все итальянское побережье и Южную Францию.

Но я считал, что поскольку мы не полагаемся на серию утечек, которые могут не дойти до немцев, а используем единственный документ, то у нашего "лука" может быть и вторая "тетива". Я рассчитывал убедить немцев, что армия Вильсона не примет участия в операции против Сардинии, а высадится в Греции и начнет наступление на Балканах. А если нам удастся убедить их в этом, то мы добьемся большего распыления сил противника, чем если бы строили свой обман только на одном отвлекающем объекте — Сардинии. Поэтому по моему предложению в письме к генералу Александру должен был содержаться намек на подготовку двух операций: под командованием генерала Эйзенхауэра против Сардинии и, возможно, Корсики и под командованием фельдмаршала Вильсона против Греции. Я предложил также, чтобы из письма явствовало, будто

мы намерены убедить немцев, что собираемся начать вторжение в Сицилию! Прелесть этого предложения заключалась в том, что если мы и не избежим утечки сведений о наших действительных планах, немцы отнесутся к этому как к элементам нашей отвлекающей операции, о которой они узнают из письма к Александру. Проглотив нашу приманку – это единственное письмо, – они не поверят никакой правдивой информации, которая просочится к ним.

В таком виде наше предложение было представлено Комитету начальников штабов, и тут-то начались неприятности!

Немногие получили возможность ознакомиться с нашим предложением, так как мы обошли обычные каналы. И тем не менее, пока план и первоначальный проект документа дошел до начальников штабов и вернулся к нам, он пополнился множеством различных советов и возражений. Каждый, кто думал, что знает, как работает немецкая мысль, выдвигал всевозможные "блестящие" идеи. "Слишком опасно, – говорили они, – делать ставку на такое письмо. Оно должно быть на более низком уровне, в нем просто следует назвать неверную дату. Мы не убедим немцев и только привлечем их внимание к Сицилии. Мы не должны упоминать о Сардинии как о фактическом объекте, так как, если немцы раскроют наш обман, это прямо укажет им на Сицилию".

Пожалуй, самым трудным в нашей операции было убедить свое командование, что такая возможность больше никогда не представится и что, если мы хотим добиться поставленной цели, нужно метить высоко.

Теперь, вспоминая прошлое, я вижу, что легче было обмануть германское верховное командование, чем убедить английское в успехе операции "Минсмит". К счастью, нашим планом заинтересовался сам Арчибалд Най. Он написал письмо, основываясь на моем проекте, который считал вполне реальным. Прочитав его, я не мог не признать, что, хотя отвлекающий объект указывался очень удачно, письмо в целом получилось неубедительным и слишком прямолинейным. Такое письмо могло быть отправлено только официальной почтой, а не передано офицеру, чтобы он отвез его просто в кармане. Сэр Арчибалд принял мой вызов и написал другое, поистине великолепное письмо. На тот случай, если немцы слышали об операции "Хаски" (кодовое название операции по вторжению в Сицилию), он использовал слово "хаски" как кодовое название для операции против Греции, а ложное кодовое название "бримстен" – для ложной операции против Южной Франции. Вот как выглядел проект его письма:

Телефон: Уайтхолл 9400
Начальник имперского
генерального штаба

Военное министерство,
Уайтхолл, Лондон, ЮЗ 1
23 апреля, 1943

Лично и совершенно секретно

Дорогой Алекс,

Пользуясь случаем, посылаю Вам личное письмо с одним из офицеров Маунтбеттена. Хочу сообщить Вам некоторые подробности недавнего обмена телеграммами относительно операций на Средиземноморском театре и сопутствующих им обеспечивающих действий. Вы можете подумать, что наши решения несколько произвольны, но я спешу убедить Вас, что Комитет начальников штабов самым тщательным образом рассмотрел как Ваши рекомендации, так и рекомендации Джамбо¹.

Недавно мы получили информацию, что боши укрепляют свою оборону в Греции и на Крите, и начальник имперского генерального штаба считает, что наши силы для наступления недостаточны. Комитет начальников штабов решил усилить 5-ю дивизию одной бригадой для высадки южнее мыса Киллини и послать такое же подкрепление 56-й дивизии в Каламе. Сейчас мы ищем необходимые силы и транспортные средства.

Джамбо Вильсон предложил Сицилию в качестве отвлекающего объекта для операции "Хаски", но мы уже выбрали ее для той же роли в операции "Бримстен". Комитет начальников штабов очень внимательно пересмотрел этот вопрос и пришел к выводу, что в связи с подготовкой в Алжире и учениями по высадке десанта, которые будут происходить на побережье Туниса, а также массированным использованием авиации в целях нейтрализации сицилийских аэродромов мы должны придерживаться нашего плана, согласно которому Сицилия явится отвлекающим объектом для операции "Бримстен". В самом деле, у нас есть очень хороший шанс заставить бошей поверить, будто мы напали на Сицилию – это очевидный объект, и по поводу его они наверняка беспокойны. С другой стороны, начальники штабов понимают, что нет большой надежды убедить бошей, будто широкая подготовка, ведущаяся в восточной части Средиземного моря, также имеет отношение к Сицилии. По этой причине они и сказали Вильсону, что его отвлекающий объект должен быть ближе к фактическому, например Додеканезы. Поскольку наши взаимоотношения с Турцией улучшились, итальянцы должны испытывать беспокойство в отношении этих островов.

Думаю, Вы согласитесь с такими аргументами. Я знаю, Вы сейчас очень заняты и едва ли сможете обсудить будущие операции с Эйзенхауэром. Но если Вы намерены поддержать предложение Вильсона, я надеюсь, Вы немедленно дадите нам знать об этом, так как мы не можем ждать долго.

Весьма сожалею, что мы не смогли удовлетворить Вашу просьбу относительно нового командира гвардейской бригады. Ваш кандидат тяжело заболел гриппом и придет в форму лишь через несколько недель. Но Вы, видимо, хорошо знаете и Фостера. Он отлично зарекомендовал себя, командуя бригадой здесь, в метрополии, и я думаю, он самый подходящий человек.

Вам, как и нам, наверное, надоела вся эта история с боевыми наградами и "Пурпурными сердцами"². Мы все согласны с Вами, что не следует обижать наших американских друзей, но за этим кроется большее. Если наши солдаты, которые случайно попали на какой-то театр войны, получают лишнюю награду просто потому, что там воюют американцы, мы столкнемся с большим недовольством среди тех войск, которые сражаются где-нибудь в другом месте и, возможно, с еще большим напряжением. Мне кажется, мы должны поблаго-

¹Прозвище фельдмаршала Генри Вильсона.

²Медаль, выдаваемая военнослужащим за ранения, полученные в бою. – Прим. ред.

дарить американцев за их любезные предложения, но твердо сказать, что это вызовет слишком много недовольства и мы, к сожалению, не можем пойти здесь им навстречу. Впрочем, этот вопрос включен в повестку дня следующего заседания парламентских представителей военных ведомств, и, я надеюсь, Вы скоро узнаете о принятом решении.

Желаю успеха.

Всегда Ваш
Арчи Най

Генералу сэру Гарольду Александеру,
Штаб 18-й группы армий.

Лучшего нельзя себе и представить. Сэр Арчибальд Най выполнил свою задачу так, как ее мог выполнить только человек, хорошо знающий характер личных взаимоотношений между высшими офицерами. Походя, дабы немцы не заподозрили обмана, он дает понять, что состоится операция и в восточной части Средиземного моря, с высадкой в Греции, и что мы хотим заставить немцев поверить, будто наш удар в западной части Средиземного моря нацелен на Сицилию (поэтому Сицилия не может быть фактическим объектом).

Вопросы личного характера, которые поднимаются в письме, очень убедительно доказывают, почему оно не могло быть отправлено с официальной почтой.

На мой взгляд, было упущено лишь два момента. Первый — не назывался объект, по которому мы якобы намеревались нанести удар в западной части Средиземного моря. Но Комитет начальников штабов отказался санкционировать какое бы то ни было упоминание о Сардинии. По его мнению, это слишком ясно укажет на Сицилию, если немцы поймут наш обман. Однако, когда премьер-министр вполне реалистически оценил всю ситуацию, мне удалось вставить шутливое упоминание о Сардинии в другое письмо, которое мы подготовили от имени лорда Льюиса Маунтбеттена и которое, мы это увидим дальше, имело немалую ценность.

Второй момент менее серьезен. Я хотел включить в письмо какую-нибудь деталь, которая бы соответствовала мышлению немца, отвечала бы тем мыслям, которые у него уже возникали. Человек среднего ума, полагал я, скорее поверит в подлинность документа, если в нем есть что-то уже известное ему. На мой взгляд, самым лучшим и безвредным было включить в письмо шутку над генералом Монтгомери на уровне тяжеловатого немецкого юмора. Я предложил, чтобы сэр Арчибальд спросил генерала Александера: "Что случилось с Монти? Вот уже неделя, как он не издал ни одного приказа". Незадолго до этого генерал Монтгомери издал целую серию приказов с целью вдохновить войска, чем вызвал довольно злые насмешки в различных кругах. Однако по причинам, которые я так и не смог понять, Комитет начальников штабов категорически запретил эту шутку.

Признаюсь, она была глупой, и отказ от нее не имел значения, но я уверен, что немцы оценили бы ее.

Письмо сэра Арчибальда напечатали на его бланке. Обращение "Дорогой Алекс" и подпись он поставил сам, и письмо было вложено в обычный двойной конверт.

Итак, "важное письмо" готово!

5

МАЙОР МАРТИН
ИЗ КОРОЛЕВСКОЙ
МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

Готовя документ, названный нами "важным письмом", мы много думали и о "человеке", который повезет его. Ведь контрразведчик в Берлине прежде всего захочет узнать, каким образом письмо попало в Уэльву? Правда, письма такого рода не полагается пересылать по почте. Обычно они доставляются адресату специально выделенным офицером, но тем не менее немецкий контрразведчик непременно спросит: "А его в самом деле вез офицер? Он был похож на настоящего офицера?"

Поэтому мертвое тело должно было быть телом офицера, причем армейского офицера. Мы рассуждали так: во-первых, он вез письмо от заместителя начальника имперского генерального штаба командующему группы армий и, во-вторых, сухопутные войска военного времени являлись самым крупным видом вооруженных сил. Однако через некоторое время мы решили отказаться от "зачисления" его в армию. На это имелся целый ряд причин, но основная была связана с обменом донесениями и рапортами между соответствующими атташе в Мадриде и нами, в Лондоне, после того, как тело прибьет к испанскому берегу. Обычно телеграммы и другие сообщения приходили в специальный отдел армейского штаба и затем автоматически передавались в отделы, имеющие отношения к этим сообщениям. В результате телеграмму, сообщающую о том, что на испанском берегу найдено мертвое тело, перешлют в соответствующие отделы и автоматически передадут целому ряду людей; точно так же любые другие донесения по этому вопросу попадут к тем же людям. При системе, существующей в адмиралтействе, я мог с помощью начальника разведывательного управления устроить так, чтобы подобная передача документов не состоялась и все сведения, имеющие отношение к нашей операции, поступали только ко мне. Такая договоренность не вызвала бы никаких комментариев, тогда как при системе, действующей в военном министерстве, организовать пересылку донесений к нам было довольно сложно.

Поэтому мы решили, что тело "поступит" не в армию, а в военно-морские силы. И сразу же перед нами встали новые проблемы. Не просто было сделать его морским офицером. В то время как армейский офицер мог отправиться из Лондона в штаб в Северную Африку в обычной полевой форме, морской офицер обязан надеть выходную форму, которая шьется по мерке и должна сидеть на офицере безупречно. Значит, необходимо найти закройщика, который снимет мерку с нашего трупа и оденет его! Представив себе столь страшную картину, мы тотчас отказались от этой идеи.

Была еще одна возможность оставить "офицера" под контролем адмиралтейства – "зачислить" его в морскую пехоту. Это облегчало проблему с формой, но создавало ряд других.

Во-первых, если армия в военное время настолько многочисленна, что армейские офицеры не выразят удивления, услышав о незнакомом офицере своей части, то королевская морская пехота – небольшой корпус, и даже в военное время его офицеры знали друг друга или по крайней мере слышали друг о друге.

Во-вторых, армейские офицеры не имеют при себе удостоверения с фотографией, когда едут за границу, а офицеры морской пехоты непременно берут его с собой. Между тем родственники умершего не смогли представить нам фотографию, которая бы подходила для удостоверения личности.

Мы довольно долго обсуждали эти проблемы. Все отлично понимали, что малочисленность офицерского состава в морской пехоте грозит нам неприятными последствиями. Допустим, испанцы отошлют тело для похорон в Гибралтар, и тогда опасность разглашения тайны (по сравнению с тем, если бы "погибший" был армейским офицером) возрастет во много раз. Тем не менее, учитывая расстояние между Уэльвой и Гибралтаром, мы решили рискнуть. Мы надеялись также справиться с трудностью, возникшей из-за фоторграфии. Но никто не предполагал, сколько хлопот это будет стоить.

Сначала мы попробовали сфотографировать труп. Полная неудача! Люди часто говорят, критикуя фотографию: "Я здесь похож на покойника!" Такое замечание, возможно, неоправданно, но я хотел бы посмотреть, как вам удастся сфотографировать покойника так, чтобы он выглядел живым! Невозможно описать, каким безнадежно мертвым выглядел этот человек на фотографии.

Начались лихорадочные поиски "двойника" или просто человека, который хоть отдаленно походил бы на нашего офицера. Нельзя сказать, что у нашего молодого человека была крайне своеобразная внешность, но тем не менее мы никак не могли

найти подходящего человека. Целыми днями ходили мы по улицам, невежливо всматриваясь в лица прохожих.

Наконец я решил попросить одного молодого офицера из военно-морского разведывательного управления надеть тужурку и позволить нам сфотографировать его. (Не помню уже, какой предлог я придумал для этого.) Результат, как и следовало ожидать, получился не очень хороший, но мы единодушно решили, что сходства достаточно, если учесть, какими скверными обычно бывают фотографии такого рода. Однако чувство неудовлетворения не покидало нас.

Счастье улыбнулось совсем неожиданно: на одном заседании, где обсуждались вопросы, не имеющие отношения к нашей операции, я вдруг увидел напротив себя человека, который мог бы быть близнецом нашего покойника. Мы быстро уговорили его сняться, и препятствие с фотографией было преодолено.

Теперь оставались имя и звание. Я понимал, что младшему офицеру вряд ли доверят такое письмо, но сделать его офицером очень высокого ранга мы не могли по нескольким причинам. Самая главная из них – человек был слишком молод, чтобы достичь высокого звания, если только он не обладал выдающимися способностями. Но тогда его коллеги-офицеры наверняка слышали бы о нем. Поэтому я решил сделать его капитаном с временным званием майора. Затем я сел за списки личного состава военно-морских сил. Я тщательно изучил все списки офицеров морской пехоты и нашел сравнительно небольшую группу капитанов и майоров, носящих фамилию Мартин. Мне казалось, что наличие такой группы людей – преимущество. Если смерть "майора Мартина" вызовет разговоры в какой-нибудь кают-компании, то всегда есть надежда, что присутствующие не знают всех Мартинов в морской пехоте. Возможно, это ничего не давало – в конце концов, все эти Мартины могли быть братьями, – но мы проявили дополнительную предосторожность на случай, пусть даже небольшого риска. А риск в выборе имени, разумеется, был. К фамилии я добавил обычное имя Уильям, и наш покойник, с ведома командующего морской пехотой, который зачислил его в списки офицеров корпуса, стал капитаном с временным званием майора Уильямом Мартином из королевской морской пехоты. И наконец, я принял необходимые меры предосторожности на случай, если в штаб командующего морской пехотой поступят какие-нибудь запросы.

Я достал незаполненное удостоверение личности и долго тер его о свои брюки, чтобы придать ему тот вид, который обычно бывает у старых документов, даже если их носят в бумажнике. Мне это неплохо удавалось, но я был обеспокоен длительностью

процесса "искусственного старения". Вдруг у меня блеснула мысль: майор Мартин недавно потерял свое удостоверение и получил дубликат. Я достал новый бланк, наклеил на него фотографию двойника, заполнил все графы и расписался. Соответствующее официальное лицо подписало, что это удостоверение выдано 2 февраля 1943 г. взамен утерянного № 09650. 09650 – номер моего собственного удостоверения. Это должно было уменьшить осложнения, если поступят какие-нибудь запросы. Потом я приложил к удостоверению соответствующие печати и штампы.

По соображениям, о которых я подробно скажу ниже, майор Мартин был определен на службу в штаб морских десантных операций. Местом его рождения я без долгих раздумий выбрал Кардифф. Когда удостоверение было готово, я опять принялся "состаривать" его, потирая о свои брюки.

Итак, основа личности майора Мартина была создана. Нашедший мертвое тело легко узнает из удостоверения, кто погибший. Но я знал, что мои немецкие "друзья" в Уэльве, Мадриде или Берлине захотят узнать, почему майор Мартин направлялся в Северную Африку. Если мы дадим им сведения, отвечающие на их вопрос, это укрепит веру в подлинность "важного письма". Почему офицер морской пехоты летит в Северную Африку? Какие обстоятельства привели к тому, что заместитель начальника имперского генерального штаба, узнав о его поездке, доверил ему личное письмо?

После некоторых размышлений я нашел причину, которая показалась нам достоверной: поскольку готовится высадка десанта на хорошо обороняемое побережье, вполне реально, что командованию потребовалась помощь специалиста по десантным операциям. Таким специалистом оказался майор Мартин. Теперь его надо снабдить документом, подтверждающим это.

Я принялся за составление письма от лорда Льюиса Маунтбеттена, командующего морскими десантными операциями, сэру Каннингхэму, главнокомандующему военно-морскими силами на Средиземноморском театре. Вот это письмо:

Исходящий S.R. 1924/43
Штаб морских десантных операций,
1А, Ричмонд-Террас,
Уайтхолл, Ю31
21 апреля, 1943

Дорогой Адмирал флота,
Я обещал заместителю начальника имперского генерального штаба, что майор Мартин договорится с Вами об отправке письма, находящегося при нем, генералу Александру. Оно очень спешное и очень "горячее". Оно содержит некоторые сведения, которые в военном министерстве не всем можно знать, и

его нельзя послать по обычным каналам связи. Я надеюсь, Вы проследите за тем, чтобы письмо дошло благополучно и без задержек.

В Мартине, я надеюсь, Вы найдете того человека, который Вам нужен. На первый взгляд майор кажется тихим и робким, но он хорошо знает свое дело. Он правильное всех нас предвидел развитие событий в Дьеппе и хорошо проявил себя во время испытаний барж и другого оборудования, которые проводились в Шотландии.

Верните мне его, пожалуйста, как только операция будет закончена. Пусть привезет с собой немного сардин: здесь они по карточкам!

Искренне Ваш
Льюис Маунтбеттен

Адмиралу флота сэру Каннингхэму,
Кавалеру орденов Бани и "За отличную службу",
Главнокомандующему на Средиземноморском театре,
Штаб союзных сил, Алжир.

Я остался доволен этим письмом. В нем объяснялось, почему майору Мартину доверили "важное письмо", а не послали его по официальным каналам. Из письма также явствовало, почему майор Мартин направлялся в Северную Африку. С разрешения премьер-министра (он понимал, что, если немцы засекут Сицилию в случае провала нашей операции, это не будет иметь большого значения, так как они все равно готовятся к защите ее от вторжения) я упомянул и о Сардинии, причем сделал это в форме шутки. Она была очень тяжеловесной, но во вкусе немцев. Они, безусловно, догадаются, о чем идет речь. Так и случилось. Намек на Сардинию сыграл определенную роль в нашем последующем успехе.

В письме скрывалась еще одна хитрость. Я мог твердо рассчитывать, что немцы в Берлине получают "важное письмо" или по крайней мере его копию. Но я не был уверен, что они получат больше, чем краткий пересказ того, что мы называли "подкрепляющими документами". А я хотел, чтобы они получили письмо лорда Маунтбеттена полностью и прочли шутку относительно Сардинии. Кроме того, там приводилось объяснение, почему майор летел в Африку и вез "важное письмо". Поэтому я и вставил фразу, в которой упоминалось о Дьеппе. Ни один немец, как я полагал, не устоит перед искушением довести до сведения своего начальства факт "признания" командующим морскими десантными операциями относительного неуспеха рейда на Дьепп. Правильно или неправильно понял я немецкий образ мышления, но письмо лорда Маунтбеттена оказалось единственным из документов майора Мартина (не считая основного), полную копию которого мы нашли в немецких архивах и который, как мы теперь знаем, тщательно изучался немецкой разведкой в Берлине.

Письмо было перепечатано, подписано лордом Льюисом и

помечено в штабе морских десантных операций вымышленным, но вполне правдоподобным исходящим номером.

И наконец, мы дали майору еще одно письмо в дополнение к его личным бумагам. Мы отлично понимали, что офицер, вероятно, положил бы два конверта нормального размера в карман или в чемоданчик со своими вещами, хотя одно из писем было секретное. Если бы майор Мартин поступил так, мы не имели бы полной гарантии, что испанцы заметят письма до того, как передадут тело в консульство. А мы не хотели, чтобы немецкий агент в Уэльве ругал своих испанских прислужников за то, что они не обыскали тело. Значит, должна быть причина, по которой майор Мартин положит письма в портфель. Пришлось создать и ее.

Случилось так, что официальную брошюру о действиях наших "командос", написанную Хилери Сондерсом, одновременно подготовили к печати в Англии и в США. Вполне естественно, решили мы, если лорд Льюис Маунтбеттен обратится к генералу Эйзенхауэру с просьбой написать к ней предисловие. Итак, мы подготовили проект письма с этой просьбой; к нему были приложены гранки брошюры и фотографии. Мы воспользовались случаем и дали в письме еще одно небольшое указание на то, что майор Мартин весьма ответственный офицер. Я привожу это письмо:

Исходящий S.R. 1989/43
Штаб морских десантных
операций,
1А, Ричмонд-Террас,
Уайтхолл, Ю31
22 апреля, 1943

Дорогой генерал,

Псылаю Вам два экземпляра гранок брошюры о деятельности наших "командос". Прилагаю также копии фотографий, которые будут включены в эту брошюру.

Брошюра написана Хилери Сент-Джорджем Сондерсом, автором книг "Битва за Англию", "Бомбардировочная авиация" и других изданий, которые пользовались большим успехом как в нашей стране, так и в Вашей.

Издание, которое должно быть опубликовано в Штатах, уже имеет предварительные заказы почти на 1,5 миллиона экземпляров, и мне известно, что американские власти будут широко распространять эту книгу в армии США.

Я узнал также от британского бюро информации в Вашингтоне, что им было бы приятно получить написанное Вами предисловие и использовать его в рекламе брошюры и что они Вас об этом уже просили через Вашингтон.

Гранки я посылаю с моим штабным офицером майором морской пехоты У. Мартином. Мне нет нужды говорить, какую честь Вы всем нам окажете, если напишете предисловие. Я хорошо понимаю, какая это большая просьба сейчас, когда Вы заняты значительно более важными делами, но я надеюсь, Вы найдете несколько минут, чтобы предпослать брошюре выражение Вашего одобрения. Это поможет донести до народов США и Великобритании идею нашего сотрудничества.

Мы наблюдаем за Вашим блестящим продвижением с восхищением и удовольствием и все мечтаем быть вместе с Вами.

Майор Мартин пользуется моим полным доверием, и Вы можете свободно говорить с ним по этому и по всем другим вопросам.

Искренне Ваш

Льюис Маунтбеттен

Генералу Дуайту Эйзенхауэру,
Штаб союзных войск,
Алжир.

Лорд Льюис подписал письмо, и мы положили его в специальный пакет вместе с приложением. Теперь тот факт, что майор Мартин использовал для документов портфель, казался вполне оправданным.

Но это еще не все. Мы нашли повод представить испанцам официальные документы таким образом, чтобы избежать последствий их возможной беспечности при осмотре тела, и получили добавочную уверенность в том, что они найдут наши бумаги. Но все ли мы предусмотрели? Как раз тогда, когда мы поздравляли себя с выдающимися находками, у нас внезапно возникло опасение: а окажутся ли тело и портфель в Уэльве одновременно? Вложить ручку портфеля в руку майора Мартина? Но риск слишком велик – рука может разжаться, и море унесет портфель.

Решение, которое мы смогли найти, нам не нравилось, ибо это была единственная деталь во всем нашем плане, которая выглядела нарочитой. Мы были вынуждены остановиться на следующем варианте: офицер, имеющий при себе важные бумаги, прикрепил к портфелю цепочку, какой пользуются банковские служащие, и спрятал ее в рукаве так, чтобы никто не мог выхватить портфель из рук. Такой выход из положения казался нам крайне неестественным, так как мы-то знали, что английские офицеры никогда не пользуются цепочками. Но нам пришлось положиться на то, что наши противники в Берлине проглотят это. В конце концов, они не могли быть уверены, что английский офицер ни при каких условиях не воспользуется цепочкой, стремясь уберечь свой портфель.

Итак, мы пошли на риск и прибегли к помощи цепочки. Как можно заметить из инструкции лейтенанту Джуэллу, мы решили, что майор Мартин во время своего продолжительного полета не будет держать портфель в руке и что с его стороны вполне резонно в целях безопасности пристегнуть портфель к цепочке, а ее для удобства прикрепить к поясу шинели. Но не слишком ли мы беспокоимся? Хотя, с другой стороны, у немцев в Берлине подозрения могут возникнуть как раз по этому поводу, если им сообщат о цепочке.

Не стану забегать вперед и скажу одно: нам повезло, так как эту деталь немцы не подвергли проверке. И все же мне очень хотелось бы узнать, оправданным ли был такой риск. Мы считали, что испанцы точно доложат об этом важном факте, а немцы не рискнут из-за цепочки (одного сомнительного штриха в очень убедительной картине) отказаться от признания всех документов подлинными. Мы никогда не узнаем, были ли мы правы в своих опасениях. Но, быть может, это и лучше для нас.

Наконец, поскольку майор Мартин служил в штабе морских десантных операций, мы дали ему специальный пропуск.

И тут мы почувствовали, что нам грозит опасность превращения майора Мартина в слишком яркий образец всех добродетелей и что у него, как у всех людей, должны быть слабости или недостатки (в добавление к потере удостоверения личности). Дальше читатель увидит, как мы создавали ему характер. В нашей трактовке это несколько беспечный в личных делах, но очень способный офицер. Однако мы не хотели полностью отделять его личные качества от служебных. Кроме того, как читатель узнает из следующей главы, в жизни майора Мартина произошло событие, которое вполне могло изгнать из его мыслей такие мелочи, как возобновление пропуска. Поэтому по нашей воле он проявил халатность (чем грешили время от времени все мы) и не позаботился о продлении своего пропуска. Срок пропуска, который мы ему дали, истекал 31 марта 1943 г. Немцев не удивит (как не удивило бы и нас), что майор Мартин не продлил пропуск до своего отъезда на третьей или четвертой неделе апреля.

Теперь нужно было снабдить майора Мартина форменной одеждой.

Один из нас, мужчина примерно такого же роста и сложения, как наш майор, достал подходящую полевую форму, и мы украсили ее нашивками морской пехоты, значком "командос" и майорской короной. Нашлась и старая шинель, к которой мы прикрепили такие же знаки различия, предварительно подравняв погоны в трех местах, чтобы указать на недавнее капитанское звание их владельца. Мы достали ботинки и обмотки, а также верхнюю рубашку и белье. Оно не было новым, и метки разных прачечных мы спорили, а потом отдали все в одну прачечную, чтобы на белье поставили одинаковые метки.

Рубашку мы приобрели в военном магазине и помятый чек сунули в карман шинели. Вот здесь-то мы допустили по-настоящему серьезный ляпсус. Офицер, который по нашей просьбе покупал эту рубашку, не служил на флоте и поступил с точки зрения кадрового моряка совершенно непонятно — заплатил наличными. Впрочем, ему было трудно поступить иначе, так как

Билл Мартин не имел своего счета в этом магазине. Мы не обратили никакого внимания на данное обстоятельство, и только когда тело уже было в Испании, меня внезапно осенило, что ни один флотский офицер, а тем более тот, у кого настойчиво требовали уплаты долга, никогда не заплатил бы наличными! Но я утешил себя мыслью, что обмануть-то нам надо немцев. А они не могли знать, как охотно шла эта многострадальная фирма на уступки офицерам. Но все же мы допустили ошибку, и здесь нам изменило чутье.

Итак, тело "человека, которого не было", стало телом майора Мартина из морской пехоты. И нашедший тело получит достаточно сведений о том, кем был этот человек и почему он очутился там, где его нашли. Но пока это было тело только офицера. Нам еще предстояло снабдить майора личными вещами и наделить человеческим характером.

6

СОЗДАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Для нас майор Мартин давно уже стал реальным человеком, однако это чувство, причем как можно полнее, должны были разделять с нами и те, кому придется обследовать тело и изучать документы, имевшиеся в портфеле. Чем меньше сомнений возникнет у них, тем больше шансов на успех всей операции. Я был совершенно уверен, что немцы обратят внимание на самые незначительные детали и попытаются найти упущения в "гриме" майора Мартина, чтобы убедиться в подлинности всей истории, а значит, и документов, которые попадут к ним в руки. И я не ошибался: как мы узнали позже, немцы обратили внимание даже на дату на корешках двух театральных билетов, обнаруженных в кармане майора Мартина.

Мы постоянно говорили о майоре Мартине, и это выглядело так, будто мы перемывали косточки другу за его спиной. По правде говоря, нам порой действительно казалось, что Мартин существует и мы его давно знаем. Тем не менее мы стремились сделать его характер и наклонности такими, какие удовлетворяли бы нашим целям.

Как я уже говорил, мы решили, что майор Мартин — блестящий офицер, пользующийся доверием у начальников. Упущения по службе, которые он допустил, весьма обычные: потерял удостоверение личности и не продлил своевременно свой пропуск в штаб.

На этом мы строили характер, подтверждая его бумагами,

которые окажутся в карманах майора. Это был единственный способ дать понять немцам, что за человек Мартин.

Он не прочь иногда весело провести время, и поэтому у него может завалиться приглашение в ночной клуб. Отсюда вполне обосновано письмо из банка, в котором говорится, что майор превысил свой кредит. Приезжая в Лондон, он мог останавливаться в армейском клубе, и, значит, у него должен быть счет за проживание там. Так крупца за крупницей облик майора Мартина вырисовывался все отчетливее.

Но как сделать его по-настоящему живым человеком?

В нашем распоряжении был только один способ — положить в карманы Мартина письма, из которых можно узнать некоторые подробности его личной жизни. С другой стороны, остановите на улице любого прохожего и осмотрите его карманы — в них вряд ли найдутся письма о сколько-нибудь серьезных вещах. Рассматривая проблему с этой точки зрения, мы пришли к заключению, что человек хранит при себе письма, дающие яркое представление о его облике, только после обручения, когда он строит планы будущей семейной жизни. Поэтому мы решили обручить Билла перед его отъездом в Африку.

Итак, в конце марта майор Мартин познакомился с хорошенькой девушкой по имени Пэм и почти сразу обручился с ней. (Ох уж эти романы военного времени!) Она подарила ему свою фотографию (любительскую, разумеется), а он ей — обручальное кольцо. У него было два письма от нее — одно, написанное во время загородной поездки, а другое — в конторе (когда хозяин вышел по делам), чрезвычайно взволнованное: жених наметнул ей, что его посылают куда-то за границу. У него имелся также счет за обручальное кольцо (неоплаченный, конечно, ведь его кредит в банке исчерпан). И наконец, отец майора со старомодными взглядами на жизнь не одобряет свадьбы военного времени и настаивает, чтобы его сын незамедлительно составил завещание, если уж он окончательно решил на такой глупый и неосмотрительный шаг.

Мы понимали, что полнее охарактеризовать майора Мартина при помощи нескольких писем просто невозможно. Однако письма должны выглядеть как подлинные, и кто-то должен написать их. Конечно, мы могли написать их сами. Многие из нас знали (и слишком хорошо!), как выглядит письмо из банка о превышении кредита, а некоторые получали любовные письма и успели составить завещание, но я решил, что во избежание ошибок лучше положиться на специалистов.

Кое-что устроилось очень просто. Например, один из нас получил приглашение в "Кабаре-клуб". На билете не проставили фамилию, и ночной клуб был обеспечен. Достать письмо

о превышении кредита тоже оказалось нетрудно. Через другого нашего товарища, имевшего связи в главной конторе "Ллойдс банка", мы получили оттуда письмо, датированное 14 апреля, на имя майора Мартина, в котором содержалось требование о возмещении перерасхода в 79 фунтов. Позже меня спросили, всегда ли письмо по поводу такой сравнительно небольшой суммы подписывает главный управляющий банка. Я и сам думал об этом, так как знаю из горького опыта, что такие письма обычно подписывает управляющий отделением. Когда я выразил беспокойство по этому поводу, меня уверили, что письмо может прийти и из главной конторы, хотя, как правило, подобные письма подписывает управляющий отделением. Немцы, надеялись мы, не разбираются столь детально в вопросе о превышении кредита, и, в конце концов, даже если сумма и была маленькой, отец майора Мартина был, совершенно очевидно, человеком значительным. Письмо из "Ллойдс банка", подписанное мистером Уиттли Джонсом, гласило:

Ллойдс банк лимитед,
Главная контора, Лондон ВЦ 3
14 апреля, 1943

Лично

Майору морской пехоты
У. Мартину,
Клуб армии и флота,
Полл-Молл,
Лондон, Ю31

Дорогой сэр,
Мне стало известно, что, несмотря на повторные обращения к Вам, превышение Вашего кредита, составляющее 79 фунтов 12 шиллингов 2 пенса, все еще не покрыто.

Обстоятельства заставляют меня сообщить Вам, что, если эта сумма плюс 4 % не будет внесена Вами, нам придется принять необходимые меры для защиты наших интересов.

Искренне Ваш
Э. Уиттли Джонс,
Главный управляющий

Мы устроили так, чтобы письмо из банка, которое следовало послать майору Мартину в Военно-морской клуб, якобы ошибочно направили в Клуб армии и флота на Полл-Молл, где портфельщик написал на конверте: "По этому адресу не значится". И приписал: "Возможно, Военно-морской клуб, Пикадилли, 94". С нашей точки зрения, эта надпись весьма убедительно доказывала подлинность письма, поэтому мы решили, что майор Мартин будет хранить его в конверте.

Один из нас связался с Военно-морским клубом, и оттуда мы получили счет, помеченный 24 апреля, в котором указывалось, что майор Мартин, член клуба, жил там с 18 по 23 апреля

включительно. Это свидетельствовало о том, что 24 апреля Мартин находился еще в Лондоне.

Так же сравнительно легко мы достали счет за обручальное кольцо. Я выбрал фирму "С.Дж. Филлипс" на Бонд-стрит, имеющую международные связи в торговле ювелирными изделиями. В Германии, думаю я, вероятно, найдутся счета этой фирмы, и сравнение с ними убедит наших "друзей" в подлинности счета майора Мартина. Счет был датирован 19 апреля, но из него явствовало, что кольцо куплено 15-го.

Разумеется, мы сталкивались с трудностями, добывая эти и другие документы, — ведь мы не могли сказать, для какой цели они нам нужны. Если просто попросить подобные документы и сказать, что они необходимы для секретных целей, это обязательно вызовет разговоры. С другой стороны, если придумать правдоподобную причину, то на людей, к которым приходится обращаться, можно положиться.

Итак, по моей версии кто-то интересуется офицерами, которые временно ощущают нехватку денег. Нам, мол, нужны документы, которые указывали бы на недостаток денег и которые можно оставить в комнате одного офицера, где их увидит подозрительный человек. Тогда мы сможем понаблюдать за его поведением. Всем моя история казалась вполне реальной, нам охотно помогали, и никто нас не подвел.

Теперь, когда все документы были готовы, требовалось найти "героиню".

Прежде всего нам была нужна фотография Пэм — невесты майора Мартина. Мы попросили наиболее привлекательных девушек из различных отделов адмиралтейства одолжить нам свои фотографии якобы для проведения опознания одной женщины. Это делают, смешав большое количество фотографий совершенно невиновных людей с двумя или тремя фотографиями подозреваемого лица, чтобы свидетель мог выбрать из них фото того человека, о котором идет речь. Девушки дали нам по несколько фотографий, и мы собрали довольно солидную коллекцию. Из нее мы выбрали одну, а остальные через неделю вернули. Девушка — владелица фотографии — имела доступ к совершенно секретным документам, и мы могли сказать ей, что хотим использовать ее фотографию в качестве снимка вымышленной невесты в одной операции, которую мы проводим. Она дала согласие. Теперь встал вопрос о письмах.

Никто из нас не горел желанием написать любовные письма — в конце концов, мы не имели женской точки зрения на любовь. Просить же знакомую женщину написать первосортную "песню любви" — дело щепетильное. Поэтому мы попросили девушку, работавшую в одном из наших учреждений, уговорить кого-ни-

будь из своих приятельниц сделать это. Она согласилась, но так и не назвала нам имя той, которая написала два великолепных письма майору Мартину. Я решил, что первое письмо будет написано на почтовой бумаге моего шурина, ибо, на мой взгляд, ни один немец не устоит перед чисто английским адресом, который там стоял: "Мэннор-Хаус, Огборн-Сент-Джордж, Мальборо, Уилтшир". Вот это письмо, датированное воскресеньем 18 апреля:

Мэннор-Хаус,
Огборн-Сент-Джордж,
Мальборо, Уилтшир.
Телефон: Огборн-Сент-Джордж, 242
Воскресенье, 18-е

Мне кажется, дорогой, провожать на вокзал таких людей, как ты, — одно из самых скверных занятий. Отходящий поезд оставляет такую пустоту в душе, что безнадежно пытаться заполнить ее всеми теми вещами, которые доставляли удовольствие пять недель назад. Этот чудесный золотой день, который мы провели вместе! О, я знаю, это уже говорилось раньше, но *если бы* время могло иногда остановиться на мгновение!.. Но не надо, возьми себя в руки, Пэм, и не будь глупышкой.

Мне стало немного легче от твоего письма, но я задеру нос, если ты не перестанешь так говорить обо мне. Я ведь совсем не такая, и, боюсь, ты сам скоро это увидишь. Вот я приехала сюда на воскресенье, в это благословенное место. И мама, и Джейн очень милы, они все понимают, а я не могу выразить словами, как мне тоскливо. И я жду понедельника, чтобы вернуться к своей работе и немного забыться. Какая идиотская потеря времени!

Билл, милый, напиши мне, как только ты устроишься и твои планы станут более определенными. И, *пожалуйста*, не дай им отправить тебя куда-то в голубые просторы, как это принято делать теперь, теперь, когда мы нашли друг друга в этом большом мире. Мне кажется, я не вынесу этого...

Люблю тебя всем сердцем.

Пэм

Второе письмо она написала на простой канцелярской бумаге. Сначала почерк был довольно четким, потом внезапно сменился торопливыми каракулями: вернулся начальник, надо заканчивать (!). Вот это письмо:

Контора
Среда, 21-е

Ищейка покинула свою конуру на полчаса, и вот я снова пишу тебе всякую ерунду. Я получила твое письмо сегодня утром, когда выбегала из дому, — опаздывая, как всегда. Какое божественное письмо. Но почему такие мрачные намеки относительно того, что тебя могут куда-то отправить? Конечно, я сохраню все в тайне — я ни с кем не делюсь тем, что ты мне рассказываешь. Тебя посылают за границу, да? Я этого не хочу. НЕ ХОЧУ, передай им это от меня. Милый, почему так случилось, что мы встретились во время войны? Как все нелепо. Если бы война кончилась, мы уже были бы почти женаты и ходили бы вместе по магазинам, выбирая занавески и т.п. И я бы не сидела в этой мрачной конторе и не печатала бы целый день идиотские протоколы. Я *знаю*, это

бесполезная работа, которая ни на минуту не приближает окончания войны... Милый Билл, мне так нравится мое кольцо — это скандальное расточительство, хотя, ты знаешь, я обожаю бриллианты, — я просто не могу оторвать от него глаз.

Сегодня иду на какую-то скучную танцульку с Джеком и Хейл. Мне кажется, они пригласили еще какого-то мужчину. Ты знаешь, какими всегда оказываются их друзья. У него обязательно будет торчать кадык и блестеть лысая макушка. Неблагодарно с моей стороны говорить так, но не в этом дело — ты ведь знаешь, да?

Послушай, милый, я свободна в следующее воскресенье и в понедельник, на пасху. Я, конечно, поеду к своим. Пожалуйста, приезжай тоже, если сможешь. А если не сможешь уехать из Лондона, я приеду к тебе, и мы отлично проведем вечер. (Да, кстати, тетя Мэриэн велела привести тебя к обеду в следующий раз, когда я у нее буду, но это можно отложить, правда?)

Идет ишейка. Куча любви и поцелуй.

Пэм

Мы считали, что нам повезло с любовными письмами.

В роли отца майора Мартина выступил молодой офицер, который создал блестящий *tour de force*¹.

Письмо от 13 апреля и приложение к нему были столь характерны для лица старых времен, что выдумать их казалось просто немыслимым. Никто, кроме человека старой школы, не мог бы написать так. Вот это письмо и приложение:

Тел. № 98

Гостиница "Черный
лев",
Молд,
Северный Уэльс
13 апреля, 1943

Мой дорогой Уильям,

Я не могу сказать, что эта гостиница сейчас так же удобна, как в довоенное время. Однако я остановился здесь, поскольку это единственная возможность не навязывать себя еще раз твоей тетке, чей дом, в связи с уменьшением количества слуг и строгой экономией топлива (я признаю это необходимым в военное время), стал почти непригодным для жилья, по крайней мере для человека моего возраста. Я собираюсь пробыть в Лондоне 20 и 21 апреля, когда, несомненно, представится возможность встретиться с тобой. Прилагаю копию письма о твоих делах, написанного мною Гуоткину в контору фирмы "Мак-Кенна и К°". Как ты увидишь, я пригласил его позавтракать со мной в "Карлтоне" (который, как мне известно, еще открыт) без четверти час в среду, 21 апреля, и я буду очень рад, если ты найдешь возможность присоединиться к нам. Мы, однако, не станем откладывать завтрак из-за тебя, поэтому я надеюсь, что ты, если сможешь прийти, постарайся быть пунктуальным.

Твоя кузина Присцилла просила передать тебе привет. Она выросла и стала разумной девушкой, хотя я не могу сказать, что ее работа в добровольческой сельскохозяйственной армии благотворно сказалась на ее внешности. Боюсь, в этом отношении она похожа на своих родственников с отцовской стороны.

Твой любящий отец

¹Трюк, ловкая шутка (франц.).

Копия
Тел. № 98

Гостиница "Черный
лев",
Молд,
Северный Уэльс
10 апреля

Мой дорогой Гуоткин,

Я обдумал Ваше последнее предложение относительно тех денежных расчетов, которые я собираюсь произвести в связи со свадьбой Уильяма. Условия брачного контракта, которые Вы наметили, кажутся мне вполне разумными, за исключением одного пункта. Поскольку в данном случае семья жены не вносит своей лепты, я считаю неправильным, чтобы жена Уильяма после его смерти сохранила пожизненное право на тот капитал, который обеспечиваю я. Я соглашусь на это только в том случае, если в результате брака появятся дети. Поэтому я прошу Вас переписать проект брачного договора с гарантией, что, если у Уильяма будут дети, доход с капитала выплачивается жене только до тех пор, пока она снова не выйдет замуж или дети не достигнут совершеннолетия. После этого капитал переходит в распоряжение детей.

Я приеду в Лондон 20 апреля. Буду очень рад, если Вы согласитесь позавтракать со мной в "Карлтоне" без четверти час в среду, 21-го. Если Вы принесете с собой новый проект, мы сможем изучить его после завтрака. Я написал Уильяму и надеюсь, он присоединится к нам.

Искренне Ваш

Дж. Мартин

Ф.А.С. Гуоткин, эсквайр,
"Мак-Кенна и К°",
14, Уотерлоу-Плейс,
Лондон, ЮЭ 1.

Мы выбрали гостиницу "Черный лев" в Молде не только из-за ее чисто английского адреса, который сам по себе был очень убедительным. Мы учитывали также, что майор Мартин родился в Кардиффе. Надеюсь, владельцы гостиницы простят нам, что мы воспользовались их почтовой бумагой и поставили под сомнение удобства, которыми справедливо славится "Черный лев".

И наконец, я попросил своего приятеля, служащего фирмы, нанести последние штрихи на картину письмом на почтовой бумаге фирмы "Мак-Кенна и К°".

"Мак-Кенна и К°",
Поверенные в делах
Исходящий Мак-Л/ЕДж

14, Уотерлоу-Плейс,
Лондон, ЮЭ 1.
19 апреля, 1943

Дорогой сэр,

Мы благодарим Вас за вчерашнее письмо, в котором Вы возвращаете одобренным проект Вашего завещания. Мы включим пункт о даре в 50 фунтов Вашему вестовому. Мистер Гуоткин вручит Вам чистовой экземпляр, когда встретит Вас за завтраком 21-го сего месяца, с тем чтобы Вы могли его подписать. Налоговый инспектор затребовал у нас сведения о размере Вашего денежного

содержания за 1941–1942 гг. для установления суммы пособия, которое Вам следует получить в текущем году. Мы обнаружили, что у нас таких данных нет, и поэтому будем Вам признательны, если Вы их нам сообщите.

Искренне Ваши
"Мак-Кенна и К"

Майору У. Мартину,
Военно-морской клуб,
94, Пикадилли,
Лондон, 31

Когда мы прочли подряд все эти документы, они вызвали у нас представление о живом человеке. Мы считали, что большего сделать нельзя с помощью тех немногих бумаг, которые по логике вещей могут быть найдены в карманах погибшего офицера.

Мы приняли некоторые меры предосторожности, прежде чем "вручить" эти письма майору Мартину: все письма, кроме любовных, я носил в своих карманах несколько дней, чтобы они имели нужный вид. С любовными письмами было труднее, особенно с одним из них, написанным на очень тонкой бумаге. Майор, конечно, читал их и перечитывал, и они не могли выглядеть так, будто он их недавно получил. Один из наших офицеров предложил просто смять их и расправить. Но если кусок бумаги смять, никакое разглаживание не скроет того, что он был смят. А разве Билл Мартин смял бы эти письма! И я делал то, что делал бы он: снова и снова читал их и аккуратно складывал. Только в отличие от него я регулярно тер их о свои брюки.

7

МАЙОР МАРТИН
СОБИРАЕТСЯ
НА ВОЙНУ

Итак, мы тщательно готовились к операции, хотя она еще не была окончательно одобрена.

Изучив письмо сэра Арчибальда Ная, Комитет начальников штабов в принципе согласился на операцию. Теперь требовалось разрешение на то, чтобы провести ее в жизнь. На этой стадии столкновение интересов было неизбежным. Начальники штабов, естественно, не хотели связывать себя информацией, содержащейся в письме, ибо наш стратегический замысел мог измениться (как это случалось не раз!). С другой стороны, письмо должно было попасть в Испанию к началу мая, если мы хотели, чтобы операция дала результат. Немецкой разведке, когда она получит эти сведения, потребуется время убедиться в их "подлинности", оценить их и передать свои выводы в штаб.

Последнему необходимо время на передислоцирование войск в район нашей "предполагаемой" высадки. Кроме того, если мы хотели заставить немцев прекратить работы по укреплению Сицилии, то не стоило ждать, пока строительство оборонительных сооружений будет закончено.

Комитет начальников штабов признал правильность наших доводов и дал согласие на проведение операции, при условии если ее одобрит премьер-министр, которому о нашем плане доложили через генерала Исмея.

Когда премьер-министру сказали, что в случае неудачи операции есть риск выдать наше намерение высадиться в Сицилии, он заметил:

— Вряд ли это имеет значение. Только дурак может не понимать, что мы нацелились на Сицилию.

Мы сочли своим долгом сообщить также, что операция может не дать результатов, поскольку тело могут обнаружить испанцы, не связанные с немцами. Тогда бумаги вернутся к нам в неприкосновенности. На это премьер-министр улыбнулся и сказал:

— Ну что ж, мы всегда можем попытаться снова!

Итак, мы получили "добро", правда при условии, что наш план будет доведен до сведения генерала Эйзенхауэра. Если у него возникнут возражения или если стратегические замыслы союзников изменятся до того, как тело будет спущено в море, операцию придется отменить тем путем, о котором сказано в пункте 8 приказа лейтенанту Джуэллу.

* *
*

Теперь мы должны были приступить к наименее приятной части подготовки операции — приготовить тело к его миссии.

Эта работа не вызывала у нас энтузиазма. Хотя мы знали, какую большую службу сослужит стране наш майор (в этом мы не сомневались), нам было неприятно нарушать его покой. Мартин стал для нас по-настоящему живым человеком. Мы знали его так, как знают только близких друзей. В конце концов, не каждому дают читать столь нежные письма от своей возлюбленной и интимные письма от отца. Нам казалось, будто мы знаем Билла Мартина с детства и теперь принимаем личное участие в развитии его романа с Пэм и во всех его финансовых неприятностях. Мы могли смело утверждать, что знаем его лучше, чем большинство отцов знают своих сыновей. Создавая живого Мартина, мы изучали каждую его мысль и старались предвидеть реакцию майора на любое событие, которое "может" произойти в его жизни.

Так что перспектива посещения холодильника, где лежал

труп, не доставляла нам никакого удовольствия. Между тем Джорджу и мне пришлось посетить это место трижды. В первый раз мы нарушили покой нашего майора для того, чтобы попытаться сфотографировать его и заодно выяснить, каких размеров одежда и обувь ему потребуются. Потом мы сочли необходимым нанести Мартину второй визит: надо было одеть его в дорогу. Полностью одеть труп, начиная с белья, нелегко (мы убедились в этом, еще когда фотографировали его), однако с одеванием мы справились довольно быстро. Но ботинки! Попробуйте надеть их на покойника – и вы поймете наше затруднение. Это было серьезное препятствие, и мы потратили немало времени, пока преодолели его.

Наш третий визит состоялся в субботу, 17 апреля 1943 г., в 6 часов вечера. Мы отправились к майору Мартину, чтобы сделать последние приготовления к путешествию. Сначала мы разложили по его карманам личные письма, бумажник с пропусками и все остальное, что должно было находиться при нем. Потом мы добавили небольшую денежную сумму, какую мужчина обычно имеет при себе. Окончательный список предметов, которые мы "вручили" майору Мартину, оказался довольно внушительным:

Два личных знака ("Майор У. Мартин, королевская морская пехота", "Р/К"), прикрепленные к подтяжкам.

Серебряный крестик на серебряной цепочке на шее.

Наручные часы, бумажник.

В бумажнике имелись:

Фотография "невесты".

Книжечка с почтовыми марками (две использованы).

Два письма от "невесты".

Значок с изображением святого Христофора.

Пригласительный билет в "Кабаре-клуб".

Пропуск в штаб морских десантных операций.

Удостоверение личности (пропуск и удостоверение в целлофановой обертке).

Одна пятифунтовая ассигнация.

Три однофунтовые ассигнации.

Одна монета в полкроны.

Две монеты по шиллингу.

Две монеты по шесть пенсов.

Четыре монеты по одному пенсу.

Письмо от "отца".

Копия письма "отца" фирме "Мак-Кенна и К°".

Письмо из "Ллойдс банка".

Счет (оплаченный) из Военно-морского клуба.

Счет (оплаченный наличными) из военного магазина.

Счет за обручальное кольцо (неоплаченный).

Два автобусных билета.

Два билета без корешков в Театр принца Уэльского, датированных 22 апреля 1943 г.

¹Вероисповедание – римско-католическое.

Коробок спичек.

Пачка сигарет.

Связка ключей (в том числе ключ от портфеля).

Карандаш.

Письмо от фирмы "Мак-Кенна и К°".

Объясню, откуда взялись билеты в Театр принца Уэльского.

Как я говорил, мы отправились за майором Мартином 17 апреля. Ему предстояло покинуть Англию 19-го, чтобы быть спущенным в море недалеко от берегов Уэльвы 29 или 30 апреля. Но если бы он путешествовал по воздуху (а в этом мы хотели убедить немцев), путь занял бы у него только один-единственный день. Обсудив эту разницу во времени, мы решили работать над расписанием в обратном порядке. Если отнять от даты прибытия майора Мартина в Уэльву, то есть примерно 30 апреля, пять или шесть дней, в течение которых тело могло доплыть до берега в случае гибели самолета в море (мы рассчитывали, что степень разложения тела поддержит впечатление, что с момента катастрофы прошло именно столько времени), то это покажет дату вылета Мартина из Лондона – примерно 24 апреля. По этой причине счет за номер в Военно-морском клубе был помечен этим числом. Но здесь Джорджу пришла в голову еще одна блестящая идея: если кто-нибудь увидит театральные билеты с оторванными корешками, он предположит, что билеты были использованы, так? Почему бы нам не купить театральные билеты на число, когда тело фактически покинет Лондон? Итак, по нашей воле Билл Мартин и Пэм проведут прощальный вечер в театре. Нам казалось, они получат удовольствие от посещения Театра принца Уэльского. Мы купили четыре билета на спектакль (почему четыре, я объясню потом), оборвали у двух корешки и положили в карман майора Мартина. Нужно сказать, что билеты сыграли свою роль, в то время как на счет из Военно-морского клуба ни испанцы, ни немцы не обратили внимания.

И наконец, портфель с важными документами. Здесь мы немного изменили наш первоначальный замысел, о котором я поставил в известность лейтенанта Джуэлла. Мы собирались отвезти портфель в Клайд отдельно от контейнера и передать его на попечение лейтенанта Джуэлла, но потом установили, что портфель лучше уложить в контейнер вместе с телом. Мы так и поступили, чтобы обезопасить операцию от всякой забывчивости Джуэлла во время спуска тела у берегов Испании. Лейтенанта Джуэлла ждали серьезные трудности (особенно если море окажется бурным), связанные со спуском тела на воду и обеспечением безопасности корабля. И будет очень обидно, если майора Мартина прибьет к берегу, а его портфель останется в сейфе Джуэлла.

Разложив перечисленные выше предметы по карманам майора Мартина и прикрепив портфель, мы завернули тело в одеяло, чтобы уберечь его от повреждений во время путешествия. Еще раньше мы поставили контейнер вертикально и наполнили его сухим льдом. Когда лед испарился, мы снова наполнили контейнер льдом и снова давали ему испариться. Затем мы подняли тело майора Мартина, бережно опустили его в контейнер, теперь наполненный двуокисью углерода, и обложили кусками сухого льда. Наконец мы закрыли крышку и закрутили болты. Майор Мартин был готов отправиться на войну.

8

ПУТЕШЕСТВИЕ
НА СЕВЕР

Наконец все мы готовы: Джордж, я, Джон Хорсфол, автогонщик, выполнявший специальные задания военного министерства, фордовский грузовичок и, конечно, майор Мартин в своем контейнере.

Наше путешествие едва не окончилось сразу же после того, как началось, и вот почему. Когда мы выехали из холодильника и направились на квартиру Джорджа в Лондоне, мы заметили около кинотеатра длинную очередь. Это были желающие попасть на новый приключенческий фильм. И тут у всех мелькнула одна и та же мысль — остановиться бы и сказать им: "Бросьте вы этот фильм! Мы можем рассказать вам куда более интересную историю, и притом невыдуманную. Загляните-ка в наш контейнер!" Один из нас высказал эту мысль вслух, и мы принялись так хохотать, что Джон налетел на столб...

Но все обошлось благополучно. Целые (и почти невредимые) мы добрались до квартиры Джорджа. Там пообедали, по очереди присматривая за грузовиком. Если бы вор украл наш контейнер, его постигло бы крупное разочарование, но, конечно, несравнимое с нашим. Потом мы приготовили себе бутерброды и наполнили термос (нам нельзя будет оставлять машину ни на минуту).

Закончив приготовления, мы отправились в Гринок. Машину вели по очереди Джон и я. Путешествие было долгим и утомительным. Ехали мы, конечно, с замаскированными фарами. В одном месте нам удалось проскочить через закрытый для движения участок дороги, к счастью довольно ровный и поросший травой. Рокот самолетов над головой беспокоил нас. "Сераф" отплывала 19-го, но мы спешили, так как лейтенант

Джуэлл просил нас прибыть до полудня 18-го, на случай непредвиденных трудностей при погрузке контейнера. Всю ночь мы не останавливались ни на минуту, по очереди отдыхая в кузове.

Мы прибыли в Гринок рано утром 18-го и сразу проехали к пирсу, где нас должен был встретить катер, чтобы отвезти к плавучей базе подводных лодок "Форт".

Здесь-то и начались неприятности. Я предвидел трудности, связанные с погрузкой контейнера на катер, и поэтому радиограммой от имени начальника разведывательного управления военно-морского штаба заранее предупредил, что у нас по прибытии будет одно ("повторяю — одно") место весом более ста пятидесяти килограммов, и просил оказать помощь при его погрузке. Как это, к сожалению, часто случается, радиограмму исказили, и в ней говорилось, что наш багаж весит сто пятьдесят килограммов и состоит из нескольких мест.

В результате наше положение выглядело следующим образом: катер в ожидании погрузки раскачивался на крупной волне, а один-единственный человек, посланный нам в помощь, не захватил канатов и ничего не мог для нас сделать. Он суегился возле контейнера, но было совершенно ясно, что благополучно опустить его в катер мы не сможем.

Я поспешил в штаб к флагманскому офицеру, надеясь найти там поддержку. И счастье вновь улыбнулось нам. Дежурным офицером оказалась девушка из женского вспомогательного корпуса, которая была прикомандирована к отделу связи в Халле, когда я служил там в штабе. Мы встретились как старые друзья, и скоро все было улажено. Я вернулся на пирс с полдюжиной матросов и канатом, и мы благополучно спустили контейнер в трюм катера.

Вскоре мы прибыли на плавбазу "Форт", где я передал майора Мартина лейтенанту Джуэллу вместе с резиновой лодкой, которую он должен был спустить в море одновременно с телом. Чтобы инсценировать несчастный случай, мы решили оставить в лодке только одно складное алюминиевое весло и выбросить ее вверх дном. Другое весло я оставил себе и до сих пор храню его как сувенир. Позднее выяснилось, что резиновая лодка не сыграла никакой роли: о ней "позаботились" испанские рыбаки, для которых тело не представляло ценности. Надеюсь, она им пригодилась.

Контейнер погрузили на подводную лодку, и я окончательно договорился обо всем с лейтенантом Джуэллом. В последней беседе я предложил, чтобы он, если можно, спустил тело на воду только в присутствии офицеров. Это сокращало до минимума число людей, посвященных в операцию, и, таким образом,

уменьшало возможность утечки. А нам хотелось иметь как можно больше гарантий на этот счет, ибо история о мертвом теле, выброшенном у берегов Испании, настолько необычна и увлекательна, что даже самые стойкие могли не удержаться от разговоров.

Если Джуэллу удастся ограничиться помощью одних только офицеров, ему, естественно, придется придумать какую-нибудь историю для экипажа. Матросы, конечно, обратят внимание на то, что груз, предназначенный к отправке на Мальту, поднимают на палубу у берегов Испании, а потом он навсегда исчезает. По моему предложению Джуэлл должен был сказать матросам, что это не оптические инструменты, а метеорологический буй, который им приказано поставить у побережья. Если же для спуска тела на воду потребуются помощь остальных членов экипажа, он использует ту историю, которая изложена в боевом приказе.

Договорившись обо всем, мы возвратились в Лондон. Донесение об операции "Минсмит", которое мы представили своему начальству, заканчивалось так: "19 апреля 1943 года в 18.00 по английскому летнему времени подводная лодка "Сераф" вышла в море".

9

СПУСК ТЕЛА

И вот наступил период волнений. Я никогда не сомневался в успехе операции, но теперь, когда она вышла из-под моего контроля, опасался срыва. Как ни странно, я беспокоился не о том, догадаются ли немцы об обмане (я был уверен, что этого не произойдет), я беспокоился о теле. Прибьет ли его к берегу, или после стольких усилий дело кончится провалом? А в самые худшие моменты я даже зрительно представлял себе, как "Сераф" попадает в неприятность возле Уэльвы, куда ей пришлось отправиться по нашему плану...

С моими волнениями мне помогли справиться дела, а их у меня было достаточно! И по крайней мере один вечер в этот период томительного ожидания мы провели очень весело.

Глупо было выбрасывать корешки, если сами билеты лежали в кармане майора Мартина. Поэтому мы, как я уже говорил, купили тогда не два, а четыре билета и положили в карман майору Мартину два средних билета из этих четырех.

Затем Джордж и я пригласили на "прощальный вечер с Биллом Мартином" Джил, девушку, которая достала нам любовные письма, и "Пэм", давшую нам свою фотографию. Мы начали

вечер с посещения Театра принца Уэльского. Администратор впустил нас в зал лишь после того, как мы объяснили ему, что один наш приятель оторвал корешки двух билетов "ради шутки". Мы не сказали ему, что это была "шутка" над немцами.

После театра мы отправились в клуб "Гаргоель" поужинать. Там нам отвели столик, возле которого стояли диванчик и два стула. Я предложил девушкам сесть на диван, но Джил повернулась к Джорджу и сказала:

— Меня удивляют взаимоотношения Билла и Пэм. Они обручились совсем недавно, а сидеть рядом во время прощального ужина по случаю его отъезда за границу не собираются. — Пара за соседним столиком посмотрела на нас и прислушалась.

— Мы знаем друг друга всего лишь несколько дней, — ответил я. (Было зарегистрировано явное неодобрение за соседним столом.)

После короткой паузы я добавил, что все было бы иначе, если бы Пэм и я познакомились раньше. Даже мой начальник признал недавно в одном письме¹, что, хотя я на вид кажусь тихим, на самом деле я кое в чем разбираюсь. Пара за соседним столом посмотрела на нас с еще большим неодобрением, а потом поднялась и пошла танцевать.

Не могу не рассказать еще об одном забавном случае, который произошел в результате отождествления меня с Биллом Мартином. "Пэм" подарила мне свою фотографию (такую же, как та, что отправилась в Испанию в бумажнике Билла Мартина) с надписью: "Пока нас не разлучит смерть. Твоя любящая Пэм". Вполне безопасная надпись, ибо "я" уже был "мертв". В то время я жил у своей матери. Желая узнать, как она отнесется к моему "увлечению", я поставил фотографию на свой туалетный столик. Я был разочарован — она ни слова не сказала мне. Примерно через год, когда моя жена вернулась из Америки (где она работала в нашей службе координации безопасности), я показал ей фотографию.

— Так вот почему твоя мать стала писать в письмах, что, как ей кажется, мне следует побыстрее вернуться домой! — к моему изумлению, сказала она.

Пока мы томились в ожидании, "Сераф" без приключений достигла берегов Испании. Первое сообщение, полученное 30 апреля по заранее подготовленной системе связи, гласило, что операция "Минсмит" завершена. За этим последовало донесение лейтенанта Джуэлла, посланное из Гибралтара:

¹ Письмо лорда Маунтбеттена адмиралу Каннингхэму.

Лично и совершенно секретно
От командира подводной лодки
"Сераф"

30 апреля, 1943

Начальнику разведывательного управления военно-морского штаба.
Копия капитан-лейтенанту
И. Монтегю, лично.

ОПЕРАЦИЯ "МИНСМИТ"

1. *Погода.* Ветер переменный – юго-западный до юго-восточного, силой до 2 баллов; волнение – 2 балла; небо затянуто низкими облаками; видимость – от 1 до 2 миль; барометр 1016.

2. *Рыбачьи лодки.* В заливе оказалось много небольших рыбачьих лодок. Ближайшая находилась слева на расстоянии примерно одной мили. Нет оснований считать, что подводная лодка была замечена.

3. *Операция.* Время 04.30 было выбрано по двум причинам. Во-первых, оно ближе всего ко времени полного отлива (07.31), и, во-вторых, в этом случае подводная лодка успевала уйти из прибрежного района до наступления светлого времени. Контейнер открыли в 04.15, тело было извлечено, одеяло снято; портфель оказался надежно прикрепленным, спасательный жилет – надутым. Тело опустили в воду ровно в 04.30, примерно в 8 кабельтовых от побережья, оно поплыло по направлению к берегу. Резиновую лодку спустили на воду в надутом состоянии, вверх дном, примерно на полмили южнее. Затем подводная лодка отошла мористей, и за борт был выброшен наполненный водой контейнер с одеялом внутри. Контейнер сначала не погружался, но, после того как его прострелили из винтовки и пистолетов с очень близкого расстояния, затонул. Место затопления контейнера – 37° сев. широты, 7° зап. долготы; глубина моря согласно измерениям – 564 метра. Донесение о завершении операции было передано в 07.15.

Проба воды, взятая близ побережья, прилагается.

Лейтенант Н.А. Джуэлл

Позже я получил более подробный отчет об этой операции, написанный офицером "Сераф". Он попал ко мне из вторых рук, а так как посредник по профессии журналист, его описание получилось значительно ярче того, что мог бы написать я. Поэтому привожу его дословно:

"Подводная лодка "Сераф" вынырнула из тени своей плавающей базы и направилась вниз по реке Клайд. Командир – ему едва исполнилось 29 лет – отсалютовал из боевой рубки и спустился вниз.

Из пяти офицеров и пятидесяти матросов, находившихся на борту "Сераф", только он один знал тайну странного груза.

Цилиндрический стальной контейнер находился в носовом отсеке подводной лодки. Матросы, которые занимались его погрузкой, отпускали шутливые замечания насчет "тела Джона Брауна". Немало было острот и относительно "нашего нового матроса Чарли", как его называли другие.

Сегодня, десять лет спустя, эти пятьдесят бывших членов

экипажа "Сераф" изумятся, узнав, как близко они были к истине.

На инструктаже перед выходом в море им сказали, что металлический контейнер содержит секретное метеорологическое устройство, которое решено выставить в порядке эксперимента у берегов Испании. На контейнере и в самом деле была надпись: "Обращаться осторожно – Оптические инструменты – Особая отправка".

В течение десяти дней "Сераф" шла в подводном положении и экипаж не видел солнца. Всплывали на поверхность только по ночам. К Уэльве, что находится в юго-западной части испанского побережья, подошли незамеченными и точно в срок – 29 апреля.

Место, выбранное для спуска "майора Мартина", находилось примерно в 1500 метрах от устья реки Уэльва.

Во второй половине дня "Сераф" всплыла на перископную глубину. В перископ увидели примерно пятьдесят рыбацких суденышек. Однако туман помог подводной лодке избежать обнаружения. Затем она ушла на глубину на весь остаток дня.

Когда "Сераф" снова всплыла, было совсем темно. Молодая луна уже зашла, близилось время прилива.

Из боевой рубки на палубу вышли пять офицеров. Морские волны плескали у самых ног. На палубу подняли загадочный контейнер.

Убедившись, что все матросы внизу, лейтенант Джуэлл сообщил офицерам, что в контейнере труп. "То, что нам предстоит сделать, – сказал он, – представляет собой часть операции, которая должна ввести противника в заблуждение и заставить его оттянуть свои оборонительные силы от того района, который избран для нанесения основного удара на Средиземном море. Ложный план операции по вторжению будет передан противнику при помощи этого человека, "майора Мартина", который стал "жертвой авиационной катастрофы" над морем. Уэльва выбрана потому, что в этом районе местные коллаборационисты активно снабжают немецких агентов сведениями военного характера".

Вот так история, которой тебя вдруг огулают в Атлантическом океане! Четыре офицера, безусловно потрясенные драматическим и страшным сообщением своего командира, скрыли свое волнение. Только один из них сказал: "А разве мертвое тело не приносит несчастья?"

Затем все пятеро принялись за дело. Двое наблюдали за морем, а остальные во главе с лейтенантом Джуэллом стали отвинчивать болты на крышке контейнера при помощи гаечного ключа. Через десять минут контейнер открылся. Тело, заверну-

тое в одеяло, осторожно вынули из металлического гроба. На какое-то мгновение напряжение спало, офицеры вытянулись в молчаливом уважении к мертвому.

Лейтенант Джуэлл опустился на колени, развязал шнурки и снял одеяло.

Затем последовала последняя проверка. В порядке ли форма майора и его знаки различия? Держит ли его рука ручку этого чрезвычайно важного портфеля? Хорошо ли прикреплен портфель к поясу?

Все было в порядке. Джуэлл наклонился и надул спасательный жилет майора. Оставалось только одно, хотя этого не требовала инструкция. Четыре молодых офицера склонили обнаженные головы, отдавая последний долг умершему, а их командир произнес слова из заупокойной молитвы, которые он помнил.

Для них, стоявших здесь в молчании, эти слова из 38-го псалма имели особый смысл: "Я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешить мне языком моим, буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною".

...Легкий толчок – и неизвестный боец поплыл к берегу в свой последний и важный путь. "Майор Мартин" отправился на войну".

Риск, на который пошел лейтенант Джуэлл, подойдя так близко к берегу, дал нам все возможные шансы на успех. Теперь оставалось только выждать и следить за тем, как майор Мартин сыграет свою роль.

10

МАЙОР МАРТИН ПРИБЫВАЕТ В ИСПАНИЮ

3 мая мы получили донесение от нашего военно-морского атташе в Мадриде. В нем говорилось, что, по сообщению вице-консула из Уэльвы, 30 апреля недалеко от берега рыбаки подобрали тело майора морской пехоты Мартина. Тело было передано вице-консулу и погребено с отданием всех воинских почестей на следующий же день на кладбище в Уэльве, причем на похоронах присутствовали испанские военные и гражданские власти. В донесении не упоминалось ни о портфеле, ни о каких-либо официальных бумагах.

И вот начался обмен радиogramмами между адмиралтейством и военно-морским атташе. Это и понятно: когда о гибели майора Мартина стало известно в Англии, штаб морских десантных операций стал проявлять беспокойство о стратегичес-

кой информации, заключенной в бумагах Мартина. Возможность утечки была совершенно катастрофической. Естественно, что при создавшихся обстоятельствах нужно было срочно просить атташе попытаться достать документы любой ценой. Мы так и поступили, и в адрес атташе одна за другой были отправлены несколько соответствующих радиogramм.

В первой, от 4 мая, говорилось, что майор Мартин имел при себе бумаги весьма секретного характера. Мы просили атташе сделать официальный запрос о них. Если испанцы не передадут ему эти документы, он должен, причем очень осторожно, выяснить в Уэльве, не прибило ли их к берегу, и если да – узнать, что с ними произошло. Если их удастся обнаружить, атташе должен сообщить лично начальнику военно-морской разведки имени тех, кому были адресованы бумаги Мартина. Он обязан вернуть их как можно скорее начальнику разведывательного управления ВМС, не вскрывая конвертов.

Затем последовала вторая радиogramма такого содержания: по имеющимся данным, у майора Мартина было три письма чрезвычайной важности, они, как предполагается, лежали в черном портфеле с официальной монограммой. Атташе снова предупредили, что он ни в коем случае не должен возбуждать у испанцев интерес к этим документам.

Как мы узнали из ответа на нашу первую радиogramму, испанский военно-морской министр, отвечая на официальный запрос, сообщил, что документы обнаружены и отправлены в Мадрид через главный штаб испанских военно-морских сил в Кадиксе и придут через несколько дней. Атташе выяснил, что вице-консул в Уэльве не видел ни портфеля, ни документов.

13 мая атташе сообщил следующее. Начальник испанского военно-морского штаба (военно-морской министр был в отъезде) передал ему все вещи майора Мартина, включая черный портфель. Последний был открыт, ключ находился в замке. "Все цело", – заверил начальник штаба, и атташе поблагодарил его.

По мнению атташе, начальник военно-морского штаба знал о содержании писем. В то же время атташе считал, что у нас нет оснований думать, что он передал эти сведения кому-то еще. Отлично, пусть этот офицер будет вне подозрений. Но если он знал о содержании писем, мы могли смело надеяться, что их содержание известно и другим. Все шло хорошо, утечка началась.

Подтверждение этому мы нашли в следующем донесении атташе.

В субботу, 15 мая, военно-морской министр говорил с атташе об этих документах. Находясь в Валенсии, он, министр, узнал о прибытии бумаг в Мадрид и приказал начальнику военно-

морского штаба немедленно передать их атташе. По его словам, он сделал все для того, чтобы никто не успел ознакомиться с документами.

Это было очень важно: министру до его отъезда из Мадрида не было сказано ничего, что могло бы заставить его так беспокоиться о документах. Было ясно, что конверты вскрыты. А раз так, значит, есть по крайней мере один испанец, который "знает, в чем дело" и передаст сведения немцам. А насколько тесно сотрудничали немцы и испанцы, мы узнали только после войны.

Тем временем осторожная проверка, проведенная нами в Уэльве, позволила установить подробности, которые еще не были известны нам. Тело заметил рыбак, который подозвал находившийся поблизости катер. Катер взял майора Мартина на борт и доставил его на берег. Там тело передали офицеру, который командовал отрядом, располагавшимся в этом месте, затем вызвали военного юриста. Юрист взял на себя ответственность за все документы и личные вещи майора. Тело перевезли в морг Уэльвы для медицинского обследования. Врач, проводивший вскрытие, определил, что человек упал в море еще живым и что смерть наступила вследствие длительного пребывания в воде — от пяти до восьми дней.

Известный нам немецкий резидент в Уэльве очень скоро узнал о теле все, включая имена тех, кому были адресованы письма, находившиеся в портфеле. Он попытался достать копии документов, однако безуспешно, так как с юристом ни он, ни его сообщники контакта не имели...

Мы не сомневались в успехе, но тем не менее ждали окончательной проверки. А для этого нужны были документы майора Мартина. Наконец документы прибыли в Лондон и были немедленно переданы на экспертизу. Перед отправкой тела в Испанию мы приняли некоторые меры предосторожности, они-то и помогли нам теперь определить, вскрывались конверты или нет. Результаты экспертизы неопровержимо доказали, что письма, по крайней мере два из трех, вынимались из конвертов, хотя сургучные печати выглядели нетронутыми.

Когда мы прибавили этот факт к сообщениям, полученным из Уэльвы и от военно-морского атташе, мы были вполне удовлетворены. Итак, испанцы познакомились с содержанием писем. Мы могли быть твердо уверены, что они передали полученные сведения немецкой разведке. Оставалось положиться на немцев, а они, безусловно, сумеют извлечь все выгоды из сложившейся ситуации. Мы надеялись, что наша вера в немецкую разведку, действующую в Испании, не будет подорвана. Теперь свою роль должен был сыграть Берлин.

Настало время проститься с майором Мартином. Он хорошо послужил родине, и мы считали своей обязанностью проследить за тем, чтобы его последнее пристанище было достойным и чтобы ему оказали должные почести. Мы были рады проявить уважение к нему, не подвергая опасности операцию, в которой он сыграл столь важную роль. Больше того, исполняя то, что от нас требовала совесть, мы мешали немцам проверить заключение испанского врача. Частые посещения могилы британскими официальными лицами или их представителями до того, как была установлена надгробная плита, разумеется, не позволяли немцам или испанцам произвести эксгумацию тела.

Прежде всего мы попросили военно-морского атташе положить на могилу венки от Пэм и от семьи майора. Затем мы позаботились, чтобы надгробную плиту установили как можно быстрее. Наконец, я послал нашему военно-морскому атташе в Мадриде просьбу поблагодарить вице-консула в Уэльве от имени семьи майора Мартина за все то внимание, которое он уделил погибшему, и попросить его сфотографировать могилу. Эти фотографии будут свято храниться семьей и невестой майора Мартина, с которой он совсем недавно обручился. Надгробную плиту сделали из простого белого мрамора, и на ней была высечена следующая надпись: "Уильям Мартин. Родился 29 марта 1907 года. Умер 24 апреля 1943 года. Любимый сын Джона Глиндера Мартина и покойной Антонии Мартин из Кардиффа, Уэльс. Dulce et decorum est pro patria mori. R.I.P."¹.

Большого сделать мы не могли, хотя чувствовали себя в долгу перед ним и понимали, что скоро многие тысячи его соотечественников и наших американских союзников, высадившись на берегах Сицилии, будут обязаны ему жизнью. Моя уверенность в этом разделялась к тому времени и начальством. Я сообщил лейтенанту Джуэллу о полном успехе операции. Поскольку нельзя было послать такое сообщение по радио, я написал на обычной почтовой открытке: "Спешу обрадовать Вас, что майору теперь хорошо". Комитет начальников штабов, посылая сообщение премьер-министру (он в это время находился в Вашингтоне), придумал лучше: "Начинка проглочена целиком".

11

НАВОДИМ ПОРЯДОК
В АНГЛИИ

Мы ждали развития событий. И вот тогда-то мы вспомнили, что "Таймс" доставляется в Лиссабон самолетом и что немцы, вероятно, будут следить за списками убитых и раненых, время от

¹Сладостно и благородно умереть за Родину. Покойся в мире (лат.).

времени публикуемыми в газете. Поэтому я проверил, сколько времени обычно проходит между гибелью военнослужащего и сообщением о ней. Оказалось, не больше пяти недель. Значит, если Мартин умер 24 апреля, его фамилия в списке погибших должна появиться в первую неделю июня. Как же поступить? Стоит ли публиковать фамилию майора на страницах "Таймс", не рискованно ли это? Вторжение в Сицилию планировалось на вторую неделю июля; вряд ли немцы считают, что это сообщение должно появиться до начала наших операций. С другой стороны, высадка в Сицилии по каким-либо причинам может задержаться... После некоторых колебаний мы все же решили включить майора Мартина в список погибших. В конце концов, потом нам не придется жалеть, что мы не сделали всего, что могли.

В дальнейшем, правда, мы пожалели об этой маленькой детали, которую прибавили к своему творению. Она причинила нам много беспокойства, но, к счастью, не нанесла вреда делу. Организовать публикацию имени майора Мартина в газете оказалось несложно, нам по-прежнему феноменально везло. Соответствующий отдел адмиралтейства охотно удовлетворил просьбу начальника военно-морской разведки о включении имени майора морской пехоты Уильяма Мартина в список убитых. Не помню уже, как я объяснил эту странную просьбу. Сообщение появилось в "Таймс" в пятницу, 4 июня 1943 г. Мы, вероятно, никогда не узнаем, заметили ли немцы его, а если заметили, то в том же списке они должны были обратить внимание на фамилии контр-адмирала П. Дж. Мака и капитана 1-го ранга Т. Л. Бивора. Незадолго до этого газеты сообщали, что Мак и Бивор явились жертвами авиационной катастрофы над морем. Предположение, что майор Мартин погиб вместе с ними, напрашивалось само собой. А ведь он попал в один список с контр-адмиралом и капитаном 1-го ранга совершенно случайно! Мне хочется думать, что немцы читали "Таймс" от 4 июня 1943 г. и заметили список погибших. Жаль, если это удачное совпадение осталось незамеченным...

И вдруг начались неприятности. Списки убитых и раненых изучались ведомствами, о существовании которых я не подозревал или просто забыл. Я понял, что ждало меня, если бы радиogramмы между нами и атташе в Мадриде шли по обычным каналам! Отдел завещаний адмиралтейства хотел знать, оставил ли майор Мартин завещание, а если оставил, то где оно? Медицинское управление ВМС желало уточнить, убит ли майор Мартин в бою, умер ли от ран, погиб ли, находясь в тылу, и вообще каковы обстоятельства его смерти — это требовалось для статистических отчетов...

К счастью, я успел принять меры к тому, чтобы все запросы относительно майора Мартина направлялись непосредственно мне. Я вовремя предотвратил слишком широкое распространение их. Но мне пришлось иметь дело с теми ведомствами, которые направляли эти запросы, и я долго ломал себе голову, придумывая ответы.

Теперь я по достоинству оценил изречение о том, что человек, решившийся на обман, не представляет себе, какую запутанную сеть он сплетет. Однако я вошел в роль. Начальникам обоих ведомств я сказал, что регистрировать смерть майора Мартина нельзя: он был специальным агентом, выполнявшим важную миссию, и с разрешения первого морского лорда ему, в целях маскировки, присвоили звание майора морской пехоты. В конце концов, мой ответ до некоторой степени соответствовал действительности. Я только "забыл" упомянуть, что он умер до того, как приступил к выполнению "важной миссии" и получил звание майора.

С разрешения начальника разведывательного управления военно-морского штаба я убедил начальника отдела завещаний и начальника медицинского управления ВМС в необходимости строжайшего соблюдения тайны, и они взяли на себя разрешение этой проблемы в своих ведомствах. Так была ликвидирована самая большая опасность утечки, с которой мы столкнулись. Добавлю, что несколько лет спустя, когда я уже демобилизовался, меня однажды вызвали в разведывательное управление ВМС. Они снова получили откуда-то запрос относительно майора Мартина и хотели знать, как я поступил с подобными запросами в прошлом.

На этом закончилось наше участие в операции "Минсмит". Мы сыграли свою роль, лейтенант Джуэлл и майор Мартин — свою. А что делали немцы?

12

НЕМЕЦКАЯ РАЗВЕДКА ИГРАЕТ СВОЮ РОЛЬ

В течение второй половины мая, июня и первой половины июля 1943 г. мы не получали никаких сведений, которые подкрепили бы нашу уверенность в успехе операции "Минсмит". Мы надеялись на прочность немецко-испанских связей и доверчивость немцев. Немцы получили документы настолько ясные и убедительные, что они, несомненно, поспешат поздравить себя с величайшим триумфом своей разведки.

Мы представляли себе, как офицеры немецкой разведки удовлетворенно потирают руки, как они радуются, что органи-

зация, созданная ими в Испании, а также система тесного контакта с ответственными испанскими официальными лицами (чем Канарис¹ особенно гордился) наконец доказала свою ценность. Теперь немецкая разведка могла заглазить вину, которую она чувствовала за собой в связи с высадкой союзников в Северной Африке (тогда немцы, насколько мы могли судить, были застигнуты врасплох).

Иметь возможность представить своему штабу копию письма от заместителя начальника имперского генерального штаба командующему группой армий (и какого письма!) — для разведчика это удивительный сон, осуществление всех его надежд, юношеских мечтаний! Располагая такой информацией, генеральный штаб мог предотвратить катастрофу или нанести противнику сокрушительный удар в самый критический момент.

Именно поэтому я решительно противился стремлению некоторых ответственных лиц использовать наш план для передачи мелкой дезинформации, какая могла содержаться в переписке младших офицеров. Если бы письма майора Мартина были такого уровня, немцы вряд ли стали бы снимать с них копии, а сняв, могли не принять их в расчет при разработке стратегических решений. Но то, что сэр Арчибальд Най написал генералу Александеру, *должно* быть правдой. Заместитель начальника имперского генерального штаба *должен* знать планы союзников. Он не может быть жертвой операции по дезинформации противника. А раз немецкая разведка попала на удочку и приняла письмо за подлинное, то немцы *должны* начать действовать — никакой генеральный штаб, получивший такую информацию от своей разведки (которая к тому же может удостоверить ее подлинность), не откажется принять ее во внимание при разработке стратегических замыслов.

Итак, мы ждали.

Наступил день начала операции "Хаски", высадка прошла успешно. Остров Сицилия представляет собой, грубо говоря, треугольник, стоящий на своей вершине. Союзники высадились ранним утром 10 июля по обе стороны вершины и быстро продвинулись по сторонам треугольника и к центру. Внезапности удара способствовало немало факторов, например плохая погода и период новолуния, но это не поколебало уверенности нашей группы в том, что операция "Минсмит" удалась и что мы внесли свой вклад в успех высадки. По мере того как из Сицилии поступали разведывательные донесения и другие документы, наша точка зрения подтверждалась. Почти не было сомнений, что немцы отказались от усиления обороны Сицилии с юга (где

мы фактически высадились) и занялись организацией обороны на западной вершине треугольника и на северной его стороне. А это имело смысл, если бы мы намеревались нанести по Сицилии отвлекающий удар во время высадки десанта на Сардинию или атаковали Сицилию после взятия Сардинии. Но дело не только в том, что в период, предшествовавший высадке, немцы создавали оборонительные укрепления главным образом на севере Сицилии. Гораздо менее сильной, чем можно было ожидать, оказалась вся система обороны на острове, и особенно неэффективной — оборона в южной и восточной частях его. Точка зрения официальных лиц относительно операции "Минсмит" была сформулирована в докладе адмирала Каннингхэма: "Чрезвычайно эффективная отвлекающая операция и правильный выбор маршрутов подхода сыграли свою роль". Нам удалось достичь внезапности удара. Насколько мы были обязаны своим успехом операции "Минсмит", удалось узнать через несколько месяцев после окончания войны. Вот как это произошло.

В ожидании демобилизации я составлял отчет о работе, проделанной мною за время войны. Это требовалось сделать для тех, кто, наверное, никогда не выберет время познакомиться с моими записями или решит, что их не стоит читать. Однажды утром, когда я, как обычно, сидел в своем душном кабинете в адмиралтействе, раздался телефонный звонок. Говорил заместитель начальника разведывательного управления военно-морского штаба и при этом так хохотал, что я не мог разобрать его слов. С трудом я уловил, что он вызывает меня к себе. Когда я явился к нему, он, все еще трясаясь от смеха, протянул мне пачку документов. Я сразу узнал их, хотя слова, которые бросились мне в глаза, были написаны по-немецки: "Lieber Grossadmiral"¹. То были письма, которые мы использовали в операции "Минсмит", вернее их немецкие переводы! Они закончили наконец свой длинный путь...

Заместитель начальника разведывательного управления объяснил мне причину своего смеха. Дело в том, что одному офицеру поручили разобрать и перевести на английский язык архивы немецкого военно-морского штаба, захваченные в Тамбахе, в Германии. В то утро офицер-переводчик пришел к нему чрезвычайно взволнованный. Вот что этот офицер сообщил.

Он обнаружил два документа. Один из них — копия чрезвычайно секретного письма заместителя начальника имперского генерального штаба генералу Александеру. И, как сказал офицер, ему кажется, что это письмо — грубейшее нарушение

¹Канарис — начальник Управления разведки и контрразведки гитлеровского вермахта в 1935–1944 гг. — Прим. ред.

¹Дорогой гроссадмирал (нем.).

норм безопасности. Согласно действующим правилам, он должен передать копии соответствующим офицерам в военном министерстве, но предвидя неприятности, которыми чревато это дело, подумал, не захочет ли начальник разведывательного управления ВМС заняться ими сам...

Начались поиски других документов, имеющих отношение к нашей операции. Вскоре мы нашли данные, указывающие на нашу полную победу над немецкой разведкой.

Как мы и ожидали, немцы сразу поняли чрезвычайную важность наших документов для своего главного штаба и не теряли времени. Примерно в начале первой недели мая их агент в Мадриде сообщил в Берлин содержание документов и обстоятельства, при которых они были обнаружены. (В одном, более позднем, документе мы нашли ссылку на тот факт, что сообщения немецкой разведки по поводу планов союзников были переданы немецкому командованию 9 мая, то есть до получения Берлином фотокопий писем.)

Немецкая разведка в Берлине, получив эти сведения, реагировала так, как мы и ожидали: она потребовала у Мадрида данные, подтверждающие подлинность документов. За первым сообщением из Мадрида последовало второе, в котором указывалось, что тщательное расследование будет произведено. Но время не терпело. Берлин, очевидно, оценил важность информации и решил, что подробности, уже полученные из Мадрида, достаточно убедительны. И немцы начали действовать.

Передо мной первый важный документ – заключение немецкой разведки, приложенное к переводу на немецкий язык письма сэра Арчибалда Ная генералу Александру. Оно датировано 14 мая 1943 г., на нем стоит штамп: "Передавать только лично. Не через регистратуру", то есть документы отнесены к разряду совершенно секретных. Письмо и заключение передали в штаб военно-морских сил, и 15 мая начальник штаба поставил на письме свои инициалы и отметил синим карандашом, что командующий ВМС адмирал Дениц должен ознакомиться с ним лично. Последний сделал это, пометив документы зеленым карандашом и удостоверив своими личными каракулями, что прочел их. Кроме Деница и начальника его штаба документы прочитали еще два офицера.

Заключение разведки гласит:

Содержание. Захваченный документ противника об операциях на Средиземном море.

Прилагаются:

а) Перевод захваченного письма из имперского генерального штаба генералу Александру.

б) Заключение (немецкого) генерального штаба.

Остальные разведывательные документы не имеют значения. Тщательное изучение письма, произведенное 3 отделом штаба руководства войной на море, показало:

1. Подлинность захваченных документов – вне подозрений. Предположение, что они специально подброшены нам (это маловероятно), и вопрос о том, знает ли противник, что документы находятся у нас, а не пропали в море, расследуются. Возможно, противник не знает, где документы. Против этого одно обстоятельство – противнику, безусловно, известно, что они не достигли места назначения.

2. Следует принять во внимание, что противник теперь может изменить планы намеченных операций или начать их раньше, хотя это маловероятно.

3. *Предполагаемая дата операции.* Вопрос рассматривается как срочный, однако 23 апреля еще есть время сообщить генералу Александру через курьера (посланного самолетом) о предложении Генри Вильсона использовать Сицилию в качестве отвлекающего объекта при наступлении в восточной части Средиземного моря; Александра просят без промедления сообщить, поддерживает ли он точку зрения Вильсона, "так как мы не можем дальше откладывать это дело". В этой связи имперский генеральный штаб не исключает возможности изменения имеющихся планов операций как в восточной, так и в западной части Средиземного моря; времени для этого, видимо, еще достаточно.

4. *Последовательность операций.* Следует считать, что обе операции будут проводиться одновременно, поскольку в письме говорится, что Сицилия – неподходящий отвлекающий объект для обеих операций.

5. Есть основания полагать, что удар в восточной части Средиземного моря будет наноситься из района Тобрука. Александрия вообще не принимается во внимание, так как в этом случае Сицилия никак не может играть роль отвлекающего объекта.

6. Неясно, ограничатся ли действия против отвлекающего объекта периодом начала операций или они будут продолжаться наряду с фактическими операциями.

7. Из прилагаемого неясно, высадутся ли в восточной части Средиземного моря (на мысе Киллини и в Каламе) только 5-я и 56-я дивизии. Однако только эти две дивизии будут усилены для проведения предстоящих наступательных действий. Вполне возможно, что в наступлении примут участие лишь две дивизии.

8. Следует подчеркнуть, что, как явствует из документа, в восточной части Средиземного моря ведутся большие подготовительные мероприятия. Это весьма важно, ибо вследствие географического положения того района, где находятся наши силы, мы имеем значительно меньше разведывательных данных о деятельности противника в этом районе, чем, скажем, в Алжире.

Когда читаешь этот документ, прежде всего поражаешься тому, что немецкие разведчики сразу же связали себя категорическим утверждением: "Подлинность захваченных документов – вне подозрений". Правда, они предосторожности ради оговариваются, что возможность подлога и степень нашей осведомленности о судьбе документов исследуются, но здесь же отмечают, что первое "маловероятно". По их мнению, мы вряд ли изменим наши планы или начнем наступление раньше намеченного срока. Впрочем, с этой точкой зрения согласится, пожалуй, всякий, кто знаком с работой по планированию и подготовке операций крупного масштаба.

Другим моментом, иллюстрирующим важность умения смотреть на подготавливаемую тобой операцию глазами про-

тивника и исходить из его знания обстановки, является пункт 5.

По утверждению немцев, Сицилия не может служить отвлекающим объектом, поскольку войска, дислоцирующиеся в Александрии, находятся слишком далеко от острова. Если бы наш штаб читал этот обстоятельный документ, его реакция была бы иной. Мы-то знали, что это расстояние вполне преодолимо и войска, находящиеся в Александрии, могут быть использованы для нанесения удара по Сицилии (как это и произошло в действительности).

Нет нужды подробно рассматривать остальные пункты заключения немецкой разведки, так как в следующей главе я расскажу об анализе документов майора Мартина немецким штабом. Этот анализ обнаруживает тщательность, с которой изучались каждое слово и каждый намек в письме сэра Арчибальда Ная.

Передо мной второй доклад немецкой разведки, датированный 15 мая 1943 г.

Содержание. *Об официальной английской почте, прибитой к берегу в районе Уэльвы.*

В беседе, состоявшейся 10 мая 1943 года с имеющим к этому отношение испанским штабным офицером, с которым мы поддерживаем контакт в течение многих лет, удалось выяснить следующее:

1. В руках трупа был обычный портфель. Его содержимое:

(а) Чистый лист обычной белой бумаги, в который были завернуты письма, адресованные генералу Александру и адмиралу Каннингхэму. Каждое письмо в отдельном конверте с обычной формой адреса и предназначено лично адресату. На сургуче отпечаток личной печати отправителя.

Печати находились в отличном состоянии. Письма, которые я держал в собственных руках, также были в хорошем состоянии. Чтобы снять с них копии, испанцы высушили их, а затем поместили на 24 часа в соленую воду.

(б) Гранки брошюры относительно морских десантных операций и фотографии, о которых упоминается в письме Маунтбеттена от 22 апреля. Гранки в отличном состоянии, фотографии совершенно испорчены.

2. У курьера в нагрудном кармане имелся бумажник с личными бумагами, включая его военные документы с фотографиями (по этим бумагам он — тот самый майор Мартин, о котором упоминается в письме Маунтбеттена от 22 апреля), письмо майору Мартину от его невесты, письмо от отца, приглашенный билет в лондонский ночной клуб, датированный 27 апреля.

Следовательно, майор Мартин оставил Лондон утром 28 апреля, в тот самый день, когда самолет разбился недалеко от Уэльвы.

3. Английский консул полностью информирован о случившемся. Как и следовало ожидать, он просил передать ему документы. Эту просьбу отклонили под тем предлогом, что все предметы, найденные вместе с телом, включая бумаги, должны быть представлены местному испанскому магистрату.

После снятия в испанском генеральном штабе копий со всех бумаг им придали первоначальный вид. Создается впечатление, что конверты не вскрывали, в этом я убедился сам. Они будут возвращены англичанам сегодня через испанское министерство иностранных дел.

С точки зрения нашей маленькой группы, это чрезвычайно любопытный документ. Он полностью оправдал все хлопоты по

созданию личности Мартина — "подлинность" майора подтвердила "подлинность" документов, которые находились при нем. Вместе с тем выяснилось, что по воле случая одним деталям немцы придали важное значение, а другие оставили без внимания. Зато правильность основной предпосылки операции подтвердилась полностью: в испанском штабе немцы действительно имели свободный доступ ко всему, что их интересует.

Из этого документа, между прочим, следует, что (как я уже говорил) мы зря беспокоились, не вызовет ли подозрений то обстоятельство, что портфель был прикреплен к поясу майора Мартина цепочкой. Немцам сообщили, что портфель был зажат в руке трупа. Таким образом, нам помогло не только сотрудничество испанцев с немцами, но и близорукость испанцев.

Я не понял упоминания в пункте 1 (а) о "чистом листе обычной белой бумаги", в которую были завернуты письма. Либо это сделал какой-нибудь испанец, чтобы предохранить конверты от загрязнения, либо это лист из гранок брошюры о деятельности "командос". Во всяком случае, мы не обертывали письма бумагой. Кроме того, печати на сургуче были официальными печатями с королевским гербом.

Как мы с удовлетворением отметили, личные письма, лежавшие в бумажнике, без внимания не остались. Значит, наш тонкий ход с письмами "невесты" и "отца" не пропал впустую. Письмо лорда Маунтбеттена адмиралу Каннингхэму, как видно из донесения, сыграло предназначенную ему роль: оно помогло установить личность майора Мартина.

Но это донесение свидетельствует также об одном из самых больших затруднений, с которыми приходится сталкиваться разведчикам при проведении операций по дезинформации. Те, кто их проводит, должны снабдить противника такими материалами, которые заставят его сделать нужные для них выводы. По этой причине необходимо принимать в расчет как способности, так и ум того, кто будет анализировать материал. Я считаю, что наши выводы относительно ума немцев оказались правильными, но мы, пожалуй, переоценили их способности.

Немецкие разведчики по небрежности совершили две чрезвычайно грубые ошибки — обе в отношении дат. Они проявили удивительную беспечность и не позаботились о том, чтобы правильно списать даты. Письмо было датировано 21 апреля, а немцы, либо когда они снимали копию письма, либо когда переводили его на немецкий язык, заменили 21 апреля на 22-е.

В данном случае это не имело значения. Вторая ошибка куда хуже. В отчете есть упоминание о "пригласительном билете в лондонский ночной клуб, датированном 27 апреля". Мы пришли к выводу, что это результат небрежного изучения театраль-

ных билетов. Вторая двойка (22 апреля) была, вероятно, размыта. Приглашение в "Кабаре-клуб" вообще не имело даты, и немцы вряд ли имели в виду счет за пребывание в Военно-морском клубе, датированный 24 апреля, так как он совсем не похож на билет в клуб, и даже испанцы наверняка не ошиблись бы в этом. Поэтому мы пришли к выводу: ошибка произошла вследствие того, что немцы спутали билеты в театр и приглашение в "Кабаре-клуб". Ошибки в датах могли привести к серьезным для нас осложнениям.

Из донесения следует, как мы и хотели внушить немцам, что майор Мартин вылетел из Англии на следующий день после прощального вечера, но из-за ошибки в дате это произошло, по мнению немцев, "утром 28 апреля, в тот самый день, когда самолет разбился неподалеку от Уэльвы". Если бы немцы изучили заключение испанского врача в той его части, где говорится о дне смерти (о заключении врача следовало бы знать по крайней мере их агенту в Уэльве), и связали бы его с датой отлета, они могли бы заподозрить неладное. Испанский врач не без оснований предположил, что авария самолета произошла минимум за пять дней до обнаружения тела. Значит, катастрофа, в результате которой погиб майор Мартин, должна была произойти примерно 25 апреля.

Я плохой философ и не могу сказать, что могло бы последовать за этим выводом. Возможно, найдутся люди, которые скажут, что нам просто-напросто повезло, и если бы кто-нибудь обратил внимание на это несоответствие, наша операция провалилась бы. Надеюсь, меня не обвинят в чрезмерном самомнении, если я не соглашусь с этим утверждением. Мы снабдили испанцев и немцев всеми необходимыми данными, на основе которых они могли сделать нужные нам выводы. Было бы абсурдом говорить, что мы имели право рассчитывать на сравнительно компетентное и умное "сотрудничество" противной стороны, но мы вправе утверждать, что *предоставили* немцам все нужные данные, а немцы *сделали* из них правильные выводы, не обратив при этом внимания на ими же допущенные ошибки.

Так или иначе, немцы поверили, что майор Мартин направлялся в Африку на самолете и что катастрофа произошла в такой день, который не противоречит ни предполагаемой дате вылета майора, ни состоянию, в котором его обнаружили.

Следующий пункт отчета также заинтересовал нас. Он подтвердил наше мнение об эффективности немецко-испанского сотрудничества в Уэльве. Вмешательство военного юриста, из-за чего немцы не сразу смогли получить документы, несомненно, простая случайность. Просьбу британского вице-консула

о выдаче ему документов "отклонили"... Не напрасно мы рассчитывали на испанцев!

Наконец, подтвердился и тот факт, что конверты с письмами были возвращены нам лишь после того, как немецкий агент сам просмотрел их. То обстоятельство, что конверты имели такой вид, будто их "не вскрывали", меня не удивляет. Такое же впечатление создалось бы и у меня, если бы мы не приняли определенных мер.

Итак, мы выиграли: немецкая разведка "проглотила начинку целиком" и приняла документы за подлинные. Однако, как я уже говорил, наша победа была бы бесплодной, если бы немецкий главный штаб не согласился с выводами разведки и продолжал готовиться к отражению высадки на Сицилию. Но этого не случилось – штаб тоже "проглотил начинку" и действовал соответственно.

13

НЕМЕЦКОЕ ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ДЕЙСТВУЕТ

Сведения, почерпнутые из немецких военно-морских архивов, которые мы захватили в Тамбахе, обнаруживают также реакцию на операцию "Минсмит" со стороны немецкого верховного командования. Результаты операции превзошли наши самые смелые ожидания.

Догадки относительно мнения немцев о планах союзников после падения Туниса оказались правильными; больше того, мы недооценивали трудности, с которыми нам пришлось бы столкнуться. В архиве мы обнаружили копию принятого в феврале 1943 г. обращения гитлеровского верховного командования к немецким войскам в Тунисе. В нем говорится, что следующую операцию союзники проведут в Средиземном море и что она будет направлена против одного из крупных островов. В порядке вероятности они поставили Сицилию на первое место, Крит – на второе, а Сардинию и Корсику – на третье. Таким образом, мы совершенно правильно предполагали, что с самого начала немцы ждали нападения на Сицилию. И по мере расширения наших подготовительных мероприятий в западной части Средиземного моря опасения немцев находили бы все большее подтверждение. Мы, естественно, не могли готовиться к захвату Крита, раз непокоренная Сицилия стояла на пути к нему. Мы не ошиблись, полагая, что немецкое командование будет рассуждать именно таким образом. Мало того, в обращении говорилось: "...из сообщений о намечаемых англо-американцами десантных операциях ясно, что противник на-

мерен прибегнуть к обману в самых широких масштабах". Немцы и здесь были правы. И если бы Комитет начальников штабов знал, что противник предвидит обман, я сомневалась, что мы получили бы разрешение на операцию "Минсмит".

Как видно из захваченных документов, немцы придерживались таких взглядов на стратегию союзников вплоть до 9 мая 1943 г., когда их точка зрения полностью изменилась: сообщение о документах майора Мартина дошло до верховного командования.

В этот день немецкая разведка, по-видимому, представила командованию донесение, в котором анализировались сведения, содержащиеся в захваченных письмах. Подтверждением тому служит документ, имеющий следующий регистрационный номер после документа от 15 мая, который приводился в предыдущей главе. Этот документ из немецкого архива гласит:

К моему № 2144/43 от 9.5.43. Изучение полученных материалов позволяет сделать следующие выводы:

1. Ожидается крупная высадка морского десанта в восточной и западной частях Средиземного моря.

(а) Объект операции в восточной части Средиземного моря, которая проводится под руководством Генри Вильсона, — побережье в районе Каламе и участок побережья к югу от мыса Киллини (оба на западном побережье Пелопоннеса). Усиленная 56-я пехотная дивизия высаживается в Каламе, а усиленная 5-я пехотная дивизия — на мысе Киллини. Неизвестно, высадутся ли обе дивизии в полном составе или операция будет проведена частью этих сил. В первом случае противнику понадобится по меньшей мере две-три недели для отдыха и погрузки личного состава, так как на 9.5.43 две бригады 56-й дивизии ведут боевые действия под Энфидавилем. Судя по содержанию письма, противник намерен поступить именно таким образом. Это означает, что высадка может начаться лишь через определенный промежуток времени. Но если высадку предполагается осуществить отдельными подразделениями обеих дивизий, то ее могут начать в любое время, поскольку одна бригада 56-й и одна-две бригады 5-й дивизии, по-видимому, уже находятся в готовности в исходном районе (Египет — Ливия). Кодовое название высадки на Пелопоннесе — "Хаски". Англо-американский объединенный штаб предложил генералу Вильсону провести одновременно отвлекающую операцию на островах Додеканес. На 23.4.43 Вильсон еще не принял решения по данному вопросу.

(б) Объект операции, которую должен провести генерал Александер в западной части Средиземного моря, не упоминается. Шутливое замечание в письме указывает на Сардинию. Кодовое название этой операции "Бримстен". Предполагаемый отвлекающий объект операции "Бримстен" — Сицилия.

2. Полученные сведения необходимо держать в полнейшем секрете. К ознакомлению с ними может быть допущен лишь строго ограниченный круг лиц.

Этот документ доставил мне особенно большое удовольствие. Я поздравил себя с тем, что немецкий агент в Мадриде потрудился послать в Берлин копию письма лорда Маунтбеттена адмиралу Каннингхэму, хотя оно казалось незначительным, а с письмом генералу Эйзенхауэру он этого не сделал. Почему он так поступил? Вполне возможно — из-за намека лорда Маунтбеттена относительно провала в Дьеппе. Этот документ показал

мне также, что шутка насчет сардин достигла цели: "Шутливое замечание в письме указывает на Сардинию". Мы намекнули на Сардинию в другом письме, но в документе об этом ничего не сказано. Пустяки, в докладе такого рода можно простить подобную неточность. Немецкое чувство юмора — большое благо.

Итак, немецкая разведка не раскусила нашего обмана. Теперь ее точку зрения приняло верховное командование. Возможно, благодарить за это надо Гитлера, так как из записей адмирала Деница о его беседах с фюрером мы знаем, что Гитлер был убежден в подлинности документов майора Мартина. После катастрофы в Северной Африке Деница послали в Италию, чтобы он морально поддержал Муссолини. Когда Дениц вернулся из Италии, Гитлер принял его. (Писем Мартина Дениц еще не видел.) Дениц сообщил Гитлеру, что, по мнению Муссолини, союзники нанесут удар по Сицилии. Вот запись из дневника Деница: "Фюрер не согласен с дуче в том, что наиболее вероятным объектом вторжения является Сицилия. Более того, по мнению фюрера, обнаруженные английские документы подтверждают предположение о намерении противника нанести удар по Сардинии и Пелопоннесу".

Итак, Гитлер считал, что мы собираемся высадиться в Греции. Придя к этому заключению, фюрер продолжал твердо его придерживаться, причем настолько твердо, что 23 июля, почти через две недели после высадки союзников в Сицилии, он все еще верил в это и назначил своего любимца генерала Роммеля командующим силами, которые были сосредоточены в Греции. 25 июля Роммель вылетел в Грецию, вскоре его оттуда спешно отозвали и назначили командующим войсками в Италии.

Но несправедливо обвинять одного Гитлера. В тот самый день, 14 мая, когда Гитлер высказал несогласие с мнением дуче, в официальном дневнике Деница было зарегистрировано, что генеральный штаб сухопутных сил пришел к окончательному выводу, что документы майора Мартина подлинные и высадка союзников состоится в Сардинии при одновременном отвлекающем ударе по Сицилии. Значит, к 14 мая 1943 г. штаб и сам фюрер окончательно убедились в правильности подсказанного им вывода. Операция "Минсмит" удалась полностью. Теперь мне оставалось выяснить, какую практическую пользу это принесло англо-американским силам.

Я не знаю, что конкретно предприняло командование немецких сухопутных и военно-воздушных сил, но о том, что это было нечто значительное, можно судить по приказу, согласно которому 1-я немецкая танковая дивизия двинулась из Франции через всю Европу в Триполис — город на полуострове Пело-

понес, чрезвычайно выгодно расположенный для организации отпора высадке в Каламе и на мыс Киллини. Когда представишь себе колоссальные затраты, связанные с такой переброской целой танковой дивизии (к тому же дивизия в период переброски не могла участвовать в боевых действиях), приходишь к выводу, что уже одно это обстоятельство с лихвой компенсировало усилия, вложенные нами в операцию "Минсмит".

Из немецких архивов мы узнали также, что гитлеровское министерство иностранных дел получило указание предупредить турецкое правительство о переброске немецких войск и кораблей в Грецию. Мы перестали удивляться этому мероприятию, когда узнали, в каких широких масштабах велась подготовка к отражению высадки десанта в Греции. Я уже указывал, что не имею сведений о мероприятиях, предпринятых командованием сухопутных войск и авиации, но, судя по действиям немецкого военно-морского флота, относительно которых мы обнаружили в архиве более подробные данные, армия и военно-воздушные силы провели значительную подготовку.

22 мая командующий военно-морскими силами приказал¹ поставить три новых минных заграждения у греческого побережья, из них одно – у побережья в районе Каламе. Немецкий адмирал, командующий зоной Эгейского моря, получил приказ взять под контроль минные заграждения, которые создавались итальянцами у западных берегов Греции, а на территории, находящейся под итальянским контролем, были установлены немецкие береговые батареи. Таков далеко не полный перечень мероприятий, срочно предпринятых немцами, которые были уверены в том, что все побережье Греции и греческие острова находятся под угрозой вторжения.

Кроме того, немцы развернули базы торпедных катеров, наблюдательные посты, усилили патрулирование подходов к Греции с моря и приняли другие меры предосторожности, – короче говоря, они делали все, что было в их силах.

Дивиденды от операции "Минсмит" росли, а то, что их приносила именно наша операция, мы установили по документам, из которых явствовало, что все перечисленные выше приказы немецкого командования основывались на письмах майора Мартина (деталь, о которой из соображений безопасности умалчивалось в боевых приказах).

В начале июня немцы перебросили большую группу торпедных катеров с Сицилии в Эгейское море! Наши дивиденды действительно быстро возрастали.

Между тем и в западной части Средиземного моря события

¹ См. Приложение I.

развивались самым благоприятным для нас образом. В подтверждение я могу сослаться на приказ начальника главного штаба германских вооруженных сил фельдмаршала Кейтеля, изданный 14 июня от имени Гитлера. Приказ¹ основан на уверенности немцев в том, что мы используем Сицилию в качестве отвлекающего объекта при нанесении удара по Сардинии и, следовательно, она также подвергнется нападению. (Точно так же они считали Додеканезы отвлекающим объектом операции в восточной части Средиземного моря; см. Приложение I и донесение немецкой разведки от 15 мая.) То, что этот факт принимался во внимание немецким главным штабом, видно также из размещения немецких оборонительных средств на Сицилии; я уже указывал на это.

Мы обнаружили также документы, из которых следовало, что по специальному приказу, изданному от имени Гитлера, в июне на Корсику было отправлено мощное танковое соединение. С этого времени немцы начали делать особый упор на укрепление Сардинии и Корсики, а следующим по очереди считался северный берег Сицилии.

9 июля, за день до того, как мы высадились в Сицилии, Кейтель издал пространный документ, подготовленный, по его словам, Деницем. В нем оценивалось не только положение в восточной и западной частях Средиземного моря, но и давалась характеристика будущей стратегии союзников, основанной на операциях в обоих этих районах. В документе указывается, что удар по всем трем островам – Корсике, Сардинии, Сицилии (либо одновременно, либо по очереди), как и высадка в Греции, вполне возможен. По мнению Деница, союзники располагают в Северной Африке достаточными силами для проведения обеих операций, а также для развития успеха после захвата плацдарма в Греции. Он считает высадку десанта крупными силами на побережье Италии (даже после захвата итальянских островов) маловероятной по той причине, что здесь могут быть быстро сосредоточены силы для отражения удара, в то время как в Греции не имеется возможности быстро подтянуть подкрепления и необходимые материальные средства. Дениц учитывает и то, что высадка в Греции откроет союзникам путь к румынской нефти и будет иметь далеко идущие политические последствия не только для Румынии, но и для Венгрии. Наконец, Дениц, с согласия Кейтеля, приходит к заключению, что "ударные силы в западной части Средиземного моря готовы к атаке, которая может начаться в любое время" (как он был прав!), в то время как "силы в восточной части еще только формируются" (как он

¹ См. Приложение II.

был не прав: они приняли участие во вторжении на Сицилию!).

Ранним утром 10 июля наши войска высадились в Сицилии. Но немцы не могли поверить, что это подлинная атака (и что, следовательно, документы майора Мартина подложные). Германское верховное командование приказало создать специальный пост на берегах Гибралтарского пролива для наблюдения за конвоями, которые будут, по его предположению, следовать к Корсике и Сардинии. Немцы все еще думали, что высадка в Сицилии (хотя и не с той стороны острова, где они ожидали) — диверсия, предпринятая с целью отвлечь внимание от направления главного удара.

Однако к 12 июля уверенность немцев в подлинности документов майора Мартина начала слабеть; вторжение в Сицилию продолжалось уже два дня и совсем не походило на отвлекающую операцию.

Мы нашли переписку между главнокомандующим германскими военно-морскими силами в Италии и штабом ВМС. Главнокомандующий горько сетовал, что отправка отряда торпедных катеров в Эгейское море ослабила оборону Сицилии. В Сицилии испытывался "хронический" недостаток в малых кораблях, и отправка целого отряда катеров серьезно ослабила оборонительные силы и ухудшила положение с охранением транспортных. В ответе штаба ВМС говорится, что, по данным разведки, союзники так заняты в Сицилии, что высадка в Греции маловероятна, пока сицилийская операция не будет завершена. Поэтому "на данное время (неужели верховное командование и Гитлер все еще находились под влиянием операции "Минсмит"?) оборона Греции должна отойти на второй план. Из этих соображений дополнительная отправка семи катеров из 11-й флотилии в Эгейское море была отменена.

На этом влияние операции "Минсмит" на действия германского командования наконец закончилось, если не считать тех немецких войск, которые попусту тратили время в Греции.

Результаты, достигнутые нами, можно суммировать следующим образом.

Мы обманули испанцев, сотрудничавших с немцами. Мы провели немецкую разведку как в Испании, так и в Берлине. Мы провели германское верховное командование. Мы обманули Кейтеля, и, наконец, мы обманули самого Гитлера, который верил нам до конца июля.

Что касается восточной части Средиземного моря, то мы заставили немцев вложить колоссальные усилия в оборону Греции, включая постановку минных заграждений, развертывание береговых батарей и т. д. Мы вынудили их сосредоточить войска в Греции. В состав этих войск входила танковая дивизия,

которую пришлось перебрасывать через всю Европу. Для немцев все эти мероприятия явились совершенно напрасной тратой сил и потенциально ослабили оборону Сицилии и Италии.

В западной части Средиземного моря мы добились усиления оборонительных сооружений и войск на Корсике и Сардинии за счет Сицилии. Наряду с этим оборонительные средства на Сицилии в значительной степени были отвлечены с тех участков побережья острова, где союзники фактически высадились. Мы заставили немцев отправить торпедные катера с Сицилии в Эгейское море и тем самым пробили брешь в их обороне.

Все это подтверждается документами того времени, и, на мой взгляд, я справедливо могу считать, что дивиденды от операции "Минсмит" оказались поистине колоссальными — значительно большими, чем мы могли надеяться при всем нашем оптимизме. А сколько жизней англичан и американцев спас "человек, которого не было", и какое влияние на ход войны оказали приключения майора Мартина, пусть определяют другие.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД

Вместо того чтобы закончить это повествование в несколько приподнятом тоне — словами благодарности человеку, который после смерти стал "майором Мартином из королевской морской пехоты", — мне хотелось бы добавить кое-какие детали, которые помогут правильно определить мою собственную роль в операции "Минсмит".

На основании данных об успехе операции "Минсмит", ставших известными нам уже в 1944 г., меня наградили орденом Британской империи III степени. Когда его величество прикрепила орден к моему мундиру, он спросил меня, где я его заслужил. Я ответил:

— В адмиралтействе, ваше величество.

Его величество поднял брови и спросил:

— А за что вы его получили?

Он застал меня врасплох, и я смог только ответить:

— За участие в подготовке операции "Хаски", ваше величество.

Этот ответ помог мне самому понять, что операция "Минсмит", со всем ее обаянием, была всего лишь составной частью одной из операций второй мировой войны.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Копия директивы оперативного отдела штаба руководства войной на море от 20 мая 1943 г.

Совершенно секретно

Только для высших офицеров

Верховному командованию вооруженных сил/Оперативному управлению
главного штаба вооруженных сил.

К о п и я: Командованию группы военно-морских сил "Юг"

Главнокомандующему военно-воздушными силами

Начальнику отдела Ia (морская авиация) оперативного отдела штаба
ВВС капитану 1-го ранга Мозелю

Главному командованию сухопутных сил/офицеру связи ВМС при гене-
ральном штабе сухопутных сил капитану Вейгольдту.

Штаб руководства войной на море тщательно изучил возможность высадки
десанта противника на юго-востоке Европы и пришел к следующим выводам:

I. 1) Следует считать возможной высадку десанта противника не только в
западной части Средиземного моря, но и в восточной, хотя в настоящее время
достоверные сведения о подготовке большого количества судов для высадки
десанта получены только из западной части Средиземного моря.

2) Вероятные районы высадки десантов:

(a) Район А Р Т А - П И Р Г О С: заливы Артский и Патрский, побережье к
югу от мыса Киллини, побережье к северу и югу от Пиргоса, а также острова в
этой зоне, в особенности Корфу и Кефаллиния.

(б) Южное побережье полуострова Пелопоннес: Пилос, залив Мессиниакос
(Каламатский) и залив Петалион.

(в) К Р И Т: вероятнее - северное побережье; на южном побережье - залив
Месарас и Иерапетра (незначительными силами).

(г) Р О Д О С.

(д) Острова в Эгейском море - Лерос, Милос, Хиос, Митилини и Лемнос.

(е) Восточное побережье полуострова ПЕЛОПОННЕС и центральная часть
ГРЕЦИИ: залив Арголикос, залив Петалион.

(ж) С А Л О Н И К И: залив Салоники, залив Орфану.

(з) Ф Р А К И Я: залив Кавалла и побережье к востоку от острова Тасос.

3) Следует предположить, что противник вначале попытается высадить
десант там, где, по его расчетам, он встретит наименьшее сопротивление и
сможет добиться наибольших результатов в кратчайший срок. Вследствие этого
в настоящий момент можно исключить возможность высадки десанта на КРИТ;

в связи успешным ходом работ по созданию укрепрайона на КРИТЕ союзникам
пришлось бы нанести удары на вспомогательных направлениях для овладения
аэродромами на Додеканезах и Пелопоннесе, что потребовало бы значительных
усилий. Далее, с захватом КРИТА противник решил бы лишь часть постав-
ленных перед собой задач. Бросок мимо КРИТА - в ЭГЕЙСКОЕ море - с целью
овладеть наиболее важными островами и высадиться на восточном побережье
ПЕЛОПОННЕСА и в центральных районах ГРЕЦИИ также представляется
маловероятным. Не следует принимать в расчет и удар в районе САЛОНИКИ
и ФРАКИИ. В случае проведения этих операций противнику потребовались бы
значительные силы для защиты коммуникаций, неизбежны и крупные потери,
поскольку немецкие воздушные и легкие военно-морские силы (торпедные ка-
тера) имеют возможность вести боевые действия с КРИТСКОЙ базы.

4) По мнению штаба руководства войной на море, противник, вероят-
нее всего, попытается высадиться на западное побережье Греции, где район
КОРФУ - АРТА - ПИРГОС сулит наилучшие перспективы.

Вероятные направления ударов: с севера в направлении ЛАРИСА - ВОЛОС
с целью отрезать Центральную ГРЕЦИЮ от ПЕЛОПОННЕСА; в центре для
дальнейшего наступления в Центральную ГРЕЦИЮ и АТТИКУ; на юге - удар
по КОРИНФСКОМУ перешейку. Острова в этом районе (особенно КОРФУ и
КЕФАЛЛИНИЯ) могут стать для противника весьма ценными базами. На ис-
ключительное значение этих островов следует обратить особое внимание.

Одновременно вероятны высадки десантов на вспомогательных направле-
ниях: в бухте НАВАРИН (удобный порт для военно-морских сил, которые будут
прикрывать десанты и обеспечивать защиту коммуникаций), КАЛАМЕ (аэ-
родром) и, возможно, в МАРАФОНСКОМ заливе. Вспомогательный удар - че-
рез ТРИПОЛИС по КОРИНФУ. Одновременно или несколько раньше следует
ожидать отвлекающей операции против островов ДОДЕКАНЕС (РОДОС).

II. Наши силы обороны в угрожаемых районах невелики. Однако, по мне-
нию штаба руководства войной на море, высадка десанта будет отражена, если
противник нанесет удар ограниченными силами. По сведениям генерального
штаба сухопутных войск, которые известны штабу руководства войной на море,
в восточной части Средиземного моря противник располагает в настоящее
время лишь несколькими дивизиями. Его транспортные средства могут обес-
печить лишь эти силы.

Учитывая сказанное выше, необходимо принять все меры к тому, чтобы в
кратчайший срок усилить оборону угрожаемых районов. Вопрос о создании
второй линии обороны (ориентировочно в зоне Северная ГРЕЦИЯ - САЛО-
НИКИ) можно будет лишь рассматривать после этого.

III. Штаб руководства войной на море предпринял или намерен предпри-
нять следующие срочные меры:

1. Постановки минных заграждений: в районе КАЛАМЕ - в процессе за-
вершения; в проливе Китирон - завершена; в проливе Антикитира - в процессе
подготовки. Командующему военно-морскими силами на Юге добиться от
итальянцев постановки минных заграждений у западного побережья ГРЕЦИИ.

2. Установка береговых батарей, в том числе в районах, занятых итальян-
скими войсками (миссии верховного главнокомандующего сухопутными вой-
сками запрачивалось).

3. ПИРЕИ и САЛОНИКИ предполагается использовать в качестве главных
пунктов базирования военно-морских сил, и они будут соответственно обеспе-
чиваться предметами материально-технического снабжения. Снабжение остро-
вов МИЛОС, ЛЕРОС и ЛЕМНОС, как вспомогательных баз флота, будет огра-
ниченным.

4. Изучается вопрос о развешивании на ПЕЛОПОННЕСЕ и КРИТЕ
операционных баз подводных лодок.

5. Достигнута предварительная договоренность с главнокомандующим не-
мецкими ВВС на Юго-Востоке относительно разведывательных и наступа-

тельных операций ВВС в период, предшествующий высадке десанта противника (атаки с воздуха конвоев с десантными войсками в портах отплытия и минирование этих портов силами авиации).

6. Ведется подготовка к патрулированию кораблями береговой обороны вод к западу, югу и востоку от КРИТА.

7. Готовится командный пункт для командующего военно-морскими силами на Юге в САЛОНИКАХ с целью обеспечить непрерывность руководства в случае, если возникнет необходимость передислоцировать штаб.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Копия директивы начальника штаба при верховном командовании от 14 июня 1943 г.

Главному командованию ВМС
Штабу руководства войной на море
Генеральному штабу сухопутных войск
Генерал-инспектору бронетанковых войск
Совершенно секретно

А. ФЮРЕР издал следующий приказ об усилении обороны САРДИНИИ и СИЦИЛИИ:

1) Генеральный штаб сухопутных войск должен осуществить нижеследующие мероприятия:

(а) Обеспечить каждый из островов инженерным пехотным полком численностью в 4 батальона с полковым штабом и штабной ротой. В случае необходимости могут быть использованы 3 маршевых батальона июньского призыва, направленные в ИТАЛИЮ. ФЮРЕР особенно подчеркнул необходимость обеспечения подразделений оружием, пригодным для отражения атак силами танков и пехоты. Для этой цели можно использовать даже французские 25- и 37-мм противотанковые орудия.

Части должны быть готовы выступить к 28.6.43. Если к этому времени не удастся получить противотанковые орудия, необходимые для СИЦИЛИИ, они должны быть направлены на остров не позднее 20.7.

(б) Направить на САРДИНИЮ дивизион крепостной артиллерии для усиления береговой обороны.

Состав — 2 батареи 170-мм орудий,
1 батарея 100-мм орудий.

Подготовить к отправке в возможно более короткий срок.

(в) Обеспечить подразделения, выделенные для обороны САРДИНИИ, противотанковой артиллерией из расчета одна батарея (12 противотанковых орудий) на каждый полк.

Каждая моторизованная пехотная рота СИЦИЛИЙСКИХ подразделений должна иметь 2 противотанковых орудия. Если нет возможности немедленно вооружить эти подразделения тяжелыми и средними противотанковыми орудиями, следует воспользоваться легкими противотанковыми орудиями. Однако противотанковые батареи необходимо как можно скорее вооружить тяжелыми и средними противотанковыми орудиями.

(г) Увеличить САРДИНСКУЮ танковую роту до бронетанкового батальона с количеством танков не менее 50 (из которых не менее 25 типа "Т-IV"), для чего придать ей необходимые пополнения и вооружение, подготовив их к отправке в кратчайший срок.

(д) Создать бронетанковую роту из 20 танков "Т-IV" для 215-го танкового батальона в СИЦИЛИИ. (Эта рота должна компенсировать переведенную в дивизию "Германа Геринга" роту "тигров".) Отправку подготовить к 15.7.43.

(е) Усилить роту связи на острове САРДИНИИ несколькими отделениями радиосвязи.

2) Верховному командованию военно-морских сил создать дивизион береговой артиллерии из 3 заново укомплектованных батарей и передать их главнокомандующему вооруженными силами на Юге для отправки на СИЦИЛИЮ в случае надобности.

3) Любые другие требования главнокомандующего вооруженными силами на Юге должны выполняться только после осуществления вышеуказанных мер, если не будет нового специального приказа.

Б. 1) Генеральный штаб сухопутных войск сообщит верховному командованию союзных сил/оперативному управлению главного штаба вооруженных сил:

(а) Предполагаемое вооружение полков укрепрайонов противотанковыми орудиями (с указанием калибра) и другим тяжелым оружием (включая пехотные гранатометы).

(б) Распределение противотанковых орудий по калибрам среди других вновь созданных подразделений и требуемое пополнение.

(в) Сроки, в которые подразделения усиления будут готовы к отправке.

2) Верховному командованию вооруженных сил сообщить оперативному управлению главного штаба вооруженных сил о готовности к отправке подразделений береговой артиллерии.

3) Ответственность за быстрейшую переброску указанных подкреплений возлагается на главный штаб (отдел зарубежных операций).

(Подпись) Кейтель

Верховное командование вооруженных сил,
Оперативное управление главного штаба вооруженных сил,
№ 002820. Совершенно секретно.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Джек Хиггинс. ОРЕЛ ПРИЗЕМЛИЛСЯ</i>	5
<i>Ивен Монтегю. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО</i>	295
Предисловие к английскому изданию	297
От автора	298
1. Возникновение идеи	299
2. Предварительные справки	303
3. Операция "Минсмит"	306
4. Важное письмо	311
5. Майор Мартин из королевской морской пехоты	319
6. Создание личности	327
7. Майор Мартин собирается на войну	334
8. Путешествие на север	338
9. Спуск тела	340
10. Майор Мартин прибывает в Испанию	344
11. Наводим порядок в Англии	347
12. Немецкая разведка играет свою роль	349
13. Немецкое верховное командование действует	357
Заключительный аккорд	363
Приложение I	364
Приложение II	366

ОПЕРАЦИЯ „АДЛЕР“

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
 Редактор *Е. Б. Салынская*
 Художник *В. И. Андреев*
 Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
 Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 8315

Сдано в набор 12.10.90. Подписано в печать 16.04.91. Формат 60 X 84^{1/4}. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура „Сенчури“. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л. 23,71. Тираж 200 000 (100 001—200 000) экз. Заказ № 3548. Цена 6 руб.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Мнусская пл., 7.

Отпечатано с диапозитивов в типографии издательства „Горьковская правда“. 603006, г. Нижний Новгород, ГСП-123, ул. Фигиер, 32.